

812

**ЮЖНЫЕ ГОВОРЫ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

81.2

ректор

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Институт языка, литературы, востоковедения и письменного
наследия имени А. Рудаки

Джураев Г., Неменова Р.Л.,
Мурватов Дж. и др.

ЮЖНЫЕ ГОВОРЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Т.1

Ответственные редакторы за выпуск:
Джураев Г., Махмудов М.

Рецензенты:

Доктор филологических наук,
профессор—*Ш.Исмоилов*
Старший научный сотрудник Института языка,
литературы, востоковедения и письменного
наследия АН РТ, кандидат
филологических наук—*С.Мирзоев*

Издательство «Дониш»
Душанбе 2013

3050

ALISHER NAVOIY NOMIBAGI
ToshDO'TAU
AXBOROT-RESURS MARKAZI

83

ББК 81.2тадж-4+82.3(2тадж)

А40

Южные говоры таджикского языка. Джураев Г., **Неменова Р.Л.,**
Мурватов Дж. и др. Под общей редакции проф. **В.С. Рассторгуевой.**
Душанбе :Дониш, 2013 .-367 с.

Книга «Южные говоры таджикского языка» состоит из двух томов. Данный том посвящается описанию разделов фонетики, морфологии и лексики. Во втором томе представлена синтаксическая структура говоров. Работа рассчитана на специалистов—диалектологов, иранистов и широкий круг читателей.

ISBN 978-99947-947-2-0

ИМАНИНДОН ВИТОВАИ ИШИЛЛА

Ташкилот

ИМАНИНДОН ВИТОВАИ ИШИЛЛА

Предисловие к изданию

Таджикская диалектология начавшая свою более чем столетнюю историю в 1861 году с появления в свет работы профессора Казанского университета В.В. Григорьева «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кошгаре», в 70-80 годы 20-го века достигла своего пика. После издания фундаментального труда В.С.Расторгуевой «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» (1964), положившего новое направление в таджикской диалектологии, Отделом диалектологии Института языка и литературы им. Рудаки АН Республики Таджикистан (в данное время Институт языка, литературы, востоковедение и письменного наследия им. Рудаки АН Республики Таджикистан) была запланирована разработка двух тем: «Системное исследование южных говоров таджикского языка» и составление «Словаря южных говоров таджикского языка», которые завершились в конце 70-ых годов.

Результатом исследования первой темы стало появление пятитомного труда «Шеваи чанубии забони тоҷикӣ» (Южные говоры таджикского языка), изданного в 1979-1985гг.

Этот труд получил высокую оценку как со стороны отечественных, так и зарубежных специалистов, а его авторы в 1989 г. было удостоены звания Лауреата государственной премии Таджикистана им. Абуали ибн Сино в области науки и техники.

Поскольку данный труд таджикских диалектологов вызвал интерес диалектологов других стран, по предложению московских коллег Институт языка и литературы им Рудаки принял решение издать эту коллективную монографию в сокращенном варианте в двух частях на русском языке: в первой части представлены фонетика, морфология и лексика южных говоров; вторая часть охватывает синтаксис простых и сложных предложений, внутреннее членение южных говоров и образцы разговорной речи. Работа была завершена под общей редакцией Заслуженного деятеля науки Таджикистан, Лауреата государственной премии Республики Таджикистан имени Абуали ибн Сино в области науки и техники, профессором В.С.Расторгуевой. Научную редакцию выполнили доктор филологических наук, профессор Р.Гаффаров и кандидат филологических наук С.В.Хушнова. Перевод работы в целом осуществляла один из авторов данного труда Р. Л. Неманова.

Таким образом, монография «Южные говоры таджикского языка», подготовленная к изданию в 1992 году в течение более двадцати лет хранилась в архиве Института, ожидая своей публикации.

На сегодняшней день некоторых из авторов, в числе которых С. Атобуллаев, Р. Гаффаров, Р. Л. Неменова, Дж. Мурватов, А. Л. Хромов и руководитель темы В. С. Расторгуева, уже нет в живых. Поэтому думается, что издание монографии «Южные говоры таджикского языка» на русском языке не только представляет результаты коллективного труда таджикских диалектологов широкому кругу зарубежных читателей и специалистов-востоковедов, но и увековечит память ушедших авторов, внесших весомый вклад в развитие таджикской диалектологии.

Поскольку работа была подготовлена к печати в конце восьмидесятых годов прошлого века, то административные названия сохранились в том виде, которые были официально признанными в те годы. Учитывая типографические трудности кое-где сократили текста и примеры пересмотрены, обновлены и дополнены кандидатом филологических наук М. Махмудовым.

Г. Джураев,
главный научный сотрудник, профессор

Введение

Большая работа по изучению диалектов таджикского языка, уже более полувека проводимая учеными Таджикистана совместно с центральными исследовательскими учреждениями, дала значительные результаты. Обширные материалы, опубликованные диалектологами-таджиковедами, предоставили данные об основных типах диалектных расхождений в таджикском языке и об основных группах таджикских диалектов как об определенных территориально-языковых системах. Богатство собранного материала позволило не только продолжать на его базе диалектологическое изучение еще не обследованных территорий, которых в пределах Средней Азии становится все меньше, но и проводить сравнительные исследования обобщающего характера¹. Труды по таджикской диалектологии представляют в распоряжение иранистов, занимающихся вопросами истории языка, изучением языка памятников таджикской литературы классического периода, а также диалектов таджикского и персидского языков, распространенных в Средней Азии, Афганистане, Иране ряд интересных и важных фактов, освещающих многие проблемы формирования таджикских говоров и этногенеза таджикского народа.

В своем развитии таджикская диалектология прошла путь от описания отдельных говоров до изучения целых диалектных массивов, представляющих группу системно близких говоров, и грудов сравнительно-обобщающего характера.

Именно к таким исследованиям монография В.С. Расторгуевой «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров» (в дальнейшем «Опыт...») положившей начало новому этапу изучения таджикской диалектологии (Расторгуева, 1964). Исследование В.С. Расторгуевой, заслуженно получившее высокую оценку как советских, так и зарубежных иранистов, на основе обширного фактического материала, охватывающего все типы известных в настоящее время говоров таджикского языка, наглядно показало общую исходную для всех таджикских говоров систему, основные тенденции и закономерности их разви-

¹ См. аннотированный обзор диалектологических исследований и материалов по говорам таджикского языка, вышедших в свет за период с 1900 по 1960 г. (Расторгуева 1962, 33-36); а также библиографии по таджикской диалектологии за периоды с 1959 по 1969 г. (Махмудов 1970, 275-289) и с 1861- по 1981 (Мурватов, Хайдаров 1982, 294-331).

тия, позволяющие определить и уточнить критерии диалектного членения таджикского языка.

При сравнительном обзоре основных языковых явлений, определяющих систему говора в целом, на фоне их исторического развития от исходной систем до современного состояния автор «Опыта...», опираясь на сопоставляемый материал, представил более уточненную и обоснованную классификацию таджикских говоров, которая отражает действительную группировку современных говоров таджикского языка (Расторгуева, 1964, 154-156).

В 30-х годах прошлого столетия М.С. Андреев на основе краткого обзора некоторых особенностей таджикских говоров подразделил на две группы: **севера- западную и юго- восточную**. Данная классификация диалектов в течение долгих лет была принятой у иранистов. В дальнейшем по мере накопления диалектных материалов в эту классификацию вносились отдельные уточнения. В.С. Расторгуева на основе обобщающего сравнительного исследования таджикских говоров подразделяет все таджикские говоры на четыре основные группы: **северную, центральную (верхнезеравшанскую), южную и юго- восточную**. Каждая из этих групп делится на диалекты, которые в свою очередь распадаются на более мелкие группы говоров (Расторгуева 1964, 156-157).

В предложенной В.С. Расторгуевой классификации особое место занимает вопрос о более точном членении ранее принятой в таджикской диалектологии большой юго- восточной группы таджикских говоров на две группы, четко очерчивающиеся по ряду признаков системного характера, - южную и юго- восточную. Постановка этого нового в таджикской диалектологии вопроса обуславливала дальнейшее, более углубленное его изучение. Надлежало уточнить ареалы каждой из указанных групп, определить их состав, дать сравнительного- обобщающую характеристику говоров и установить изоглоссы языковых явлений, характерных для данных групп. Особый интерес представляет изучение группы южных говоров, поскольку они распространены на территории древних таджикоязычных земель, население которых, по-видимому, уже в первой половине VII в пользовалось таджикским (фарси)² языком. Ряд архаических черт

² Упоминание о первом сохранившемся произведении на таджикском языке содержится в работах: Б.Г.Гафуров. Таджики., М., 1972, раздел «Хуталян в борьбе с завое-

грамматического строя южных говоров, восходящих к раннему периоду становления таджикского языка, а также явления субстрата — следы древних восточно-иранских языков свидетельствовали о своеобразии пути развития и формирования этих говоров. Все эти обстоятельства и выдвинули как первоочередную задачу сравнительно-обобщающее изучение именно южной группы говоров таджикского языка.

Районы распространения южных таджикских говоров находятся в южной и центральной части Таджикистана — это край высоких горных хребтов и предгорий в бассейне правых притоков Пянджа (Аму-Дарья), Сурхоба-Вахша (с притоками Обихингоу, Кзыл-Су южной, Яхсу) и Кафирнигана. Местность по долинам этих рек представляет собой давно сложившиеся историко-географические регионы, носящие названия Нижний Вахио (Вахио Поён), Каратегин, Куляб, Гиссар.

Область сплошного распространения основной массы южных говоров совпадает с границами бывших бегств бухарского эмирата — Каратегинского, Кулябского и Бальджуанского; на территории бывшего Гиссарского бегства южные говоры представлены отдельными вкраплениями и лишь в правобережной привахшской полосе в верхнем течении Кафирнигана они бытуют компактно. Пределом распространения южных говоров на западе можно считать южные отроги хребта Бабатага вблизи границы Таджикистана с Сурхандарьинской областью Республики Узбекистан. Вне этих пределов говоры южного типа засвидетельствованы в ГБАО в Тороне и таджикоязычных кишлаках Ишкашима и Вахана, так называемые бадахшанские говоры (Розенфельд 1971; имеется схематическая карта бадахшанских говоров).

Сплошное распространение южных говоров таджикского языка зарегистрировано в Нижнем Вахио, Каратегине (исключая Джиргитальский район), в северной, восточной и юго-восточной части Кулябского региона, а также в Файзабадской группе селений (правобережье р. Вахш), т.е. именно в районах древней сплошной таджикской оседлости. На западе и в севера западной части Куляба, особенно в привахшском левобережье, включая дангаринское плато, таджики заселяют значительную

вателями», с. 321; В.В. Бертольд. Хутгаль, Т.Ш, М., 1965, с. 555; А.М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хутгала с древнейших времен до X в.н. э. Материалы и исследования по археологии СССР № 15. М.-Л., 1950, с. 113.

территорию, на которой отдельными вкраплениями отмечено тюркоязычное население, вследствие чего западная разновидность кулябских говоров, в отличие от северной, распространена не сплошь, а перемежаясь с языками тюркских народностей (карликов, локайцев и др.). Далее на запад говоры южного типа распространены в бассейне р. Кафирниган, в местности, расположенной между Вахшем и Кафирниганом, а также на правобережье Кафирнигана. Вся эта территория в пределах Гиссара представляет район смешанного населения, и изучаемые говоры встречаются здесь отдельными островками, в одних случаях в виде более или менее значительной группы селений, в других же — распыленно, по несколько семей в селении в окружении представителей иных таджикских говоров или языков.

Таджикские говоры Центрального и Южного Таджикистана давно привлекали внимание исследователей, путешественников, поспешавших эти районы в конце XIX столетия (Арадаренко 1883, 452-453; Снесарев 1906, 40; Логофет 1911, 161). В 1889 г. по Каратегину и Кулябу, будучи еще студентом, проехал известный ученый востоковед А.А. Семенов, который записал от горных таджиков богатый фольклорный материал и отметил дробление наречия этих мест «на отдельные поднаречия и говоры» (Семенов 1900, 2).

После Октябрьской революции начинается специальное изучение таджикских говоров Каратегина, Куляба и Гиссара. Отдельные языковые явления, характерные для говоров этих районов и зафиксированные от представителей Каратегин и Куляба посредством анкет, представлены в работе М.С. Андреева (Андреев 1930).

Некоторые сведения по фонетике говоров Каратегина, Бальджуана (Куляб) и Гиссара содержатся в книге Л. Бузургзода по фонетике таджикского языка (Бузургзода 1940, 38). О некоторых фонетических и грамматических особенностях говоров Куляба и Гиссара упоминается в фольклорной работе Л. Бузургзода и Р. Джалилова (Бузургзоде, Чалилов 1941).

Существенные замечания по фонетике южных, и именно кулябских говоров содержатся в заключительной части работы В.С. Соколовой «Фонетика таджикского языка». Базируясь на опубликованных до 1949 г. материалах по этим говорам, а также на непосредственных наблюдениях над языком кулябцев

(«кулоби³»), издавна населявших Варзоба, автор приходит к заключению о наличии особой системы вокализма в этих говорах. В.С.Соколова определяет основное направление исследования фонетической системы южных говоров (Соколова 1949, 104). Начиная с тридцатых годов и особенно в сороковые и последующие годы текущего столетия ведется изучение таджикских говоров южного типа всех основных районов их распространения.

Изучения каратегинских говоров и сбор полевых материалов в районах их распространения – Каратегине и частично Нижнем Вахио – с 1930 г. в течение ряда лет проводились А.З. Розенфельд. Статья, а затем и книга «Говоры Каратегина» (Розенфельд 1950, 1953) стали результатом этого исследования. Так, А.З. Розенфельд впервые были введены в научный обиход сведения и материалы, характеризующие каратегинские говоры, в частности их грамматическую структуру, в сравнении с литературным таджикским языком, пределы распространения говоров, их внутреннее деление. Большую ценность представляет разговорные тексты, засвидетельствовавшие повседневную диалектную речь каратегинцев и словарь.

Территория распространения кулябских говоров была обследована в 1948 г. специально организованной Институтом языка и литературы Тадж. ФАН СССР диалектической экспедицией под руководством проф. И. И. Зарубина и В. С. Соколовой. В течение трех сезонов (1948-1950) сотрудники экспедиции работали по определенной программе, в результате чего был собран и позднее опубликован обширный полевой материал. результаты Кулябской диалектической экспедиции отражены в ряде статей и монографий (Соколова 1957; Соколова, Неменова, Богорад 1952; Яблонская 1954; Неменова, Богорад 1952; Яблонская 1954; Неменова 1954а; 1954б; 1956; Богорад 1959, 1970), а также в неопубликованных работах⁴. Широкий диапазон кулябских и рогских материалов дал возможность состав южной фонетической системы, противопоставляющейся литературному таджикскому языку и остальным таджикским говорам.

³ «Кулоби» - самоназвание давних выходцев из Куляба и Нижнего Каратегина.

⁴ Не опубликованы диалектные записи фольклорных текстов, сделанный в Ховалинге, Каланаке, Муминабаде, сотрудником Кулябской диалектологической экспедиции Р.Л. Неменовой в 1948-1949 гг., а также работа «Описание говора селения Муллокони (северный Куляб)» с приложением текстов (всего 150 стр. машинописи), написанная сотрудником Кулябской экспедиции 1949 г. А.А. Керимовой.

При характеристике гласных в южных говорах впервые был применен экспериментальный метод измерения, позволивший выявить соотношения гласных южных говоров, как в современном их состоянии, так и историческом развитии. Это положение становилось основой для дальнейшего изучения южных и юго-восточных таджикских говоров.

Сведения о бадахшанских говорах таджикоязычного населения ГБАО Республики Таджикистан впервые приводятся А. Н. Болдыревым в его работе «Бадахшанский фольклор» (Болдырев 1948). А. Н. Болдарев отмечает ряд фонетических и морфологических особенностей горонского говора по сравнению с таджикским и персидским языками и прилагает карту его распространения в соответствии с расселением правобережных горонцев. В статье содержатся также образцы разговорных фраз и повествовательные тексты. Две поездки в Горон (1952, 1955) было предпринято также Ю. И. Богорад, на основе материалов которых ею в дальнейшем было опубликовано краткое описание горонского говора и часть диалектных записей текстов (Богорад 1963).

Одновременно в Гороне и у таджикоязычных жителей Ишкашима был собран материал Т. Н. Пахалиной; её записи (около 300 разговорных фраз) в ишкашимских кишлаках Андароб, Возз, Козиде, Гармчашма не опубликованы.

Большая многолетняя работа по изучению бадахшанских говоров проведена А. З. Розенфельд. В результате систематических поездок в течение ряда лет (1958, 1961-1968 гг.) А. З. Розенфельд был собран обширный материал, характеризующий особенности фонетики, грамматического строя и лексики таджикских говоров, бытующих на территории ГБАО Республики Таджикистана ею в монографии «Бадахшанские говоры таджикского языка» (Розенфельд 1971). Книга предлагает специалистам сведения о фонетике, краткий грамматический очерк, разговорные фразы и повествовательные тексты, отражающие особенности указанных говоров, а также черты быта, материальной и духовной культуры народа. Особую ценность представляют содержащиеся в книге словарь с указателем к нему и схематическая карта распространения бадахшанских говоров.

К работам, посвященным отдельным вопросам грамматического строя южных говоров таджикского языка, относится и ста-

тья И. М. Оранского «О формах 2-го лица множественного числа на= ен/=ин в персидское-таджикских говорах» (Оранский 1970).

Диалектологическое обследование отдельных районов Гиссара, еще в 30-е годы начатое с долины р. Варзоб, выявило наличие здесь отдельных групп населения, связывающих свое происхождение с Каратегином и Кулябом. Тогда же было зафиксировано распространение говоров этих групп в районе Варзоба (Соколова 1949, 105-106; Расторгуева 1952, 21-22).

В 1959 г. вновь организованный в составе Института языка и литературы АН Таджикистана сектор диалектологии начал сплошное диалектологическое обследование районов Гиссарской долины. Работами экспедиции в эти районы, возглавляемой Л.В.Успенской, было установлено, что среди гиссарских таджиков распространены два говора, один из которых бытует в долинной, другой в горной части обследованного района, потому условно и названных соответственно «долинным» и «горным». Изучение этих говоров показало, что «долинный» говор, который сами его носители называют «кулоби» или «гозималики», по ряду признаков сильно отличается от «горного» и сближается с кулябскими говорами. Собранные материалы легли в основу книг Л.В.Успенский, в которой дана характеристика фонетики, грамматического строя и краткие сведения о лексике обоих гиссарских говоров (Успенская 1962).

Исследование особенностей так называемого долинного гиссарского говора сравнительно с горным выявило, что первый, обнаруживая сходные со вторым черты в морфологии, по ряду весьма существенных признаков примыкает к кулябским говорам.

Образцы лексики долинного говора (т.е. говора гиссарских «кулоби») (250 слов) представлены в статье М. Махмудова (Махмудов 1964). Все приведенные слова оказались широко употребительными в кулябских говорах. Таким образом, на лексическом уровне статья подкрепляет данную Л.В. Успенской характеристику долинного говора и вывод её о том, что он примыкает к кулябским говорам.

В 1959-1960 гг. сектор диалектологии организует экспедицию в район Явана (правобережье Вахша), возглавляющуюся О. Джалоловым, который впоследствии опубликовал статью, а затем и книгу о таджикских говорах Явана, ставшими первым описанием говоров таджиков одного из неизученных и весьма

интересных привахшских районов Южного Таджикистана (Чалолов 1961; 1967).

В 1961 и последующие годы сектор диалектологии, продолжая обследование Гиссара, организует также экспедиции в районы Файзабада и Орджиникзеабада, в ряд селений Ленинского (ныне Рудаки) района (левобережье р. Кафирниган). Материалы этих экспедиций частично опубликованы в виде газетных статей. Сведения о говоре таджиков Файзабада представил Дж. Мурватов, который на основании полевых материалов, собранных в к. Файзободи Кухна и окрестных селениях, а также в к. Гумбулак, установил единый тип языка таджиков этой территории и дал первое краткое описание особенностей его фонетики, грамматического строя и лексики, из чего следует, что говор файзабадских таджиков, обнаруживая большое сходство с южными говорами, наиболее сближается с кулябскими (Мурватов 1967). К описанию приложен диалектный словарь.

Обзор опубликованных материалов позволяет прийти к заключению, что к началу шестидесятых годов текущего столетия районы распространения южных говоров таджикского языка были уже в известной степени изучены в диалектологическом отношении: накоплен значительный материал, характеризующий южные говоры, установлены фонологический состав звуковой системы, основные особенности их грамматической структуры, основные районы распространения. При общем интенсивном изучении всех диалектов таджикского языка определилось и их место в отношении других диалектов — северных, центральных и юго-восточных (дарвазских и ванчских).

Обобщение диалектных материалов, проделанное В.С. Расторгуевой, подытоживает результаты работ в таджикской диалектологии за советский период (до шестидесятых годов), раскрывает перспективы и определяет задачи дальнейших исследований. В частности, выявились такие стороны диалектов, которые недостаточно были освещены в работах таджикских диалектологов, определились территории мало или вовсе не изученные в диалектологическом отношении, назрели необходимость в сравнительно-обобщающих характеристиках крупных диалектных групп таджикского языка.

Исходя из этого, сектор диалектологии Института языка и литературы АН Таджикской ССР (с 1961 года отдел диалектологии и истории таджикского языка) строит свою работу по двум

направлениям. Во-первых, сосредоточиваются усилия сотрудников на сборе материалов и изучении малоизвестных говоров таджиков, расселяющихся как в Таджикистане, так и за его пределами в Узбекистане, а также народностей, утративших родной язык и воспринявших таджикский (в частности, таджикоязычные арабы). Работы в этом направлении интенсивно велись в 1961-1965 гг.⁵ Во-вторых, ведется подготовка к сравнительно-обобщающему изучению южных говоров таджикского языка. Работы в этом направлении велись всем коллективом с 1965 г. С самого начала одновременно проводилась подготовка к созданию диалектного словаря южных говоров и написанию обобщающего труда по этой группе говоров.

Результатом всей этой продолжительной собирательной деятельности и кропотливой исследовательской работы коллектива сотрудников отдела диалектологии и истории таджикского языка Института языка и литературы АН Таджикской ССР явилось создание пятитомной монографии «Шеваи чанубии забони тоҷикӣ» («Южные говоры таджикского языка»), в которой методом синхронного описания представлена сравнительная характеристика основных диалектов южной группы: каратегинского, кулябского, рогского и бадахшанского в их взаимосвязях, проявляющихся как в общих для них чертах, также в расхождениях, противопологающих их друг другу. Существенным отличием данной работы по таджикской диалектологии от предшествующих является наличие, кроме достаточно полной характеристики фонетики и морфологии говоров, также детально разработанных разделов по словообразованию, синтаксису простого и сложного предложения и диалектной лексике (как системы), что отвечает требованиям современной науки о диалектах, одной из основных задач которой является всестороннее описание диалекта.

⁵ О результатах неоднократных экспедиций и специальных поездок в долину Ферганы были сообщены в двух статьях Г. Джураева (Джураев, 1965) и их материалы легли в основу исследования Дж. Мурватова о говорах таджиков окрестностей г. Андижана (Мурватов 1974). Г. Джураевым обследованы и описаны говоры таджикоязычных арабов (Чураев 1975). Во время экспедиций и поездок к таджикам Кашкадарьинской области Узбекской ССР М. Махмудовым был собран большой материал, положенный в основу его кандидатской диссертации, а затем и книги о говорах таджиков Китабекского района (Махмудов 1971; 1976). Одновременно в Кашкадарьинской области вел работу Б. Садуллаев, написавший затем исследование о говорах таджиков Шахрисябза, защищенное в качестве кандидатской диссертации (Садуллаев 1972). Таким же образом исследовались Б. Бердыевым рамитские говоры (Бердиев 1979).

В этом отношении авторы предприняли попытку выявить пути формирования южных таджикских говоров и некоторые тенденции и закономерности их развития в общей системе народных территориальных говоров таджикского языка.

Результатом анализа полевых материалов и всестороннего синхронного описания, представленного в монографии, явилось установление ареалов южных говоров, изоглосс отдельных языковых явлений и их комплексов по говорам, уточнение внутреннего членения южной группы и определение отношения ее к прочим диалектным группам таджикского языка. Причем при разработке вопросов формирования и развития южных говоров в целом и отдельных явлений, характеризующих их, привлекались данные таджикского языка раннего (т.н. классического) периода, а также истории и этнографии изучаемых районов.

Монографическое исследование южных говоров таджикского языка "Шеваи чанубии забони тоҷикӣ" в пяти томах общим объемом около ста п.л. не только отражает современное состояние диалектов южной группы, но и рассматривает исторический ход их развития.

Территория распространения современных южных говоров таджикского языка (Южный и Центральный Таджикистан), по свидетельствам историков, к VII-VI вв. до н.э. входила в состав древней правобережной Бактрии, заселенной к тому времени иранскими земледельческими племенами (Гафуров 1972,37). Исходя из наличия в южных и юго-восточных диалектах таджикского языка значительного количества восточноиранских, по-видимому, субстратных элементов (особенно в лексике), можно предполагать, что южные таджикские говоры образовались вследствие вытеснения восточноиранских языков таджикским (фарси), в VII-VIII вв. н.э. уже занимавшим прочное положение в Северо-Восточном Иране, Северном Афганистане и на юге Средней Азии, в том числе и в Южном Таджикистане (Гафуров 1972,373).

Данный труд сокращенно издается на русском языке в двух книгах под названием "Южные говоры таджикского языка". Первая книга содержит фонетику, морфологию, лексику, вторая - синтаксис простого и сложного предложений.

Авторы разделов первой книги: Р.Л.Неменова — «Введение», «Фонетика», «Предлоги и послелоги»; Р.Л.Неменова и А.Л.Хромов — «Глагол»; Дж.Мурватов — «Имена существительные и прилагательные», «Числительные», «Местоимения»,

«Наречии»; С.Атобуллаев —«Союзы», Б.Садуллаев —«Частицы и модальные слова»,«Междометия», Г.Джураев —«Лексика» (раздел «Термины родства и свойства», написанного Г.Джураевым и З.Зайнидиновой).

Авторы разделов второй книги «Синтаксис»: Р.Г. Гаффаров —«Простое предложение»; С.Атобуллаев —«Сложное предложение»; Р.Г.Гаффаров и Р.Л.Неменова — «Заключение».

Значительно сокращенный перевод (два тома) охватывает собственно исследовательскую часть монографии «Шеваи чанубии забони тоҷикӣ» (первые четыре тома), сохраняя структуру и системное изложение фактов. В русском издании, как и в таджикском, в трактовке и изложении языковых фактов так же последовательно проводится сравнение с литературным таджикским языком, по мере надобности привлекаются факты других таджикских говоров, выдерживается принцип системного отражения явлений и фактов, свойственных всей группе южных говоров, как общетаджикских, так и собственно диалектных, рассматриваются особенности, создавшие межговорные отличия внутри южной группы.

Сокращенный перевод научного исследования обусловлен известной переработкой текста. В данном издании сокращению подверглись в основном те разделы и подразделы оригинала, в которых те или иные явления описаны очень подробно.

В текст русского издания внесены также некоторые уточнения в характеристики отдельных языковых явлений.

В предлагаемом издании на русском языке иллюстративные примеры записаны фонологической транскрипцией, принятой в таджикской диалектологии.

ФОНЕТИКА

Вокализм

Вокализм южных говоров таджикского языка отличается особым характером развития гласных заднего ряда, отражающих исторически краткое у и долгие у,о. Исторически краткое у утратило огубленность и, несколько сдвинувшись в смешанный ряд, приобрело новое качество, перейдя в неогубленный гласный заднего ряда ь. Количественно гласный ь характеризуется своей краткостью и способностью к редукции, чем противопоставляется устойчивой фонеме заднего ряда у, восходящей соответственно к исторически долгим о и у. Таким образом, в южном вокализме исторически долгие о и й совпали в количественно устойчивой фонеме у, напр., руз (лит. рӯз) – день, дуд - дым; исторически краткое у отражено южно-таджикской фонемой ь.

Южный тип вокализма насчитывает шесть фонем: и, е, а, ь, у, о.

В отношении территориального распространения указанного типа вокализма можно говорить о двух его формах; о сплошном его распространении и о бытовании отдельными островами среди других говоров таджикского языка и других языков⁶. Рассматривая распространение южного типа вокализма в направлении с юга -востока на юго-запад республики, мы устанавливаем, что самым восточным пунктом бытования этого типа является Горон - район, расположенный по берегу Пянджа между двумя памироязычными районами Шугнана и Ишкашима. Западнее ГБАО южный тип вокализма имеет сплошное распространение в горных регионах: Нижнем Вахио, Каратегине и Кулябе, в том числе в Верхнем Каратегине - районе смешанного таджикско-киргизского населения, в юго-западных районах Куляба, которые также характеризуются смешанным населением (таджики и таджикоязычные народности карлики и локайцы). Географически это бассейн рек Пянджа, Сурхоба-Вахша, Обихингоу, Яхсу, Кзылсу (южный). В бассейне р. Кафирниган южный тип вокализма наблюдается уже отдельными вкраплениями, носителями его являются пришлые группы населения, известные под названиями "кулоби" и "каратегини", которые жи-

⁶ См. карту распространения южнотаджикского типа вокализма в пределах Таджикистана и список населенных пунктов.

вут на территориях со смешанным населением и в окружении таджикских говоров иного типа. Самой западной точкой распространения южного типа вокализма в Таджикистане, зарегистрированной экспедицией отдела диалектологии, можно считать кишлак Чиртак (западной г. Турсунзаде); на севере в пределах республики этот тип вокализма засвидетельствован в верхней части долины р. Варзоб в селениях Зидди у каратегинцев (давних выходцев из Каратегина); на юго-западе - в селениях отрогов хребта Бабатаг, заселенных таджиками. Мы имеем в виду группы таджикского населения, известные под названиями «гозималики» (или «кухбуни») и «даравшури», связывающие свое происхождение с жителями западной части Куляба и Явана.

Единство основы вокализма южного типа не исключает некоторых расхождений, наблюдаемых в различных разновидностях говоров южной группы. Характер расхождений в вокализме говоров этой группы неоднороден и, естественно, в каждом конкретном случае хождения могут быть обусловлены различными причинами. В одних случаях это могут быть факторы, связанные с историей развития и формирования говоров, в других - связи и влияние окружающих говоров и языков, в третьих - явления переходного характера, отмечаемые на стыке говоров различных систем. Чаше, как свидетельствует анализ материалов, расхождения в фонетике (именно в вокализме) не затрагивают самой системы вокализма, а касаются либо различий по говорам в словарном распространении тех или иных гласных фонем, либо представляют собой различия в качественной характеристике комбинаторных вариантов фонем. Некоторые изменения переходного характера наблюдаются в вокализме у далеко выдвинувшихся на юго-запад групп "кулоби", расселяющихся в горах Бабатага (по материалам М. Махмудова и М. Махадова). Отмечен несколько иной состав гласных и в группе "кулоби" селений левого берега р. Кафирниган, на пространстве от Файзабада до Эсанбая (по материалам Б. Бердыева и А. Хакбердыева), а также в ряде селений правобережья реки, преимущественно заселенных давними выходцами из Куляба и Нижнего Каратегина и более поздними - из Файзабада (Кармышева 1976, 60-61).

В указанных группах "кулоби", помимо шести фонем, свойственных южному вокализму, имеется огубленный гласный заднего ряда неустойчивый у. Этот звук отмечен в некоторых сло-

вах. Как можно судить по имеющимся материалам, у "кулоби", населяющих побережье Кафирнигана (как правый, так и левый берега), данное явление носит переходный характер. Это и обусловило в ряде случаев параллельное употребление неогубленного ь и огубленного гласного того же ряда, близкого по качеству к улитературного языка, по количеству же на слух несколько более краткого, чем литературное у под ударением, но более долгого, чем кулябского- каратегинский звук ь.

лит. кулябско- каратег. «кулоби» («гозималики»
и кофарниг.)

гул –цветок,	гъл	гъл/гул
ду –два,	дъ	дъ/ ду
нахуд-горох,	нахът	нахът/ нахут

Следует иметь ввиду, что традиционной системой вокализма в говорах «кулоби» была кулябско- каратегинская, т.е. южный тип, однако длительное воздействие других окружающих их таджикских говоров, а в последние десятилетия также интенсивное влияние литературного таджикского языка, несколько нарушили исконную систему (см. параллельное произношение гъл/ гул). Широкий диапазон и чрезвычайная мутабельность фонемы ь, одним из постоянных позиционных вариантов которой является слабо огубленный краткий звук у (например, в соседстве с губными и переднеязычными щелевыми согласными: кьнӯм - сделаю, бърешӯм- сырец, бьгърум – возьму, под влиянием внешних факторов могли стать основанием для перехода данного варианта в самостоятельную фонему в говорах кофарниганских «кулоби». Подобного рода изменения – возникновение новых фонем из вариантного звучания под влиянием языкового окружения – закономерны для истории развития иранских языков (Соколова 1954, 33- 34).

Основной тип противоположения гласных южных таджикских говоров - противоположение по качеству. Количественный признак, выражающийся в устойчивости и краткости или, как иногда отмечается в специальных трудах по фонетике иранских языков, сверх краткости гласных, если и не имеет фонологического значения, все же в полной мере определяет количественные отношения и противопоставление гласных в их системе. Характерным свойством южного типа вокализма является наличие в его составе фонемы ь, противопоставляющейся остальным пяти фонемам широким диапазоном в своем выявлении и чрезвычай-

ной способностью к редукции, что, собственно, и определяет специфику количественных соотношений всех гласных.

Вследствие этого по признаку устойчивости или неустойчивости гласные южных говоров целесообразно подразделить на три группы:

а) устойчивые фонемы *y, e, o*, почти не изменяющиеся в любом фонетическом положении ни качественно, ни количественно;

б) средние, или нейтральные (термин В.С.Соколовой) фонемы *a, и*, сохраняющие свое качество наиболее отчетливо в ударном как закрытом, так и открытом слоге, но сокращающиеся и изменяющие свои качественные и количественные признаки в безударных слогах комбинаторно, в зависимости от фонетических условий;

в) редуцирующиеся, которые в рассматриваемых говорах представлены фонемой *ъ*.

Качественная характеристика гласных

Фонемы *y, e, o*, будучи наиболее устойчивыми в любом фонетическом положении, в своем звучании сходны по качеству с аналогичными фонемами литературного таджикского языка.

Ф о н е м а *y* - гласный заднего ряда верхней ступени подъема, огубленный. Это закрытый звук узкого образования с ярко выраженной огубленностью, что проявляется и в изолированном его произношении, и в потоке речи. В зависимости от фонетических условий сколько-нибудь заметных отклонений от своего основного звучания (т.е. вариантов) не проявляет. Отличий в произношении этой фонемы по группам южных говоров не наблюдается. Фонема *y* употребляется в говорах во всех фонетических положениях, однако реже она встречается в начале и исходе слова. Примеры на употребление фонемы *y*: *y* (личное местоим. 3 л. ед.ч.), *дур* - дальний, *дуда* - копоть, *зуф* - бот подорожник, *сурат* - картина, *зур* - сильный, *кур* - слепой, *куза* - кувшин, *дуст* - друг, *руз* - день, *гушт* - мясо, *лула* - крупный, *гуспан* - овца.

В начале слова *y* употребляется в следующих случаях:

а) в заимствованных словах: *усал кардан* - обманывать, высмеивать; *узбак* - узбек; *угурак* - ступка;

б) в словах, утерявших начальные *h, x, ɣ* в тех говорах, где эти звуки отсутствуют (южно-кулябских, рогских, бадахшан-

ских); **уч кардан** (рог.) - поднимать; **уй кардан** (рог.) - открывать; **учра** (бд.) - комната для гостей; **ушйор** (бд., рог.) - чуткий;

в) при стяжениях и образованиях с указательным местоимением **у** (лит.он) - тот (в южных говорах повсеместно): **уча** (лит.ончо) - там; **ухо/уво** (лит, онхо) - эни; **ука** (лит.он кадар)-столько; **убарги, улавги** - с той стороны.

В исходе слова **у** засвидетельствовано сравнительно в небольшом количестве слов: **дору** - лекарство, **зардолу /зандолу** - урюк, **ру** - лицо, **му** - волосы, **зону** - колено, **шоту** - лесенка (последнее в Даштиджуме, с-к.). Поскольку для говоров этой группы характерно падение звонких согласных в исходе, в том числе и сонорного **н**, то в словах, где **у** бывает перед **н**, в беглой речи этот гласный оказывается в исходной позиции: **калун/калу** < калон - большой, **йагун / йагу** < йагон - какой-то.

Фонема **у** южных говоров соответствует: литературно - таджикскому **у** (восходящему к исторически долгому **у**), литературно - таджикскому **у** (восходящему к исторически долгому **о**), литературному **о** перед сонорными носовыми **м, н**. Последнее явление, т.е. переход литературного **о** в **у** (в говорах), закономерно наблюдается в севернокулябских, вахиинско-каратегинских, западнокулябских говорах; что касается южнокулябских и гиссарско-кулябских, то в них данное соответствие носит эпизодический характер, в рогских же и вовсе отсутствует.

Звук **у** закономерно возникает также в результате стяжения из сочетания **ав**: **рузан** < равзан - световое отверстие в потолке; **тунист** < тавонист - (он) смог, **нубат/нъват** (с-к.) < навбат - очередь.

Фонема **о**- гласный заднего ряда среднего (примерно третьей ступени) подъема. Качественно не отличается от литературного, встречается, как и в литературном языке, в любых фонетических положениях.

Примеры на употребление фонемы **о**: **ow / об** - вода, **ота** - отец, **бодом / бодум** - миндаль, **пореса / пориса** - застреха, **хорзо** - племянница, **тор** - верх, **тирамо** -- осень.

Сравнительно с литературным языком фонема **о** в южных говорах имеет более узкое словарное распространение, что закономерно выявляется в ряде говоров, во-первых, за счет перехода **о** в **у** перед носовыми **м, н**, о чем упоминалось выше (**нум** < ном - имя, **хуна** < хона - дом и др.), во-вторых, за счет перехода в ряде южных говоров **о** в **а**. Последнее при этом для одним слов характерно повсеместно, для других - лишь в части южных говоров.

Так, фонеме **o** в соседстве с нижефарингальным **x**- в южных говорах регулярно соответствует **a**: **мах**, - месяц, **рах** - дорога, **амрах**; - спутник, **бегах**. - вечер; повсеместно также литературному **o** в начале некоторых слов соответствует **a**: **афтов**- солнце, **офьл** (лит.овил) - хлев; отмечено соответствие **o-a** и в конце слова: **къда**(лит.кудо) - сваты, в рогских и северно-кулябских говорах: **тага**(лит.таго) - дядя (брат по матери), повсеместно засвидетельствовано **гусала / гьсала** (рог.) (лит.гусола) - теленок, **будана** (лит.бедона) - перепелка, **чураб**(лит. чуроб) - чулки, джурабы. Наконец, в ряде селений правобережного Каратегина и верховьев Ёхсу отмечено соответствие **o- a** перед губо-губными **б, w**: **aw** (лит.об.) - вода, **haw** (лит. хоб) - сок, **гaw**(лит. гов) - корова.

Фонема **e** - гласный переднего ряда, неогубленный, среднего подъема, примерно между третьей и четвертой ступенями подъема. В зависимости от позиции в слове и фонетического окружения может изменять качество в пределах своего ряда, становясь то более открытым, то более узким, приближаясь по звучанию к **i**, однако редукции не подвергается. В качественной характеристике произносительных вариантов фонемы **e** по говорам существенных отличий не наблюдается, но в словарном распространении ее полного совпадения нет. По говорам иногда имеем перебой **e / и**: **гелос**(с- к.), но **гилос** (в- кр.) - черешня; **езьм** (к.), но **изьм** (в-кр.) - дрова. Следует отметить взаимозамену фонем **e / и**, в результате чего в одном и том же говоре в ряде слов имеет место параллельное произношение, например: **хеч / хич** - ничто, **хечка / хичка** - никто, **калела / калила** - зеленая оболочка ореха, **зьгер / ьгир** - лён (с-к.). Данное явление в кулябских, рогских и каратегинских (особенно вахиинско- каратегинском) говорах наблюдается и в сочетании **-ex**. При этом как в середине слова, так и в исходе его фарингальный **x** вследствие своей неустойчивости в этих говорах отпадает, и тогда в кулябских и рогских говорах сохраняется **e**: **мемун < мехмон** - гост, **фарбе < фарбex** - тучный, **бex < бexтар** - лучше, а в вахиинско- каратегинском появляется **и**: **мимун** - гость), **мимхуна / мимунхона < мехмонхона** - помещение для гостей; **фарби** - тучный; **битар / битатар < бexтар**; **дарби < дарбex** - заплатка.

Основной вариант фонемы **e** сохраняется в большинстве фонетических положений, особенно четко выявляясь в отчетливом произношении: **e, ей** (частица), **дег** - котел, **сечьк**(назв. растения), **девол** - стена.

В исходе односложных слов е значительно расширяется: те - дай, се- три, хе/ бьхе - встань. То же и в начале слова: езьм - дрова, еча/ елча - гнездо, естод/истод - остановился. Открытый вариант е наблюдается также в соседстве с увулярными и фарингальными согласными: хелидъм-(я) замесила тесто, чьгел - лохмотья, гелидан.- катиться, хеш - свой, родственный (северно - кулябские).

Звук е южных говоров является также несколько более широким и открытым (чем в литературном таджикском языке) в открытом неударном слоге в окружении звонких: зелол - барбарис, зерав - потолочная балка, бедо - ивы. Наиболее широкий вариант е отмечен в слове бест< бьист - стой, где е возникло в результате стяжения исочетания гласных ъ + и.

Узкий, закрытый вариант е отмечен в соседстве с согласными среднеязычной артикуляции: ньшеб - склон, неш - жало, пешуни - лоб, черан(масть лошади), бьпечун/ печон- заверни.

Фонема и - гласный переднего ряда, нео губленный, верхнего подъема. Наиболее отчетливое звучание ивыявляется в начале слова: и< ин - этот, иш<инаш - этот самый; в односложных словах: дид - он видел, пир - старый, зин - седло, сич(назв.растения), шир - молоко; под ударением: шьрин / ширин -сладкий. В безударном слоге ислегка сокращается, но качества своего не изменяет: - риштанить, чигар -печень.Значительно сокращается и в соседстве с глухими согласными, особенно в потоке беглой речи: китоб- книга, - пишак/ пьшак-кошка, тирес<тирез - клин (в одежде). Однако при полном стиле речи восстанавливается полноценное звучание и. В ряде диалектов южной группы фонема и,сокращаясь, переходит в фонему ъ, что создает межговорные расхождения в фонетике.

Так, в западно- кулябских и гиссарско -кулябских говорах обычным считается произношение, близкое к литературному: шикам- живот, шикор- охота, тиреза- окно, бьгирен- возьмите, а в северно-кулябских, вахинско-каратегинских в подобных случаях, как правило, произносят шькам, шькор, тьреза. Распространено также дублетное произношение в одном и том же говоре: тилох/ тьлох (с-к.) - назв. кустарника; шиштиян / пьштиян (з-к. Чавроги Боло) - (они) сели; сидят.

В некоторых словах в южных говорах литературному у закономерно соответствует и; лич< луч - голый, ши /шид<шуд - стал, гичо< кучо -куда, исто <усто - мастер, зардоли< зардолу -

абрикос, **поки** <поку (с-к. Сангдара) - бритва; **мекина** <мекунад - он
делает; **гинох** <гунох - грех (кр.).

В полевых материалах сотрудников отдела диалектологии
ИЯЛ АН Республики Таджикистан в вахинско-каратегинских и
каратегинских говорах (в селениях по правому берегу р.Сурхоб)
отмечено наличие протяженного полнозвучного гласного **и** в от-
крытом безударном слоге перед звонкими и сонантами. Приве-
дем список всех зарегистрированных слов: **сина'** - грудь, **кина** -
люба, **бино** - зрячий, **пири** - старость, **шыра** - сок (но **шырин'** ши-
рин), **зира** - тмин, **бинак** - гадалка, **диҳа** - селение, **пина**-заплате.
Как свидетельствуют наблюдения, полученные в результате записей
на кимографе, объективно звук **и** в этих словах не является
долгим, однако акустически в перечисленных словах **и** в полном
стиле речи при нарочито отчетливом произношении восприни-
мается как протяженный долгий звук.

Фонема **а** - гласный переднего ряда нижнего подъема, нео-
губленный. Диапазон качественных изменений фонемы **а** в со-
позной массе южных говоров, а именно в вахинско-
каратегинских, каратегинских, кулябских (частично в западно-
кулябских и гиссарско-кулябских, а также в рогских, - не столь
широк. Это обстоятельство выявляет несколько большую устой-
чивость **а** сравнительно с фонемой того же переднего ряда **и**.

Основное звучание **а** - передний открытый вариант сохра-
няется отчетливо: **а)** в начале слова: **агане** - **а** (не) -то; **атола** -
похлебка; **адир** - предгорье; **б)** в закрытом ударном и безударном
слоге: **дар** - дверь, **сар** - голова, **гарда'н** - шея, **лафка** - кусок, **кам-
шир** - старуха; **в)** в открытом предударном и ударном слоге в по-
зиции между звонкими и между глухими согласными (за исклю-
чением увулярных и фарингальных): **дара** - ещелье, **бача** - маль-
чик, **ката** - большой, **тапък** - кизяк, **тоза** - чистый. В этом положен-
ний **а** произносится наиболее отчетливо и звонко.

В соседстве с увулярными согласными (**Х,Ф,Қ**) **а** несколько
отодвигается и приобретает шумный тембр: **бахчи** - зачем, **карор**
-спокойный, **халита/ халта** - мешок, **бъкап** - хватай, **нахчир** -
горный козел.

В западно-кулябских говорах, в частности в привахшских, а
также в гиссарско- кулябских говорах во многих случаях в потоке
беглой речи в открытом предударном слоге **а** значительно сок-
ращается и по звучанию приближается к редуцированному глас-
ному **ъ**. Специальная проверка показала, что в этих случаях не

происходит перехода фонемы а в ъ, поскольку в отчетливой речи восстанавливается основной вариант. Примеры: кэду < каду - тыква, кэсал/ касал - больной (з-к. Туткаул); дэ-ин / да ин < дар ин в этом; кэлам < қалам - карандаш, кэра < карда - сделанный; хэми < хамин - этот самый; хэмир < хамир - тесто; нзехьрем < намехурем - не будем есть (г-к.). В многосложном слове а подвергается редуциции в предударном открытом слоге: о-мэ-да-нь-төн < омаданатон - ваш приезд; бэроси - для, ради, эдама < одамхо - люди; мондэгй < мондагй - уставший; рафтаги < рафтаги - ушедший; майдэхак < майдакак - малюсенький (все г-к.).

Особенно широко, распространено сокращение фонемы а в предударном слоге в яванской подгруппе гиссарско-кулябских говоров (сел. Мирзои, Калфи Сават, Зулмобод и др.).

В результате возможности восстановления основного звучания а в полном стиле речи в говорах могут встречаться варианты типа дэра / дара < дара - ущелье, зэдийан/ задийан < задаанд - они были.

Сокращение длительности фонемы а в безударном слоге без утраты её качества - одна из характерных сторон вокализма гиссарско-кулябских говоров. Однако сама по себе неустойчивость а в слабой позиции (в безударном положении) является особенностью не только гиссарско-кулябских говоров, поскольку в той или иной степени то же наблюдается и в других южных говорах.

Редукция а в слабой позиции - это результат внутренних фонетических закономерностей ряда таджикских говоров. Здесь важно иметь в виду другое явление как результат дальнейшего развития процесса сокращения длительности фонемы а в безударном положении, когда происходит утрата её качества: в южных говорах неустойчивый гласный а в слабой позиции втягивается в сферу краткого редуцирующегося ъ. Иными словами, в прочих кулябских (т.е. кроме г-к.), а также в карате гинских и особенно рогских говорах редукция а в слабой позиции - неударном открытом слоге привела к полному переходу фонемы а в фонему ъ; ср. бълан (д) < баланд - высокий, дьрума < даромад - он вошел.

Частично это явление (т.е. переход а в ъ) имеет место и в гиссарско-кулябских говорах, где отмечено параллельное произношение одних и тех же слов с а, ә- вариантом фонемы аи с редуцированным ъ (сафед/ сэфид / сьфед - белый, кашол/ кэшол/ кьшол - тянущийся), что свидетельствует о сложном характере происходящих в данных говорах фонетических процессов. И все

же, как утверждают исследователи, в гиссарско-кулябских говорах, в отличие от иных кулябских, распространенных на территории Куляба (региона), фонема **ъ** значительно реже выступает как соответствие гласным **а**, **и** (даже в безударных слогах), т.е. её словарное распространение за счет фонемы **а**, **и** незначительно уже чем в остальных кулябских (Успенская 1968, 10). Материалы гиссарско-кулябских говоров показывают, что здесь в потоке речи комбинаторно возникает вариант редуцированного **а**, изменяющего основную качественную окраску, однако не переходящего в другую фонему, как в рогских говорах, о чем говорилось выше (**дърума**).

В гиссарско-кулябских говорах, к тому же, столетиями соседящих с говорами, где широкое распространено сокращение безударного **а** (типа **тэраф** - сторона) (варзобский, гиссарский горный, каратегинский (Расторгуева 1952, 20; Успенская 1962, 17; 1956, 11-12, 17), в результате междиалектных контактов это явление закрепилось и стало развиваться в том же направлении, что и у соседей.

В остальных говорах южной группы **а**, как правило, редукции не подвергается, однако в отдельных словах в беглой речи в позиции между глухими или после глухого в открытом неударном слоге оно может сокращаться, благодаря чему также существует дублетное произношение **тараф/ тэраф** - сторона, **фатир/ фэтир** - назв. хлеба. Но поскольку это явление носит необязательный, факультативный характер, можно считать, что для основной массы южных говоров редуцированный вариант **а**, т.е. звук **ъ**, как постоянный вариант в определенной фонетической позиции не выявляется.

Одной из особенностей фонемы **а** в южных говорах является появление протяженного **а** в позиции перед выпавшим этимологическим **э**: **бад / баад** < баэ д - потом; **са́т / саат** < соэ ат - часы; причем слияние гласных в этих словах неизменно дает **а**. Такое же явление - появление протяженного, как бы удвоенного **а** - отмечено и при выпадении последующего нижнефарингального **х** вследствие его неустойчивости: **ша́р / шаар** < шахр - город, **да́н / даан** < дахан - рот, **ва́м / ваам** < вахм - страх.

Фонема **ъ** - гласный заднего ряда, второй сверху ступени подъема, неогубленный. Таков основной вариант ее звучания во всех говорах южной группы в отчетливом произношении: **тъ** < ту - ты; **дъ** < ду - два; **гъл** < гул - цветок; **дъл** < дил - сердце; **кърта** < курта - рубаха, **гандъм** < гандум - пшеница; **дъроз** < дароз **а**

длинный и др. Наиболее часто фонема ь встречается в открытом безударном слоге. В начале слова ь отмечена в слоге, состоящем из одного звука: ь- зан-гу<узангу - стремя, ь-мь-ми<умуми - общий, а также в закрытом слоге: ьмр<еумр - жизнь. Часть этих слов имеет параллельное произношение: ьмр /ььмр; ььмьми/ ььмьми; ььмедвор /ььмедвор/ амедвор - беременная. В исходе ь отмечено в односложных словах, состоящих из открытого слога: ть<ту, дь<ду, нь<нух - девять. Редкое употребление фонемы ь как в начале, так и в исходе слова зависит и от способности этой фонемы к сильному сокращению и редукции. Изменения качества и количества фонемы ь находятся в тесной связи с фонетическими условиями. В этом плане выявляются следующие производительные варианты фонемь.

Основной вариант ее звучания, указанный выше, наиболее четко выявляется в закрытом слоге под ударением: мьн - ядѣст - рука, аргьшт - танец. Отчетливо ь произносится в закрытом и в открытом предударном слоге: дьхтар - девочка, зьмин - земля, съхан - слово, кьда - пень.

В соседстве с согласными: шелевым шумным ш, аффрикатами ч, ч фонема ь становится гласным смешанного ряда, сильно продвинутым вперед. Сохраняя при этом неогубленность, фонема ь в данной позиции воспринимается, как звук, близкий к открытому и (обозначенному в классификационной таблице гласных знаком ь): шьд<шуд - сделаня, чьргот<чургот - кислое молоко, шьмо<шумо - вы, чьрог<чирог - светильник, шькор<шикор - охота, шьшт<шишт - (он) чька сел, <чакра - капля.

В беглой речи возможно еще большее продвижение вперед этой фонемы, вследствие чего возникает возможность полного совпадения или смешения фонемы ь с фонемой и. В результате имеют место дублиеты внутри говоров или соответствия между говорами: шьмо/шимо - вы, шьшт/шишт - сел, чьл/чил - сорок, чьз/чиз - вещь, кошьк/кошик - ложка, чьшм-чишм/чишим - глаз.

Под влиянием согласных губной артикуляции ь в соседстве с м и ш приобретает слабую огубленность и звучит как у/ь: рафтум- я пошел, барум- я отнесу, хорьш - зуд, бьдозьш - положи, шьг/шуг- плетень.

В открытом неударенном слоге фонема ь сильно сокращается и редуцируется вплоть до «нулевого» варианта. Наибольшей степени редукции достигает ь в позиции между глухими согласными: шькоф /шикоф - щель, чькьр < чукур - глубокий. Между

звонкими в беглой речи также возможен сверхкраткий вариант **ь:дъроз** <дароз - длинный, **былан**<баланд - высокий, **бъни** <бини - нос, **гылем**<гилем - палас.

Фонема **ь** в южных говорах закономерно соответствует литературной фонеме **у** в тех словах, где она отражает исторически краткое **у**. Соответствие фонемы **ь** литературным **а,и** в словах, где эти фонемы отражают исторически краткие звуки, не носят абсолютно закономерного характера, как это имеет место в отношении исторически краткой фонемы **у**. Наконец, фонема **ь** в отдельных диалектах (в ограниченном количестве слов, иногда в особых фонетических условиях, например, в соседстве с определенными согласными) соотносится с литературными устойчивыми фонемами **ӯ,у,о**, отражающими соответственно исторически долгие **о,ӯ,а**.

Таким образом, в южных говорах редуцирующаяся фонема **ь** большей частью соответствует гласным неустойчивым - **а,и,у**(из исторически кратких **а,и,у**); при этом закономерным, то есть регулярным, повсеместным, является только её соответствие гласному **у**, восходящему к исторически краткому **у:ъ**<**у(/ӯ)** - **гыл**<гул - цветок; гласным **а,и**она соответствует лишь в наиболее слабой позиции - безударном открытом слоге (**дърахт**<дарахт - дерево; **бъни**<бини - нос).

Соответствия **ь** устойчивым гласным нерегулярны, ограничены небольшим количеством слов и различием по говорам. Например, фонема **ь**<**у** (<**о**) обусловлена влиянием соседних фарингальных (**кь/кьх**<**кӯх** - гора), **ь/у**(< **у**) обусловлена распространением преимущественно в вахинско- каратегинских и северо-кулябских говорах (**хън** <хун - кровь), **ь**<**о** (<**а** - положением перед носовыми **м,н** и распространением только в вахинско- каратегинских говорах (**дъмод**<домод - зять) (ср. в остальных южных говорах в этих словах перед **м, н** употребляется не **ь**, а гласный **ӯ**: **думод**<домод - зять; **дандун**<дандон - зуб. Примеры соответствий южной фонемы гласным современного таджикского литературного языка;

ь<**у** (<**ӯ**): **гыл**< лит. гул-цветок, **бъз**<лит. буз -коза, **хъньк**< лит. хунук - холодный;

ь<**у** (<**у**): **хън** <хун - кровь, **гыт**<тут - тутовник, **ангър**< ангур - виноград (в-кр, с-к. Ёхсу);

ь<**а** (<**а**): **дърахт**<лит. дарахт - дерево; **зъмин**<лит. замин - земля, **дърун**<лит. дарун - внутри, **съфед**<лит. сафед -белый,

бъланд <лит. баланд - высокий, **бърума(д)**<лит. баромад - он вышел, **дърав**<лит. дарав - жатва, **хълос** <лит. халос - избавление;

ь<и (<и): **бъни**<лит. бини - нос, **фъреб**<лит. фиреб- обман, **дъга**<лит. дигар - другой, **гъре**<лит. гирех, - узел, **гълем**<лит. гилем - палас, **нъшеб**<лит. нишеб - склон, **сътора** <лит. ситора - звезда;

ь<у (<о): **къ** /**къ**<лит. кух - гора, **къхна**<лит. кухня - старый, **пъшок**<лит. пушок - одежда, **хърок**<лит. хурок - еда, **мъхточ**<лит. мухточ - нуждающийся;

ь<о (<а): **дъмод**<лит. домод - зять, **данън**<лит. дандон - зуб, **кадъм** <лит. кадом - который.

Весьма характерным является переход фонемы **а** в **ь** в наиболее употребительных служебных морфемах как в закрытых, так и в открытых слогах. Так, по всем говорам произошел переход **а** в **ь** в местоименных суффиксах, в глагольной флексии I л. ед.ч.: **аспъм**< аспам - моя лошадь, **аспъгун**< аспатон ваша лошадь; **рафтъм** - я пошел. В говорах южно-кулябских, рогских, вахиинско - каратегинских и частично в гаронском характерным является переход **а** в **ъ** в именном словообразующем суффиксе **ьк**<-ак: **чебък** - карман, **гупък** - ушко сосуда, **галтък** - скалка; **хорък**<хохарак- сестренка. В рогском и горонском говорах зафиксирован переход **а** в **ь** в предикативной связке **-ьс**<аст.

Фонема **ь** в южных говорах имеет весьма широкое словарное распространение, она зафиксирована в большом количестве диалектизмов: **хъмърч** - искры; **бълинг** - угол, **ръжд** - гладкий, **тълт** - лохматый, **гърм** - сук, **кълет** - разрушенный, **лъмб** - большой; **пърсева** - сухостойное дерево (засохшее на корню), **чъхт** - стоящий торчком и др.

Фонема **ь** южных говоров возникает также на месте неудачного гласного в заимствованных из русского языка словах: **одъх**<отдых, **бъргат**<бригада, **пъчин**<печенье, **мълеса**<милиция, **укъс**<уксус, **мъшей нате** - не мешай. Причем в закрытых слогах южно-таджикская фонема **ь** появляется и на месте ударенных в русском слове гласных: **фърма**<ферма, **дъхтур**<доктор, **налък**<налог, **картъшка**<картошка. В обоих случаях это явление происходит независимо от того, оказывается ли в таких словах слог с **ь** под ударением в потоке южно- таджикской речи.

Количественная характеристика гласных

В количественном отношении южный вокализм представляет собой систему трехступенчатого или трехчленного противоположения; устойчивые гласные - у, о, е, средние - а, и, редуцирующийся гласный - ь.

Как известно, противоположение устойчивых и неустойчивых гласных существует в одном наиболее слабом фонетическом положении - в неударенном открытом слоге; в остальных фонетических положениях количественного противоположения между этими группами гласных нет.

В отличие от вокализма литературного языка трехступенчатое противоположение гласных в южных таджикских говорах и, следовательно, само наличие редуцирующейся фонемы ь, которая в любом фонетическом положении несколько короче остальных, - не только устойчивых, но и средних по устойчивости гласных, - определяет особенности количественной характеристики южнотипа вокализма. Весьма существенно, что фонема ь в количественном отношении противопоставляется всем остальным гласным. Она и под ударением является более краткой.

В южных таджикских говорах средние по устойчивости фонемы а, и, в открытом неударенном слоге в определенных случаях, описанных в предыдущем разделе, сильно редуцируются вплоть до утраты своего качества и переходят в фонему ь.

Однако в остальных случаях южные фонемы а, и сохраняются в указанной фонетической позиции (открытый неударенный слог) и более устойчивы (как юго-восточные а, и), чем эти же фонемы в северных говорах и в разговорной форме литературного языка. Это подтверждается сопоставлением измерительных данных долготы южных а, и и северных, которое выявляет большую устойчивость этих южных фонем, особенно в положении между глухими согласными: а - 8,4 (43), и - 6,8 (17) (см. стр. 38-39 настоящего исследования), но северные а - 6,3 (24) до 9,0 (13), и - 2,5 (34) до 3,4 (19) (Соколова 1949, 60-61). Ср. также последние экспериментальные данные о количественной характеристике, в частности, гласного и в открытом предударном слоге современного таджикского литературного языка, где в положении между глухими согласными исторически краткое (например, в слове сифат - качество) имеет даже нулевой показатель измерения (Файзов 1983, 66-68; 1990, 14-16).

В силу большей устойчивости средних *я,и* в южном вокализме, по сравнению с северным, эти фонемы в открытом неударенном слоге, особенно между глухими, количественно не столь резко противопоставляются группе устойчивых фонем *у,о,е*.

При исследовании фонетики, помимо метода наблюдения над живой непринужденной речью носителей южных говоров в их повседневной бытовой обстановке, для уточнения количественной характеристики и измерения длительности гласных был применен кимограф. Исследования экспериментальным методом с применением кимографа были проведены в 1949 году в г. Душанбе, информантами были студент I курса филологического факультета Душанбинского пединститута Хайриддин Караев, уроженец Ховалинга, и житель Муминабада М. Табаров. От них были произведены записи слов с гласным между звонкими и перед сонантами в закрытых слогах под ударением и в неударенном закрытом слоге, а также в открытом слоге - неударенном и под ударением. Часть обработанных материалов по севернокулябским говорам (Ховалинг, Муминабад) опубликована (Соколова, Неменова, Богорад 1952, 158, 166, 167), они приводятся в настоящей работе. В 1970 г. с применением осциллографа⁷ с магнитофонной записи от представителя каратегинского говора, уроженца Чашмаи Кози, студента I курса филологического факультета Пединститута А. Атоева, была измерена длительность гласных в позиции между глухими в открытом неударенном и ударенном слогах, а также в закрытом ударенном слоге.

Цифровые данные, полученные в результате измерения длительности гласных (по севернокулябским и каратегинским говорам), фиксируемой графическим способом с помощью кимографа и осциллографа, дают следующую картину (при определении длительности гласных использована методика В. С. Соколовой (Соколова 1949, 33-36). Приводим цифры средней длительности гласных в неударенном открытом слоге; в скобках приводится количество измерений, из суммы которых выведена средняя длительность гласных. Единицей длительности в приводимых цифровых данных является сигма (= 1/100 секунды).

⁷Измерения длительности гласных с осциллографом были произведены в лаборатории экспериментальной фонетики Института языкознания АН СССР при участии научного сотрудника отдела диалектологии Института языка и литературы Таджикской академии наук Мазори Махадова.

Открытый предударный слог

Между звонкими
 ь2,1 (23)
 быу-скажи
 бъдав – беги
 бьги – возьми
 и 6,1 (15)
 дида– увидевший
 дигар – другой
 дидор – облика 7,8(5)
 а8,5 (19)

гадо – нищий
 бадан – тело
 бади - зло
 у 13,8 (10)
 луда – копать
 гуша– угол
 е11,9(16)
 беда- сено
 дего- котлы
 о12,9(14)
 додар- брат
 бодом-миндаль

В положении перед р устойчивые гласные, резко противопоставаясь неустойчивым и редуцирующейся фонемам, могут значительно удлиняться и в неударенном слоге, неустойчивые же в данных фонетических условиях не удлиняются, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Перед р

у16,8 (7)
 дури --дальность

е 16,5 (5)
 берун – снаружи
 серй-сытность

о 19,0 (6)
 борон – дождь

Перед сонантами м, н, л
 ь 2,9 (17)
 гьмон-мысль
 бьни-нос
 гьно-вина
 и 6,9 (9)
 дина -вчера
 бинач-гадалка

а 7,8 (5)
 бало-беда

у 11,5(13)
 гулак-ребёнок
 думот-зять
 е11,5 (10)
 бемор-больной
 гелос-черешня
 о13,5(17)
 боло-верх
 оно- знающий

ь 1,8(20)
 дьроз-длинный
 дьрун-внутри
 гьрьфт- он взял
 и 7,3 ((19)
 дируз-вчера
 ширин-сладкий
 пири- старость
 а 8,6 (19)
 дара- ушелье

дору – лекарство

борик – узкий

гарон- тяжелый

бара- ягненок

Между глухими в открытом неударенном слоге неустойчивые и устойчивые гласные заметно сокращаются, о чем свидетельствуют следующие цифры:

Между глухими

ь0,9 (45)

чька-капля

шъкор-охота

съфед- белый

съхан- слова

хъфа- кашель

шътър- верблюд

а 8,4 (43)

ката- большой

патък- косынка

сафил- глинобитный забор

фатир- лепешка

хафа- печальный

кашол-тянущийся

капа- шалаш

у 9,2 (27)

и 6,8 (17)

китов- книга

шитов- поспешно

пича- косичка

гуша- дорожные припасы

хутьк- поселенок

куча- улица

тута- трубка

шухи-шалость

е10,7(21)

печак- вьюнок

теша- топорик

пешин- полдень

сечък – вид растения

о11,7 (16)

кошък- ложка

котиб- секретарь

гота- огород

тока- одинокий

Приведенные цифры свидетельствуют, что в позиции, где наиболее наглядно может проявиться неустойчивость гласных, фонема ь по своей краткости резко противопоставляется всем остальным фонемам. Фонеме ь в указанном положении, т.е. в открытом безударном слоге, в зависимости от фонетического окружения характеризуют также следующие особенности по сравнению со всеми остальными фонемами устойчивыми и средними по устойчивости. В звонком окружении ь короче всего в положении перед звуком р, который удлиняет устойчивые гласные и не сокращает средние. Сильно сокращается ь в положении между глухими, причем если средняя длительность в этом фонетическом окружении составляет 0,9 сигмы, то измерения фонемы ь в отдельных словах составляет 0, т.е. наблюдается редукция ь до полного исчезновения этого гласного в данных сло-

вах:шькоро(3); съфед0(6), чькър 0(6). Средние (по устойчивости) и, а в неударенном открытом слоге, - т.е. в таком фонетическом положении наиболее отчетливо выявляется признак устойчивости гласных, - сокращаются не намного более, чем фонемы у,е,о.

Так, если фонема и сравнительно с фонемой ь в открытом слоге между звонкими имеет протяженность в три раза большую, то длительность у в этом положении превышает длительность и примерно в два раза.

Длительность фонемы а в открытом безударном слоге между звонкими превышает протяженность фонемы ь почти в четыре раза, длительность же фонемы у превышает длительность фонемы а всего лишь в полтора раза. Таким образом, цифровые данные подтверждают относительную устойчивость южных фонем, а, и и противопоставление их по длительности фонеме ь. Однако полного тождества в количественном отношении фонем а, и в открытом безударном слоге с устойчивыми у,е,о не происходит, речь может идти лишь об известном сближении их. Это и позволяет выделить фонемы а, и по степени их устойчивости в группу средних.

Устойчивые гласные, как показывают цифровые данные, наиболее протяженны в окружении звонких, значительно удлиняются перед р, причем длительность примерно равна длительности е; по сравнению с гласными у,е гласный о обладает наибольшей протяженностью. В окружении глухих в безударном открытом слоге фонемы о, у, е, несколько сокращаясь, сохраняют примерно те же соотношения, что и между звонкими.

Сравнение цифровых данных длительности устойчивых фонем в южных говорах с северными (Соколова 1949, 47-48) показывает, что устойчивые гласные южных говоров менее полновочувственны, менее протяженны, чем северные, что только в какой-то степени стирает грань между устойчивыми и неустойчивыми в южных говорах. В системе южного вокализма при общем противопоставлении обеих групп гласных краткой фонеме ь намечается сближение устойчивых и неустойчивых. В результате фонемы а, и в южных говорах более устойчивы, чем фонемы а, и в северных говорах, особенно в варзобском, каратагском и горном гиссарском. Влиянию последних следует приписать в гиссарско-кулябских говорах и подчас редукцию ее в неударенном открытом слоге.

В закрытом слогe под ударением наиболее благоприятном для сохранения длительности и полнoзвучности гласного,- мы имеем в южных говорах следующие соотношения фонем.

Приводим цифровые данные средней длительности гласных в односложных словах.

		Между звонкими смычными	
		Ховалинг	Муминабад
(20)	ь бѣд – он был	10,0 (20)	12,3
(21)	и дид – он видел	14,4 (24)	14,7
(25)	у дуд – дым	16,1(26)	- -
	о бод- ветер	16,9 (24)	17,5
(23)	е бед- ива	17,3 (18)	17,5
(20)	а бад- плохой	18,1 (13)	18,2
		Перед р	
		Ховалинг	Муминабад
(22)	ьпър- полный	9,5 (18)	12,3
16,7 (16)	бър – режь	14, 1 (23)	
	и гир – возьки		
18,7 (18)	пир – старый	17,2 (18)	
	у дур- далекий		
18, 2 (17)	шур – соленый	17,4 (43)	
	е дер- поздний		
8 (18)	сер- сытый	18,3(13)	20,
	а сар- голова		
20,0 (18)	дар- дверь	18,7(19)	
	о бор- груз		
	дор- виселица		
		Между глухими	
	ь13,0(9)		у 18,2(18)

път- пуд	тут – гутовник
пъч- пустой	хуч- шиповник
хъг- болото	
и 13,9 (28)	о 17,5(16)
тит-лохматый	ток- виноградник
пик- болтливый	соф- ясный
чит- ситец	пок- чистый
а 18, 25 (32)	е 13,5 (14)
кат- тахта	пеш- перед
пат- ворс	хеш-родственник
хал- молчок	
таф- жар	
чач- удочка; очищение, встряхиванием зерен	

Эти данные свидетельствуют, что длительность гласных под ударением в закрытом слоге между глухими не меняется. В целом картина такова, что и в закрытом ударенном слоге фонема **ъ** короче других фонем. Несколько выделяется своей краткостью и фонема **и**. Фонема же **а**, напротив, совпадает с устойчивыми гласными, будучи даже протяженной их; однако в неударенном открытом слоге она сокращается значительно больше устойчивых фонем, уравниваясь с **и**.

Ср. следующие данные типовой длительности в открытом неударенном слоге:

Между звонкими	Между глухими
ъ 1,8-2,1	0-0,9
и 6,1-7,3	.0 - 7,5
а 8,5-8,6	6,5-10
у 13,8 - 16,8	9,2- 18,2
е 11,9 - 16,5	10,5 - 13,5
о 12,9 - 19,0	10,0 - 16,5

Фонема **а** в неударенном слоге значительно устойчивей **ъ**, но менее протяженна, чем группа устойчивых. Фонема **и** в открытом слоге между глухими в беглой речи может сокращаться до «нулевого» варианта.

Измерения длительности фонемы **и** между глухими показывают диапазон её длительности от 0 до 7,5 сигмы (из пяти измерений слова **китоб** - диал. **китов**- в одном случае «нулевой» вариант). Однако при отчетливом произношении фонема **и** не утрачивает своего качества и количества. Совершенно иную

картину имеем в отношении количественной характеристики фонемы ь, взятой в том же фонетическом положении, что и и(ср. в кьтид- он дробил -из пяти измерений четыре «нулевых»: 0;0;0;0;3,0).

Фонема и, противопоставляясь в количественном отношении устойчивым фонемам о, у, е как менее устойчивая, будучи, как показывают цифровые данные, и короче фонемы а в одном и том же фонетическом положении, все же по количественному признаку стоит ближе к фонеме а. Можно считать, что обе эти фонемы а,и, противопоставляясь вместе с устойчивыми о,у, е краткой фонеме ь, в южных говорах стоят между краткой ь и устойчивыми у,о, е.

Таким образом, гласные южных говоров по признаку длительности можно подразделить на три группы:

- а) устойчивые о,у,е;
- б) неустойчивые средние а, и;
- в) редуцирующийся ь.

Противоположение по длительности для южных говоров не является фонологическим. Устойчивость/ неустойчивость не выступает как самостоятельный звукоразличительный признак, он сопровождает определенное качество. Количественный признак гласных в южных говорах, как и в таджикском литературном языке, является вторичным, он сопровождает фонемы, качественно различающиеся. Например, в словах бьд - он был, бад - плохой прежде всего качественное различие ь- а по признакам ряда и подъема и вторичное количественное: ь количественно короче а - протяженнее (см.стр.41).

Специфика вокализма южных говоров состоит в том, что вторичный сопровождающий признак может становиться в определенных фонетических условиях главным фактором полного изменения качества фонемы и перехода ее в другую. Таков переход фонем и,ав неударенном, чаще открытом слоге в фонему ь.

Сильное влияние на гласные могут оказывать верхнефарингальные согласные ɣ и ɦ. Так, под влиянием ɦ гласный у в словах с этимологическим у («вови мачхул») переходит в фонему ь. Это явление отмечено в отношении гласного в закрытом слоге: тьɦмат (лит. тухмат) - клевета, мьɦлат (лит. мухлат) - срок, мьɦточ (лит. мухточ - нуждающийся. Последнее слово имеет также произносительный вариант мейточ, где литературному у соответствует гласный е. В открытом безударном слоге гласные

а, и перед һ также иногда переходят в фонему ь: *мьһал* < маҳал - момент, *сьһар* (лит. сахар) - рассвет; *сьһат* (лит. сихат) - здоровый. Иногда происходит переставка и изменение качества начального гласного, предшествующего фарингальному: *һатийот* (лит. эhtiёт) - осторожность, *һатимол* (лит. эhtимол) - возможно. Здесь начальный гласный восходит к этимологическому алифу с кесрой, произносимому в литературном таджикском перед фарингальным, как открытое «э», которому в южных говорах в этих словах соответствует а.

В некоторых словах южных говоров под влиянием фарингального исторически долготу у в закрытом слоге вместо ожидаемого южного устойчивого у также соответствует фонема ь: *һьт* (лит. хут) - назв. месяца.

КОНСОНАНТИЗМ

В отличие от вокализма южных говоров, система которого по всей территории их распространения представляет собой известное единство, консонантизм - состав согласных - не является единым и различается по говорам. Различия в составе согласных между отдельными группами южных говоров весьма существенны, и именно эти различия лежат в основе классификационных признаков фонетической системы южных говоров и внутреннего их членения.

Южный консонантизм содержит все фонемы, имеющиеся в литературном таджикском языке, и вместе с тем в силу различий состава согласных по говорам консонантизм каждой из этих групп отличен от консонантизма литературного языка. Основные различия, лежащие в основе классификационных межговорных фонетических признаков, следующие:

а) наличие или отсутствие (полное или частичное) в составе консонантизма фарингальных - верхних *ç*, *h* и нижнего *x*;

б) наличие или отсутствие губно-зубного *v*;

в) употребление губно-губного *w* в качестве варианта фонемы *v* в интервокальной и поствокальной позиции;

г) переход *б* > *w* (вариант фонемы *v*) в интервокальное и поствокальной позициях;

д) наличие или отсутствие в начале слова среднеязычного сонанта *й*;

е) особый характер изменений согласных в потоке речи.

Перечисленные выше признаки создают особенности состава согласных тех или иных групп южных говоров, при этом относительное единство состава консонантизма мы имеем, с одной стороны, в вахиинско-каратегинских, каратегинских, северно-кулябских, западнокулябских и гиссарско-кулябских говорах, с другой, - в южнокулябских, рогских и бадахшанских. А именно - консонантизм говоров, названных вначале, характеризуется наличием фонем верхнефарингальных ε , h и нижнефарингальной x , отличающейся своей неустойчивостью. Фонемы b и v различаются здесь фонологические, несмотря на способность b к спирализации в определенных фонетических условиях. Фонема y в этих говорах устойчива во всех положениях. Консонантизм же говоров второй группы (южно-кулябских, рогских, бадахшанских) характеризуется отсутствием фарингальных, губозубной фонемы v , наличием фонемы w , а также неустойчивостью в разной степени фонемы y .

Особенности употребления фонем по говорам

Фарингальные согласные ε , h , x . По наличию или отсутствию в составе консонантизма фарингальных фонем, а также по некоторым особенностям их употребления южные говоры подразделяются на три группы. Первая группа включает каратегинские и кулябские говоры (за исключением южнокулябских), вторая - рогские и бадахшанские, третья - переходная - южно-кулябские.

Каратегинские (вахиинско-каратегинский и каратегинский) и кулябские (северно-кулябские, западно-кулябские и гиссарско-кулябские) говоры характеризуются наличием в них фарингальных фонем. Особенностью рогских и бадахшанских говоров является отсутствие в них верхне фарингальных фонем ε , h , и нефонологичность нижнефарингальной x . Южно-кулябские говоры в этом отношении представляют переходный тип: в них, как и в рогских, отсутствуют верхне фарингальные, но в ряде селений нижнефарингальный x , имеет фонологическую значимость (т.е. является фонемой), хотя и менее устойчив, чем в остальных кулябских говорах.

В каратегинских и кулябских говорах верхнефарингальные фонемы глухой щелевой h , и звонкий щелевой ε употребляются во всех соответствующих словах арабского происхождения; за-

свидетельствованы они также в нескольких таджикских (исконно иранских) словах.

Фонем а **h** в этих говорах очень устойчива в речи всех возрастных групп и слов населения. Она встречается во всех фонетических положениях: в начале слова - **hota** - огород, **hen/hin** - время, **hosisl** - урожай, **hicosw** - счет, **hak** - доля; в середине слова и в интервокальной позиции - **mahkam** - крепкий, **saht** - здоровый, **thhmat** - клевета; в исходе слова - **Солех** - и.сб. Глухой верхнефарингальный **h** отмечен в этих говорах в следующих словах иранского происхождения на месте нижнефарингального **χ**: **hamsoya** - сосед, **-hanar / hnar** (лит. хунар) - ремесло, умение. В некоторых северно-кулябских говорах согласный **h** засвидетельствован в заимствованном слове **райюн** <район, в этом случае, возможно, также имеет место чередование **ε-h** (здесь известно и произношение **райюн**). В отдельных говорах засвидетельствованы произносительные варианты: **mehmun / mehmun** (с-к. Муллококи).

Фонема **ε** употребляется в основном в словах арабского происхождения, отмечена также в нескольких таджикских словах, преимущественно в начале слова перед гласным. Встречается **ε** во всех фонетических положениях, за исключением исхода слова: **εнд** - праздник, **εолам** - мир, вселенная, **маεне** - смысл, **мъεалим** - учитель, **чамоεат** - сельсовет, **джамаат**, **маεкул** - подходящий, **чаεма** (лит. чумъа) - пятница. Однако в любом положении обязательно перед, после или между гласными.

Вследствие того, что противопоставление фонем **ε** и **h** по существу выявляется лишь по одному признаку - по участию гласного (если и есть смычка при произнесении **ε** она незначительна), то довольно часто происходит замена **ε** на **h**, в результате чего появляются дублиеты: **маεкъл/махкъл** - правильно, **соεат/сahат** - часы, **εакъл/hакъл** - ум, **таεом/тахом** (лит. таом) - кушанье. В говорах отмечена замена **ε** на **χ**, **h** что порождает варианты (**дахаво/даεво/дахво**-претензия). Фонема **ε** менее устойчива, чем **h** и обычно выпадает в наиболее употребительных словах, например, **бад** < **баεд**, **базе** < **баεзе**.

Наибольшее распространение фонемы **ε** падает на вахинско- каратегинские, каратегинские (Средний Каратегин), северно-кулябские и западно-кулябские говоры, где она встречается в речи всех возрастных групп. В этих говорах **ε** отмечена в начале слова перед гласным, причем в этой позиции она имеет практически сплошное распространение в вахинско- каратегинских и

каратегинских говорах севернокулябских же встречается значительно реже и обычно отпадает или заменяется **h**, реже **x**. В гиссарско-кулябских говорах согласный **ɣ** наиболее широко распространен в языке жителей файзабадских и яванских селений; в долинном гиссарском (по терминологии Л.В.Успенской) эта фонема имеет более ограниченное употребление.

Звук **ɣ**, как уже говорилось, менее устойчив, чем **h**, наблюдается исчезновение его в ряде слов. Однако и в случае исчезновения **ɣ** имеет известное значение и либо отражается на произношении соседних гласных либо еще каким-либо образом сказывается на фонетическом облике слова. В говорах, где **ɣ** имеет фонологическое значение, нет полного и бесследного исчезновения его:

а) выпадая в начале слова, **ɣ** либо заменяется фарингальными согласными **h, x**: **hакл /xакл/-ум, hалаф /халаф-трава, hарус/харус** - невеста, либо придает дополнительную гортанную окраску начальному гласному: **ид/хид** (лит.ид) - праздник;

б) в исходе слова **ɣ** не встречается, он перемещается всередину слова, примыкая к гласному: **шаɣм** (лит. шамь) - свеча;

в) в середине слова между гласными **ɣ** может заменяться на **h** или **x**: **чамаhат/ чамаxат** (лит.чамоат) - сельсовет; общество; в отдельных словах при исчезновении **ɣ** происходит удлинение, как правило, последующего гласного: **соhат/соат** (лит.соат) часы, **мhалим/маxалим/малим** (лит.муаллим) - учитель; выпадение **ɣ** стоящего перед согласным, приводит к удлинению предшествующего гласного: **бад** (лит.баьд) - потом, **базе** (лит. баьзе) - некоторые.

В рассматриваемых говорах (каратегинских и кулябских) закономерно наращение **ɣ** перед гласным в начале слова, так отмечены дублиеты **ɣанор/ анор** (лит.анор) - гранат, **ɣаспов /аспов** (лит.асбоб) - снаряжение.

В рогских и бадахшанских говорах, по утверждению исследователей их, а также согласно материалам, хранящимся в фондах (по рогским говорам), верхне фарингальные фонемы отсутствуют. Этимологический **hw** в словах не произносится: **рог. авли** (лит. хавли) - двор, усадьба; **авло** (лит.халво) - халва; **авз** (лит. хавз) - водоем; **алка/ьлка** (лит.халка) - петля; то же **бд. алка** (лит.халка) - петля; **авли /авли** (лит.хавли) - усадьба; **менат** (лит.мехнат) - труд; **осил** (лит.хосил) - урожай.

Этимологический айн(ɛ) в словах этих говоров либо также не произносится, либо заменяется нижефарингальным х, не имеющим фонологического значения: **малим/ махалим** (лит. муаллим) - учитель; **нал/нахл** (лит. наъл) - подкова, **қала/қахла** (лит. қалъа) - крепость, **арар/архар** (лит. арар) (ср. каратегинско-кулябское ʔарʔар) - пирамидальный тополь.

В южно-кулябских говорах верхнефарингальный ɛ отсутствует повсеместно: **акл** (лит. акл) - ум (ср. каратегинско-кулябское ʔакл). Что же касается **h**, то в говорах, расположенных в юго-восточной части Кулябской области, отмечается его отсутствие: **ак** (лит. хак.) - право, **исоб** (лит. хисоб) - счет; в говорах же, распространенных северней, фонема **h** имеется, однако полного единообразия в ее употреблении не наблюдается, в одних говорах она более устойчива, чем в каратегинских и севернокулябских говорах, в других менее устойчива.

С точки зрения использования нижефарингального х, южные говоры можно подразделить на: 1) говоры, в которых согласный **х** является полноправной фонемой с различной степенью устойчивости и различной степенью словарного распространения и 2) говоры, в которых звук **х**, не имеет фонологического значения. К первым относятся говоры (в порядке убывающей устойчивости фонемы **х**): северно-кулябские, гиссарско-кулябские, западно-кулябские, каратегинские, вахинско-каратегинские. Ко вторым южно-кулябские, бадахшанские, рогские. В говорах первой группы с точки зрения фонемной соотнесенности согласный **х** как бы расщепляется, в одних случаях это полноценная фонема, образующая в сочетании с другими значимыми фонемами облик слова и дифференцирующая его значение; ср. **хар** - осел, **хар** - каждый, **хуч** (кардан) - поднимать, **хуч** - шиповник. В других случаях - это звук перед гласным началом слова: **харча** < **арча** - ель, **хелак/хелак** < **елак** - сито; **хана** / **ана** < **ана** - вот, **хакъ** / **акъ** < **акнун** - теперь (с-к. Ёхсу, Сангдара); **Хуш** / < **Уш/Уш** (в-кр/ Джиргигаль) - назв. города, **хайвун** / **айвун** - (в-кр. Джиргигаль, с-к. Ёхсу, Сангдара) - животное.

В исходе слова встречается преимущественно в полном стиле речи при отчетливом произношении: **рубохх** (з-к, Сангтуда, в сказке) - лиса, **мах**-луна, **къх** - гора (с-к. Ховалинг, Сангдара), **рах** - путь, **ках** - солома (в-кр. Нушор). Чаще исходный согласный **х** отпадает и не всегда восстанавливается при последующем гласном. Например, чаще отмечено **рай дур** - дальняя дорога,

чем **рахи дур**, как **калхос** - колхозное сено, чем **кахи калхос**. Наиболее устойчив согласный **х** в гиссарско-кулябских говорах, где он, как правило, не отпадает в начале слова: **хаму-тот, хаами** - этот, **хамра/хамро** - вместе; устойчив этот согласный и в середине слова: **мехмон** - гость, **бьхор/бухор** - весна, **почахо** - ноги, **шахр** - город, **патинкахо** - ботинки, **чохо** - места. В этих говорах в ряде слов нижнефарингальный **х**, отмечен на месте этимологического: **сахат** - здоровье, **хавли** - двор. Последнее недопустимо в северно-кулябских и каратегинских говорах, где фонема **х** имеет более широкое распространение, употребляясь в некоторых словах на месте нижнефарингального **хи** этимологического (**айнаэ**).

Вахиинско-категинских и северно-кулябских говорах отмечена наибольшая неустойчивость фонемы **х**. Из существующих здесь дублетов - **езьм/хезьм** - дрова, **ами/хаами** - этот, **аму/хаму** - тот — наиболее употребительны варианты без **х**; вариант **хамрак** слову **амра** (лит. **хамрох**,) - спутник, в говорах совсем не отмечен. В западно-кулябских же говорах существуют дублеты **хаами/ами** - этот, **хичка/ичка** - никто, никого с преобладанием вариантов с **х**.

Отпадение исходного **х** в кулябских и каратегинских говорах влечет за собой изменение предшествующего гласного, в частности регулярно происходит замена **Она а:ра** <рох, - дорога; **ма** <мох, - месяц, **нига** <нигох - взгляд. В южнокулябских говорах переходного типа согласный **х**, как фонема отмечен в говорах учкульских селений и в Хирманджоу: **хафт** - семь, **хашт** - восемь, **хар** - каждый, **хуш** - память (ю-к. учкульские говоры); **хафт /афт;** **ар/хар** (ю-к. Хирманджоу).

На остальной территории распространения южно-кулябских говоров этот согласный отсутствует или не имеет фонологического значения. Степень неустойчивости **х** в целом наиболее ярко выражена в южно-кулябских, по сравнению с северно-кулябскими, говорах, даже в тех, где этот звук является фонемой. Об этом свидетельствуют постоянные произносительные варианты: ю-к. **дан** - но с-к. **даан/дахан** - уста; ю-к. **беуда** - но с-к. **бехуда** - напрасно; ю-к. **пам** - но с-к. **пахм/пам** (лит. **пахн**) - широкий.

В рогских и бадахшанских говорах, как уже отмечалось, звук **х** в качестве фонемы отсутствует. Не имея фонологической значимости, он возникает как придыхание в словах с гласным началом: **хоб** (лит. **об**) - вода, **хелак** (лит. **елак**) - сито, **хайвон** - (лит. **айвон**) - навес. Причем, как можно судить по материалам,

данное явление более распространено, в бадахшанских говорах: **хостин**(лит. остин) -рукав, **хорд** (лит, орд) – мука,**хомад** (лит.омад) - он пришел. Отмечено здесь даже в заимствованиях из русского: **хармийа**-армия(Розенфельд 1971, 9,12).

Между гласными на месте нижнефарингального **х** могут возникать вставочные звуки **w,й;ойингар**(лит. охангар) - кузнец; **бувор**(лит.бадор) - весна, **муво-т** (лит.муйхоят) - твои волосы, **хувар/ хор** (лит. хохар) - сестра; данное явление более характерно для рогских говоров.

В бадахшанских говорах для образования множественного числа служит не только суффикс **-о**, но и **-хо:байтгухо** - исполнители бейгов, **амсойахо** - соседи. В последнем слоге этих слов звук **х** не вставной, а скорее компонент традиционного **-хо** (показателя мн.ч.), который, по-видимому, распространился в этих говорах под влиянием литературного языка. Очевидно, в бадахшанских говорах при исконной нефонологичности нижнефарингального **х**, идет процесс закрепления литературных норм произношения слов с этим согласным. В.С.Соколова, исследовавшая фонетический состав памирских языков, рассматривая консонантизм ишкашимского языка, отмечает: «... в ишкашимский язык вместе с суффиксом множественности **-хо** начинает проникать и фонема **х**, которая являясь компонентом морфемы, приобретает и фонологическую значимость. В связи с этим ишкашимцы легче сохраняют **х** и в общих с таджикскими корневыми морфемах: **сохиб**, **мъслахат** и т.д. Впрочем сохранение **х** в такого рода случаях зависит от навыков говорящего.....» /Соколова 1953, 237/.

Указанное положение дополняет и уточняет Т.Н. Пахалина: «Употребление **х** в речи грамотных ишкашимцев, хорошо знающих литературный таджикский язык, вполне допустимо... В просторечии же в ишкашимском кишлаке этот согласный (**х**) вовсе не употребляется. Его нет и в говоре таджикского языка, которым пользуются ишкашимцы /Пахалина 1959, 247/. В опубликованных материалах по бадахшанским говорам в отражении этого вопроса нет единства. В материалах Ю. И. Богорад фонема **х** не зафиксирована в словах, где она есть в литературном таджикском языке /Богорад 1963, 51-59/. В работе А.З. Розенфельд в текстах, наиболее полных и разносторонних по своему характеру и содержанию, наряду со словами, в которых в отличие от литературного языка не произносится нижнефарингальный

химеются многочисленные примеры, иллюстрирующие наличие этого звука, например, *меҳмон* - гость (Андароб), *меҳмондуст* - гостеприимный, *роҳ* - дарога, *даҳта* - десять (Андароб), *Кухи Лал* - назв. кишлака (Багуш), *кухкор* - горнорабочий, *Сухроб* - и.см. (Багуш), *пахлавон* - богатырь, *тирамох* - осень (Гармчашма), *хама* - все (Шамбеде, Мулводж, Нижгар), *шаҳр-на* - в городе (Козиде) и др. (Розенфельд 1971, 39,40,42,43,47,50,54,68).

Можно предположить, что под влиянием литературного таджикского языка бадахшанские говоры еще в большей степени, чем окружающие их памирские языки, "воспринимают" в свою систему консонантизма таджикские элементы литературного языка, на что указывает в отношении ишкашимского языка В.С.Соколова /Соколова 1953,236/. Разумеется, не исключено, что в отдельных случаях произношение *х* обусловлено индивидуальными особенностями рассказчика или собеседника, а также условиями записи, когда собеседник стремился максимально приблизить свою речь к литературной.

Фонема й. Во всех южных говорах, за исключением рогских, южно-кулябских и бадахшанских, фонема *й* - среднеязычный щелевой сонант - устойчива. В употреблении *й* не имеет существенных отличий от литературного языка. В южно-кулябских говорах фонема *й* в начале слова часто отпадает: *ак* < *йак* - один; *офт* < *йофт* - он нашел, однако широко распространено параллельное употребление вариантов *офт* < *йофт*. Выбор того или иного варианта колеблется по говорам (в учкульских, хирманджоуйболее устойчиво). В рогских говорах эта фонема часто отпадает в начале слова: *ах* < *йах* - лёд; *анга* < *йанга* - невестка; *офт* < *йофт* - он нашел и др. В середине же слова она употребляется здесь так же, как в литературном языке: *вайрон* (лит. вайрон) - испорченный, *майлаш* - ладно, *миюн* / *миюн* - поясница. В рогских говорах *й* используется и как вставной звук для устранения зияния между гласными на месте выпавших согласных: *насийат* (лит. насихат) - наставление, *ойингар* (лит. охангар) - кузнец, *сийат* (лит. сихат) - здоровый. В бадахшанских говорах, как и в рогских, в ряде слов начальной отпадает: *асавул* (лит. ясавул) - распорядитель на свадьбе; *офтам* (лит. ёфтам) - я нашел. Встречается и параллельное произношение: *агел* / *йагел* (лит. огил) - хлев (Розенфельд 1971, 8).

Ф о н е м а д - переднеязычный смичный согласный. Характерной особенностью этой фонемы в южных таджикских гово-

рах, как и ряда других звонких, является склонность к отпадению в исходе слова. В отличие от северных таджикских говоров, в которых исходный согласный *д* обычно оглушается, в южных говорах этот звук отпадает, что совершенно закономерно происходит в глагольных формах 3 л.ед. и мн.ч. образованных от основы настоящего времени: **мега** (лит. *мегуяд*) - говорит, **меган** (лит. *мегуянд*) - говорят, **мебина** - видит, **мебинан** - видят; а также в ряде других слов: **къли** (лит. *калид*) - ключ, **былан** (лит. *баланд*) - высокий, **чан** (лит. *чанд*) - сколько, **ба** (лит. *баъд*) - потом. В кулябских и каратегинских говорах согласный *д* часто выпадает в середине слова между гласными, особенно в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени, часто на месте *д* появляются вставные звуки *х* или *й*: **каа** (лит. *карда*) - сделал, **омаха** (лит. *омада*) - придя, **шиъа** (лит. *шуда*) - став, **расийай** (лит. *расидааст*) - достиг, **кааги /каъаги** (лит. *кардагй*) - сделанный. В бадахшанских говорах отпадение *д* наблюдается редко, существуют параллельные формы: **меравад / мерава** - он идет; не отмечено также выпадения *д* в формах от основы прошедшего времени.

В кулябских и каратегинских говорах в середине слова при стечении согласных в позиции между согласными *д* часто выпадает: **чанта** (лит. *чандто*) - несколько, **корча** (лит. *кордча*) - ножик. При выпадении последующего гласного *д* иногда ассимилируется (способом регрессивной ассимиляции) согласным, идущим за этим выпавшим гласным: **хътгун** (лит. *худатон*) - вы сами, **хътшун** (лит. *худашон*) - они сами.

Ф о н е м а р с точки зрения артикуляции не отличается от соответствующего звука литературного языка. Однако в потоке речи наблюдается закономерное отпадение исходного *р* в наиболее часто употребляемых словах, например: **да** (лит. *дар*) - в, на; **ага** (лит. *агар*) - если; **агане** (лит. *агар на*) - а не то; **охи** (лит. *охир*) - конец; **бъги** (лит. *бигир*) - бери; **дига** (лит. *дигар*) - другой; **дъхта** (лит. *духтар*) - девочка. В кулябских говорах отмечено выпадение *р* в глаголе **кад** (лит. *кард*) - он сделал.

Фонема б в южных говорах, как и в литературном таджикском языке, является губно-губным звонким смычным звуком: **бармол** - склон, **замбур** - оса, **шмель**, **бъна** - хозяйство; семья. В южных говорах она имеет более узкое словарное распространение, чем в литературном языке, поскольку в интервокальной и поствокальной (абсолютный исход слова) позициях спи-

рантизуется, переходя в фонему **в** или ее варианты - губно-губной круглощелевой -**w** или неслоговое **у**: **сев/сеw** (лит.себ) - яблоко; **ow/ou**(лит.об) -вода; **шав/шaw/шau**(лит.шаб) - ночь; **тавар/тавар** (лит.табар) -топор; **афтоу/афтоw**(лит.офтоб) - солнце; в том числе в словах арабского происхождения: **тавак/тавок** (лит.табак) - деревянное блюдо; **хавар** (лит.хабар) – известие. В ряде слов **б** переходит в неслоговое **у** в позиции между гласным и звонким согласным: **awp/aur** (лит.абр) - облако, **kawr/кауr** (лит.кабк) - куропатка. В отдельных словах, по-видимому, под влиянием литературного языка **б** в исходе слова после гласного устойчиво сохраняется, например, **котиб** - секретарь, **чабоб/чувоб** - разрешение, **сабаб**-причина, **сабоб/савоб** - доброе дело; наблюдаются также варианты произношения: **мактаб/мактаw**-школа, **китоб/ китов/ китow** - книга; **хисоб/ хисow**-счет.

Фактом, подтверждающим более узкое распространение фонемы **б** в южных говорах, что отличает их от северных и центральных, является соответствие в некоторых словах начальному литературному **б** фонемы **в/w** -(см.табл.). Это явление, характерное также и для юго-восточных говоров, В.С. Расторгуева связывает со спирантизацией интервокального **б**, объясняя тем, что в более ранние периоды развития языка и позднее начальный **б** в подобных словах находился в интервокальном положении: ср.диал. **ве/ we**- лит. **бе**, кл. **бе**, **абе**, ср.-п. **апе** «без»; диал. **вар/вар**-лит. **бар**, кл. **бар**, **абар**, ср.-п. **апар**, др.-п. **упарий** – «на, над»; возможна, по-видимому, и контаминация звуков при отпадении одного из слогов, как, например, в словах **wol бowo/бобо**- дед (ср.-п. **рарак**) и **wi/биwi /биби** (кл. **биби**) - бабушка (Расторгуева 1964, 48).

Фонема **в** в кулябских и каратегинских говорах представлена тремя фонетическими вариантами - губно-зубным **в**, губно-губным **wi** неслоговым **у**. Губно-зубной звонкий щелевой **в** употребляется в начале слова: **ватан** – родина, **васкат** - безрукавка, **вазбин/ вазмин** (лит. **вазин**) - тяжелый, **вера/вира** - стебель (плеть) огородных растений. Отмечено в также в интервокальном положении: **бева** - вдова, **мева** - плод, **хаво** - погода. В поствокальном положении в абсолютном исходе слова литературному **в** в этих говорах соответствует губно-губной круглощелевой сонорный **wi** неслоговое **у**: **gow/гоу**- (лит.гов) - корова; **наw/нау** (лит.нав) - новый. В интервокальной позиции и в поствокальной перед согласным (чаще звонким сонорным) литера-

турному в соответствии вариант w, а в поствокальной также усьвор < савор -верхом (на коне) давра<давра – период,равак <равак -полозья саней волокуш, девна<девана– безумный,авкот/ аукот<авкот – еда, авсари /аусари <авсари - на расвете,зовут<завод.

Врогских и частично в южно-кулябских говорах литературному губно-зубному в закономерно во всех фонетических положениях соответствует губно-губной круглошелевойw, а также неслоговой у в поствокальной позиции в абсолютном исходе слова: вахт<вакт – время,ватан – родина, дьрав- жатва,раwon (кардан)-отправлять, дьравидан – жать; косить, гow/гоу – коров,чаw/чау/чав – ячмень,вардым <овардам - я принес (принесла).

Вюжно-кулябских говорах - учкульском и хирманджоуском, которые соседят с северно-кулябскими говорами, наблюдается параллельное произношение вахт /вахт (лит. вакт) – время, мewa/ мева - плод.

Что касается бадахшанских говоров, по определения авторов работ, посвященных этим говорам, относительно фонем бив несколько расходятся. Так, в статье Ю.И.Богорад о горонском говоре указывается: «Особенностью консонантизма является также то, что фонема в имеет губно-губную артикуляцию в любом фонетическом положении" (Богорад 1963,45). Однако в неопубликованной части работы "Рогские говоры таджикского языка" Ю.И.Богорад отмечает, что в отличие от рогских говоров в горонском наблюдается параллельное произношение губно-губной и губно-зубной фонем: вазир<вазир - визирь; тогда как в рогском губно -зубная фонема отсутствует (Богорад. рукопись, 1953,239).

В работе А.З.Розенфельд отмечается, что другая важная особенность бадахшанских говоров - наличие неразличимой фонемы-губно-зубного и губно-губного w/w; губно-губная артикуляция присуща этой фонеме не только в поствокальной позиции(дарgow- горная речка), но и в других случаях: раwган -масло, Хьсрав- бек-(и.сб.), weга/weга-вечером; фонема возникает перед начальными гласными у,е: weчик/ечик - гнездо, нора; wуреш/уреш - стрижка шерсти (Розенфельд 1971, 9-10).⁸

⁸ Пахалина Т.Н. Бадахшанские говоры таджикского языка (сравнительно с литературным таджикским языком). Горонский говор. Особенности речи таджиков кишлака Нют и ишкомиязычского кишлака Рин сравнительно сгоронским говором. Приложение

Автор самых первых сведений о горонском диалекте А.Н.Болдырев в консонантизме этого говора отмечает наличие **б, в, в**, указывая при этом на регулярную взаимозамену этих фонем (Болдырев 1948, 280/). В рукописной статье Т.Н.Пахалиной о бадахшанских говорах, любезно предоставленной в своё время для ознакомления в отдел диалектологии ИЯЛ АН Таджикской ССР, указывается, что литературным **б** и **в** в этих говорах соответствует губно-губной согласный **в**; но наблюдается и параллельное использование вариантов с **б, в, в**. Отмечается также, что существенным отличием таджикского языка ишкашимцев, населяющих кишлаки Рын и Нут, является различие трех губных фонем **б, в, в** как и в памирских языках⁹.

Таким образом, если определения этих фонем у исследователей расходятся по форме, то по существу они сводятся к тому, что в бадахшанских говорах таджикского языка есть фонема **в**-губно-губная шелевая, которая соответствует литературным **в** и **б** в определенных фонетических позициях; есть также губно-зубной звук **в**, обладающий фонологическим значением. Иначе говоря, в бадахшанских говорах таджикского языка существует противоположение **в- в**, что не исключает их свободного взаимозамещения, ведущего к параллельному употреблению: **вeгa/вeгa** - вечером, **вeрaк/вeрaк** - неокотившаяся овца; ягненок /Розенфельд 1971, 148-149⁹. О наличии фонемы **в** можно судить по словарю в книге А.З.Розенфельд, в нем зафиксированы слова: **вaтaндoр** - местный житель, уроженец; **вaкт** - время, **вaхи** - ваханец, **вaйрoн** - разрушенный, **вaй** - он, **вaздoн** (лит. **виждoн**) - совесть - без указания на их параллельное произношение с **в** (Розенфельд 1971, 148).

Можно предположить, что в бадахшанских говорах фонема **в** более позднего образования, чем **в**. Если мы рассмотрим этот вопрос на материалах горонского говора с привлечением данных о происхождении правобережных горонцев, то выявляется следующее. Согласно народным преданиям, близким к действительности, современные горонцы, заселяющие правобережный Горон, переселились из левобережного Горона (Афганистан).

ние: разговорные фразы, записанные в кишлаке Рин, Нут (1952-1953), Андаробе, Вогзе, Козиде (1952). (машинопись, 28 стр).

9. По текстам о распространении и соотношении **в** и **в** судить трудно, так как в них принят единый знак **в**.

Начало заселения правобережного Горона хотя и не поддается точной датировке, но, как предполагает А.Н.Болдырев, может быть отнесено к первым десятилетиям XIX в. (Болдырев 1948, 248,287-297). По имеющимся литературным данным о таджикских диалектах Афганистана в последних отмечается звук губно-губной артикуляции -w. То же отмечается и у рогцев - выходцев из Афганистана, заселивших юг Куляба. Если допустить, что исконной для правобережных горонцев была губно-губная фонема w, то в дальнейшем как под влиянием окружающих их памирских языков, где имеется противоположение w- в, так и под воздействием таджикского языка в горонском говоре могла закрепиться фонема в, быть может, с меньшим словарным распространением, чем фонема w.

Ф о н е м ы к, х, г. Фонема к- глухой увулярный смычный, фонема х - глухой увулярный щелевой, фонема гзвонкий увулярный щелевой. Основными органами их артикуляции являются язычок (увула), мягкое небо (велум) и корень языка. Следует отметить, что щелевой глухой х в каратегинских и кулябских говорах произносится очень энергично и сопровождается характерным хрипом, что происходит под напором воздушной струи, преодолевающей, на своем пути преграду - язычок, заставляя его вибрировать. В остальных южных говорах х произносится менее энергично и с меньшим хрипом. Благодаря артикуляционной близости фонем, под воздействием явлений ассимиляции и других фонетических причин в речи часто наблюдаются случаи взаимозамены к, х, г. В южных говорах имеется регулярный переход к-х в середине нвисходе слова: вах/ вахт (лит. вакт) - время, махсад (лит.максад) -цель, фарх (лит. фарк) - пробор, пьхс (лит.нукс) - изъян.

В бадахшанских говорах, в отличие от других южных, отмечена взаимозамена увулярного к и заднеязычного к:лок/лок -одежда, пешток/ пешток - арка, терраса; а также увулярного г и заднеязычного г: кьнгола/ кьнгола - девушка на выданье; нареченная (Розенфельд 1971, 10,11).

Фонема ж. По своему употреблению фонема ж не равна остальным, она засвидетельствована в ограниченном количестве слова причем некоторые из них имеют вариант произношение с фонемой ч: жола/чола - град; мижамича- ресницы, ажгол/ачгол -семья, домочадцы. Фонема ж в южных говорах отмечена, кроме названных, в словахажда - восемнадцать, аж-

дор/ аждъхор - дракон, ръжд-гладкий, гажд -грязный, жирай (бд.)- глина, гъжак/ гъччак-скрпика (бд. Яхшвол), кеж /кашидан/ (бд. Андароб- хлебать, крижк (бд.) - сурешка, муждавона - радостная весть, мъжьк (бд. горонский) - вид гороха, данфъжок (бд.горонский) - зевота, бажги (бд, ю-к.) - птенец.

Как можно заметить, наибольшее количество слов с ж зафиксировано в бадахшанских говорах. Фонема ж отмечена также в некоторых топонимах. В заимствованных из русского языка словах сохраняется ж: жърнол - журнал, багож -багаж, наряду с этим возможно и употребление чна месте ж:багоч-багаж, чучурни - дежурный.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ И ЗВУКОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

В настоящем разделе рассматриваются фонетические изменения, приводящие к перестройке звуковой структуры слов в южных говорах сравнительно с литературным таджикским языком, позиционные (комбинаторные) изменения звуков, чередование (замена) звуков, обусловленное фонетическими условиями, а также фонетическими закономерностями южной звуковой системы.

Причем анализ материалов показывает, что характер фонетических изменений в южных говорах определяется в основном особенностями звуковой системы этих говоров: отдельные фонетические явления объясняются этимологическими факторами, а также причинами, связанными с явлениями аналогии,

Фонетические явления при стечении гласных на стыке корневых и служебных морфем

При стечении двух гласных на стыке двух морфем обычно наблюдается выпадение безударных гласных и сохранение гласных под ударением. В южных говорах таджикского языка такое явление происходит в следующих случаях:

1. При присоединении местоименных энклитик к именам с исходом на гласный; при этом выпадает начальный ь энклитики: бача-м <бача-ъм -мой сын.бобо-м<бобо-ъм - мой дед, хунаш<хона -ъш- его дом.

2. При присоединении приставки **ме-** к глагольной основе с гласным началом; в зависимости от количественной характеристики гласного происходит следующее:

а) неустойчивый начальный гласный обычно выпадает: **мемем** < **меистем** - постоим.

б) устойчивый начальный гласный сохраняется, но между гласными иногда появляется вставной **й**: **мейорам** (лит. меоварам) - принесу, **мейойам** (лит. меоям) - приду.

3. При присоединении приставки **бь-** (лит. би-) к формам от глагола **истодан** сочетание **ь+и** заменяется гласным **е**: **бест** < **бьист** - стой.

4. Гласные вторичных глагольных окончаний при присоединении к глагольным формам перфекта сохраняются, конечный гласный перфектной формы выпадает: **рафтьм** < **рафта+ьм** - я ушел, **рафтас** < **рафта+ст** - он ушел, **рафтан** < **рафта+анд** - они ушли. В каратегинском, западно-кулябских и гиссарско-кулябских говорах в формах перфекта в 3л. мн. числа сочетание **и+а** переходит в **-ийа**: **рафтийан** < **рафта+анд**: хам-ьш-а чиндийан (з-к. Саталмун) - все, оказывается, собрали; китоб то оли надодийан (к. Казнок) - до сих пор, оказывается, книгу не передали; и гап-а каротегинийо бьровардийан (г-к.) - это придумали каратегинцы.

5. При сочетании служебных слов с исходом на **-а** (обычно послелогов) и предикативной связки 3л. ед. ч. **-ай** (для кулябских и каратегинских говоров), **-ьс** (для рогских), **-ац/ай** (для бадахшанских) происходит слияние гласных: **чо-дай?** < **чо-да-ай?** (лит. дар кучо аст?) - где (находится)? Например: **мь-чум, чо-дай?** (с-к. Ховалинг) - Почему я знаю где?!; **гоу-кьшо-на-с?** - **гоу па-си бонг-на-с** (рог) - где находится корова? - корова за домом. Если слово, предшествующее предикативной связке, знаменательное, то слияния гласных не происходит: **курпаша-галоми ти фьрма-ай** (с-к. Ховалинг) - комары это признак (близости) фермы; **хам-ри ма истаро-ай?** (ю-к. Ёл) - кокого мое тесто?; и **тьма-ай?** (кр. Шабад) - это пуговицы?

Преимущественно в гиссарско-кулябских говорах в таких случаях между гласными иногда возникают вставные звуки **-й** или **х**: **назар баи чохо у чо кьхпора-йай** (г-к.) - по сравнению с этими местами те места гористые; **хаму Кьлмьнда-да-ам йа одами кьхна-х-ай** (г-к.) - в том Кулмунде тоже один старый человек есть.

В аналогичных случаях наблюдается также выпадение безударного *ь* в предикативной связке 1 л.ед.ч. *-/ъм*: *кай да фигри чаме а-м?* (с.к. Ховалинг) - как я не подумал о пятинице?

б. В случае присоединения *изафета (-и)* к словам с гласным исходом наблюдаются разные фонетические изменения:

а) со вставным неслоговым *-й* и без него (типа *хона-й-и мо*, и *хона-и мо* - наш дом);

б) со вставным *-й-*, заменяющим звук *-и* (*изафет*) при полном его выпадении, особенно в беглой речи (типа *хунай мо* < *хонаи мо* - наш дом);

в) с разновидностью стяжения гласных *а + и > и*, то есть когда соседство *изафетного* показателя с исходным (ударным) гласным *-а* приводит к полному выпадению последнего (ставшего безударным) и переносу ударения обычно на предшествующий слог (типа *хуни мо* < *хонаи мо* - наш дом). Такое явление особенно часто встречается в гиссарско-кулябских говорах, оно отмечено также в западно-кулябских и каратегинских (правобережных). Подобного рода стяжение гласных было в свое время засвидетельствовано в каратегинском говоре селения Шинглич в долине реки Сорбух: *кузи* (< *кузай*) *руган* - кувшин масла; *идори* (< *идо рай*) *чамога* - правление (сельсовета); *курти* (< *куртай*) *дхтар* - платье девушки (Розенфельд 1953, 59). Возможно, данное явление в речи жителей этой долины поддерживается тем фактом, что часть ее населения (по материалам Гармской этнографической экспедиции 1953 г.) считало себя потомками давних переселенцев из Матчи (Таджики Каратегина и Дарваза 1966, 103), отдаленной от долины р. Сорбух Каратегинским хребтом. А как раз подобный тип стяжения, но, в отличие от южно-таджикского, с переносом ударения на (*изафетный*) показатель *-и* (*а + и > и*: *хуни ман* < *хонаи ман* - мой дом) отмечен в верхнематчинских говорах таджикского языка (Хромов, 1962, 33, 105);

г) с разновидностью видоизменения гласных *а + и > еи*, то есть когда соседство *изафетного* показателя с исходным (ударным) гласным *-а* приводит последний к такому сужению, что практически он переходит в фонему *е*, остающуюся ударной и не сливающуюся с последующим показателем *изафета -и* (типа *хоней мо* < *хонаи мо* - наш дом).

7. При стечении двух гласных *а* в словах с суффиксом уменьшительности *-ак* наблюдаются следующие явления по говорам:

а) в каратегинских и кулябских говорах между гласными корня и суффикса появляется вставной звук х: **бача-х-ак** - дегочка, **майда-х-ак** - малюсенький, **нъваса-х-ак** - внучек, **гусали-х-ак** - теленочек;

б) в рогских и бадахшанских говорах, где широкое распространён суффикс **-ък** (вариант суффикса **-ак**), при стечении гласных **а+ъ** образуется фонема **е**: **бачек** < **бача +ък-мальчѐнка**; **тагек** < **тага+ък-дядюшка**. Указанная особенность служит одним из диалектных отличий рогских и бадахшанских говоров от остальных говоров южной группы.

В южных таджикских говорах отсутствуют дифтонги как особые фонемы, которые противопоставались бы простым гласным, но имеются сочетания звуков, при быстрой речи произносимые, как дифтонги. Так, повсеместно (при наличии произносительных вариантов в одних говорах и отсутствии - в других) наблюдаются сочетания, которые целесообразно было бы определить как нисходящие дифтонги: **ау, оу, а** также **ай, ей**: **кауш** - кафш (вид обуви), **аусуна** (лит. афсона) - сказка; **оу** (лит. об) - вода.

Образование указанные сочетаний связано с тем, что согласные **в(w).й** в поствогальной позиции (в абсолютном исходе и перед следующим согласным) имеют в качестве своих фонетических вариантов неслоговые **у** и **й**. Вместе с тем наблюдается и тенденция к монофтонгизации **ай, ей**, отмеченная А.З. Розенфельд в бадахшанских говорах (Розенфельд 1971, 8) и имеющая место в других южных говорах: **верун** (лит. вайрон) - разрушенный.

Фонетические явления при стечении согласных в начале и в конце слова

Во всех южных говорах, как и в ряде других таджикских говоров, стечение нескольких согласных в начале и в конце слова недопустимо. В заимствованных из русского языка словах между двумя начальными согласными или перед ними появляется гласный звук, например, **зивена** (р. звено), **исминн/исмен** (р. смена)

При стечении согласных в конце слова в одних случаях между ними обычно возникает гласный, в других - происходит упрощение закрытого слога, т.е. отпадает один из согласных звуков, чаще конечный.

Во избежание стечения согласных в конце слова в южных говорах происходят следующие явления: а) между согласными появляется гласный **ъ**, реже **и**: **пашъм** (лит. пашм) -

шерсть, **фигър/фигир** (лит. фикр) - мысль, **тѣхъм** (лит. тухм) - яйцо, **къръм/ киръм** (лит. кирм) - червь, **захъм** (лит. захм) - рана; б) в ряде односложных слов, заканчивающихся двумя согласными, отпадает конечный согласный. Так, в беглой речи отмечено регулярное отпадение исходного т после глухого: **хаф/ аф** (лит. хафт) - семь, **хаш/аш** (лит. хашт) - восемь; **вах** (лит. вахт) - время, **гъриф** (лит. гирифт) - он взял. Это явление закономерно проявляется в глагольной связке 3 л. ед.ч. - **асттарсийас**(с-к.) (лит. тарсидааст) - испугался, **надида**с (лит. надидаст) - он не видел. Нередко отпадают и конечные звонкие согласные: **бълан** (лит. баланд) - высокий. Перед грамматическими формантами, присоединяемыми к такого рода словам, исходный согласный восстанавливается: **хаф, но хафтъм** - седьмой, **вах** - время, но **вахт-ъш-да**.

Ослабление и выпадение согласных

Для южных таджикских говоров характерно ослабление артикуляции звонких согласных в исходе слова, а также в середине слова между гласными, в результате чего происходит полное отпадение их и изменение фонетической структуры слова сравнительно с литературным таджикским языком. Наиболее часто отпадают согласные **д, н, з, г**.

1. В южных говорах повсеместно наблюдается отпадение и в указательных местоимениях **и** <ин - этот, **у** < он - тот, причем конечный **и** не восстанавливается, ни перед грамматическими формантами, ни при образовании в говорах с этими местоимениями новых слов и сочетаний: **хамита/амита** <хамин тавр- так, таким образом: **ихо** <инхо - эти; они; **уво** <онхо-этот; **хамика/амика** <хамин кадар - столько. Отпадает исходный **и** также в глагольных формах повелительного наклонения 2 л. ед.ч.: **бъши** < бишин - сяд; **бъза**-бизан - бей; **наза** <назан - не бей. Падение конечного **и** отмечено ив форме инфинитива: **дида баробар** <дидан баробар - как только, увидел, стоило лишь увидеть. Как правило, во всех южных говорах, за исключением вахиинско-каратегинских и части северно-кулябских, отпадает **и** в личном местоимении 1 л. ед.ч. **ма/ мь-я**. В вахиинско-каратегинских говорах и в группе селений верховьев Ёхсу северно-кулябских говоров для этого местоимения более употребительна форма **мън**. Надо думать, что форма **ман/мън** употребляется ив остальных южных говорах, поскольку наряду с **мара/ мьн-ра** - меня встречаются, хотя и реже, формы **ман-а / мьн-а**. Падение, исходного **и** засвидетельствовано и в ряде других слов:

рута<равган - масло, **вейру/веру**<вайрон - разрушенный, **дэру**<дарун - внутри, **беру**<берун - снаружи, **акъ**<акун - теперь. Исходное и отпадает также в местоименных энклитиках мн.ч.: **хамашу**<хамаашон - все вы, **хунамъ**<хонаамон - наш дом. В каратегинских, северно-кулябских, южно-кулябских и рогских говорах в глаголе **андохтан** (андоз) – бросать отпадает, целиком приставка **ан-** и глагольные формы образуются от основ «дохт-доз».

2. **Согласныйз** в южных говорах также имеет тенденцию к отпадению в исходе слова. Можно предположить, что диалектная форма предлога **ай**(лит. аз)возникла в результате падения конечного **з** и появления протетического **й**. Повсеместно наблюдается также отпадение **з** в слове **бо**<боз- опять, что вообще характерно для диалектной и разговорной таджикской речи. Одним из диалектных отличий каратегинских и части севернокулябских (Муминабад, Даштиджум) говоров является широкое употребление постпозитивного соединительного союза **ни**, возникшего из **низ** -также. Отмечено отпадение конечного **з** в словах, оканчивающихся сочетанием согласных (**чормаг/чомаг/чомок**<чормагз- грецкий орех), который восстанавливается перед грамматическими формантами (Чормагзак - назв. перевала).

3. Особенности употребления звонкого согласного **д** в исходе(**меша**<мешавад-будет, станет) и в середине слова (зам<задам - я бил) . были рассмотрены выше. К этому необходимо добавить, что вследствие полного выпадения **д** в ряде слов существенные изменения наблюдаются в глагольных формах, образуемых от основ на **д**, что наиболее интенсивно происходит в южнокулябских, севернокулябских, а также в рогских говорах. Причем, в результате выпадения **д** и последующего стяжения гласных глагольные формы значительно изменяются по сравнению с литературными: **зем**<задем - мы били (подробно см.табл. в главе «Глагол»).

Нарращение звуков

В южных таджикских говорах наращение согласных звуков чаще наблюдается в исходе слова, реже - в середине. Явление это распространяется на ограниченный круг слов и в ряде случаев находит свое объяснение, в некоторых же нет.

Согласный нпоявляется в исходе слов, оканчивающихся на гласный: **сьни** (лит. суйи) - в сторону (предлог); **токин** (лит. то-ки). - тубетейка; **гьлуи** (лит. гулу). - горло; **мухрин** (г-к. Дахана,

Яван) / мурин (г-к, Файзобод) (лит. мури) - дымоход; отверстие в заборе для стока воды; лозмини (рог.) (лит. лозимй) - женские шаровары; тын - тыдън - два (с-к, Зелолак, Ёхсу) (лит. ту; ду); заимствование из русского языка палтун - пальто.

Согласный т появляется, как правило, в исходе звукоподражательных слов, напр. фышаст (лит. фашшос /фашшас) - шипенье, а также слов каламфърт (лит. каламфур) - красный перец, калхост (лит. колхоз), фаромъшт (лит. фаромуш) - забвение; в середине слова, напр., остон (рог.) (лит. осон) - легко, басти (лит. басте) (с-к. Муллокони) - много, очень.

Согласный б возникает в конце и всередине слова; сътъмб (лит. су тун) - столб, амбрут (ю-к., рог) (лит. муруд) - груша, бъмбъръм, мембъръм (лит. мурам, мемурам)-умру. В подобных случаях наращение б отмечено в каратегинских, северно- и южно-кулябских и рогских говорах.

Нарашение согласного д отмечено в словах гъндъчин(рог.) (лит. гунучин) - сбор (урожая), съпорд (бд.) (в остальных южных говорах испор./сьпор)- плуг; в севернокулябских в заимствовании шиндйя (р.шинель)

Ассимиляция и диссимиляция согласных

Звонкие согласные в южных говорах менее подвергаются ассимиляции с последующими глухими, чем это имеет место в северных говорах.

Одним из случаев полной прогрессивной ассимиляции, когда звонкий согласный ассимилируется последующим глухим, является ассимиляция д глухим т: хъттун (лит. худатон) - вы сами, зъттар (лит. зудтар) - быстрее (в-к. Майдонтерак).

Явления ассимиляции согласных прослеживаются также в случаях замены в согласным б: сабоб (лит. савоб) - доброе дело, чабоб (лит. чавоб) - ответ, бобар (лит. бовар) - доверие. В последнем слове регрессивная ассимиляция - уподобление последующего звука предшествующему.

Неполной ассимиляции (по артикуляции) подвергается звук и перед б: шамбе < шанбе - суббота, Дъшамбе / Дъшамби < Душамбе, чъмбидан < чунбидан - двигаться. Регрессивная ассимиляция гласных наблюдается в кулябских и каратегинских говорах в словах: газар (з-к.) <гузар - квартал; кайа (з-к.) <куйа - моль, бана <бъна-хозяйство, дом; (с-к.) нармат <хурмат- уваже-

ние: **һанар** (с-к.) <хунар -ремесло; **мағлим**<муаллим - учитель; **чағма**<чумъа -пятница.

Диссимиляция согласных отмечена в диалектных вариантах **вазбин/вазмин** (лит. вазнин) тяжелый, **майлис** (лит. мацлис) - собрание, отмеченных во всех южных говорах; явление это произошло и в заимствованном слове **бинтовка-р.** винтовка.

Метатеза

Перестановка звуков, преимущественно согласных, явление достаточно распространенное в южных таджикских говорах. Причем в одних случаях это является не только общим для всех южных говоров, но отмечено и в других говорах таджикского языка: **дайро** (лит. дарё) - река; **авһолаво** (лит. ахвол) - положение, **һавло/ авло** (лит. халво) - халва, **авро** (лит. арвох) - дух, **файрод** (лит. фарёд) - крик, **бъғзола** (лит. буғзола) - козленок, **бърешум/ барешим** (лит. абрешим). - шелк, сырец, **буйро** (лит. бурё) - цинковка, **нағлат** (лит. лағнат) - проклятие, **дъшмоп** (лит. дашном) - брань, нарекание. Другие же случаи метатезы представляют собой специфическое явление, определенных южных говоров. К ним можно отнести перестановку согласных в формах от основы настоящего времени глагола **гузаштан**: **мезгара** (лит. мегузарад) - он пройдет, **бъғзар** (лит. бигузар) - пройди, которые засвидетельствованы только в кулябских говорах. В кулябских и каратегинских отмечены также: **равак** (лит. варак). - лист бумаги, **девлох/делвох** -летовка: в учкульском южно-кулябском - **хумра** (лит. хурма) - кринка, в рогском **қалдама** (лит. катлама) - слосная лепешка, **чабл кардан** - (с-к. Зелолак, Ёхсу) (лит. чалб кардан) - привлекать, **далх кардан** (бд.) (лит. дахл кардан) - иметь отношение. Метатеза, осложненная заменой одного из согласных, отмечена в слове **сълм** (лит. субх) - рассвет.

Сокращение слов и словосочетаний

Наиболее употребительные слова, словосочетания, глагольные формы подвергаются в речи значительному сокращению, что происходит в большинстве случаев под действием характерных для южных таджикских говоров фонетических закономерностей. К их числу можно отнести тенденцию отдельных согласных звуков к выпадению в середине слова, отпадению в начале и конце слова; тенденцию некоторых гласных к выпадению

нию при стечении нескольких гласных; стяжение или полное выпадение сочетаний неустойчивых гласных и согласных.

При сильной степени стяжения часто выпадают целые слоги и звукосочетания, причем в ряде случаев подобные стяженные формы слов, являются, диалектной нормой для южных говоров. Таковы, например, сокращенные слова, в которых звукосочетание -ав//aw переходит в у: руган < равган-масло, рузан < равзан-потолочное отверстие, нуват < навбат/наубат-очередь.

Выпадение звукосочетания -ав- наблюдаемое в формах образованных от основ настоящего времени наиболее употребительных глаголов (шудан - становится, рафтан - уходить, таво-нистан - мочь) явление общее для всех южных говоров: мешам < мешавам - стану, мерам < меравам - пойду. Выпадение звукосочетания рдв основе прошедшего времени употребительного глагола кардан - делать существенно изменило фонетический облик форм, образующихся от этой основы: каам (каратегинские говоры), кам (южно-и северно-кулябские) < кардам - я сделал.

Явления стяжения, очень развиты в южных говорах и в сильной степени отразились на сложных описательных глагольных формах, которые в результате стяжения частично превратились в простые. Типы стяжений сложных глагольных форм варьируются по говорам и могут являться признаками межговорных различий. Так в каратегинских говорах вследствие стяжения сложные формы преждепрошедшего времени превратились в простые по типу: рафта бьдъм (в-кр., к., рог., бд.) > рафтоудам/рафтудам / рафтодам - яшел (прежде), например; мьн пешаки умадоъм (омада будам) (к. Навди)-я пришел раньше. Стяжению подвергаются также формы преждепрошедшего перфекта 2, что отмечено в сарихосорском говоре на севере Куляба и в вахиинско-каратегинских говорах: рафта буда астанд > рафта бестан - они ушли прежде.

Наибольшему стяжению в речи подвергаются формы настоящего времени данного момента с вспомогательным глаголом истодаи -стоять. Вследствие различной степени сокращения этих форм в говорах имеется много вариантов одной и той же формы. В частности, в кулябских говорах засвидетельствованы следующие варианты (в качестве образца, приводятся формы 3 л. ед. ч.): кадаистодай / исодас, кадайсодай, касодай, каисай, кистай,, кесай, каесос, каастос, касос, кастос (лит. карда истодааст) - он делает (в настоящий момент). Последние четыре варианта

отмечены на севере Куляба-в шуробдарачинском говоре и в восточной части Куляба в Даштиджуме: барг калак каесом (с-к. Мулюкони) -я обрываю листья (для шелковичных червей): мъялима хамир каастос (с-к. Даштиджум) - учительница месит тесто. Действующие в говорах фонетические закономерности в значительной степени определяют особенности морфологической структуры глагольных форм южных говоров, влияя тем самым на формирование специфических диалектных отличий рассматриваемой группы говоров.

С выпадением отдельных звуков, целых слогов и звукосочетаний связаны явления упрощения слова и стяжения некоторых употребительных словосочетаний и оборотов в единое слово: чо (с-к) < кучо-куда (в этом случае имеет место дублетное произношение-ч/ц); рушод < руйи кушод в значении фразеологизма "откровенно, не тайно", ита < ин тавр-так, ика < ин кадар - так, столько, чанка < чанд кадар - сколько, коме < кадоме - который, чум < чй иедонам? - откуда я знаю?, мимхуна (кр.) < мехмонхона - гостиница.

Оглушение и озвончение согласных

Тенденция к оглушению звонких согласных в южных таджикских говорах не столь ярко выражена, как это отмечается исследователями говоров северной группы, где почти повсеместно личные глагольные окончания 3 л. ед. и 2 л. мн. ч. имеют в исходе (Расторгуева 1952, 94; 1964, 76). В южных говорах явление оглушения согласных не носит систематического характера и отмечается не везде, а преимущественно в вахиинско- каратегинских говорах. Рассмотрение материала выявляет оглушение ряда звонких согласных в исходе слова после гласных, редко в середине слова. Чаше других оглушается исходный д, заменяясь согласным т. Звук т на месте исходного д появляется после гласного и естественно завершает слово: мусъфет (в-кр. Охсой, Кул) (лит. мўйсафед) - старик, пърсит (в-кр. Кул.) (лит. пурсид) - он спросил. В данном слове отсутствие исходного согласного может привести к искажению значения, ср. пърси (форма 2 л. ед. ч. аориста), пърсит (ср. форма 3 л. ед. ч. прошедшего времени) - спрашивал; см. также; мунт (лит. монд) - он остался, шит (в-кр. Кул) (лит. шуд) - он одел, хунадьмот (с-к. Шугноу, Ёхсу) (лит. хонадомод) - примак, хашитот (з-к. Сангтуда) (лит. хаштод) - восемьдесят (здесь, возможно, регрессивная ассимиляция).

Оглушение г отмечено в следующих словах: сак (лит. саг) - собака, дек (лит. дег) - котёл, тькма (с-к. Ховалинг, бд.) (лит. тугма) - пуговица.

Наблюдаются случаи оглушения исходного з: савс(в-кр. Сарикенджа) - зеленый, гукъс (узб. тўкиз) - девять.

Озвончение согласных отмечено в отдельных словах, Так исходный к в слове йак - один повсеместно переходит в звонкий г - йаг, обычно при слове, начинающемся с гласного, сонорного или звонкого согласного: йаг руз- однажды, йаг мошин - одна машина, йаг одам-один человек. В соседстве с глухим согласным к восстанавливается: йакта - один. йак сум - один рубль. В некоторых словах озвончается начальный согласный к перед гласным: гъчю/гичю (лит. кучо.) - где, гудак (лит. кудак) - ребенок. Происходит озвончение к и в середине слова перед гласным или перед сонантом: погиза <покиза - чистый, фигир / фигр <фикр-мысль.

Озвончение исходного т отмечено в слове байд. (лит. байт)-бейт; байд-ът (лит. байтат) - твой бейт, байд-а (лит. байтро) - бейта.

Согласный ф озвончается в звукосоответствии -аф-перед щелевым согласным: лавз <лафз -говор, гавс <гафс-толстый, авгон(лит. афгон) - афганец.

Соответствие «у» литературному «о» перед носовыми «м», «н»

Одним из наиболее характерных для говоров южной группы фонетических явлений, связанных с позиционным ограничением употребления фонем, является возникновение на месте литературного фонемы перед носовыми сонантами м, н: нун (лит. нон) - хлеб, шуна (лит. шона) - гребень, умад (ли. , омад) - он пришел, нум (лит. ном) - имя. Соответствие литературному о перед носовыми, свойственное всем южным таджикским говорам (об исключениях см. ниже), распространено по этим говорам неравномерно. Диапазон указанного явления колеблется между сплошным (абсолютно закономерным) переходом о в у во всех словах в одних говорах и наличием этого перехода в одном-двух словах - в других. Сплошной переход о в у вовсе не исключает двойного произношения: калун/ калон - большой, умадан / омадан - они пришли и др. Это может зависеть от возраста носителей говора, образования, среды общения и от ряда других причин. В повседневной, бытовой речи в кругу семьи, среди односельчан переход о в у перед носовыми носит закономерный характер; в общении же, с городскими жителями или с представителями тех диалектов, где это явление отсутствует, возможны дублетные варианты или сохранение о перед носовыми, подобно литературному произношению. В речи старшего поколения это

явление. Более широко распространено, чем в речи молодежи и носит регулярный характер.

Территориально по говорам степень распространения данного явления представляется в следующем виде: наибольшей интенсивности оно достигает в каратегинских говорах (особенно в нахиинско-каратегинских), в северно-кулябских (особенно в их восточной разновидности в даштиджумском говоре) и в южно-кулябских. В западно-кулябских говорах данное явление заметно ослабевает. В речи носителей отмечаются многочисленные случаи сохранения *o* перед носовыми; в гиссарско-кулябских оно носит весьма ограниченный характер и наблюдается всего лишь в нескольких словах, имеющих произносительные варианты *умад/омад, думод/домод, калон/ калун, нун/нон*. Особое место в этом отношении занимают рогские и бадахшанские говоры. В рогских говорах на всей территории их распространения в Республике Таджикистан отмечены лишь два слова, в которых наблюдается соответствие звука *u* фонеме *o* литературного языка: *нун, думод*. Исключение составляют рогские кишлаки Бадринг, Чолиштак, Диахмади поин, заселенные группой населения, называющего себя "хылдыски", Афтобзамин, который населяла группа "шингуни". В языке жителей этих кишлаков засвидетельствовано систематическое соответствие *o* - *u* перед носовыми (Богоград 1952, 95, 202-203, 20). В горонском говоре и во всех бадахшанских, по опубликованным материалам (Болдырев 1948; Богоград 1963; Розенфельд 1971), переход *o* в *u* перед *m*, и вовсе не засвидетельствован.

Таким образом, взглянув на карту распространения южных таджикских говоров, мы можем убедиться, что рассматриваемое явление перехода *o* в *u* перед носовыми согласными охватывает наиболее широко говоры на юго-востоке, постепенно ослабляется и почти сходит на нет к западу и не отмечено лишь в Рого и Гороне на самых восточных участках территории распространения южных говоров у юго-восточной границы Таджикистана.

Переход *o* в *u* унеявляется сугубо диалектной чертой именно южных таджикских говоров. В этом отношении южные говоры продолжают языковую особенность таджикского населения почти всего современного Горного Бадахшана, широко распространённую дарвазских и ванджских говорах таджикского языка, а также в некоторых памирских языках, в частности, шугнанском (Соколова 1953, 90), язгулямском (Эдельман 1966, 13). За пределами этого большого региона, охватывающего юго-восточный Таджикистан, возникновение *u* перед носовыми на

месте литературного о отмечено исследователями как широко распространённое явление в говорах таджиков Верхнего Зеравшана, т.е. в центральных говорах таджикского языка (Хромов 1962, 19, 21; Керимова 1963, 23). Наконец, самыми северными точками, где было засвидетельствовано В.С.расторгуевой соответствие звука литературному ов позиции передносовыми м, н, являются кк. Хиштхона и Шайдана Аштского района Республики Таджикистан (Расторгуева 1952, 24-25). Единичные случаи перехода о в у перед носовыми м, н отмечаются исследователями и в других говорах северной группы. В говоре таджиков Бухары этот переход отмечен в местоимениях ун<он- тот, хамон<хамон- этот и даже в заимствованном слове телефон<телефон (Керимова 1959, 8). Известно также широкое распространение указанного явления в разговорном персидском языке и его диалектах (Пейсиков 1960, 19); В одном из диалектов ирани, распространённом в Средней Азии в сел. Зирабад, недалеко от города Бухары, также отмечено это фонетическое явление: уна<она- мать, зубун<забон- язык, нун<нон-хлеб, мунд<монд—остался и др. В основе этого явления лежит, по всей вероятности, фонетическая причина – соседство с носовыми согласными вызывает назализацию предшествующего гласного. Относительно открытый звук опод влиянием последующего согласного несколько сужается и, достигая подъёма у, совпадает с ним. Если в начале это мог быть комбинаторный вариант оперед носовыми, то течением времени в данной позиции на месте озакрепилась фонема у. Так комбинаторное изменение, расширяясь, перешло в произносительную традицию, а далее закрепилось как фонетический закон.

В южных таджикских говорах это явление находится на фонологическом уровне. В тех говорах, где имеется регулярный переход о в у, например, в вахиинско-каратегинском, особенно в кишлаках Верхнего Каратегина, произнесение соответствующих слов с сохранением о перед носовыми согласными препятствует пониманию смысла того или иного слова.

Неявляясь общей спесифической диалектной чертой для всех южных говоров, возникновение у на месте о перед носовыми согласными служит классификационным признаком при внутрдиалектном членении групп этих говоров.

Территориальное распространение рассматриваемого явления (как регулярно оно сохраняется лишь наиболее удалённых высокогорных районах и селениях) свидетельствует о его архаичности. Вместе с тем, следует отметить, что даже в тех говорах, где переход о в у перед носовыми согласными носит регулярный

характер, отмечен ряд слов, книжных или малоупотребительных, которых сохраняется о перед носовыми: **қонун-закон, зомин-оручатель, осмон-небо** (в этом значении в говорах чаще употребляется **ҳаво**), - **нодонневежда, замон** – время, **номус-честь** (в-кр., ск.), а также в заимствованных словах: **агроном, грам-грамм, тон-тонна, пилон-план**. Переход о в у перед носовыми в заимствованиях из русского наблюдается только в наиболее употребительных словах типа **райун/район** (ск.), **телефун/телефон** (в-кр; ск.).

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Категория числа

Категория числа – главный грамматический морфологический признак, отличающей в таджикском языке имена существительные от прилагательных.

В южных говорах грамматическим и показателями форм множественного числа существительных являются суффиксы **-ҳо, -о**, **реже-он/-ун**. Форма единственного числа противопоставляется форме множественного числа отсутствием показателя. Формы единственного числа в говорах, как и в литературном и общеразговорном таджикском языке, выражают не только единичный предмет, но и предмет как родовое понятие в его неопределенном множестве.

Суффикс **-ҳо** образует множественное число существительных только с исходным гласным: **къртаҳо-платья, осунаҳо-сказки, кадуҳо -тыквы, калхосчиҳо-колхозники** и т.п. Однако и здесь степенью употребительности ограничено: употребляется преимущественно в полном стиле речи или же в условиях, когда говорящий стремится приблизить свою речь к нормам литературного языка.

Основным показателем мн. числа в южных говорах является суффикс **-о**, который используется при именах одушевленных и неодушевленных, отвлеченных и конкретных: **дърахто-деревя, мардако** - мужчины, **асло**—лошади, **съхано-речи, мемонго-гости, бого-** сады и т.п.

Суффикс **-о** широко употребителен как при словах **исходом** на согласный, так и на гласный. В случае присоединения

суффикса--о к слову с гласным исходом настыке морфем происходят следующие фонетические изменения.

1. Если существительное оканчивается на **-а** ВОЗМОЖНЫ следующие варианты: а) присоединение суффикс **-о** происходит без каких-либо фонетических изменений в слове: **бачао-дети** (з-к. Бальджуан), **рѣшкао-клевера** (травы) (с-к. Восе), **тѣрезао-окна** (с-к. Ховалинг). Это относительно редкое явление засвидетельствовано в северно-изападно-кулябских, а также каратегинских говорах; б) исходный **-а** в слове вследствие регрессивной ассимиляции переходит в **о**; **бачоо-дети**, **хунао-дома** ит.п.: **бачоо-ра** бърдем шар-на (в-кр. Куглик) – повезли ребят в город; **хар дѣ Абибулоо-ра чѣвов те** (с-к. Дахана) – отпусти обоих Хабибулло; такое явление отмечено ВСЮДУ в ЮЖНЫХ говорах, кроме рогских и бадахшанских; в) если исходный **-а** в слове отпадает, суффикс **-о** произносится несколько протяженно: **бачо-дети**, **талабо-ученики**, **хонао** (хонао) – дома; это отмечено преимущественно в кулябских говорах; г) после исходного **-а** перед **о** возникает вставной **й**; **хунаййо-дома** (отмечено в речи файзабадских таджиков /Мурватов 1967, 115).

2. Если существительное оканчивается на гласный **и**: а) присоединение суффикса **-о** происходит без каких-либо фонетических изменений, причем параллельно возможно употребление суффикса **-хо**: **аснакино/аснакихо** всадники, **қишлокино/қишлокихо** кишлачные (сельские, деревенские) жители и т.п.: **бѣз-а** мепартойан-ѣаснакино мегиран мекашан (с-к. Хоелинг) – тушу козла бросают и всадник и выхватывают; б) между **-ни-о** возникает вставной согласный **й**: **босмачийо** (г-к. Норак) – басмачи, **говакнийо** (з-к. Чавроги боло) – имеющие ВОЛОВ ИЛИ коров, **дангарагийо** (г-к. Сангтуда) – дангаринцы, **чѣворийо** (рог) – кукурузи, **зардолнийо** (в-кр. Оксой) – абрикосовые деревья, **забирийо** (в-кр. Куглик) – изрода Забира; потомки Забира (осемейно-родственной группе).

3. Если существительное оканчивается на гласные **е, у**, присоединение в редких случаях суффикса **-о** (как правило, после этих гласных употребляется суффикс **-хо**) способствует появлению передним вставного согласного **и**: **порууио** (в-кр. Оксой) – удобрения, **кадууио** (ю-к. Порвор-тыквы, **охууио** (в-кр. Нушор) – серны, **мууио** (рог) – волосы. Протетический **и** отмечен преимущественно в рогских, южно-кулябских и вахиинско-категинских говорах.

Сфера употребления суффикса **-он/ун** в южных говорах весьма ограничена, засвидетельствован он **ГЛАВНЫМ** образом в каратегинских, кулябских (за исключением южно-кулябских, где отмечен в единичных случаях) и бадахшанских говорах. В рогских говорах этот суффикс непредставлен. В этой связи заслуживает внимания указание на редкое употребление этого суффикса в разговорном языке фарси (кабули) в Афганистане /Раван Фархади 1974, 24/.

В южных таджикских говорах, как и в современном литературном языке, при сравнительно редком употреблении показателя **-он/ун** сферы его использования очерчиваются довольно четко:

а) с именами, обозначающими человека и названия частей его лица: **одамон** (г-к. Норах) - люди, **касон** (г-к. Туда) - люди, **ламон** (с-к. Пушиён) - губы, **чашмон** (кр. Порвог) - глаза;

б) с именами, обозначающими животных, **ггиц-кавгун** (в-кр. Хичборак) - куропатки, **гьргун** - волки, **мьргон** - птицы; в) в многочисленных топонимах, в том числе **ВОСХОДЯЩИХ** к названиям семейно-родственных групп - **Пойлангун**, **Анваргон**, **Охингарон**, **Сайдон**, **Шайдон**, **Дараи Аспон**, **Заргарон** (с-к.); **Деи Гуломон** (кр.), **Кубиньон** (г-к.), **Дараи Мургон** (з-к.); **Камбагалон**, **Миршикорон** (рог.), **Харкорон** (ю-к.); **Лолазорун**, **Қазокун**, **Дараи Гусфандон**; **маһалаи Мехчагарон** (кр. Гарм) - квартал гвоздарей. В именах с исходным гласным **и** (реже **о**) перед суффиксом **-он/ун**, нередко возникает протетический звук **й**: **Муллойон**, **Кулобийон**, **Бунгакийон**, **Дарачийон**.

Можно предположить, что топонимы с суффиксами **-йо**, **-йу** также **ВОСХОДЯТ** к **-он/-ун**, поскольку падение исходного **и** закономерно для южных **ГОВОРОВ**: **маһалаи Говдийо** (Е-кр. Нушор) - квартал говдийцев (т.е. выходцев из **Говда**).

При некоторых существительных в южных говорах засвидетельствован суффикс множественного числа **-от**, присоединяющийся, как и в литературном языке, не только к **СЛОВАМ** арабского происхождения но и к таджикским: **ггийохот**-травы, растительность **кавгот**-куропатки, **богот**-сады, **дорийот**-лекарства, **таърихот**-история, исторические события, **мавзейот**-места: **кавгот фъридай-фъридай**, **дара пър шидай** (г-к. Мирзон)-куропатки налетели, налетели, (все) ушелье наполнилось; **гушти-ра чундорийот нахърд** (с-к. Кулмахмади)-мяса его же животные; **пеш да ича богийот набъд** (ю-к. Кишт)-прежде здесь, са-

да небыло. Иногда к суффиксу-от добавляется универсальный для южных говоров суффикс--о:мавзейото-места, окрестности.

Формы множественного числа вещественных, собирательных имен существительных, а также обозначающих части человеческого тела могут приобретать также следующие семантические оттенки, как это имеет место в ряде случаев и в литературном языке:

а)подвергающейся какому-либо воздействию весь предмет целиком:ЗУВОНОМ-м ай касалиара-арашидан(с-к.Шейхмизон)-весь язык у меня от болезни потрескался; лаво-м горсгорскафидан,гап зада наметонум(кр.Лангар)-все губы мои потрескались, СЛОВО сказать не могу;

б)множество и собирательность при названии знаков и других сельскохозяйственных культур:гандьмои Чонбахто оле ба дъравай(с-к.Ховалинг)-пшеница(посевы)в Джонбахте еще незрела для ЖАТВЫ ;шолийои калхози мо бьсийор-ай (с-к.Муминабад)-в нашем колхозе много(посевов)риса;гълем-а лавак-ъш-а хуй къ,наско мереза (с-к. Мазори Султон) – отверни краешек паласа, (а то) чечевица рассыплется;

в)различные сорта веществ:мурчък сев-а покиза мехъра, ругано-ам мехъра(с-к.Ховалинг) - муравьи яблоки дочиста съедают,и жиры (всякие)тоже поедают.

Формы множественного числа существительных,обозначающих отрезки времени, могут обозначать приблизительное, неопределенное время: бай рузон йакшанбе Заргарон бърем (с-к.Ховалинг) - мы пойдем в Заргарон в какой-либо из пред воскресных дней; соатойи чор-да хуроки пеши(и) те(кр.Обигарм) - часа в четыре подашь обед.

В отношении происхождения суффикса-о из -хо или -он представляется правильным основанное на анализе фонетических условий использования этого суффикса утверждение В.С.Расторгуевой о том,что возведение суффикса -о к -хо имеет более прочную основу (Расторгуева 1964,56). Однако в южных гаджикских говорах не исключена возможность связи суффикса -он/йон с показателем множественного числа -он/йон, поскольку в этих говорах фонема и в исходе часто отпадает:-он>-о (ср. и/ин-этот, хами/ами<хамин-такой). Но так как судить об этом можно лишь на основании сравнительно небольшого материала,охватывающего ограниченный круг слов (топонимы,патронимы,т.е. названия семейно-родственных групп), то ,

вероятней всего их исходный -й-о,- й-у (в результате перехода о в у перед носовым н восходит к суффиксам, образующим топонимы и патронимы и входящим вряд омоморфен -он (Рустамов 1972, 69).

Выражение неопределенности, определенности и единичности

В южных говорах основными средствами выражения категории неопределенности имен существительных служат артикль -е (в рогских и бадахшанских говорах -e/-и), числительной/йак, сочетание артикла -е и числительного йак.

1. Сравнительно с литературным языком артикль -е в южных говорах как показатель неопределенности используется более ограниченно, но все же несколько шире, чем в других таджикских говорах. По нашим материалам в 60% примеров категория неопределенности имени существительного выражена только артиклем -е. Примеры: хамиқа шуй каай, ки ҳисов надора (с-к.Феш) - столько раз замуж выходила, что не сосчитать; марде буд бисйо зуровар (бд. Ямг) - некий мужчина был очень силен; пешта да амича бойе бьд, ки сат гуспан дошт (ю-к. Тагноу) - в прежние времена был здесь какой-то богатый, что имел сто баранов. Последний пример представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, особую выделительно-усилительную интонацию которому придает артикль -е при одном из членов главного предложения. В рогских говорах артикль е используется сравнительно мало (Богорад 1953, 137).

2. Категория неопределенности может быть выражена также словом (числительным) йа(к), йаг - один (какой-то). В южных говорах, возможно, под влиянием тенденции, развивающейся в литературном языке, это средство выражения неопределенности преобладает над артиклем -е. Таким образом, и в южных говорах происходит процесс вытеснения старого грамматического способа выражения неопределенности новым посвоей природе писательным лексическим (Расторгуева 1964, 59): ай йак къхи бъланд ғарча бсьйор бъридем, чар кардем (в-кр. Яхакпаст) - с одной (какой-то) высокой горы мы много арчи спилили, скатили ее вниз; ть ала йаг кор къ, йа майдахак тов-ыш бьте (кр. Самсолик) - ты хоть что-нибудь сделай, чуть-чуть поверни его; йа бачахак ай Балъвон гъл кандак гулако-ра (с-

к. Ховалинг) - какой-то паренек из Бальджуана оспу привил ребятишкам. В гиссарско-кулябских говорах отмечено сочетание йа(к) хел, выражающее неопределенность: йа хел лаузо хай - "ота" меган (г-к. Туда) - в некоторых говорах часто употребляют слово "ота" (отец).

3. Очень распространенным средством выражения неопределенности в южных таджикских говорах является сочетание артикля-е и слова йак типа йак марде - один какой-то человек (мужчина), для каждого из которых характерно указание на неопределенность предмета. По видимому, указанная конструкция укрепляется в говорах за счет все большего ослабления функции артикля -е как показателя неопределенности предмета. Р.Л.Неменова отмечает, что одновременное употребление артикля -е и числительного йа(к) в говорах более свойственно фольклору, чем повседневной речи (Неменова 1956, 24). Но, как свидетельствуют материалы, бытовой Повседневной речи эти конструкции также не чужды. Грамматическое значение рассматриваемого сочетания-выражение неопределенности и единичности - наглядно выявляется в следующих примерах: калан-дар йа охи сарде кашид (кр. Обигарм) - странник тяжело вздохнул (букв. испустил тяжкий вздох); йак рузе шидас, камбагал йак рох-да рафтас (с-к. Ховалинг) - случилось однажды (букв. один какой-то день настал), шел бедняк по одной какой-то дороге...; йак шофирс омадай, йахдон овардай (ю-к. Шахри Барбар) - какой-то шофер приехал, привез сундук; йа зовуте хас, ки хиш нисов-вш-да расида намеша (г-к. Окбури) - есть один какой-то завод, но никак в его (делах) разобраться невозможно; хаминчонда йак занаке гъзаштас (кр. Ялдамич) - здесь проходила какая-то женщина; йак кори мешидагис, охи (в-кр. Хичборак) - ведь это какое-то осуществимое дело.

Определенность в южных говорах может быть выражена грамматически послелогом -а/-ра/-ро. Основной функцией данного послелога, как и литературного -ро, является оформление прямого дополнения, одновременно с чем он является и показателем определенности. Послелог -ро (и его варианты) в функции показателя определенности часто употребляется при слове с определением, выраженным указательным местоимением, еще более подчеркивающим определенность предмета: баъд ть кабул кади хаму гап-а? (с-к. Ховалинг) - потом ты согласился с теми словами? падарои ино-ро мешиносам (бд. Андароб) - я знаю их отцов.

Имя прилагательное

Степени сравнения прилагательных Сравнительная степень Морфологическим показателем сравнительной степени прилагательного в южных говорах, как и в литературном языке, является суффикс **-тар**: **льмбтар**—больше; **полвонтар/палвонтар** — сильнее, мощнее; **бекортар**-посвободней; **сърхтар** - краснее и т.п.

Особенностями этой формы в южных говорах является следующее.

1. Частое её употребление в сочетании с суффиксом **-ак**, который наряду с присущими ему оттенками уменьшительности и ласкательности приобретает дополнительный оттенок меньшей степени свойства или качества предмета сравнительно с другим предметом, а также явлением, отрезком времени др.: **майдата-рако-ш -а** нимкоса мегем, ай и майдакако-ш-а пийолаи чойхъри(в-кр.Саридашт) -те, что поменьше, мы называем «нимкоса» (полумиска), те же, что (и) этих меньше, - пиалами для чая; **бахактарак** мешидас, **намегъръфтас** (с-к. Ховалинг) – была бы она посмышленей (постарше) , не взялабы (чужой вещи);**Кули Калун** льмгарак-ай, **Хъчак** хъргарак-ай (в-кр.Лангари Шо) - **Кули Калон** - побольше, **Хичак** – по меньше.

2. Удвоение суффикса **-тар**:**-тар-тар/та-тар**. Данное явление зафиксировано как в кулябских, так и в каратегинских говорах. Удвоение суффикса **-тар** в формах сравнительной степени прилагательных отмечено в ферганских таджикских говорах, в частности в чустском (Джалолов1949,19), засвидетельствовано и в разговорном языке дари Афганистана /Раван Фархади 1974, 79/.

Путем повтора суффикса **-тар** достигается большая выразительность; в южных говорах такие формы сравнительной степени приобретают усилительный оттенок: **хамуча** рави, **бехтар-ай** (кр. Ялдамич)-если ты тут пойдешь, будет получше; **къх** блантатар, **йол** пастатар (с-к. Ховалинг)-горы повыше, холмы пониже; **лаuzzi** хьмун-а бьгем, **бихтатар—ай**(кр.Маргзори Сир) - (если) (будем) говорить о нашем говоре, (то) он лучше.

Выражени сравнения предметов по их признакам и качеству подробно рассматривается в разделе "Синтаксис" . Здесь лишь отметим, что в южных говорах распространены в основном следующие способы выражения сравнительного значения: только формой сравнительной степени (сравнение выявляется ситуационно,из контекста); посредством предлогов и формы сравнительной степени: путем сочетания предлога ай-аз и послелога

-да при имени, обозначающем предмет, с которым сравнивается нечто, и формы сравнительной степени. Последний способ специфичен для южных и юго-восточных говоров и, по-видимому, наиболее архаично употребляется в ряде гиссарско-кулябских говоров, соседствующих северным и таджикским говорами.

Если в предложении имеется форма сравнительной степени без каких-либо иных лексико-грамматических средств, то сравниваемые предмет или явление не упоминаются. В таких случаях сравнения как такового нет, но свойство или признак предмета, содержащиеся в форме сравнительной степени и прилагательного, соотносятся с каким-либо явлением, чаще временного порядка: он вагтҳо шъмо майдатар бъден (кр. Самсолик) - в тупору (сравнительностеперешней) вы были помоложе; неки мо шалпартар шъдем (в.-кр. Куклик) - однако мы больше устали (чем накануне).

В конструкциях с предлогом ай <аз налицо оба сравниваемые предмета и сравнение их по определенному признаку носит прямой, непосредственный характер. Этот способ выражения сравнения, неотличающийся по существу от литературного языка, широко распространён во всех говорах южной группы: и се wай у sew бихтар-ай (кр. Маргзори Сир) - эти яблоки лучше тех яблок; айлоки мо ай айлоки уно каривтар-ай (в.-кр. Сарикенджа) - наша летовка ближе их летовки.

Как уже упоминалось, в кулябских и каратегинских говорах весьма распространена конструкция, в которой слово, означающее предмет сравнения, оформляется предложно - послеложным сочетанием ай ... -да/-нда: ай и-нда у майдатар-ай (в.-кр. Сарикенджа) - тот меньше этого; и асп ай аспи мо-да хъшру-ай (ю.-к. Учкул) - этот конь красивей нашего коня; хонаи Камол беҳтар-ай ай ами амбор-да (з.-к. Зогнул) - дом Камола лучше этого амбара.

В функции грамматических средств выражения сравнения используется также составной именной предлог назар ба: айволи колхозчийо назар ба малимо дъръстар бъд (кр. Кадара) - положение колхозников, по сравнению с учителями, было лучшим.

Превосходная степень

Образование превосходной степени прилагательного с помощью суффикса -тарин в южных говорах не имеет широкого распространения и отмечено большей частью в материалах по

каратегинским и бадахшанским говорам:...хамма одамо-ра къв мекунад, наздиктарин кауми хеш, амсойа(бд.Шамбеде) - всехлюдей созывает, ближайших родственников, соседей..; дехкуни къхнатарин ана хамин-ай (кр.Навобод)- старейший крестьянин – вот он. В ряде случаев превосходная степень с суффиксом **-тарин**, встречается в виде повтора с изафетным показателем (иногда с энклитикой **-ъш**): бихтарини бихтарин-ъш хами сев-ай (кр.)- самые лучшие вотэти яблоки; и саг батарини батарин (кр.Маргзори Сир)-эта собака худшая из худших. Данная конструкция усиливает значение высшей степени проявления признака.

Более распространен в южных говорах описательный способ выражения превосходной степени посредством предложного или предложно-послеложного сочетания **ай(х)ама**, **ай(х)ама-да**, прилагательное при этом употребляется либо в основной форме, либо в форме сравнительной степени:мъда инкишлок, ай амакалунтар-ъм(рог.Ходжагалтон) – я в этом кишлаке старше всех; ай хамма –да у хъшру(с-к.Ховалинг) –она всех красивей(самая красивая).

Выражение меньшей степени качества

Одной из особенностей южных таджикских говоров сравнительно с литературным языком можно считать наличие в них особых суффиксов-чоп, **тоб/тов**(от глагола **тофтап**-маячить, виднется), **ранг**(от **ранг**-тип, вид), **-лем**, **-ваз**, образующих качественные прилагательные со значением уменьшения или приглушения качества. Эти суффиксы, за исключением-лем,широко употребительны в кулябских и каратегинских говорах; суффиксом отмечен в вахинско-каратегинских и эпизодически в северно-кулябских, **-ваз-** в вахинско-каратегинских: ай адир гизалачоп умадай, азоми-ш нате (с-к.Кулдара) -с поля(букв. с холмов)он вернулся немного расстроенный, недокучай ему; не, акъ мо пирчопшъдем(з-к. Бальджуан) - нет, теперь мы стали староваты; **хирачоп**(с-к. Ховалинг) -мутноватый; **кабудчоп кабуд-тоб** (в-кр. Нушор)-синеватый, зеленоватый; **шахтов-твердоваатый**;либос-ъш сърхвас-ай(в-кр. Сарикенджа) – платье ее красноватое.

Наряду с означением уменьшения качества суффикс **-ранг** придает оттенок некоторой схожести, отдаленного подобия свойство, которые заключены в значении самого прилагательного:шъмо бетовранг,бъшьнен, ма чъх местъм(с-к.Ховалинг) -

вы, похоже, нездоровы, присядьте, я постою; дигар да сагираги хайдовранг(кр. Шохи Аслон) - а дальше в сиротстве все од-ночтоскитальцы.

Суффикс -лем аналогичен по значению суффикс ча приня-тому в литературном языке-ча(с которым иногда употребляется одновременно): зарлем-желтоватый, сърхлем-красноватый; дъмб-ыш дъроз-ай-у сар-ыш-да пупи дора-йу сърхчалем-ай(с-к.Геш) хвост у нее длинный, а на голове хохолок красноватый(о птице).

Выражение интенсивности качества

В южных говорах имеется интенсивная форма прилагатель-ных, образуемая, как и в литературном языке, путем неполного повтора слова, типа сьп-сърх-красный-прекрасный, льб-льч/луб-лич-голый-голый, сип-сийох-черный-пречерный, заб-зард-желтый-прежелтый: ow-ыш сьп-сьфед(кр.Хаками) – вода светлая-пресветлая; камзьлои магазинсип-сийохан(в-кр.Нушор)-камзолы продающиеся в магазине черные-пречерные; зав-зард шидай ай чаври афтов-а (г-к.Гулизор) – он стал таким бронзо-вым от солнца.

Следует отметить, что подобные формы в южных говорах значительно менее употребительны, чем в северных, и представ-лены узким кругом качественных прилагательных. В рогских и бадахшанских говорах указанные формы зафиксированы в еди-ничных случаях. Материалы южных говоров, таким образом, подтверждают предположение В.С.Расторгуевой о том, что ин-тенсивная форма прилагательных является новообразованием в таджикском языке. Наибольшего диапазона её распространение достигает в районах бытования северных таджикских гово-ров, далее же к югу степень ее употребительности уменьшается /Расторгуева 1964, 59-60/.

Традиционными типами интенсивных форм прилагательных в южных говорах, выражающих высшую степень признака; можно считать формы, образование посредством редупликации /Расторгуева 1964, 60/;

а) без соединительных элементов: калон-калон-большой-пребольшой, льмб-льмб крупный, солидный: одамои калон-калон омадан (ю-к. Учкуль) - прибыли очень важные люди; кал-хос говойи льмб-льмб дора (кр.) - в колхозе крупные коровы;

б) с соединительным изафетным показателем: дърози дароз-длин-нющий, шури шур - солёный-пресолённый, хуби хуб превос-

ходнейший, калони калон-большущий, съфеди-съфед-белый-пребелый, ослепительно белый: хунайи кьшоди кьшод дошта-стак (в-кр.Оксой) - у него, оказывается, просторнейший дом; неки мағлими зури зур-ай (с-к.Наврухо) - однако он очень знающей учитель; и об хаами нағз шидас, агане шури шур бъдаст (з-к.Дангара) - эта вода вот (только) теперь хорошей стала, а то была соленая-пресоленая; һойит мардуми хуби хуб дора (кр.Нимич) - в Хаите прекраснейший народ. Указанные типы форм, образованных путем повтора, отмечены в некоторых северных говорах.

Помимо рассмотренных форм морфологического образования, в говорах, как и в литературном языке, широко развиты типы лексикализованных словосочетаний (см. «Синтаксис»), в которых идея интенсивности, усиления заключена во вспомогательном слове, по смыслу относящемся к прилагательному и определяющем его: бисйор золим одам - очень злой человек, бисйо одами мусафед (кр.Хаками) - старый-престарый человек, хеле хуу(кр.Пору) - прекраснейший, отличный: В качестве слов, выражающих интенсивность качества, помимо общепринятых в литературном и общетаджикском разговорном языке, в южных говорах употребляются слова в указанной функции свойственные именно этим диалектам: хуб - хорошо, соф- совсем, бад - плохо, лъмб - крупно, сахт - сильно и некоторые другие. Данные слова имеют особенности употребления и территориального распространения по говорам. Так, хуб, соф, сахт, беһад - безгранично, как правило, употребляются препозитивно: дьхтари акайи Карим-а дидъм, хуб хушруе бъдас (в-кр.Сарикенджа) - я видел дочь ака Карим-а, необыкновенно красивая; тарафи Кулоб сахт базев шидай (з-к.Дангара) - Куляб (букв. сторона Куляба) очень похорошел; му-ш соф сафед шид - волосы его совсем поседел; риш-ыш соф сийа! (рог.Ходжагалтон) - борода у него такая черная (букв. совсем черная)! Слова бад и лъмб обычно употребляются постпозитивно: оу-ът чуши бад бъдаст, неки ва дьстойи мьн соз-ай (в-кр.Кушагба) - вода у тебя, оказывается, чересчур горячая, но для моих рук всамый раз; бадан-ыш-ам қоқи баде бъдай (г-к.Яван)- и тело у него было невероятно худое; дьрози лъмб бъдай у (в-кр.Хичборак) - длинный-предлинный был он.

Слово **соф** в рассмотренной функции интенсификатора значения прилагательных преимущественно распространено в бадахшанских, рогских; примыкающих к ним южнокулябских говорах; **льмб** отмечено в каратегинских говорах; остальные характерны для большинства южных говоров.

Словообразование существительных и прилагательных

В южных говорах образование новых слов в том числе существительных и прилагательных, происходит в основном теми же способами, что и в литературном языке: а) лексико-семантическим, при котором новые слова образуются путем возникновения в языке слова нового смыслового наполнения, в результате чего появляются омонимы, причем в диалектах один из омонимов сохраняет иногда значение общенародного характера: **наким I**-лекарь; 2 целебное средство; целебный, болеутоляющий: **каламфърак** **наким-ай** **дандундар-да**, **хала-да** (с-к. Заргарон) - гвоздика - целебное средство от зубной боли, от колит); **рахдавък**(в-кр. Кичикзи) **I бот.** вид придорожной травы; Зоол. назв. птицы (трясогузка), **чапарак**(повсеместно) **I** плетеный щит из ветвей; плете неввая изгородь; **II** лестные лыжи(из двух кругов плетенок для ходьбы по глубокому снегу); б) морфолого-синтаксическим способом, предполагающим переход слов одной части речи в другую, в частности путем субстантивации, например, **дав/дов**-лоза, побег, плеть бахчевых культур(из основы настоящего времени глагола **давидан**-бежать); в) морфологическим-наиболее употребительными распространенным в говорах способом образования новых слов, относящихся к именам существительным и прилагательным. Основными наиболее продуктивными морфологическими способами образования существительных и прилагательных в говорах, как в литературном языке, являются суффиксальный, префиксально-суффиксальный и словосложение.

В данной работе, содержащей морфологическую характеристику частей речи, главным образом и рассматривается морфологический способ образования слов. В целом говоры, как разновидность общенародного языка, не имеют сколько-нибудь существенных отличий от языка литературного ни по способам словообразования вообще, ни по специфике суффиксального образования в частности, ни по структуре производного слова или его компонентов. Вместе с тем диалектная аффиксальная си-

стема, в частности южных говоров таджикского языка, имеет свои особенности, объясняемые внутренними закономерностями языка и причинами экстралингвистического характера.

В таджикском языке префиксы и суффиксы как средства именного словообразования представляют цельную систему и не имеют абсолютно строгого распределения между частями речи. Однако, говоря в данном случае о существительных и прилагательных,¹⁰ можно считать установленным, что имеются суффиксы, как специфичные только для существительных, так и только для прилагательных, а также общие для тех и других. Что касается префиксального образования слов, то следует отметить, что словообразующие префиксы в таджикском языке и его диалектах немногочисленны и образуют преимущественно имена прилагательных (за исключением префикса *хам-*).

Рассмотрение системы словообразующих суффиксов существительных и прилагательных в южных говорах сравнительно с литературным таджикским языком показывает, что основная масса этих суффиксов в говорах совпадает с литературными по функциям, назначению и употреблению. Отдельные диалектные черты характеризуются: а) дифференцирующими признаками количественного характера, т.е. некоторые суффиксы, употребительные (независимо от их продуктивности) в литературном языке (например, *-фом,-осо*) не употребляются в говорах, и наоборот, в говорах имеются суффиксы, неупотребительные (например, *-лем,-чоп*), архаичные или малоупотребительные в литературном языке, например диалектн-*вара*, *богвара-* изобилующий садами, *мылки сангвара* (лит. *мулки сангзор*) - каменный край; б) признаками качественного характера, обусловленными закономерностями внутреннего развития диалекта, в частности факторами, определяющими избирательную направленность производящих слов по отношению к тем или иным суффиксам: например, некоторые слова (названия местности по рельефу и др.), а также термины (обычно отражающие сельскохозяйственную деятельность человека), выступающие в

¹⁰Обзор литературы и различные точки зрения исследователей таджикского языка на именные части речи их классификацию и другие вопросы содержатся в литературе, в частности в разграничении существительных и прилагательных/Рустамов 1972, 24-39; 1981), о способах словопроизводства и словосложения имен существительных и способах словопроизводства и словосложения имен существительных и прилагательных (Расторгуева 1954, 539-54 540, Неменова 1956, 537-543).

качестве производящей основой южных говорах, дают производные с суффиксом **-аки**; дарав-жатва> диалектн. дараваки(реже даравгар), лит. даравгар-жнец; чуфт-пахота> диалектн. чуфтаки/чуфтгар, лит. чуфтрон -пахарь; кар - глухой>диалектн.караки дохтан делать вид,что не слышит), лит. карн(вхудо бакаризадан с тем же значением); дашт – равнина> диалектн.даштаки - житель "дашта" (равнинной местности), влит. неупотребительно.

Суффиксальное и префиксально-суффиксальное словообразование существительных и прилагательных

В южных говорах,и в литературном таджикском языке, суффиксация, префиксация, а также использование обоих этих средств одновременно один из наиболее развитых способов именного словообразования.

.Словообразующие суффиксы в говорах составляют две основные группы:а) суффиксы общетаджикские, представляющие собой основную часть именных словообразующих суффиксов; б)суффиксы диалектного характера, по количеству значительно уступающие общетаджикским. К диалектным могут быть отнесены суффиксы эмоционально-субъективной оценки **чоп,-лем**, указывающие на менее интенсивную степень признака(сурхлем-красноватый), а также непродуктивные суффиксы, сохранившиеся в то понимах и отдельных словах, например,-**иф**(Гориф - назв.кишлака в Каратегине), **-оч/ -очи**: певоч(з-к.Бальджуан) – женская молочная артель);-**кол**(думкол-позади, последующий, пешкол- впереди; передний), **-бод**(обозначает высшую степень признака:холибод-совершенно пустой, чазирбод-разрушенный до основания;совершенно испорченный, **ордбод**-стертый в порошок, **сарибод**-стремительный),-**кии**: наркин-мужской (орастении), модкин-женский).

По участию в образовании рассматриваемых именных частей речи словообразующее суффиксы в южных говорах группируются следующим образом:

а) суффиксы имен существительных:-**дон/-дун**; **истон/истун**;-**зор,-лох**, **сор;бон/-бун/-вои**;-**андар**, **даги гари**;-**чи**, **-чин -го(х)/-га**, **-а,-ник/ъник**;

б) суффиксы имен прилагательных:-**манд,-ин/-гин,-ата**, **-лала**, **олу**, **-чоп**, **-тоб**, **-лем**, **-ранг**, **анги**, **- ваез**;

в) суффиксы, образующие как существительные, так и прилагательные: -ак, -аки, -и/-ги, -ланг, -миш, -лама, -гар, -о, -он, -вара, -ча.

Именные суффиксы в южных говорах, как и в литературном языке, по своим грамматическим функциям подразделяются на три группы: суффиксы, обладающие собственно словообразующей функцией (основная масса всех суффиксов); суффиксы совмещающие словообразующую и эмоционально-оценочную функции (придают слову дополнительное ласкательно-уменьшительное значение); к ним относятся продуктивный многозначный суффикс -ак и суффикс -ча; суффиксы более близкие по функции к формообразующим (указывают на интенсивность или ослабление признака); к ним относятся малопродуктивные суффиксы -лем, -чоп, -ранг.

Система словообразующих именных аффиксов южных говоров в основных своих определяющих чертах та же, что и в литературном таджикском языке. Суффиксы в южных говорах представляют собой широко разветвленную систему словообразующих средств. С точки зрения семантики образованные с помощью суффиксов производные слова составляют несколько рядов: названия лиц по профессии происхождению, по характерным для них качествам и т.п.; названия животных; названия предметов; слова с отвлеченным значением.

Суффиксы, посредством которых слова приобретают эмоционально-оценочные значения (уменьшительные, ласкательные), а также суффиксы, характеризующие степень ослабления или интенсивности качества, в южных говорах представлены несколько шире, чем в литературном языке.

С точки зрения употребительности и способности образовывать новые слова суффиксы в говорах бывают продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные. К числу наиболее продуктивных и употребительных суффиксов относятся общетаджикские, образующие как существительные, так и прилагательные. Менее продуктивны суффиксы, образующие только существительные или только прилагательные, сюда же относятся собственно диалектные суффиксы, ареалы которых довольно четко очерчиваются. Среди диалектных суффиксов имеется известное количество непродуктивных.

Суффиксы, образующие существительные и прилагательные.

Суффикс -ак с его многочисленными вариантами -ек, -а(к), -ук; -акак (только в уменьш. -ласкат. значении); -йак, -хак (послегласных); -ик, -ък (рог., бд. частичнов-кр.) является одним из наиболее продуктивных, многозначных и распространенных именных словообразующих суффиксов в южных говорах. Суффикс -ак в южных говорах, как и в литературном языке, функционирует как оморфема, что определяется присущим ему двойным значением: во-первых, при именах это показатель эмоционально-уменьшительной оценки предмета, признака; данное явление некоторыми исследователями характеризуется как находящееся на стыке форм словоизменения и словопроизводства (Рустамов 1972, 68), во-вторых, от существительных и прилагательных он образует новые слова различного предметного значения.

Суффикс -ак в эмоционально-уменьшительном значении употребляется как с именами существительными, так и с именами прилагательными, причем в этом значении ему синонимичен менее употребительный в южных говорах суффикс -ча. Именам существительным -ак придает значения уменьшительности (например, хунахак (ю-к. Тагноу) - комнатка; чувак - палочка, щепочка; һъчрахак - комнатка для гостей; ганчурък (ю-к. Тагноу) - кладовушка; йа нумолак-ъш-а бурда бьдъм (с-к. Ховалинг) - я понесла ей узелочек (с провизией); а также ласкательности (гудакак - малыш, тилохак - монеточка; бачахак-ъм - сыночек мой).

При выражении ласкательно-уменьшительного значения для южных таджикских говоров специфичным является использование суффиксов -ча и -ак одновременно: йа хохарчахак доштъм, касал шидай (кр. Гофилобод) - у меня одна (младшая) сестричка была, заболела; йак майдахак сандуқчакак бьдай (г-к. Гиссар) - был, оказывается, какой-то маленький сундучок; мо ика сагирачак бьдем (с-к. Феш) - мы были вот такими сиротками. В ряде случаев суффикс -ак наряду с оттенком уменьшительности одновременно может придавать слову в новое лексическое значение, как правило, развившееся позже. Так, например, вслове ньмолак, кроме первичного уменьшительно-ласкательного значения "платочек", в настоящее время обнаруживается самостоятельное лексическое значение «носовой платок», а также

переносное - "узелок (с едой и пр.)". Суффикс -ак, придавая обычно уменьшительно-ласкательное значение прилагательным (бачай хушруй-ак-ай ки...! - какой хорошенький мальчик...), в определенном контексте подчеркивает также более слабую степень признака (каме авкоти сабукак кьнем - поедим-ка немного легкой пищи).

Присоединяясь к прилагательным сравнительной степени, суффикс -ак дополнительно выражает меньшую меру признака или более слабую степень его: баһаклтарак мешидас, намегирифтас (с-к.Мазори Султон) - была бы чуть поумнее, не взяла бы; бародар, аку мо падар-амо камбағалтарак бьд (г-к. Окбури) - так вот, брат, отец наш был бедноват.

В южных говорах именно суффиксу -ак принадлежит значительное место в именном словопроизводстве.

От простых и сложных имен существительных при помощи этого суффикса образуются новые слова, обозначающие предметы домашней утвари, детали сельскохозяйственных и иных орудий, одежды, названия животных, птиц, насекомых, растений, кулинарных изделий, детских игр и многое другое.

Примеры названий предметов утвари, одежды, деталей ремесленных станкови сельскохозяйственных орудий, кушаний: **чувозак** - ступка; **даханак** - крышка чайника; **нонроскунак** - доска для разделывания теста; **ғалтак/ғалтък** - скалка; **хиштък** - клинья мужских штанов; **кълфак** - клин, рукавженского платья; **шамшерак** - деталь ткацкого станка; **болиштак** - деталь саней-волокуш; **калък** (ю-к. Ёл) - большой глиняный сосуд для молока; **қандак** - сушеная дыня; **сустак** - назв. кушанья; **дулък** (в-кр. Нушор) - узкогорлый кувшинчик.

Примеры названий различных животных и растений: **шибитак**-дикий укроп, **сарак** - колос, **чанбилак**, **шумак**, **сузанак**, **лолакақак** - названия дикорастущих трав; **кавлезак**- головастик, **бингак** - оса, **нулък** - птичий клюв; **кирмак** - шелковичный червь.

Посредством суффикса -ак образуются новые слова от сложных имен существительных: **кокмағзак** - пустой орех; **тътпустэк**-сушеный тутовник; **автоьборонак** - слепой дождь. Особенно распространены при этом образования от моделей типа: существительное + основа настоящего времени простых и сложноименных глаголов: **оьпартыйак** - назв. болезни; **рубинак** - подарок молодой невестке в день посещения родственников после бракосочетания; **олучабандак** - вышня; **думравак** - неродной ребен-

нок (пасынок., падчерица); сарморезак (ю-к. Ёл) - дрожь, озноб; бинишиканак (кр. Ялдамич) - полевой хвощ; дъскапак - рукоятка, ручка двери; стеганный лоскут для горячего котла, чайника; асптакакънак - молот для подковывания лошадей.

Именная часть некоторых сложных глаголов южных говоров содержит суффикс -ак, например: сарчархак гирифтан - кружиться (о голове); пуштагелак задан - валяться на спине (о животных); пундона-йа хъран одам-а сарчархак мегира (г-к. Гиссар) - если наестся масличных семян, человека одолеет головокружение. К ним примыкает и сложный глагол галтанак кардан - валяться по земле; руйи санг-а руба галтанак кад (г-к. Яван) - лиса развалилась на камне.

В южных таджикских говорах суффикс -ак весьма продуктивен в образовании топонимов - названий кишлаков, кварталов, угодий и т.п. /Розенфельд 1956, 83-93/, например, в Каратегине-Хуфак, Нъмичак, Лангарак, Навдонак, Лойак, в Кулябе - Вахинак, Бушолок, Оби Лулийак и др. здесь проявляется грамматическое значение -ак, придающее топониму оттенок уменьшительности или подобия чему-либо.

Имеется также группа слов в состав единой сросшейся основы которых входит суффикс -ак; такие слова в говорах без суффикс -ак не имеют самостоятельного употребления и лексического значения, например, чебак - карман¹¹, тутак - дудка, бувак - чучело теленка и др.

Суффикс -ак образует новые слова, от звукоподражательных и изобразительных слов: ватватак (в-кр. Кушагба) - назв. колючего растения; къткътак, валвалак - детали мельницы.

От имен прилагательных суффикс -ак образует существительные, значение которых прямо или косвенно имеет связь с основным признаком, заключенным в значении исходного прилагательного: мастак (от маст - возбуждений) - куропатка (самка); зардак (от зард-желтый) (в-кр. Кушагба) - морковь; бугузак (от бугуз - беременная) - а) бутон; почка; б) одна из стадий созревания хлебных злаков и др.

Образования от прилагательных с помощью суффиксов -ак/ -акак/-(ъ>)ъкак продуктивны лишь в значении эмоциональной оценки уменьшительности и ласкательности: сафедак -

¹¹ Односложное слово чеб было употребительно в таджикском языке классического периода (Фарханг ... 1969: 2, 179; Халимов 1972). Оно употребляется в современном персидском языке (Персидско-русский словарь 1970. 453).

беленький, майдъкак - (совсем) малюсенький: йа чундораки зардаки майдъкаки дигар да хайлоко меша, сагър-ыш меган (с-к. Геш) - такой маленький рыженький зверек, водится на летевках, "сагир" (сурок) его называют.

От числительных с помощью суффикса -ак образуются наименования домашних животных по возрасту **шишак** - шестимесячный ягненок.

В южных говорах в отличие от литературного языка суффикс -ак довольно широко образует имена существительные от глагольных основ настоящего времени: **лесак** - рубанок; **рувьк** (кр. Дехаи Охун)-мягкий веничек для сметания муки (на мельницах); **бинак** (с-к.Ховалинг) -гадалка.

С суффиксом -ак в этом случае по значению смыкается непродуктивный суффикс диалектного характера -**ник/-ъник**: **буръник**-обрезки (от основы настоящего времени глагола «буридан» - резать, кроить).

Суффикс -аки в южных говорах в отличие от литературного языка более распространен и продуктивен. С помощью этого суффикса как от существительных, так и от качественных прилагательных образуются новые слова, обозначающие названия предметов: **кахаки** - матрасик детской колыбели, избитый просом или соломой; **пълаки**-верхняя перекладина детской колыбели, а также названия лиц а) по роду деятельности: **чъфтаки** - пахарь, **дъраваки** - жнец; б) по какому-либо признаку: **аспаки**-всадник,верховой;**хараки** -едущий верхом на осле; **байталаки**; едущий верхомна кобыле; в) по намерению совершить какое-либо действие: **шнкораки** - идущий на охоту; **шахраки**- направляющейся в город; **бозораки** -собирающейся на базар; **Ховалингаки** - направляющейся в Ховалинг; **зовутаки** -направляющейся на завод; **сафараки** - собирающийся в дорогу; **рахаки**-проходящий подороге;прохожий. Такие слова с суффиксом -аки в сочетании с краткой формой связки образуют конструкцию намерения (см. "Синтаксис"):пъгамън-ам Фармакийум (пб.кр.) - завтра и я собираюсь в Гарм.

Суффикс -аки образует также слова со значением качества или свойства: **дастаки**—приготовленный(собственными)руками: **оши дастаки**(з-к. Дангара) -блюдо, приготовленное своими руками: **пълаки** платный;**караки/дохтан**-уклоняться, делать вид будто неслышит;**сангсораки**-избитый камнями, хавои шамолаки-

ветренная погода; **чанчолаки**-скандальный, **чигелаки** -одетый в лохмотья; **одами чигелаки**-оборванец.

Суффикс **-и/-ги**(после гласных) с двойным словообразовательным значением¹² в южных говорах, как и в литературном языке, продуктивен. С его помощью от именных глаголов образуются отвлеченные имена существительные, обозначающие названия предметов и веществ, профессий и занятий, состояние человека, процессы этнические и прочие названия по происхождению лица, предмета, а также относительные прилагательные. Суффикс **-и/-ги** распространен повсеместно во всех южных говорах и образует следующие категории слов:

а) от простых и сложных имен существительных- существительные, обозначающие конкретные предметы: **таксанги** - нижний жернов; **русанги** верхний жернов; **тадари** - порог двери; **порги-пораги** - заплата; **локи** -поясной платок и др.;

б) от именных основ и основ составных (существительное + глагольная основа настоящего времени)- существительные, означающие отвлеченные понятия: **аскари** - военная служба; **зиндаги** - жизнь; **бузбалаги**-молодость; **подшохи** - царствование; царство; **мъғалими** - учительствование; **богкори** - садоводство; **һотакори** - огородничество; **севчини**-сбор яблок; **момоги** - акушерство (занятие повивальной бабки); **алафдърави** - покос травы, сенокос; **хокистаргири** - очистка от золы;

в) от имен существительных и прилагательных - относительные прилагательные со значениями, свойственными данной категории слов: **меһнати** - трудолюбивый (**бузбалимеһнати** (кр. Шуле) – трудолюбивый парень); **адири** - горный; дикий, вольный (**бъзи адири** (г-к. Сангтуда) - горный козел); **-минаги** - средний; **қаймоки қаймоки** неснятое густое молоко); **охани** - железный; **тагнови** - из Тагнова, тагновский; **кулови** - кулябский; **кукани** - кокандский (**-тоқи кукани** - кокандская тубетейка).

Суффикс **-вара** диалектного характера. Впервые в южных говорах он был отмечен А. З. Розенфельд /Розенфельд 1960, 20/, в качестве непродуктивного суффикса, сохранившегося в топонимии.

¹²На двойное значение суффикса **-и** в современном таджикском литературном языке как суффикса существительных и прилагательных указывает Ш. Рустамов/Рустамов 1972. 68/. Правильнее, вероятно считать, что существует два суффикса **-и**(омоформы исторически разного происхождения; 1) из продуктивного суффикса относительных прилагательных ср.-перс.поздн.ид. ран.-йк: 2) из продуктивного суффикса абстрактных существительных ср. перс. **ih**(Основы иранского языкознания ...1982. 214).

мах, засвидетельствован А. Л. Хромовым в ягнобском языке (Хромов 1970,53).

Исходя из фонетического облика, а также основного значения южв ного суффикса **-вара**, можно предположить, что восходит он к суффиксу **-ар /-овар**, засвидетельствованному в языке среднеиранского периода (Расторгуева 1966,35) и весьма продуктивному в языке классической литературы. В современном литературном таджикском языке указанный суффикс сохранился, преимущественно образуя слова высокого стиля речи: **суханвар** - красноречивый; **номвар** - знатный и др.

В южных таджикских говорах суффикс **-вара** образует существительные и прилагательные и указывает на: а) изобилие чего-л.: **тушкавара** - местность (земля), засеянная (изобилующая) картофелем; **сангвара** - каменная местность; **алафвара** - место, богатое травами; **дъхтарвара** -(многочисленная) родня невесты; **бачавара** - (многочисленная) родня жениха; многодетный; б) обладание кем-, чём-л., часто с оттенком изобилия (от имен существительных и прилагательных): **падарвара** - ребенок, отец которого жив; имеющий отца; **тарвара** - влажный, увлажненный (**зъмни тарвара** (кр. Самсолик) - хорошо увлажненная земля; **заквара** - сырой (о помещении); **хонавара** (с-к. Яхсу) - семейный; **колавара** (кр. Кул.) - богатый скотом; владелец большого количества скота; **илмиоливара** (кр. Гарм) - (лицо) с высшим образованием; образованный; в) какой-либо признак, преимущественно связанный с внутренним состоянием человека: **ахсвара/аксвара**- вспыльчивый; **паривара** - сумасбродный, со странностями; **тарсвара** - напуганный; суффикс **-вара** в этом значении малопродуктивен и синонимичен суффиксам **-намо** и **-чак**.

Суффикс **-ина/-гина** в южных говорах, как и в литературном языке, малопродуктивный. Очень редко с ним образуются имена предметного значения: засвидетельствованы существительные **ганчина** - сокровищница; **бандина** (от глагольной основы **банд-**) - перевязло. Более распространены с этим суффиксом слова со значением признака, свойства предмета или лица. От прилагательных и существительных с помощью суффикса **-ина** образуются прилагательные качественного значения (кр- **кокина** - худощавый, сухоощавый; **сабзина** - смуглый; **зардина** - светлый, светловолосый) и временного (**парергина** - прошлый, прошлогодний; **позавчашний**; **динагина** - вчерашний; **шабина** - вчерашний, **кадимина**-древний; **мирина** - относящийся к временам

правления мира:¹³тангайи мирина (кр. Обигарм) - старая монета княжеских времен.

От существительных **мард** - мужчина, **аврат** - женщина с суффиксом **-ина** образуются слова с двойным значением: **мардина** - (1) мужской (предназначенный для мужчины); **ливоси мардина** (кр. Саримайдон) - мужская одежда; (2) мужчины (собираательно): **кади хаф мардина кор мекадъм** (с-к. Ховалинг) - я работала за семерых мужчин; **авратина** - (1) женский (предназначенный для женщины); **чоман авратина** (с-к, Гещ) -женский халат; (2) женщины, женская порода (собираательно): **мо занак--а авратина мегем** (с-к.Куляб) - мы женщин называем "женской породой".

Суффиксона в южных таджикских говорах распространен повсеместно и образует от имен существительных как существительные **идона** (с-к. Ховалинг) - праздничное угощение; **туйона** - свадебный подарок), так и прилагательные (**холисона** - объективный; доверительный; честный: **мо йа гапи холисона дорем**, **да пеши шъмо йала мекънем** (г-к. Мирзой) - у нас есть один доверительный разговор, вам мы его откроем; **гоибона** - скрытый, тайный: **ишки гоибона** - тайная любовь; **мардона** - мужской, **падарона** - отеческий, **бачагона**- детский.

Суффикс **-йор** - непродуктивен, образует существительные (**дастйор** - помощник) и прилагательные (**дийор** - виднеющийся).

Суффикс **-ок** также малопродуктивен, как и влитературном языке, но распространен в южных говорах повсеместно. От глагольных основ наст. времени с помощью суффикса **-ок** образуются имена существительные и прилагательные: **хурок** - пища, кушанье; **пушок** - одежда; **симок** (бд.) - кочерга; **даргирок** - человек у двери дома, преграждающий (в момент обряда) путь жениху и невесте; **ковок** - рыхлый.

Суффиксы, образующие существительные

Суффикс **-гар** в южных таджикских говорах по сравнению с литературным языком более продуктивен; известно и то, что он малопродуктивен в северных таджикских говорах. В южных говорах суффикс **-гар**, сохраняя свое традиционное значение - суффикс имени деятеля, -распространен повсеместно и образует преимущественно существительные, означающие:

¹³ Мир - сокр.от араб. амир "князь". "правитель".

а) профессию, занятие, специальность: **ойингар** - кузнец; **деволгар** - строитель (возводящий стены); **дъравгар** - жнец; **чуфтгар** (г-к. Зулмобод)-пахарь; **кузагар** (кр, Тегерми) - гончар; **шикоргар** (кр.Сиёх-об) - охотник; **пайвандгар** (с-к, Даштиджум) - мастер по ремонту фарфоровой посуды; **хондагар** (с-к, Ховалинг) - учащийся; **бодгар** - веялышник; **тахсимгар** - распорядитель (на семейных торжествах); **собунгар** - мыловар; **савдогар** - торговец; **коргар** - ответственное лицо по службе. С суффиксом **-гар** образуются имена деятеля от иноязычных слов (**ремонтгар** - рабочий-рабонтник). В рассматриваемом значении суффикс **-гар** чередуется в словах с суффиксом **-гор**: **фурушгар** /**фурушгор** - продавец; **лойгар/лойгор** - штукатур; **вунгар/вунигор** (в-кр. Тавилдара) - пастух;

б) свойство или черту характера лица: **бахонагар** - тот, кто ищет повода; **лахшагар** - болтун; скандалист, задира; **пъльфтагар** - пустослов, болтун; **майлисгар** (с-к, Ховалинг) - любитель собраний и заседаний; **фиребгар** - лгун; жулик.

Обращает на себя внимание тот факт, что в южных говорах в ряде случаев суффикс **-гар** употребляется там, где в литературном языке используются иные суффиксы или вообще иные способы образования, ср., например:

южные говоры	лит. язык
шикоргар	шикорчи - охотник
чуфтгар	чуфtron - пахарь
собунгар	собунпаз - мыловар
хондагар	хонанда учащийся

. Суффикс **бон/~бун/-вун** образует от существительных имя деятеля: **богбун** - садовник, **полезбун/полезвун** - огородник; **подавун** пастух рогатого скота.

Суффикс **-ор** малопродуктивный; от глагольной основы прошедшего времени образует абстрактные существительные (**рафтор** - поведение, **гьфтор** - речь, **дидор** - свидание) и имя деятеля (**харидор** - по купатель).

Суффикс **-чи**. Образования с данным суффиксом распространены в южных говорах повсеместно, однако количественно неравномерно. Наиболее широко представлены имена с суффиксом **-чи** в каратегинских говорах; в кулябских, рогских, бадахшанских **-чи** может быть отнесен к малопродуктивным суффиксам. От имен существительных и прилагательных с его помо-

щью образуются производные слова, обозначающие лицо: а) по происхождению: **вахийчи** - уроженец или потомок уроженцев сел Вахио (историко-географический район в долине р.Хингоу) (повсеместно); **хучантофчи** - житель сел. Худжаи Тоф; **пуштачи** (в-кр. Хичборак) - житель сел Пушта; **фаргоначи** - уроженец или потомок уроженки Ферганы; **пашъмгарчи** (в-кр. Сарикенджа) - житель сел. Пашмгар; **дарачи**(с-к.Бальджуан) - житель ущелья; б) по занятиям: **трактурчи** - тракторист, **магазинчи** - завмаг (повсеместно); **арзачи** (в-кр. Лангар) - почтальон, **осйовчи/ осийобон** (в-кр. Хичборак) - мельник; в) по излюбленным действиям или характерному признаку: **накълчи** - остроумный рассказчик; **афсуначи** - сказитель, сказочник; **лакичи** - болтун, пустослов; **базмчи** (ю-к.) - кампанейский человек, душа общества.

Следует отметить, что суффикс **-чи** в южных говорах в целом менее продуктивен, чем в литературном языке, и тем более в северных таджикских говорах. Так, ряду производных слов литературного языка с суффиксом **-чи** в южных говорах соответствуют слова с иными суффиксами либо вовсе иные слова, например, ср.: лит.яз. **хашарчи** - участник хашара, **ёрдамчи** - помощник, но в южных говорах соответственно **хашараки**, **йордамчи**- дастёр. Между прочим, характерно, что в языке произведений классического периода суффикс **-чи** не отмечается.

Суффикс **-ча/ -ича** малопродуктивный; выполняет две функции а) от именных основ образует слова предметного значения: **гърдача** -вид повседневного хлеба (от **гърд** - круг); **остинча** - нарукавник для печения лепешек (от **остин** - рукав). Причем в ряде случаев исходные основы самостоятельно не употребляются, поскольку в современном языке они утратили лексическое значение и суффикс при них становится неотъемлемой частью слова, например, **талича** (в-кр. Саридашт) - сверток, узелок; **химча** (г-к. Калфи (сават) - прут; б) придает слову уменьшительно-ласкательное значение: **суламача** - подросточек, **копча** - мешочек, небольшой мешок; **мангича** - крыночка, глиняный горшочек.

Суффикс **-он /-йо (н)/йунв** южных говорах, как и в современном литературном таджикском языке (Рустамов 1972, 49-56) представлен широко. Он (и его диалектные варианты.) используется в качестве словообразующего суффикса в топонимах, патронимах.

Словообразовательные модели с суффиксом **-он** в южных говорах, возможно, в большей степени, чем в литературном языке, продолжают традицию, свойственную языку старых памятников письменности, о чем свидетельствует большое количество топонимов и микропонимов во всех южных говорах, образованных при помощи суффикса **-он**. Особенно широко представлен этот суффикс в наименованиях семейно-родовых групп (Авчаборийун (в-кр. Нушор) – семейно-родовая группа, родоначальник которой Абдужабор; Бовигийо(н) (кр. Яхч) – родовая группа, родоначальник которой Бови), а также территориальных групп (**маһалан Говдийон** – квартал "говдцев", т.е. выходцев из сел. Говд), которые являлись основными типами расселения таджиков Куляба, Каратегина, Дарваза (Таджики Каратегина и Дарваза 1966,66-69; Писарчик, Кармышева 1952, 73-97). Весьма продуктивен суффикс **-он** в образовании собирательных существительных, обозначающих названия обрядов, этапов семейных событий свадьбы, похорон, рождения ребенка и т. п.: **саршуйон** – обрядовое мытье головы невесты перед свадьбой, **гаворабандон** – обряд первого укладывания новорожденного в колыбель. Это суффикс в подобном значении исследователями раньше было зафиксировано и в других говорах таджикского языка. Например, Г.Джураев в говорах таджикоязычных арабов отнёс его к числу непродуктивных суффиксов, отмечая при этом только одно слово – **ноншканон** – обряд сватовство (Джураев 1975, 53). Однако, по сведениям М.Махмудова, суффикс **-он** в говорах таджиков Китабского района Кашкадарьинской области Республики Узбекистан имеет более широкий диапазон распространения и является самым продуктивным суффиксом. Подробно характеризуя роль данного суффикса в словообразовании, М.Махмудов отмечает, что суффикс **-он** образует не только обрядовые термины, но и названия птиц и насекомых (Махмудов 1978, 28-29).

Группу суффиксов – **дон**, **-истон**/**-стон**, **-зор**, **-го(х)**/**-га(х)** объединяет общее свойственное им локальное значение. Однако и по значению по употреблению в говорах, как и в литературном языке, они далеко не однозначны.

Суффикс **-дон** в кулябских и каратегинских говорах относительно малопродуктивен; от имен существительных он образует существительные предметного характера со значением вместилища: **дегдон**/**дегдун** (повсеместно) – очаг для варки пищи и вы-

печки лепешек; **чарогдон** - светильник, подставка для светильника; **новардун** - жолоб; **чахдон-очаг**, вырытый в земле, характерный для селений Куляба. В бадахшанских говорах суффикс **-дон** весьма продуктивен (Розенфельд 1971, 29).

Суффикс **-истон/-стон** весьма продуктивен в южных говорах, он образует существительные со значением места; **киистун** - горная местность, горы; **гуристун** - кладбище; **чулистун** (с-к. Яхсу) - степная местность, пустыня; **кумистун** (кр. Шуле) - пески; **аловистон** - пожар, пожарище; знойная местность. Надо отметить, что в литературном языке образования с этим суффиксом от слов **чул** - степь, **кум** - пески, **алов** - пламя не употребительны. Ряд слов, известных в литературном языке и образованных как от прилагательных, так и от существительных, в южных говорах не имеют распространения, например, литературные **бахористон** - весенняя пора, **шабистон** - мрак, **равшанистон** - яркое освещение, **торикистон** - тьма и др.

Суффикс **-зор** малопродуктивный в южных говорах; слова, образованные его посредством, означают обилие чего-л.; **хотазор** - заросли деревьев; **шълхазор** - заросли конского щавеля; **чангалзор** - лесистая местность, заросли кустарника; **салафзор** - травостой.

Суффикс **-го(х)** (и его диалектные варианты **-го** (**-га/-гах**)) продуктивен и употребителен в южных говорах повсеместно; образует от существительных и глагольных основ имена со значением места: **киштга** - посевная земля, пашня; **чарога** - пастбище, **гурезга** - убежище; **манзилга** - кладбище; **хирга** (в-кр. Джиргатаь) - юрта; **алоуга** - кухня, помещение, где имеется очаг для варки пищи; **бозорга** - базар, базарная площадь; **гарданга** - поворот (дороги); **хадга** (бд. Гарчашма) - граница и др.

Непродуктивный суффикс **-сор** засвидетельствован в южных говорах лишь в нескольких словах, означающих место, изобилующее чем-либо: **чашмасор** - край родников; ин повун-ъш чъшмасорай, **унча мехамбе** (в-кр. Тавильдара) - тут внизу изобилие родников, там вы и спуститесь

Суффикс **-лох** также непродуктивный. Подобно суффиксу **-сор** он придает существительные значение места; в южных говорах засвидетельствован в словах **санглох** - каменистая местность, **девлох** - летовка, летнее пастбище.

Суффикс **-гари** образует абстрактные имена существительные со значением свойства, признака, а также состояния, видов

деятельности. С оттенком длительности их протекания: **шайтонгари** (в-кр. Тутхо) изворотливость, лукавство; **лаккигари** (ю-к. Ёл) - болтавня, пустословие; **къдагари** (с-к. Момандиён) - отношения сватов; **девонагари** (г-к. Джонварсуз) - сумасбродство; **пошталионгари** - профессия почтальона; **йошигари** - юность; **лахшигари** - недостойное поведение, сквернословие. Суффикс -иш малопродуктивный; образует абстрактные существительные (**чънбиш** - движение), названия некоторых явлений природы (**зъмичънбиш** - землетрясение), болезней (**хориш** - чесотка).

Суффикс-андар непродуктивен, засвидетельствован при терминах родства, означающих неродных, т.е. не кровных близких: **мойиндар/моъиндар** - мачеха, **дъхтандар** - падчерица; **пийандар** - отчим, **писандар** - пасынок. Слова с этим суффиксом широко распространены во всех южных говорах, за исключением гиссарско-кулябских, где они встречаются главным образом в местностях, непосредственно смыкающихся с Нижним Каратегином и Кулябом. Суффикс -андар в данной функции употребителен в языке дари (фарси кобули) (Дорофеева 1960,26).

Суффикс -а в южных говорах продуктивный, распространен повсеместно. От имен существительных с его помощью образуются имена предметного значения: **тана** - ствол (дерева); **поверхность** (стены); **дъста** - охалка, пачка; **дахана** - вход; проход в горах; **дила** - назв. травы; перен. загустевший верхний слой сливок.

От имен прилагательных суффикс -а образует существительные, значение которых связано с основным признаком производящей основы: **нарма** - жидкое кушанье, **гарма** - горячая пища, **галха** - желчь, желчный пузырь, **сабза** - зелень.

Суффиксы, образующие прилагательные

Суффикс -ин, образующий относительные прилагательные, в южных говорах, как и в литературном языке, сравнительно малопродуктивен, однако распространен в них несколько шире, поскольку в ряде случаев используется там, где в литературном языке употребительны другие суффиксы.

лит. язык

южные говоры

саги този

саги тозин - гончая(охотничья собака)

завкманд

завкин - увлеченный

Как правило, суффикс -ин образует прилагательные, обозначающие материал, вещество, из которого сделан предмет:

чубин - деревянный (**кавши чубин** - деревянные кауши); **бузмуйин** (бд. Мулводж) – сделанный из козьей шерсти.

От одного и того же существительного в южных говорах могут быть образованы однозначные прилагательные посредством суффиксов **-н**, **-ин**, например, **санги**, **сангин**. Однако, как справедливо указывает Т.Д.Чхеидзе, такого рода прилагательные обычно различаются смысловыми оттенками и кругом их употребления (Чхеидзе 1959,54). В данном случае **санги** употребляется в прямом значении - каменный, сделанный из камня; **сангин** - используется как в прямом, так и в переносном значении.

Малопродуктивный суффикс-ланг образует имена прилагательные: **чуваланг** - кудрявый, волнистый (пашми гусфанди чуваланг, ай Курганхаридем - шерсть кудрявой овцы, в Кургантюбе купили).

Суффикс **-ман/манд**, как и в литературном языке, от существительных и прилагательных образует прилагательные со значением обладания чём-л.: **давлатман** - богатый; **хънарман** - искусный, умелый; **касалман** - болезненный; больной.

Непродуктивный суффикс-кин относительных прилагательных засвидетельствован в двух словах: **наркин** - мужской (ср. нар -самец); **моткин** - женский (ср. мода -самка); иш наркин, уш моткин (в-кр. Ярхаб) - это мужская особь, то -женская.

Непродуктивный диалектный суффикс-бод (возможно, связан со словом бод - болезнь, опухоль) образует прилагательные преимущественно негативного значения: **чазирбод** - разрушенный, испорченный; **холибод** - совершенно пустой; **ордбод** - стретый в порошок.

Суффикс **-ала** малопродуктивен, происхождение его неясно. От прилагательных и существительных образует имена со значением признака лица или предмета: **кыдала** - тупой (от кунд - тупой); **мундала** 1 круглый, **качала** - кривой; **шътала** - жидкий; **гызала** - сердитый; **кузала** - горбатый; **чапгала** - скрюченный; **қоқала** - сухощавый; **сатала** (кр. Шулe) - перезрелый; **кочала** - косой; **сихала /кардан/-** прищпорить (коня, осла).

Суффикс **-ала**, помимо своей словообразовательной функции, в ряде случаев указывает еще и на более высокую степень обычно отрицательного признака, качества: **шътала** - слишком жидкой (о тесте), **кыдала** - совершенно тупой.

Малопродуктивный с у ф ф и к с **-ола/-олу/-лола** (от глагола олудан – пачкать; смешивать) встречается преимущественно в

гиссарско-кулябских говорах, его варианты **-олу/ -оли** - повсеместно. Суффикс образует прилагательные главным образом от существительных вещественного значения: **руганлола/руганолу** - жирный, выпачканный в масле; **пийола-ш чойи фомилола** бьдай (г-к, Файзабад) - сказывается, в его пиале был черный чай; **хоколу** - вывалившийся в земле; **хунолу** - окровавленный. От существительных не вещественного значения с этим суффиксом образуются прилагательные, обозначающие признак как результат душевного состояния и в значении которых проглядывает уже стершаяся метафора: **кахролу** - сердитый, гневный, **гирйаолу** - заплаканный, в слезах.

Суффикс **-ол-йю**, образующий относительные прилагательные от глагольных основ настоящего времени, распространен в южных говорах повсеместно: **бино** - зрячий; **шунаво** - способный слышать: **гуш-аш шунаво нестай** (кр. Самсолик) - он не слышит (букв. его уши не слышат); **чушо** - дойный: **йа сатта гови чушо до-ран** (с-к. Шугноу), **гиро: дасти гиро** - здоровые руки; **хьро** - съедобный, вкусный; **гийо**<**гуё** - способный говорить, говорящий.

Суффикс **-гын<гун**, образующий относительные прилагательные со значением подобия, в южных говорах непродуктивен; в материалах отмечен только со словом **лола** - мак, тюльпан: **лолагын** - (кр. Навобод) - алый; цветущий.

В рамках системы словообразующих суффиксов, функционирующих в южных таджикских говорах, мы не рассматриваем слова, образованные посредством суффиксов, заимствованных из узбекского языка, поскольку в таджикские диалекты они вошли как нечленимые основы-сращения (Мурватов 1974, 131—143). Перечислим лишь эти суффиксы, слова с которыми употребляются в южных говорах на весьма ограниченной территории, в отдельных селениях Каратегина (преимущественно Джиргиталья) и Ленинского района в котором бытуют гиссарско-кулябские говоры. К этим суффиксам относятся: **-миш, -лик, -лама**.

Суффикс **-миш** в южных говорах отмечен в составе узбекских слов, которые обозначают абстрактные имена действия от формы 2л. ед.ч. глаголов повелительного наклонения: **чунамиш** - отправление. В диалектной речи, как правило, данные слова используются в качестве именного компонента сложного глагола при вспомогательном **кардан**: **Шахритуз-да чунамиш карда бьдан** (г-к. Сумбула) - они направились в Шаартуз; **бози-да шошилмиш накън** (з-к. Дангараи Боло) - в игре не спеши.

С у ф ф и к с ы -лик/-лук /-лък, -лама образуют новые понятия с гаджикскими основами. Но чаще встречаются с узбекскими основами; думается, что в этом случае такие образования следует рассматривать как заимствования из узбекского языка. Примеры: хамусол Сайгинчоп-да хучалик шуда кор кардем (г-к. Гиссар) - в тот год мы работали в кишлаке Сангинчоп как единоличники; хучалик хичи нистай, хама-ш калхос (кр. Навде) - единоличников нет, все колхозники; хамаи даху бини-ш хн-лалама-й (кр.Шуле) - весь рот и нос у него в крови; дъ сол зиви-набошлук шида кор кардум (г-к. Гиссар) два месяца я возглавлял звено (букв. трудился главой звена). Указанные суффиксы отмечены, главным образом в местах смешанного таджикско-узбекского населения. В кишлаках сплошного таджикоязычного населения эти суффиксы узбекского происхождения малоупотребительны. В основных, же селениях Куляба и Каратегина они и вовсе неупотребляются.

Префиксы, образующие прилагательные

В южных таджикских говорах количество префиксов, образующих прилагательные, невелико, причем они те же, что и в литературном языке. Отличие от литературных форм наблюдается лишь в фонетическом облике. В говорах отмечены следующие префиксы: **но-, бе-, ба-ва-, бар-** Из них наиболее продуктивны первые три, которые отмечены повсеместно во всех южных говорах.

Префиксы, присоединяясь к существительным и прилагательным, в отличие от суффиксов, образуют преимущественно прилагательные. Образование имен существительных с помощью префиксов для южных говоров не характерно. Исключение представляет лишь префикс **(х)ам-/ (h)ам- (h)амсойа** - сосед; **намшира** (бд.) / **хамшира** - сестра.

Префикс **ба-/ва-ва-** образует имена прилагательные и весьма употребителен в южных говорах: **бахакл** (с-к. Мазори Султон) - разумный; **баанчом** (с-к. Ховалинг) - запасливый; **базеб** (з-к. Зогуль) красивый; **бағазоб** (с-к. Заргарон) - мучительный; **васаршита** (в-кр.) / **васарништа**(рог.) - рачительный, бережливый.

Префикс **бе-** образует прилагательные преимущественно от имен существительных: **бефара** - бессильный, усталый; **бенур** - тусклый; **бетан** - тщедушный, тощий и т.п.

Префикс **но-** распространен в южных говорах повсеместно. Образы преимущественно прилагательные от имен существительных, прилагательных и глаголов, этот префикс выражает отсутствие, отрицание свойства, которым обладает признак или предмет, заключенный в семантике корня: **нохуб** - нехороший, **нобалад /новалад** - незнакомый. Префикс **но-** (иногда в сочетании с суффиксом **-и**) образует новые слова не только от общетаджикских, но и от диалектных слов: **нодйор** невидный, скрытый от взора; **нокор** - неспособный к труду; ленивый; **ношуин** - ни к чему неспособный: одами **нокори-ра шум мебинан** (с-к. Муминабад) - ленивого человека не любят. В южных говорах с префиксом **но-** засвидетельствованы слова, которые малоупотребительны в литературном языке, например, **носипо** - нескромный, развязанный; **ношунаво** - режущий слух.

В большинстве южных говоров употребительно также отглагольное имя **нораси** - недоношенный (о новорожденном), недоносок, образованное по модели префикс (но-) + осн. наст, вр.гл. (расидан- «достигать») +суф. **-и**): **нораси-ра да кавши** чувви **кадима мемундан** (кр. Навди) - в старину недоношенного (недоноска) укладывали в деревянный кавш (туфель).

Словосложение

Сложные имена с сочинительным отношением основ

Сложные имена сочинительного типа представлены преимущественно образованиями с постоянным порядком следования компонентов (**чапорост-вывернутый**, **корубор** - дела, **дъсбакор** - проворный). Они составляют следующие две основные группы сложных слов.

Сложные имена, образуемые путем непосредственного соединения основ. Слова данной структурной группы образуются путем полного повтора слов или с видоизмененной первой или второй частью сложения, чем достигается значение интенсивности признака или выражаются те или иные модальные оттенки, сопровождающие основное значение слова, обозначающего предмет. Этот тип композит представлен следующими моделями.

I. Редупликацией качественных прилагательных, в результате которой образуется сложное прилагательное, обозначающее признак предмета или лица: **мочък-мочък** (с-к. Геш) - кругленький; **габдал/-габдал** (с-к. Геш) - (очень) мелкий;

2. Редупликацией глагольных основ настоящего времени, оформленных суффиксом **-ак**: ай йагон чойо шахр мейоран йо мебаран бағд бърор –бърорак-ра мехонан (г-к. Файзабад)-(если откуда-нибудь или из какого-нибудь города привозят или увозят (невесту), поют песню «бърор –бърорак».

Встречаются диалектные слова, образованные путем редупликации глагольных основ, оформленных суффиксом **-и**: **кети-кети** (от узб. **кетмоқ**- уходить) –торговля в обмен на пшеницу: **кети-кети мекънан, ховар**—йт кати йангат (з-к. Бальджуан) - торгуете вы (в обмен на пшеницу), твои сестра с невесткой.

3. Редупликацией имени прилагательного с видоизмененным усеченным первым компонентом, принимающим частицу **-па**; образуется сложное прилагательное, обозначающее интенсивный признак предмета: **бис минут –да йа куза-ра тапатайор мекъни** (с-к. Дороби)- в двадцать минут полностью сделаешь готовым кувшин; **у севи тьпатырьш-ай** (с-к. Момандиён)-те яблоки кислые –прекислые.

4. Редупликацией имени существительного с видоизмененным вторыми компонентом (первый звук которого заменяется звуком **п** или **м**). Так образуются аллитерирующие сочетания: **юш-мош** – (какая-л.) еда; **қанд-панд**- сахар и прочие сладости; какой-нибудь сахар; **чав-пав**- ячмень и ему подобные злаки.

5. Композитами из различных глагольных словоформ (преимущественно в вахинско-каратегинском и севернокулябских говорах): **бърам-нарам**- нерешительный (букв. пойду-не пойду), **бъхъръм-нахъръм** –привередливый (в еде) (букв. поем- не поем); ай меһмуни **бъхъръм-нахъръм** бътарс (с-к. Ховалинг)- бойся привередливого гостя.

Сложные имена, образуемые посредством соединительных элементов. В функции соединительных элементов сложных слов данной группы выступают гласный **-о-**, гласные **-ь/-у-**, восходящие к союзу, а также частица **-ба-/ва-** и элемент **-дар/ацдар**, восходящие к предлогам.

1. Сложные слова с соединительным гласным **-о-** по морфологическому составу подразделяются на:

а) соединение двух имён-прилагательных: **чапорост-вывернутый**, **гармохунък-остывший** после бега; **чъкъропаст** - неровный, трудный (о дороге - в прямом и переносном значении); существительных: **сароруй** - насморк; прилагательного и существительного: **пешору** - расположенный напротив. Отмечены

повторы одного и того же имени существительного (**шавошав**-поздно ночью; поздний час), однако наиболее продуктивной в говорах является все же модель прилагательное + прилагательное. Составные части таких сложений бывают чаще неоднозначным;

б) соединение глагольных основ настоящего времени, образующее имена существительные с абстрактным значением процесса или действия: **гърезогърез** - бегство; **кашокаш** - тяжба; **распря**; **паропар** - исчезновение; **шапашап** - драка, потасовка. При этом засвидетельствованный в севернокулябских говорах способ образования копулятивов путем редупликации основ настоящего времени, осложненной формообразующей приставкой **би-/бъ-** (**бъзанобъзан** -драка, взаимные тумаки), является отличительной диалектной особенностью;

в) соединение изобразительных слов (иногда с видоизменениями во втором): **гичогич**, - скрип, **тарақотурук** - шум, треск,

2. Сложные слова с соединительным **-у-ъ-, -въ-/ву-** представляют собой в южных говорах весьма распространенный и продуктивный тип копулятивных образований, разнообразных по морфологическому составу. Основными их моделям являются:

а) соединение разнозначных существительных (модель продуктивная): **пъшוקупар** - пожитки, имущество; **корубор** - дела, работа; **сарупо** - комплект одежды; **саруру** - насморк; **балавучака/балавъчака** - детишки; семья;

б) соединение разнозначных прилагательных (модель продуктивная) **хъшкъхולי** - пустой, с пустыми руками; **лъмбулаванд** - неповоротливый, ленивый;

в) соединение местоимения (субстантивированного) и существительного (модель непродуктивная): **хешутавор** - родня, близкие;

г) соединение основ прошедшего и настоящего времени: **гъфтыгъзор** разговор, переговоры,

3. Сложные слова с соединительным элементом **-ба-** в южных диалектах, как и в литературном языке, представляют собой непродуктивную модель, однако образования с этим элементом в говорах значительно более употребительны. В говорах они, как правило, обозначают признак предмета или действия. Многие сложения с **-ба-** используются в качестве именной части сложноименных глаголов. Чаще используются здесь соединения, образующиеся путем полного повтора: **шарбашар** - бродячий, беспризорный; бродяга, скиталец; **сарбасар** - равный, точно совпа-

дающий; **ростбарост** - прямой, откровенный; прямо, откровенно; **гардабагарда** - связывание животных шея к шее (коз при доении, быков при обмолоте пшеницы). Засвидетельствовано также соединение разнозначных имен существительных: **дьсбакор** - проворный, ловкий; **галаговбасар** - работник, ворошащий вилами снопы при обмолоте.

4. Сложные слова с соединительными элементом **-дар-/-андар** - засвидетельствованы в каратегинских говорах. Модели таких образований непродуктивны и состоят из соединений существительных (**чубдаргил/чубандаргил** (кр. Яхч, Самсолик) - верхняя часть стены помещения; **шавдаршав** - глубокой ночью, поздней ночью) или числительных (**панчдарпанч**, - пять на пять (метров): ичрай мън панчдарпанч- ай - моя комната для гостей пять на пять (метров).

Сложные имена с подчинительным отношением основ

В южных говорах сложные слова с подчинительным отношением компонентов, или детерминативы, как и в литературном языке, представляют наиболее распространенную группу сложных слов. Основная их масса характеризуется постоянным порядком следования составных частей; перестановка компонентов возможна лишь в некоторых случаях (ср. **кадбалаид** и **баландкад** - высокий, стройный; **ришсийох** и **сийохриш** - чернобородый; **павазмин** и **вазминпо** - беременная).

Данный тип словообразования (словосложения) представляется целесообразным рассмотреть дифференцированно для существительных и прилагательных, поскольку при общих моделях построения они имеют ряд существенных отличительных признаков, связанных с их основными категориями - предметностью (для существительных) и обозначением признака (для прилагательных). Это и определяет особенности их семантико-морфологического состава. В сложениях с подчинительным отношением компонентов в качестве опорных весьма употребительны и продуктивны определенные слова, такие, например, как **хона** - дом (в словах со значением помещения, места), **бача** - мальчик, **зан** - женщина, **духтар** - девочка, **мард** - мужчина (в словах, обозначающих профессию, род занятий), глагольные основы ряда глаголов: **-дор**, **-каш**, **-дуз**, **-кор** (в словах, обозначающих профессию) и др.

Сложные существительные с подчинительным отношением компонентов - главного и зависимого - с точки зрения позиции последних могут иметь две разновидности: с зависимым первым компонентом и с зависимым вторым компонентом,

Рассматриваемые сложные существительные в южных таджикских говорах по морфологическому составу их компонентов образуют следующие основные модели:

1. Существительное + существительное. Эти сложения обозначают названия предметов по их назначению, характеру их места, названия лиц по их профессии, должности, названия животных, растений, явлений природы. В южных говорах, как и в литературном языке, имеется ряд семантических групп сложных слов рассматриваемой модели:

а) имена, обозначающие названия предметов быта - домашней утвари инструментов, одежды, обуви и др. **пойтеша** - топор (для обтесывания древесины при работе стоя); **дъстоз** (кр.Гарм) - ручная мельница; **лагантавак** (в-кр. Сарикенджа) - корыто, таз для стирки; **чархчуб** мутовка с лопастями для сбивания масла в маслобойке; **чархдег** маслобойка (в которой масло сбивается вращением мутовки); **ньмькчума**(в-кр.Саридашт) - сосуд для хранения соли; **дъс(т)бела** (бд. Мулводж)-рукавица; **давращирог** (кр. Пору) - большая лампа, используемая в общественных помещениях; **мъхпар/ мургпар** (с-к. Ховалинг) - пучок перьев для накалывания разделенных лепешек; **лалалов** (с-к. Ховалинг) - жар от кизяков;

б) имена, обозначающие названия помещений, частей дома: **анцумхона** (з-к. Дангара) - кладовая; **лалхона** (с-к.Ховалинг) - сарай для кизяков; **аловхона** (кр., с-к. Ховалинг) - общественный дом (где в прошлом собирались по вечерам мужчины); кухня; **кърьмдевол** (в-кр. Калаи Лаби Об) - стена, сложенная из камня; **кесакдевол** (в-кр. Кул) - глинобитная стена;

в) названия болезней: **къртъқдард** (с-к, Геш) - ангина; **пай-вандард** (кр. Войдара) - ревматизм; **къндарарми** (с-к. Ховалинг) - скрытая малярия;

г) названия животных, птиц, насекомых: **сагдъм** (в-кр. Сарикенджа) вид хвостатой овцы; **алодъмбък** (с-к.Геш) - вид птицы; **афимор** (з-кДангара) (лит. мори афъй) - гадюка; **харкафтар** - вид крупных голубей;

д) названия земельных угодий, садов, почв: **сангъмийн** - каменная почва, **регзамин** - песчаник; **шибарзамин** - болоти-

стая почва; **ръшкапайа** - клеверник, люцерник; **ангърбог** - виноградник;

е) названия кушаний, видов хлеба, напитков: **курутов** (повсеместно) - кушанье, приготовленное из разведенного водой сухого сыра-курута; **хамирмо** (кр. с-к.) **хамирмойа** (г-к.) - закваска для теста; **хамирфатир** (повсеместно) - лепешки из кислого теста; **тагалоби** (кр. Ялдамич) - лепешки, испеченные на поду очага; **фатирмаска** (повсеместно) - кушанье из горячих пресных лепешек, размятых со сливочным маслом; **ширбат** (бд. Нуд) - чай, кипяченный с молоком, маслом, солью; **ширбиринч** (повсеместно) - молочная рисовая каша;

ж) названия лиц: родственников по отношению друг к другу - **бандичигар** (г-к. Зулмобод) (лит. чигарбанд) - близкий друг; **хохаршир** - молочная сестра; **холабача** (повсеместно) - двоюродный брат - сын сестры матери; **хохаршу** (повсеместно) - золовка; названия по профессии **гоубокар** (с-к. Хонако) - скотник;

з) наименования обычаев и обрядов: **дандонмушак** (кр. Муджихарф) - обряд по случаю прорезывания зубов у ребенка; **камсамолтуй** (в-кр. Сасикбулок) - комсомольская свадьба; см. также сложные слова типа **дастпеша/дъстбеша** (кр., г-к. Файзабад) - приобщение новобрачной к хозяйству в доме мужа (один из послесвадебных обрядов);

и) названия плодов и растений, а также приемов садоводства: **оличабандак** - вишня; **длунахор** - боярышник; **шохпайванд** (повсеместно) - прививка деревьев; **говръшка** (кр. Шуле) - дикий клевер; **картъшкагъл** (кр. Ялдамич) - цветок картофеля;

к) названия явлений природы: **барфбод** (бд. Шамбеде) - метель; **селоб** (кр. Ярхаб) - бурный водный поток; **афтоуборунак** (в-кр. Хаит) - слепой дождь, **афтоунихол** (с-к. Яхсу) - период времени по старинному календарю, соответствующий первой половине июля; **мърғфайрод** - раннее утро (букв. крик петуха),

2. Прилагательное + существительное. В сложных именах такой модели прилагательное обозначает признак главного компонента и тем самым выделяет предмет, обозначенный данным сложным словом. Сложные слова этого типа обозначают названия явлений природы, птиц, животных, предметов домашнего обихода, и ряд других явлений и предметов. Данная модель засвидетельствована в южных говорах повсеместно: **алазог** - сорока; **качамбър** - вид шипцов; **съфедхок** - вид гончарной глины; **Кушагба** (в-кр.) - назв. кишлака (букв. соединенный перевал);

Сурхоб - назв. реки (букв. красная вода), **Хингоб**-назв. реки (букв. серая/голубая вода); **торикситора** (кр. Кандов)(букв. темная звезда)-период времени по старинному солнечному календарю, соответствующий второй декаде августа; **кьхнаовод** - давно освоенное, обжитое место; **сийахалаф** - назв. съедобного дикорастущего растения; **сийахбод** (повсеместно) – чума.

Часто сложные слова этого типа оформляются именным суффиксом **-ак**: **кавутгълак** (с-к. Даштиджум) - назв. полевого цветка; **сьфедхорак** (с-к, Муминабад) - назв. колючей травы,

3.Количественное числительное + имя существительное. Эта модель в южных говорах имеет ограниченное употребление, Примеры: **дугор, сетор** - названия двуструнного и трехструнного музыкальных инструментов (повсеместно); **пайшох, панчшох** (в-кр. Саричашма) - вилы; **чордолон** (кр. Хакими) - длинная веранда перед домом; **чорбърч** - строительный термин: хуна-ра чорбърч кьнем, тугри шава (в-кр. Нушор) - мы промерим углы дома, чтобы были прямыми; **чорчъшма** - назв. узора (букв, четыре родника); **дукорд** - ручные стригальные ножницы (букв, два ножа); **чорво** (повсеместно) - животное (букв. четыре ноги).

Более продуктивна разновидность этой модели, осложненная суффиксами; **чоршоха** (бд. Нуд) - вилы; **чордевола** (кр, Навде) - стена из четырех рядов битой глины; **дутабака** (в-кр. Сайрон) - точенное из одного куска дерева; двойное блюдо для плова, нижний ярус которого предохраняет рис от рассыпания при еде руками: (деги) **панчвачаба** (кр. Гарм) -пятичетвертной котел; **Дуова** - назв. кишлака; **сеоба** - третий полив зерновых культур.

4.Имя существительное (имя прилагательное) + основа глагола (настоящего и, редко, прошедшего времени). Данная модель в южных говорах, как и в литературном языке, широко распространена и весьма продуктивна. Сложные слова данного типа составляют несколько семантических в групп, основными из которых являются:

а) названия лиц (деятеля) по профессии, служебному положению или по какому-л, признаку: **тавактърош** - мастер по выточке деревянной посуды; **чувтарош** - плотник; **чувозрун**(с-к. Даштиджум) - управляющий маслодавилней; **амлокнишин** (в-кр.Тавильдара) - ист. правитель административно-налоговой территории; **пъргу** (з-к. Зогнуль) - ворчливый.; **бемазагу** (с-к.Ховалинг) - пустослов, болтун; **руганфъруш** - торговец мас-

лом; **кѣхнадуз** -сапожник-починочник; **гахворабахш** (кр. Навде)-помолвленный с колыбели; **бордор** - беременная;

б) названия предметов, явлений, процессов: **рубанд** (кр. Нимич) - свадебная лицевая занавеска; **дудкаш** -дымоход; **пичабанд** (в-кр. Пильдон) - искусственные косы из шерстяных нитей, приплетаемые к собственным волосам; **афтовшин** - заход солнца; **оврез**(в-кр. Сайрон) - водослив; **ругардун** (кардан) - перекапывать; **хафабанд** (с-к. Даштиджум) - женское украшение из бисера на шее; в) сюда примыкают композиты, преимущественно выступающие в функции предикатива со значением намерения и широко распространенные в южных говорах, типа **зангиръм** - я собираюсь жениться.

Сложения рассматриваемой модели по своему построению характеризуются рядом особенностей, позволяющих выделить следующие разновидности.

Слова, состоящее из двух основ (именной и глагольной), например, **гахворапуш** - полог для колыбели; **чубсоф** - рашпиль; **сумтарош** - нож, скребок для зачистки копыт лошади при подковывании; **мохикаш** - рыбак. Сюда относятся весьма распространенные в южных говорах сложения, вторым компонентом которых являются основы настоящего времени каузативных глаголов на **-он /-ун** и которые в рассматриваемых говорах имеют довольно определенную семантическую направленность: обозначают названия обрядов и обычаев, ритуальных блюд, циклов сельскохозяйственных работ. Например: **обгардон**- второй полив зерновых культур, **чуфтбаророн**-общее угощение перед началом пахоты, **ордбезон**- обряд просеивания муки для выпечки хлеба на свадьбу, **сартарошон** -обряд бритья головы жениха, **саршувон** - обряд мытья головы невесты, **дандонбарорун** - угощение по поводу прозвания первых зубов у ребенка, **азобарорун**- выведение из траура.

Слова, состоящие из трех основ (первые две именныe, третья - глагольная, причем второй и третий компоненты обычно представляют глагола, по отношению к которому первый компонент чаще обозначает прямой объект, от непроходного косвенный), например, **хунаросткын** - строитель, **кузаросткын** - гончар (повсеместно к. и кр.), **кордчасанган** (в-кр. Пилдон)- точильный камень, **сьнорхушкын** (в-кр. Калаи Лаби Об) - родственница жениха, направляемая в дом родителей невесты

перед предварительным сговором, **нунроскын** – круглая доска для раздевания теста.

Объектные отношения могут обладать различными смысловыми оттенками, приобретенная определительные, целевые и др. значения, например: **подаخورав** (в-кр. Сарикенджа) -место полуденного отдыха стада; **дьсговгир** (с-к. Муминабад) -название сосуда для мытья рук.

В южных говорах большое распространение имеют сложные имена рассматриваемой модели, осложненные: а) суффиксами – **ак/ък**, который подчеркивает семантику имени, грамматически оформляя его предметность: **дьскапак** (кр. Хумдон) – ручка двери (кр. Кандов) прихватка, **овпартыйак** (з-к. Руиоб) – назв. Болезни, **гандумчушак** (кр. Ялдамич)-похлебка из дробленой пшеницы, **гьребандък** (рог. Ходжагалтон)-завязки ворота, **овкапак** (рог. Ходжагалтон) промокательная бумага, **балодьркынак** (в кр. Нушор) –отвращающий беду (о талисмানে), **нонкапак** (з-к. Дехбул) – палочка, дощечка, которой отделяют испеченную лепешку от стенки очага. Сложные слова данного типа в южных говорах широко представлены в наименованиях детских игр: **аловпарак**– прыгание через костер; **бачошавак** – прятки (даводавак (в-кр. Чилдара) –бег наперегонки, **рудакашак** (кр. Яхакпаст) –соревнование в борьбе (букв. «вытягивание кишок»), **чашмбадак** (в-кр. Нушор) -жмурки; б) суффиксами –**й**, сложные имена с которым обозначают обычно действие, род занятий, процесс или же предмет, в названии которого отражено понятие делительного процесса: **токидузи** – шитье тюбстеек, **кыгголбози**– добрачные посещения женихом невесты (повсеместно); **руганчуши** (кр. Какдара)-назв. кушанья. из лепешек, накрошенных в подогретое пахтанье и залитых раскаленным топленным маслом, **нунбади** – хлебопечение.

Модель с глагольной основой прошедшего времени в говорах, как и в литературном языке, непродуктивна: **подаумад** (ю-к. Тагнов) -время возвращения стада с пастища, **хьшвохурд** (кр.)-общительный, приветливый.

Модель существительное + причастия (**пошикаста** – женщина; девушка) также малопродуктивна.

Следует отметить, что в южных говорах сложно – аффиксальный способ словообразования весьма распространен, однако, сравнительно с литературным языком, не все композиты, образованные этим способом, здесь продуктивны. Так, в

южных говорах очень продуктивны модели сложных слов, образуемых при помощи суффикса от сложноименных глаголов: **дарзачоши** (ср. дарза чошидан) – разбрасывание снопов для обмо­лота, **говрона** (ср. гов рондан) – прут- погонялка во­лов, **чорубзани** (чорубкаши)- подметание веником на току коло­сьев с невымолотившимся зерном. Но неупотребительны в юж­ных говорах характерные для современного таджикского языка модели сложных слов, образованных от разного рода словосо­четаний, в том числе фразеологических, с предлогом впереди (типа **азнавбарқароркунӣ** – восстановление).

Сложные прилагательные с подчинительным отношением компонентов по их морфологическому составу представляют собой следующие структурные модели.

1. Имя существительное + имя существительное. Этот тип сложных прилагательных малопродуктивен, но отмечен во всех говорах: **шъгърдандън** (в-кр. Оксой) –с крупными некрасивыми зубами, **дамбел** (кр. Обигарм) –полный, рыхлый, **патакрена** (кр. Обигарм) –с разросшимися корнями (о растении), **чурготгуш** (БД.) –белоухая (о козе), **сапално** (в-войдаре(БД. Ямг) – большеногий.

Сложные прилагательные, образующиеся в результате сло­жения двух существительных, характеризуются тем, что отно­шения между основным и зависимым компонентами носят, как правило, объектный характер, выражают сравнение, подобие.

2. Прилагательное + существительное. В зависимости от ме­стоположения компонентов различаются два типа прилагатель­ных, образуемых по этой модели:

а) прилагательное (зависимый компонент) предшествует су­ществительному. Этот тип продуктивен во всех рассматривае­мых говорах: **памов/пахноб** (кр. Гарм) –широко разлившийся (о реке), **вазмишпо** (кр. Хаками)- тяжелая, беременная, **сергап** (с-к. Ховалинг) –болтливый, **зикру** (с-к. Кулдара) – печальный, **бадру** (с-к Ховалинг) – некрасивый, **лахмзъмин** (кр. Гулхайри Боло) – плодородный (о почве); **тымчмаза**- кислий; терпкий;

б) Существительное (главный компонент) предшествует при­лагательному. Этот тип сложный прилагательным менее про­дуктивен, чем предыдущий: **къртасъфед** –в белом платье (повре­менная), **пышлич** (с-к. Ховалинг) – неоседланный (конь), **поваз­мин**- беременная, **решақок** – с высшим корнями (о дереве), **ранг­зард**- бледный; пожелтевший (о человеке).

3. Числительное + существительное. Прилагательные данной модели обычно бывают осложнены суффиксом: **йакчашма** – од-ноглазый, **панчпочика** – с пятью подверстками, (гушво-раи) **сепочька**- серьги с тремя подвесками).

4. Существительное (прилагательное)+ глагольная основа настоящего времени (или причастие): **дилийов** (кр. Обигарм) – располагающий к себе; **сахархез** – просыпающийся рано; усерд-ный, **дардаро** – бродячий ходящий по дворам, **дилбаста** – недопеченный: **ноно-т дилбаста омадийан** (з-к. Кангурд)- лепеш-ки твои получились недопеченными, **торчин** – собранный с верх-них ветвей деревьев (по плодах), **дастчин** – собранный руками, **ходашап** – сбитый палкой, **духтарчин** – собранный девушка-ми, **чигарсухта** – опечаленный, **пъргу** – ворчливый. Сложные слова такой модели могут иногда иметь и значение существительного, некоторые из них употребляются с суффиксом: **пешарькп**- вы-скакивающий вперед, выскочка.

В кулябских (северных и южных) и рогских говорах слож-ные имена рассматриваемой модели могут обозначать цель, намерение осуществления действия: **бозоррав** – собирающиеся на базар, **ордгир**- собирающийся купить муку. Как правило, в таких именах используется основа переходного глагола движения на направления. Имена данного типа в сочетании глагольной связ-кой или спрягаемыми формами глагола **будан** образуют одну из разновидностей конструкции намерения (см. «Синтаксис»): **мъ аспхар-ъм** (рог. Ходжагалтон) – я намереваюсь купить лошадь.

5. Существительное + причастие на – а: (иногда с отрица-тельной частице **но** -): **солхурда** (кр. Обигарм)- пожилой, **поча-канда** – разорванный штанами, **танабаста** – крепкоствольный (о дереве) идущем в рост, **дармунда** (с-к . Ховалинг) – нуждающийся, **рузнодида**- несчастливый несчастный.

Числительные

Имена числительные в южных говорах отличаются от лите-ратурного языка главным образом своим фонетическим обли-ком, обусловленным особенностями фонетической системы данных говоров. Этим же особенностями объясняются также межговорные различия внутри южных говоров.

Количественные числительные

Определенно-количественные числительные однотипны в каратегинских и кулябских говорах; рогские и бадахшанские объединяются общей чертой – отпадением начальных верхнефарингальных согласных как в простых количественных, так и в производных числительных. Падание в количественных числительных исходных верхнефарингальных, а также согласных д, т. (аф/хаф- семь –двадцать) характерно для всех южных говоров. Для южнокулябских и вахинско –каратегинских говоров характерным является наличие параллельных форм афт / хафт- семь, ашт/хашт-восемь, причем в южно-кулябских чаще отмечены формы типа афт – семь, ашт – восемь, афтод- семьдесят, азорт-тысяча. В ряде случаев указанные формы наблюдаются в северно-кулябских и каратегинских говорах, что, повидимому, объясняется генетической общностью носителей северно-кулябских, вахинско-каратегинских и вахинско –дарвазских говоров (Розенфельд 1956, 202-203). Отсутствие или крайняя неустойчивость фарингальных признаков, объединяющий рогские и бадахшанские говоры, - свидетельствует о генетических связях этих говоров с разговорным фарси и таджикскими говорами Афганистана, где также имеются формы аф(т), аш(т), азар, афтод /Раван Фархади 1974, 96-97/. Примеры использования количественных числительных в южных говорах: йа лали ангур-а чиндаъм (з-к. Зогнуль) –я собрала одно блюдо винограда; ть да ака-т пан сум бьте – (кр. Гофилобод) –отдай своему страшему брату пять рублей; зани бургати мо шас кило орд-а ай магазин харидай (кр. Шулэ) жена нашего бригадира, оказывается, купила в магазин шестьдесят килограммов муки; и куча-нда вонъзда одам ай (в-кр. Хаит) – на этой улице пятнадцать человек.

Счет по двадцаткам, отмеченный в ряде таджикских диалектов, засвидетельствован и в южных говорах: каратегинских, кулябских (севернокулябских, гиссарско-кулябских).

Сведений о наличии или отсутствии подобного счетов рогских и бадахшанских говорах в научной литературе нет, к сожалению, вопрос этот в данных говорах специально не изучался: не упоминается о счете двадцатками и в литературе о разговорном фарси Афганистана.

Счет по двадцаткам в кулябских и каратегинских говорах применяется при обозначении количества свыше двадцати. Определенно- количественные числительные, означающие чис-

ла, делящаяся на двадцать, передаются так; **дь-бист** – (сорок), **чор-бист-** (восемьдесят), **се-бист-** шестьдесят. Прочие числа свыше двадцати выражаются с очетаниями, например: **як-бист-ь-да** (х) – тридцать, *букв.* один двадцать и десять, **чор-бист-ь-да** (х) – тридцать, *букв.* один двадцать и десять **чор-бист-ь-да** девяносто, *букв.* четыре двадцать и десять; **Се-бист-ь-панч-ь-нда** дьрумаум, **ай хькьмат мохона мегирум** (кр. Хуфак) – мне исполнилось шестьдесят пять лет (*букв.* три двадцать и пять), я получаю от государства пенсию; **мь се-бист-ь-да рафтъм** (с-к. Ховалинг) – мне исполнилось семьдесят лет; **ай руи кьнишка чор-бисти мегирифтем** (с-к. муллокони) – по книжке мы получали по восьмидесяти (рублей); **ай ма бис сум, ай вай се бис сум мегирифт** (г-к. Дагана) – с меня он получил двадцать рублей, с него шестьдесят рублей.

Счет по двадцаткам, как правильно отмечает В.С. Расторгуева, представляет собой явление отживающие (Расторгуева 1964, 71); в рассматриваемых говорах он зафиксирован преимущественно в речи людей старшего поколения. Происхождение этого счета, надо полагать, относится к ранним периодам истории счисления, к системе счета с основанием на 20 (по числу пальцев на обеих руках и ногах)¹⁴. Изучение этих реликтов, сохранившихся в таджикских диалектах, несомненно, представляет интерес и требует специальных исследований в этом направлении.

Для обозначения сложных количественных числительных в южных говорах, как и в ряде других диалектов, используются сочетания со словом **кам** – мало, принятые при передаче вычитания единиц, типа: **йак си-букв.** (на) один меньше тридцати, то есть двадцать девять; **се кам чил-букв.** (на) три меньше сорока, то есть тридцать семь. Данное явление более распространено в каратегинских говорах, в остальных южных говорах употребление его ограничено. Примеры: **мьн дь кам шаст рафтъм** – мне исполнилось пятьдесят восемь; **у панчота бьз-ь гуспан дора** (г-к Мирзои) – у него сорок восемь коз и овец; **дина йа кам чил кило овардъм** (кр. Хакими) вчера я принес тридцать девять кило.

Сочетания со словом **кам** отмечаются и в разговорном фарси кабули в Афганистане (Раван Фархади 1974, 97). В Чусте В.С. Расторгуева зафиксировала счет на сотни при количестве, пре-

¹⁴ Следы двадцатиричной системы, как известно, сохранились до сих пор во многих современных языках индоевропейской семьи: французском, английском, голландском; ср. Французское *quatre-vingts* «четыре-двадцать», т. е. восемьдесят; *quatre-vingts-dix* «четыре-двадцать-десять», т. е. девяносто.

вышающем тысячу: сзда сат- тысяча триста, букв. тринадцать сто (Расторгуева 1952 84). В южных говорах это явления не отмечено.

Количественно- именные сочетания со словом **ним** – половина в южных говорах употребительны повсеместно так же, как и в литературном языке, с соединительным союзом **-ь/-у**: **йак-ь-ним** – полтора, **дь-ь-ним** – дава споловиной: **қарив дь—ним моқ хов кардай** (с-к. сангдара) – он оказывается, почти два с половиной месяца пролежал.

Во всех южных говорах в сочетании с числительными употребляется постпозитивная частица –нумератив **-та** (лит. то). Эта частица употребляется как при подсчете предметов неодушевленных, так и одушевленных: **пеш ай директор дьта директор гъзашт** (в-кр. Сарикенджа) – до этого директора было уже два директора; **ай сари къ йа-та санги калун съни дайро рафт** (кр. Дегаи) – с вершины горы один большой камень скатился до реки. Часто сочетание числительного с частицей **-та** в речи оформляется местоименной энклитикой 3 л. ед. ч. **ыш/-ш**. В этих случаях количественное числительное, соотносясь с лицом или предметом, субстантивируется: **йата –ш бозор намера-ни один** (из низ) на базар не пойдет.

Как и в литературном языке, в южных говорах повсеместно широко употребляются сочетания количественных числительных со словами количественного и измерительного значения, такими, например, как общетаджикские **нафар** – человек, **туда-куча**, **сар-голова**, **гала** – стадо, а также типа **гиром** – грамм, **кило** – килограмм, **тон** – тонна: **ма ай дуқонн калхос дь кило қанд, панчо гиром чой харидьм** (кр. Шуде) – в колхозном я купил два кило сахара, пятьдесят граммов чая; **савхозамун ай боги нав порсол ай гектар хаш тон мева гърифт** (кр. Яхакпаст) – наш совхоз в прошлом году с гектара нового сада получил восемь тонн фруктов. Наряду с ними употребительны и диалектные слова, например, села –стая, **қавза/ қабза** – пучок колосьев, захватываемых рукой при жатве серпом, **дарза-сноп**: **йа чор дарза хаф ме-даравум** (с-к Сари Хосор) – сожну-ка я несколько снопов (травы); **дъхтари подавон навдаи чормағ шыкастай, як села чормағ дора** (з-к. Дашти Шуро) – дочь пастуха сломала ветку орешины, целая гирлянда орехов на ней.

Старинные обозначения мер веса (**пайса** – восьмушка, т.е. примерно пятьдесят грамм, **мисқол** – золотник, **кадоқ** – фунт, **пут-**

пуд) встречаются редко, обычно в речи представителей старшего поколения.

Составные числительные в южных говорах по своему строению не отличаются от литературного языка. Компоненты составных количественных числительных (после двадцати) связывает соединительный элемент, восходящий к союзу. В каратегинских, северно-и южно кулябских, а также рогских и бадахшанских говорах – это – *ъ* или –*и* (после конечного согласного первого компонента): *мън хафтод-ъ се-да кадам мундам* (кр. Хакими) – мне пошел семьдесят третий год; *йаксад-ъ бист сар хайвони шохдор* (в-кр. Кушагба) – сто двадцать голов рогатого скота; *тавальди бисти чор* (ю-к. Ёл) – двадцать четвертого (года) рождения; а в западно-кулябских и гиссарско-кулябских говорах элемент –*и*: *бисти дъйум-да мо ай шар бърмаа бдем* (з-к. Давлатшоён) – двадцать второго мы выехали из города.

Если первый компонент оканчивается гласным, то соединительный элемент обычно отсутствует: *си хафт коп галла-ра мошин-да андохтум* (кр. Муджихарф) – тридцать семь мешков зерна я погрузил на машину; *и идори калхос соли сидъ найдо шнд* (кр. Майдон) – эта правление колхоза образовалось в тридцать втором году; *панч хафт гуспанд-а хай карда бурд* (кр. Самосселик) – он угнал пятьдесят семь баранов.

В западно-кулябских и гиссарского – кулябских говорах, наряду с этим, используется соединительный элемент –*у*, особенно в речи местной интеллигенции, что можно объяснить влияния литературного языка. Неопределенно-количественные числительные в южных говорах имеют то же значение, что и в литературном языке. Они указывают некое приблизительное количество предметов. Неопределенные числительные образуются путем сочетания двух чисел, причем обозначающее меньшее количество предшествует числительному, обозначающему большее количество. В речи между составными частями неопределенно – количественных числительных пауза обычно очень короткая. Примеры: *хозир хами чор-пан(ч) кишлок-а ки хай, хама-ш фарқ дора* (кр. Самсолик) – сейчас эти четыре-пять (т.е. несколько) кишлаков, которые есть, все они имеют (свои) отличия. Подобные числительные могут сочетаться с частицей –*та*: *бача рафтай, кофтай, се-чорта йофтай, хурдай* (з-к. Бальжуан) – мальчик пошел, нашел три-четыре (абрикоса) съел; *чор-та* –

панчт-та бъз-му гум мешава (в-кр. Хаит) –у нас пропали три-четыре козы.

Неопределенные числительные образуются также с помощью словояк, утрачивающего в данных сочетаниях количественное значение числительного и приобретающего функции служебного слова со значением неопределенности: ба ё –д йа дах- понзда мешаван, ахири ахир ба қап каан (с-к Шехмизон) –потом их стало десять –пятнадцать, в конце концов, их поймали; йа-дъ сьм пыл бьге (в-кр. Хулак) –дай мне пару рублей денег.

Порядковые числительные

Порядковые числительные в южных говорах образуются с помощью суффикса –ъм/-ум/-йум/-вум (последние два варианта после гласных). Вариант ум-растпространено в южных говорах повсеместно; –ъм более характерен для каратегинских, кулябских и рогских говоров; в гиссарско-кулябских в основном используется суффикс –ум.

Примеры: бегохи бист-ъ-шаш-ъм-и апрел чъл-ъ-дъ-йум соли сафар ба фрон кардем (з-к. Саталмуш) –вечером 26-го апреля сорок второго году отправились мы на фронт; соли шастн-се-вум мын-а бригадир мундан инчаида (в-кр. Хаит) – в шестьдесят третьем году меня здесь назначили бригадиром. Следует отметить употребление порядковых числительных без суффиксов при обозначении дат: соли чили се ба ватан ба Саталмуш бозгаштъм (з-к. Саталмуш) –в сорок третьем году я возвратился на родину в Саталмуш.

Местоимения

В диалектологических исследованиях о местоимениях в южных говорах содержатся очень краткие сведения. Так, приводятся некоторые данные о диалектных особенностях отдельных разрядов местоимений и о специфике употребления местоименных энклитик: а также значений последних выявляющих их существенные отличия от современного литературного языка (Неменова 1956, 35-39; Розенфельд 1960, 13). Сравнительная характеристика местоимений по таджикским диалектам, в том числе и южным, приведены В.С. Расторгуевой (Расторгуева 1964, 60-71).

Истории развития системы местоимений в научной литературе также уделялось внимание (Сибев 1972).

Для южных говоров характерны те же разряды местоимений, что и для современного таджикского языка в целом. Отли-

чия имеются в составе некоторых разрядов за счет диалектных форм и фонетических вариантов тех или иных местоимений, что в свою очередь определяет и различия внутри самих говоров. Все местоимения этих говоров подразделяются на две основные группы: а) личные и местоименные хъд/ худ- сам; свой; себе; б) местоимения неличные (сюда относятся все прочие разряды местоимений).

Личные местоимения

В южных говорах, как и в литературном таджикском языке, личные местоимения употребляются как самостоятельно, так и в сочетании с определительным местоимением хъд, с энклитическими местоимениями, указывающими на лицо и число: мън умадъм, ть гъчо мерай? (в-кр. Нушор) –я пришел, ты куда идешь? мън хъд-ъм да дъруни сийпанч бъдъм, падаръ-мо мърд (кр. Халкарф) –мне было раз тридцать пять, (когда) умер наш отец.

Более всего различаются по говорам и имеют несколько фонетических вариантов местоимения 1л. ед.ч. и 3л. ед. и мн. ч.; остальные личные местоимения в основном едины для южных говоров.

Личное местоимение 1л. ед.ч. в южных говорах засвидетельствовано в четырех вариантах: ма/ мь/ мьи/ман –я.

Вариант **ман** распространен в кулябских говорах и частично в каратегинских. Примеры: дандон-ъм-а мекандан, м'а шай мешъдъм (з-к. Дехбуль)--вырвали бы мне зуб, я бы поправилась; ма-ра пърсидан, ма гъфтъм (г-к. Джонварсуз) -меня спросили, я сказал; ма хонаи усто Шариф мерам (с-к. Ховалинг) –я пойду к усто Шарифу; ма холи дар хъкмат йагун хийонат накардъм (кр. Шархо) – я до сих пор ни одного проступка против государства не сделал.

Вариант **мьи** распространен преимущественно в вахинско-каратегинских и каратегинских говорах: ай мьи се сол хърд (в-кр. сасикбулок) она младше меня на три года; мън дар соли сипанчум дар кишлоки хъд-ъм бъдъм (кр. навде) в тридцать пятом году я был в своем кишлаке; да пиши мьи гъ-ра мекъна (в-кр. Хечборак) –при мне он тебя осуждает. В селениях северной части Куляба, особенно в верховых яхсу, в селениях сарихасорского района вариант мьи отмечен в единичных случаях.

Вариант **мъ** распространен повсеместно во всех говорах, более широк он употребителен в рогских, бадахшанских, северное и южно-кулябских говорах: оли мъ бестъм, дер шид (Рог, Ход-

жагалтон) -теперь я оснанусь, позно стало; мъ ба рафтан-ъм (бд. Козиде) – я собираюсь идти; мъ кылча баста наметонъм (ю-к. Навобод) – я не умею печь кульча (сдобные лепешки); мъ дь реша-м, йак реша-м ай Каротегин, йак реша-м ай Йохсу (с-к, Ховалинг) -я (происхожу) от двух родов (букв. корней), один – из Каратегина, другой из Йохсу.

Вариант **ман** отмечен во всех южных говорах весьма ограниченно, причем почти во всех случаях у людей, речь которых близка к литературному образцу или соответствует определенной ситуации: урок в школе, выступление на собрании и т.п. исключение составляют бадахшанские говоры, в которых **ман** может считаться одним из основных вариантов, кроме горонского, в котором более распространены варианты **мъ/мън**: **ман** меравам (бд. Мулводж) – я поеду; **ман** у-ро дидастъм дина (бд. Нуд) – я его видела вчера; **ман** ть-ра мейовум (кр. Тегерми) – я найду тебя; **ман** хайрати шидъм (с-к. Ховалинг) – я удивился.

Личное местоимение 1л.мн. ч. **мо** без каких-либо фонетических изменений распространено во всех южных говорах повсеместно.

Местоимение 2 л. ед.ч. в южных говорах употребительно в двух вариантах –**ты/ту**, причем первый из них распространен повсеместно; а второй –преимущественно в гиссарско –кулябских, бадахшонских и частично в западнокулябских говорах: **ть-ам** беморй? (бд. Козиде) –и ты болен? **ть** амии сифър-ай къшо гъръфти? (рог. Ходжагалтон) – от куда та эту цифру взял? **ть** гъчо мерай (в-кр. нушор) – ты куда идешь? **ту** бьгу, момои ту мелуна (бд. Шамбеде) –ты скажи, твои бабушка знает; **ту** пахтачини намерай-а? (г-к. туда) – ты на сбор хлопка не поедешь?

Местоимение 2 л. мн.ч. в южных говорах отмечено в трех фонетических вариантах **шьмо /шумо/ шимо**. Общая для всех говоров форме –**шьмо**: **шьмо** сахари умадае (в-кр. Оксой) –вы приехали рано утором; **Чонгир** кати **шьмо** бьд (бд. Козиде) – **Джахонгир** был с вами; **акъ шьмо** бьшане (кр. Пору) – теперь вы садитесь.

Вариант **шумо** также отмечен во всех говорах, но реже, чем **шьмо**. Этот вариант, совпадающий с литературной формой местоимения, наблюдается чаще в речи людей бывалых, образованных, наиболее распространена форме **шумо** в бадахшанских говорах (**шумо** мебойад ба Андероб бьравед (бд. Гармчашма) – вы должны поехать в Андероб); отмечена она и в других гово-

рах южной группы: ман ай шумо илтимос дорум (кр. Навде)- у меня есть к вам просьба: шумо биҳи гуве, вай қарғоч мега (кр. Навобод) -вы говорите ива, а он говорит карагач.

Форма **шимо** отмечена в единичных случаях в гиссарско - кулябских и каратегинских говорах: не, шимо шинен, охи! (г-к. Туда) – нег, да посидите вы! шимо бэхъре! (г-к. Кончи) вы ешьте!; шимо гапои хъшру бьгуйен, ки мо бишнавам (кр. Хуфак) – вы говорите нам хорошие слова, мы слушаем их.

Последнее время в южных говорах наблюдается двойная функция местоимения **шумо**: кроме обозначения группы лиц, оно все шире употребляется вместо **ть** при вежливом обращении к одному лицу. Однако это явление в говорах еще не закрепилось, о чем свидетельствует наличие в повседневной речи несоответствий и колебаний согласования в числе, например, можно услышать и **шъмо** одами (букв. вы пришел), и **шъмо** омаден- вы пришли. И все же развитие указанного явления, по всей вероятности под влиянием литературного языка способствует закреплению в говорах употребления **шъмо** при вежливом обращении к одному лицу.

В отличие от северных таджикских говоров и литературного общеразговорного языка суффикс множественного числа при местоимениях южных говоров **мо** – мы, **шумо** – вы (ср. **мохо**, **шумоҳоншумохо**, **шумойон**) не имеет распространения, однако в единичных случаях, в речи отдельных представителей южных говоров, это явление отмечено. исключением в этом отношении являются некоторые гиссарско-кулябские говоры, бытующие в ряде селений Гиссарской долины, в частности, так называемый долинный говор, в котором Л. В. Успенской засвидетельствовано вторичное множественное.

Как отмечает В.С. Расторгуева, образование вторичного множественного числа местоимений в том или ином районе обусловлено степенью употребительности местоимения **шумо** в качестве формы вежливости при обращении к одному лицу, когда следовательно, местоимение это «может выражать фактически и единственное число» (Расторгуева 1964, 63)

Новообразованные формы личных местоимений (вторичное множественное число) в южных говорах только появляются, и тенденции к закреплению этого явления пока не наблюдается. К местоимениям –новообразованиям в южных говорах относятся местоимения 1 и 2 л. мн. ч. с двойным множественным числом

типа: **мохо/ мохон-мы, шумо/ шумохон** – .вы. Эти формы, как говорилось, употребляются ограниченно и лишь в некоторых из южных говоров. Местоимение 1л. мн. ч. в вариантах **моо/мохо(н)/мъхо/мухо** отмечено в вахиинско-каратегинских, кулябских (северно- западной гиссарско- кулябских) говорах, при чем **мохон** только в гиссарско-кулябских¹⁵: **моо хар дъ-мун бачоон бъйор** (в-кр. Оксой) -мы оба сынавья братьев; **моо хар къчо бърем, бо ба амича-ра мийем** (с-к. Муминабад) –куда бы мы ни уходили, снова приходили сюда; **бари мохо намери** (в-кр. Ходжаи Тавоф)-на нашу сторону не заходишь; **мохо мерем ай пасъгон** (г-к. Сангтуда)-мы пойдем следом за вами. Местоимение **мъхо** отмечено в северно-кулябских и гиссарско-кулябских говорах: **йагон чо бъбаран мъхо залал мекънем** (г-к. Файзобад) –(если их) куда-либо увезут, мы потерпим убыток.

Местоимение **шъмо/шъмохо** отмечено в единичных случаях в северное кулябских и каратегинских говорах: **шъмо гъчо бъде?** (кр. Нушор) – где вы были? **шъмохо бийойе** (кр. Тегерми) –вы приходите; **шъмо гъли бодом меген** (с-к. Геш) –вы называете «цветок миндаля».

В южных говорах широко распространено инклюзивное сочетание диалектного характера с оттенком собирательности **мо мардъм, моо маръм**–все мы, сомантически аналогичное формам **мо, моо мъхо**: **моо мардъм-да панч-шаш кило хичи намеша** (кр. самсолик) –для всех нас пять-шесть кило ничего не составит; **мъхо мардъм келин мегем** (с-к. Шахмизон) --(все) мы говорим «келин» (жена сына). Аналогичные сочетания отмечены в разговорном фарси Афганистана (Раван Фархади 1974, 82).

Наиболее многообразных в южных говорах формы местоимений 3 л. ед. и. мн. ч. Одним из дифференциальных лексико-морфологических признаков таджикских диалектов и говоров, распределяющих по определенным группам, являются именно формы личного местоимения 3 л.

В южных говорах представлены три разновидности местоимения 3л. ед. ч. Две из них-**у, вай-он** –восходят к формами языка классического периода **аи вай**. Третья – **хавай** – образовалась из сочетания местоимения **вай** и усилительной частицы **ха** (м). Эти разновидности распределяются по говорам следующим образом: местоимение **у** распространено повсеместно во всех

¹⁵ в долинном говоре форма **мохон** не отмечена (Успенская 1962, 35).

южных говорах, причем в некоторых из них параллельно с у используются **вай** и **хавай**.

В большинстве кулябских говоров, вахиинско-каратегинских, рогских и бадахшонских в функции личного местоимения 3 л. ед. ч. выступает только разновидность у; в каратегинских говорах Среднего Нижнего Каратегина (т.е. кроме вахиинско-каратегинских), а также в одной группе кулябских – гиссарско-кулябских употребляются все три разновидности (у, вай хавай), причем в последних особенно распространены **вай** и **хавай**. Примеры употребления местоимений 3 л. ед. ч. : хаму махал вай умадо (кр. Бебак) – он в тот время пришел; хавай амгъли тъ (кр. навде) – он твой ровесник; у чома-да рафтас-е... (с-к. Шайдон) – да он за халатом пошел...; у зангири –ш-а нагуфта бъд (з-к. Саталмуш) – он не сказал о совей женитьбе; у ай тъ калон бъд (г-к. Туда) – он был старше тебя; у гирам набуд (бд. Багуш) – он не собирался жениться; у магарда кади Йасман (в-кр. Ясман) – он бродит вдоль Ясмана; у додар –ъш-а бъгуя (в-кр. Ясман) – пусть он скажет своему младшему брату.

Такова общая картина употребления в южных говорах разновидностей местоимения 3 л. ед. ч. Ареалы распространения местоимения у свидетельствуют, что в южных говорах таджикского языка (как и в юго-восточных) эта форма, унаследованная от языка классического периода, является исконной, традиционной. В этой связи интересно отметить, что местоимение у, по видимому, как исконная форма, характерно и для разговорного фарси (кабули) Афганистана (Раван Фархади 1974, 8 и в ряде таджикских диалектов северного Афганистана (Ефимов 1966, 13; Обидов 1974, 12). Две другие формы появились, очевидно, позднее и не исключено, что под влиянием северных и центральных говоров.

Более широкое распространение имеет в южных говорах местоимения **вай** в последние десятилетия. В полевых материалах 1960-1975 гг. эта форма засвидетельствована в отдельных случаях в северно-кулябских, западно-кулябских и вахиинско-каратегинских говорах главным образом в речи бывалых людей: вай-а мор газидаги (с-к. Шейхмизон) – его ужалила змея; вай-а лечит мекънан (з-к. Давлатшоён) – его будут лечить; вай дар назари мън, хуцайтавофчи-йай (в-кр. Кушагба) – он, поему, родом из Ходжа тавоф.

Местоимение *вай* отмечено в бадахшанских говорах, в частности, в сел. Яхшволь (ишкашим) Розенфальд 1971, 56, 148).

Известно, что в литературном языке местоимения *у* и *вай* различаются в плане лексико-семантическом: первое обозначает лишь лицо, второе - и лицо (т.е. человека), и животное, и неодушевленный предмет. В южных говорах местоимение *у* используется для обозначения лица (человека) и животного: *у* неки хап медовона (с-к. Ховалинг) - она (собака), однако, незаметно подкрадывается. В тех говорах, где личное местоимение *вай* неупотребительно, его функцию выполняют указательные местоимения (*и* (*н*) (лит. *он*) употребленные без существительных) или эти же местоимения с усилительной частицей (*х*) *ам* типа *ами* (лит. *хамин*): *мь-ра бьте-ш аму-ра!* (с-к. Дараи Мири) - дай мне его (ребенка)! *и-ра да бух бьреъзи?* (рог. Бадринг) - его (это молоко) мне в маслобойку влить?: *у-ра бор-ъш мекънем, ай ру-ш съвор мешавем* (с-к. Ховалинг) - мы его (тот кувшин) грузим (на осла), да (еще) сверху садимся верхом и едем.

Форма Зл. мн.ч. многообразна, она образуется от всех употребляемых форм Зл. ед.ч. с помощью показателя *-хо/-о*. В зависимости от исходного звука той или иной формы местоимения ед. ч. в формах мн.ч. возникают вставочные звуки *-й/-в/-в*. Таким образом, в южных говорах представлены следующие формы Зл. мн.ч.: *уно, унохо, ухр, уво, умо, во; вайо, хавайо, ийо/ йо/, инно*, - последние две от местоимения *и* (*н*).

Распространение их примерно соответствует распространению форм и вариантов местоимения Зл. ед. ч. форма *уно* употребительна во всех говорах южной группы (за исключением южнокулябских, где она отсутствует), являясь фактически общей для рассматриваемой группы говоров: *хар дьи уно дъсти ма бьд* (з-к. Зогнуль) - оба они были на моих руках; *уно-ни мебофтан* (в-кр. Ходжаи Тавоф) - они тоже вязали (шерстяные чулки); *уно ака-у додар* (кр. Шинглич) - они братья; *уно хьдъшон ичойи не г-к. туда* - сами они не здешние; *уно уцо-на мехонан* (рог. Ходжагальтон) - они учатся там; *уно меъроран-ъш* (бд. Козиде) - они ее вытащат. Один из вариантов этой формы *-ухо* имеет более широкое распространение в кулябских говорах: *рафтъм, уxo* перерив шидийан (з-к. Дехбул) - я пошел, а у них, оказывается, перерыв; *ухо севхар-ан* (с-к. муминабад) - они покупатели яблок; *ухо ть ть меган* (г-к. Туда) - они «ты-ты» говорят, *ухо-данун бурдъм* (с-к. Ховалинг) - я им хлеб отнела.

Судя по имеющимся материалам, исконной и традиционной формой Зл. мн. ч. для рогских и бадахшанских говоров является **уно**.

Параллельно с формой **уно** в кулябских и картегинских говорах употребительна и форма **уво/wуо**, причем по степени употребительности она преобладает над **уно**: уво-ра мъхочир кардан-ъшу (в-кр. Ляхш) — их пересилили; уво коркаан мегиран (с-к. Ховалинг) — они начинают работать; уво гъфтан (ю-к. Ёл) — они сказали; уво омадан, соат хаш мешава (кр. Сорбог) — они пришли, сравнялось восемь часов; уво таърихи Норак-а медонан (г-к. Норак) — они знают историю Нурека; а ича уво найомадан (г-к. Девонабег) — отсюда они не пришли.

В вахиинско-картегинских говорах употребительный стяженная форма **во /во:** во бист кас бьдан (в-кр. Калаи Лаби Об) — их было двадцать человек.

Формы **ино /ихо/ийо/йо** можно считать общими для всех южных говоров; они менее распространены, чем местоимения, указанные выше, причем степень их употребительности по говорам не одинакова. Так, в бадахшанских и рогских говорах местоимение **ино** отмечено в единичных случаях. Шире всего **ино** и его варианты представлены в картегинских и кулябских говорах (за исключением южно-кулябских, где оно не засвидетельствовано): ино сахар барвах бьдастан (с-к. Геш) — они рано утром приходили; пас ай ино шаш пъль баъд боби мън (в-кр. Ходжа Тавоф) — после них еще шесть поколений, потом мой дедь; ино азъл мефаман (кр. Ялдамич) — они понимают шутку; ино авсона медонан (рог. Анджиркон) — они знают сказки; кати Диловаршо ино бьдан (бд. Нут) — они были с Диловаршо; ийо кашокаш кардан (в-кр. Кушагба) — они дрались; ийо кор кардастан (с-к. Муминабад) — они работают; ихо пъли калхос-а йофтан (с-к. Кульдара) — они нашли колхозные деньги. В вахиинско-картегинских говорах отмечена стяженная форма **йо:** йо калхоз шидан (в-кр. Хаит) — они вступили в колхоз.

В говорах местоимения **ино** и **уно** (с их вариантами) при едином грамматическом значении имеют отличия в употреблении, а именно, **ино** указывает на определенные, только что упомянутые лица, находящаяся в непосредственной близости от говорящего; но местоимение **уно** (и его варианты) указывает на упоминавшиеся ранее, более удаленные лица; **ийо** чени умо нестан, уво хуб-ан (в-кр. Хулак) — они (эти) не такие, как они (те), те хорошие.

Местоимения **вайо** и **хавайо** употребительны в гиссарско-кулябских и каратегинских (Средний и Нижний Каратегин) говорах, причем данные формы в указанных говорах сплошного распространения не имеют. Так, в группе файзабадских селений местоимения **вайо** и **хавайо** употребляются крайне ограниченно, та же картина наблюдается и в привахших селениях (правобережных), расположенных на прибрежной полосе. Более распространены эти формы в каратегинских и в долинном говоре Гиссара: **хавайо бе турба мийан** (кр. Самсолик) –они придут без трубы; **кати хавайо мьн рафтъм** (кр. Ялдамич) –я пошел с ними; **мошини хавайо паго мебийод** (г-к. Кончи) –их машина придет завтра; **вайо гапи мо-ра гърифтан** (кр. Халкарф) –они нас послушали; **вайо бисйо пийон бъдан** (с-к. Кангурт) –они были очень пьяны; **вайо гъфт-ъм-ку, чисти точикан** (в-кр. Кушагба) –они, я сказал, ведь, настоящие таджики; **мо нахут гуйем, вайо нъхът меган** (г-к. Джонварсуз) –мы говорим «нахут» (горох), они говорят (т.е. произносят). «нъхът».

Экклитические местоимения

Экклитические местоимения в южных говорах отличаются от литературного языка не только по своему внешнему звуковому облику, что обусловлено диалектами особенностями фонетической системы говоров, но и функционально. Сфера употребления местоименных энклитик и их семантика в южных говорах значительно шире, чем в современном литературном таджикском языке, что свидетельствует о сохранении в данных говорах некоторых свойств, характерных для классического периода, когда экклитические местоимения обладали развитой системой грамматических значений.

Фонетические варианты экклитических местоимений определяются не только фонетическими особенностями говоров, но зависят также от исходного звука слова, к которому присоединяется энклитика.

Общими всех южных говоров можно считать следующие варианты экклитических местоимений:

после согласных	
Ед. ч.	Мн. ч
1. л. ъм, -ам, -ум	-ъмон/ъмун, -ъмо(н) амон/амун

- 2.л. -ът, ат, -ут -ътон/-ътун, -ътон(н)/-ътун(н),
 -атон/-атун
3.л. -ыш, аш, -уш -ышон/ -ышун, -ышо (н)/-
 ышу(н), -ашон/-ашун

Вариант с гласным а (-ам, ат и др.), идентичный литературным формам энклитик, по всем южным говорам отмечается более ограниченно, приблизить свою речь к литературным нормам: Рахматшо, ба гъмон-ам, бьрафт (з-к. Чавроги Боло) –помоюму. Рахматшо ушел; ман ечи пышт-ам-а намедонъм(в-кр. Шулбули)- я ничего не знаю о своих предках (о своем прошлом); лолак-ам, об дихи, дан-ам коқ шид (бд. Нижгар) – братец, не дашь ли воды, у меня во рту пересохло.

Вариант с гласным у (-ум, -ут, -уш и др.) известен во всех южных говорах; но наибольшего распространения он достигает в гиссарско-кулябских и западно- кулябских говорах, а также частично распространен в каратегинских и бадахшанских: бонома алаф-уш нагз-ай? (г-к. Арбобдарая) –в наших садах трава хороша! дъл-ум ҳавои шъд (г-к. Саримазор) –на сердце у меня тревожно; холеи туйдор, давлат бар сар-ут, садубист сола шавад пьсар-ут (з-к. туткаул) –тетушка, устраивающая свадьбу, счастья на твою долю, пусть сын твой живет до ста двадцати лет; хъд-ут бьгу (кр. Тегерми)-сам скажи.

после гласных

Ед. ч.	Мн. ч
1 л. -м	-мун/-мон/-му/-мо
2 л. -т	-тун/ -тон/-ту/-то/тъ
3 л. -ш	-шун/-шон/-шу/-шън

Энклитические местоимения мн.ч. и их варианты употребляются при словах после гласных и согласных; ср.: боби-мун йаг сад-ъ дах-да мърд (с-к. сангдара) –дед наш умер ста десяти лет; шаройит-мун хъб-ай (в-кр. Кушагба) –условия наши (у нас) хорошие; падар-мун-а дидаги нестем (с-к. Муминабад); боби калун-му хамита умадас ай Арзынг (в-кр. Сарикенджа) – наш прадед вот таким образом пришел из Арзынга; усто-тун ки бьд? (в-кр. Сарикенджа)-кто был ваш мастер?

Вариант энклитики 3 л. мн. ч. -шьн, как показывает материал, отмечен только в вахиинско -каратегинских говорах: дигар чо лавз-шьн дигар-ай (в-кр. Сарикенджа) –в других местах (и) наречия их другие; чойи ғилм мебъровардаги-шьн Бьхоро бьд (в-кр. Оксой)-местом, где они получали образование; была Бухара.

Энклитическое местоимение 3л. ед.ч. -ш, как правило, употребляется при словах после гласных: нъваса-ш ба адир рафт (рог. Ходжагалтон) -ее внук пошел на холмы. Однако если сочетание с энклитикой -ша формлено послелогом -а, то -ш употребляется и после согласного звука: лули-ра хар-ш-а ов бѣти-у пул-ш-а гир (кр. Халак) -осла цыгана напои и деньги с него возьми (поговорка).

Энклитические местоимения южных говоров в отношении сочетаемости со словами имеют существенные расхождения с литературным языком, что связано с синтаксическими функциями, выполняемыми ими в составе словосочетаний и предложений. Энклитические местоимения южных говоров присоединяются к именным частям речи, отыменным предлогам, глаголам, именным компонентам сложных глаголов. Расхождения с литературным языком проявляются в сочетаемости энклитик со словами. Так, в южных говорах широкое распространение имеет сочетание рассматриваемых местоимений с глаголами, что в современном литературном языке наблюдается в поэзии (в прозе - очень редко), то же можно сказать и о сочетаемости энклитических местоимений с некоторыми отыменными (диалектными) предлогами.

Из грамматического значения указания на принадлежность развилось указательное выделительное значение энклитик. Особенно часто в этом значении в говорах и в литературном языке используется энклитическое местоимение 3 л., выделяющее определенный предмет среди однородных: ком-ъщ гърифтагист (с-к. Сарихасор) -кто-то из них, наверное, взял; зани минанги-ш ам мърдаги мега (в-кр. Кул) -он говорит, (что) жена среднего (из них) тоже умерла.

Местоимения-энклитики в южных говорах широко используются в функциях прямого и косвенного объекта (подробно см. «Синтаксис»): се метъръш гъръфтъм, нашида-ъш (з-к. Балъджуан) -три метра для нее взяла, не хватило ей; бе гусала шир-ъм надод (с-к. Ховалинг) -без теленка (корова) не дала мне молока.

С точки зрения использования энклитических местоимений в предложении южные говоры, согласно группировке В.С. Расторгуевой, относятся к говорам, «сохранившим все те функции местоименных энклитик, которые были им свойственны в классическом языке» (Расторгуева 1964, 67).

Определительное и притяжательно-возвратное местоимение *худ*.

Местоимение *худ*- сам; свой; себя, в южных говорах повсеместно произносящееся *хъд*, употребляется только в сочетании с местоименными энклитиками, которые указывают лицо и число. Это местоимение в говорах имеет те же грамматические значения, что и в литературном языке.

Как и в литературном языке, в сочетании с личным местоимением *хъд* может предшествовать ему либо следовать за ним. В первом случае *хъд* употребляется без местоименной энклитики, присоединяясь к личному местоимению или имени существительному посредством *изафета*: *хъди ман* – я сам; *хъди мағалим* – учитель сам/ сам учитель; во втором всегда оформляется местоименной энклитикой: *ма хъдъм* – я сам *мъдалим хъдъш* – учитель сам. Отличие от литературного языка состоит лишь в ином фонетическом звучании парадигмы этого местоимения.

Между самими говорами также имеют место некоторые расхождения в звучании вариантов парадигмы местоимение *хъд*, которые представляют собой следующее.

Варианты, общие для всех южных говоров:

Ед. ч.	Мн. ч.
1. хъдъм/хъдам	хъдъмон/ хъдамон/ хъдмо
2. хъдът/ хъдат	хъдътон/ хъдатон/ хъдто
3. хъдъш/ хъдаш	хъдъшон/ хъдашон/ хъдшо

Помимо вариантов общеюжных, имеются локальные варианты, характерные для отделенных говоров.

В говорах, где закономерный переход *о* в *у* перед носовым *и* является характерным (каратегинские, вахиинско-каратегинские, северно и западно-кулябские), парадигме множественного числа распространены такие варианты (обычно с выпадением начального гласного энклитики и отпадением конечного *и*):

Мн. ч.

1. хъдму (*и*)/ хъму
2. хъдту (*и*)/ хъту
3. хъдшу (*и*)/ хъшу

Варианты *хъдум*, *хъдут*, *хъдуш*; *хъдъмн*/ *хъмун*/ *хъдмо*/ *хъмо*; *хъдътн*/ *хътън*/ *хъдту*/ *хъто*; *хъдъшн*/ *хъдшу*/ *хъшу* употребительны в вахиинско-каратегинских говорах, частично в каратегинских и северно-кулябских (верховья Яхсу); варианты

хъдим, хъдит, хъдиш, хъдиймон, хъдайотун, хъдийошун бытуют в одном из рогских говоров в сел. Афтобзамин; варианты хъдим, хъдит, хъдиш; хъдиомон, хъдиотон, хъдишон встречаются также в другом рогском говоре в сел. Анджиркон.

Как можно заключить из приведенных выше диалектных вариантов, основные фонетические изменения создающие вариативность рассматриваемого местоимения по говорам, происходят за счет стяжения, выпадения гласных и согласных, появления вставочных звуков.

Стяженные формы типа хъм /худам: хъмо/хъму/ худамон и др. за свидетельствованы в каратегинских и кулябских говорах. Стяженные формы ед. ч. более употребительны в тех случаях, когда они оформлены послелогом -а: мън хъм-а йод метъм (ю-к. Кившт) – я сам себя вспоминаю; анде ман хъм-а ва нодуни задъм (кр. Навдонак) – тогда я сама притворилась, что не знаю; йа мардак хът-а нига кардестас (в-кр. сарикенджа) –какой-то человек тебя самого дожидается; мо хъш-а машъносем (г-к. Магмуруд) –мы знаем его самого.

Указательные местоимения

Состав указательных местоимений, их значения и функции в южных говорах не имеют расхождений с литературным языком, отличия же состоят лишь в особенностях фонетического облика, варьирующегося по говорам.

Общими для всех южных говоров являются следующие фонетические варианты указательных местоимений: и(и); у(и), вай. С помощью частицы хам-/ам- образуются усилительные формы этих местоимений: хами/ ами; хаму; хавай (хъдъм анна хавай сагира-йа кълон кардум (г-к. Туда) – я сама вот эту сироту вырастила).

Литературная форма указательного местоимения ин в говорах употребительна преимущественно в речи людей бывалых и, по сравнению с вариантом и, употребляется весьма ограниченно: ин хона-да хамир то пага-ра намераса (з-к. Дарай Мургон) – в этом помещении тесто до завтра не поднимется; ин нъмоли зан мън (кр. самсолик) –это платок моей жены.

Характерные для южных говоров указательные местоимения и, у, как и в литературном языке, противопоставляются по грамматическому значению. Местоимение и указывает на предмет, ближний по расположению или только что упомянутый,

известный, ранее: ай у кишлок йа мазор-а рьжд гьрифт (кр. Навдонак) – в том кишлаке один мазар совершенно занесло (селевым потоком); у туто-ра гьрифта бьйор (с-к. М0уминобод) – принеси те тутовые ягоды.

Вариант ун употребляется ограниченно в вахинско- карагетинских и кулябских говорах: ун хуна рафтан ку (с-к. Сарихасор) – (они) ведь в тот дом ушли; номи ун кишлок Алмалъг, йагун узбак нум-ъш мундас (в-кр. Фатхабад) – тот кишлак называется Алмалыг, какой-то узбек его так назвал.

Употребляясь одновременно, местоимения и и у указывают на предметы, противопоставляющиеся по какому-л. признаку: и зеб-ът мета, у бадру мекъна (с-к. Ховалинг) – этот (платок) идет тебе, тот не идет (букв. делает некрасивой).

Широко распространены в говорах сочетания указательных местоимений с энклитическим местоимением 3.л.ед.ч. –и-ш, у-ш. Энклитика -ш в данном случае выражает выделительное значение и усиливает указательность: и- ш нарава, у-ш рава (с-к. Хвалинг) –если этот не пойдет тот пойдет; и-ш ай бозорай(з-к. Кангурт) – (именно) этот с базара (куплен на базаре); и- ш и-ша нигох кард, у-ш у-ш-а (в-кр. Оксой)– эта на эту взглянула, та на ту.

Указательное местоимение хамин в говорах представлено следующими вариантами: (х) ами(н)/ ми(н).

Вариант ами/амин., распространенный в южных говорах повсеместно, в бадахшанских и рогских является основным, широко распространен также в южно-кулябских, соседящих с рогскими говорами. В остальных южных говорах при параллельном употреблении форм хами/ами чаще используется ами, особенно в повседневной речи, в неполном стиле ее: хами кишлоко-ра мефармойем, гандъм мекътан (в-кр. Хичборак) – эти кишлакам поручим, пусть молотят пшеницу; соати панч-ъ ним ами девол-а сар карда бьдем (в-кр. Шулбули) – эту стену мы начали (складывать) в половине шестого.

В южных говорах варианты местоимений с исходным и (хамин/амин), как правило, употребляются перед последующим гласным: хамин-аш-ам-да пьгр-ай (с-к Ховалинг)- и за это спасибо; хамин-ам телпаки нагз-у андак хьртарай (г-к. Джонварсуз) – эта шапка тоже хороша, да маловата; амин-а бьгиръм? (в-кр. Нушор) – взять мне, что -ли, вот эту? амин кор кори бьгиръм? (в-кр. Нушор) – взять мне, что -ли, вот эту? амин кор кори нозев-ай (в-кр. Пилдон) –этот поступок –дело некрасивое.

В отделенных случаях, преимущественно в речи бывалых людей, отмечена литературная форма хамин и перед согласным: хамин пийола-ра йагон кудаке шикастай (кр. Ялдамич) – эту пилу разбил какой-нибудь ребенок.

Территориальное распространение по говорам вариантов указательного местоимения (х) аму (н) му- тот, тот самый соответствует употреблению рассмотренных выше вариантов местоимения хамин. Наиболее распространенным повсеместно является вариант аму, который для рогских, бадахшанских и южнокулябских говоров является основным и можно сказать, почти единственным.

В каратегинских и кулябских говорах параллельно употребляются аму/хаму, причем аму, как свидетельствуют материалы, более распространенный вариант. Характерными для южных говоров формами указательных местоимений хамин, хамун являются их стяженные варианты ми-этот, му- тот, засвидетельствованные преимущественно в каратегинских и кулябских говорах. Данные варианты употребляются, как правило, после слов с исходом на гласный или среднеязысный согласный й (обычно служебные части речи – предлоги, частицы): у пеш да ми идора кор мекардай (кр. Самсолик) – он прежде работал в этом учреждении; ай ми къдаи мо дар маргилон хастан (в-кр. Ярхаб) – (некоторые) из этих наших сватов находятся в Маргилане; манна-ми пойон-да каракамиш мегуйан-ъш (з-к. Давлатшоён) – вот эту самую (местность) внизу (в равнинных местах) называют Каракамыш; мьн да му туй-ъш рафта бьдъм (в-кр. Шархо) – я на тот туй ходил. Местоимения ми, му –тот могут сочетаться с усилительной препозитивной частицей на/ана – вот: нами, паму, анаму- вот тот.

Эти сочетания распространены в вахиинско-категинских и южно – и западнокулябских говорах: наму бача-ра бьгу (в-кр. Оксой) – скажи тому парню; нами гушо-ш, нами чьмо-ш (ю-к. Ёл) – вот уши, вот это галаза; анаму руган-а мегири (з-к. Давлатшоён) – вот это самое масло ты возьмешь нами одам дар савхоз кор мена (в-кр. Нушор) – этот человек работает в совхозе.

Вопросительные местоимения

Характерной чертой вопросительных местоимений рассматриваемых говоров по сравнению с литературным языком является наличие особых фонетических вариантов, обусловленных

спецификой звуковой системы южных говоров и служащих дифференциальными признаками межговорного порядка. Состав вопросительных местоимений южных говоров: **ки** (кихо/кийо)–кто? **чи**(чихо/чийо)–что? **кадом/кадум/кадъм/ком-который?** **чанд/чан** –сколько? **чува/ чиб**а . –почему? **кучо/гучо/гичо/ кьшо/ чо** –куда? **истара/саро/ сарои-** как, каким образом? **бахчи** –зачем? Степень распространенности данных местоимений различна в диалектах южной группы, одни местоимения распространены повсеместно, другие в форме определенных фонетических вариантов употребительны только в некоторых южных говорах.

Местоимения **ки, чи** распространены повсеместно во всех южных говорах: **усто-тун ки бьд?** (в-кр. Сарикенджа) –кто был вашим наставником?

В каратегинских говорах отмечены случаи присоединения к местоимению **ки** местоименной энклитики; **дар ки-ш додъм?** (в-кр. Нушор)- кому я его отдал? **Дъшанбе хунайи ки-ш мерай?** (кр. Каланак)- к кому (в чей дом) ты пойдешь в Душанбе?

Местоимение **ки** в южных говорах принимает форму множественного посредством суффикса **-йо**; **кийо ай кор дер кардан?** (кр. Самсолик) –кто опоздал на работу?; **кийо чадид бьдан, кийо пешкаши Армийайи Совети бьд, ма медонъм** (с-к. Ховалинг) – кто были джадиды, кто был предан Советской Армии, - я знаю. В последнем предложении **кийо** выполняет функцию относительного местоимения.

Местоимение **чи** также распространено в южных говорах повсеместно: **чи мегуйи?** (ю-к. Кишт) -что скажешь? Оно может употребляться с суффиксом мн. ч. **-йо**: **чийо гуфта истодай?** (в-кр. Оксой)- что он говорит?

Местоимение **кадом** распространено во всех говорах южной группы в следующих фонетических вариантах: **кадом/кадум/кадъм/ кадом/ ком/ кам**. Распределение по говорам указанных вариантов может быть представлено в таблице (см. стр. 166).

В южных говорах, как и в литературном языке, **кадом** относится к местоимениям, используемым в нескольких грамматических значениях:

1. Как вопросительное в вопросительных предложениях оно указывает на определенный признак предмета содержащийся в ответа на вопрос): **тъ дар кадом идора кор мени?** (в-кр. Хаит) – ты в каком учреждении работаешь? **шьмо ай кадом район-ен?** (с-

к. Пушиёни Миена) – вы из прибыли из какого района? кьдом сын рафгуда хастен? (г-к. Джарбулоки Поён) – в какую сторону направляетесь?

2. В повествовательных предложениях указывает на неопределенный неизвестный предмет или признак, употребляясь в функции неопределенного местоимения. В этом значении кадом употребляется как самостоятельно при указании на предмет, так и в сочетании с именем препозитивно или постпозитивно в изафетной конструкции: кадом кор-да дил-ът кизик мекъна, хаму хубай (з-к. Руиоб) – к какому делу душа у тебя лежит,

кадом	Кудом	кьдом	Кадъм	ком	кам(и)/ кадуми
повсеместно во всех южных говорах	каратегинские, кулябские, рогские частично (Бадринг, Анджиркон)	кулябские	вахинско-каратегинские	северно-кулябские, рогские частично (ходжагалтон, Балуч)	рогские частично (Бадринг, Анджиркон)

то (дело и есть) хорошее; шишо-ра дар сарои напарто, бачам, ба лои назана (с-к. Ховалинг) – не бросой, детка, стекло на дороге, как бы кому-нибудь в ногу не попало; кадум омааст (с-к. Хонако) – кто-то приходил.

Местоимение кадом и его варианты в говорах могут употребляться с артиклем – е: ком-е за по-ш шал ши, (с-к. Ховалинг) – кто-то ударил, он стал хромым (о баране); ком одаме-да даркор шава, мекана мерава (з-к. Давлатшоён) – какому-нибудь человеку понадобится, он сорвет себе.

Оформленное местоименными энклитиками местоимение кадом приобретает усилительное значение, выделяя из рода однородных предметов какой-либо один: нашпоти кадум-и-а мегирам? (кр. Ялдамич) – которые из этих груш а возьму?

Местоимение чанд, обозначающее количество при вопросе, распространено в южных говорах повсеместно. В беглой речи его фонетическим вариантом является чан, также распространенный весьма широко: кати у чанд истоиди? (кр. Дарай Мазор) – сколько ты прожила с ним? шьмо чан вахт местен ича-да?(з-к.

Давлатшоён) – сколько времени вы пробудете здесь? чан руз шъд ба рафтан-ъш? (бд. Горон) – сколько дней осталось до его отъезда?;. Местоимение **чанд/ чан** может сочетаться с нумеративной частицей-та и местоименными энклитиками: чанд-ъш мегуйи? –панчо тило мегум (в-кр. кул) –сколько за него скажешь (т.е. просишь)? –пятьдесят тило (золотых монет) прощу; чанд-та хамитари обод кунам? (кр.) – сколько мне таких наладить?

Местоимение **чан** в повествовательных предложениях обозначает обычно неопределенное количество и, таким образом, выступает в функции неопределенного местоимения: инча чанд бача-ай, кулоб-да мехуна (с-к. Ховалинг) –здесь несколько парней есть, учатся в кулябе.

В южных говорах широко употребительно сочетание **чанка** (**чанд кадар**). Оно также используется в качестве вопросительного местоимения при вопросе и неопределенного местоимения – при повествовании. Искандар? чанка рохе рафт, бад зани подшо-ра диди (кр. Самсолик) –прошел какую-то (часть) пути, потом увидел жену царя.

Особую группу разряда вопросительных местоимений известных в южных говорах. составляют местоимения адвербиального характера: обще таджикские **кучо** – где, куда, **кай** – когда и диалектные **чува** – почему, **истаро** –как, **бахчи** –зачем.

Местоимение **кай** распространено повсеместно во всех южных говорах : хами-ра кай мекъна-въ ки търуш шидак? (с-к. Кипчак) –когда же она тесно ставит, если оно уже перекисло? кай гърехтам ай кору? (с-к. Каланак) –когда это же придет моя старшая сестра?

Местоимение **кучо** употребительно повсеместно во всех южных говорах в следующих фонетических вариантах: **гучо/ гъчо/ гичо/къшо/ кишо**. В зависимости от значения это местоимение может сочетаться с предлогами и послелогами: ай гичо? –откуда? ба къшо? –куда?; гичо-да? –где? Примеры: ай гъчо умади, ва гъчо рафти? (в-кр. Сарикенджа) –откуда ты пришел, куда ходил?; дар къшо кор мекинан? (бд. Андароб)- где они работают? Помимо этих вариантов, имеются локальные слова, характерные для говоров: **чо** – употребительно в северно и западно-кулябских говорах; **ко** бытующее параллельно с формой **къшо** в бадахшанских.

Происхождение **чо** не ясно. По значению этот вариант имеет двойственный характер. В одних случаях он семантически близ-

ко слову кучо (куда); съни чо мерай? (с-к. Наврухо) – куда идешь? кудако кати чо бъравъм? (з-к. Давлатшоён) – куда я с детьми пойду?; в других – является синонимом слова чи (что): чо кънъм? (с-к. Пушиёни Миёна) – что мне делать? Местоимение чо в значении «что?» характерно для дарвазских и ванджских говоров (Розенфельд 1956, 260; 260; 1964, 88; Махадов 1972, 17) и возможно, в какой-то мере сближается с некоторыми вопросительными словами в памирских языках, ср. шугн., руш. чай (прямая форма) –кто?, чи (косвенная форма)-кого? тарт. чй-кто? кого?; см. также шугн чйр-что? (Зарубин 1960, 123, 125; Соколова 1959, 156; 1950, 95).

Слово ко-где? куда? употребительно только в бадахшанских говорах. Можно предположить, что эта форма, распространенная и в сопредельных с памирскими языками ванджских и дарвазских говорах (Розенфельд 1956, 264; 1964, 98; Махадов 1972, 18;) связана с вопросительным словом, характерным для памирских языков: руш., хуф., ка, барт. ка, шугн. ка(д)- где? куда? (Зарубин 1960, 1963; Соколова 1959, 193; 1960, 122).

Местоимение чува /чува/чива/чуба-почему? зачем? известно во всех говорах южной группы, однако степень его употребительности не одинакова. Так, в материалах вахиинско-каратегинских говоров оно не засвидетельствовано, в северно-кулябских отмечено в единичных случаях в муминабаде в форме чуба и Даштиджуме, наиболее распространено оно в каратегинских говорах: чува йагу кас надид-ъш? (кр. Каланак) – почему ты нигого не видел? ха, гьрезонък, чува намеот? (с-к. Даштиджум) – эй, беглец не приходишь? ма-ра чиба ича оварди? (с-к. Муминабад) –зачем ты привел меня сюда? Как известно, местоимение чова- что? почему? характерно для юго-восточных говоров: ванджских и дарвазских. В бадахшанских говорах также распространено местоимение чиба в значениях «почему?» «зачем?», «как?».

Обстоятельственно – вопросительное местоимение- наречие в значении «как?» каким образом?» распространено в южных говорах в различных фонетических вариантах: истаро (и)/ истьро/иштаро/ иштъро (и) /исстари/ иштари/ читаро(й)/ читари/ саро/ сарои. Распространение указанных вариантов по группам южных говоров на основании имеющихся материалов может быть представлено в виде таблицы (см. стр. 142). Примеры: истаро-йе каан, ки и бача-ра додан (кр. Шуле) –как-то уж устрои-

ли, что за того парня отдали; мо бе мошин истаро мерем? (в-кр. Нушор)- как мы поедем без машины?—

Местоимение **сарои**, **истарои** отмечено также в говорах ферганских таджиков- давних переселенцев из Каратегина (Мурватов 1974, 35).

По поводу происхождения данного местоимения-наречия можно предположить, что все вышеприведенные формы есть результат стяжения аналогичных по значению литературных сочетаний **ин тавр**, **чи тавр**, подвергшихся в диалектам значительным фонетическим изменениям. Характер фонетических изменений в различных говорах стал причиной много вариантности данного местоимения (Мураватов 1974, 46-48). В этом плане едва ли можно считать достоверным мнение некоторых диалектологов, будто бы местоимение истаройи — как — калька с узбекского кандай (Юсупов 1957).

Местоимение **бахчи**- почему? зачем? имеет весьма ограниченное территориальное распространение. Оно отмечено только в кулябских говорах: **бахчи итари-ш карди да соли пири-м?** (с-к. Хованлинг) — зачем ты так сделал в годы моей старости? ала, **бахчи намефахми?** (з-к. Саталмуш) — ну почему же ты не понимаешь? **Гьлбарг**, **бахчи қати ака-т нарафти?** (г-к. Джавонон) — **Гульбарг**, почему ты не пошла со своим страшим братом?

Определительные местоимения

В состав определительных местоимений южных говоров входят местоимения **хар**- каждый, **хама**- все, всё. В диалектной речи они имеют те же грамматические и смысловые значения, что и в литературном языке, отличие от которого заключается лишь в звуковом облике диалектных определительных местоимений. Так, в рогских и бадахшанских говорах, характеризующихся отсутствием фонологического нижнефарингального х, они произносятся **ар,ама**. В говорах северно-кулябских в единичных случаях в местоимении **хама** наблюдается переход ударного **а** в **ъ**: **хъма**. Оба местоимения данного разряда равномерно распространены во всех южных говорах повсеместно.

Как и в литературном языке, определительные местоимения в южных говорах противопоставляются по значению: **хар** выражает значение разделительности и может указывать на предмет, выделяемый из ряда однородных: **ар мамлакат ар рача дорад** (бд. Козиде) — каждое государство имеет свой порядок; **хама**

имеет собирательное значение, указывая на совокупность явлений, предметов, а также может означать полный охват каких либо предметов или явлений: бачаҳо-ш хама-аш корияй (с-к. Пушъёни миёна)-все его дети при деле(работают): хама гап-шон дъругай все их разговоры – ложь.

Местоимение **хар** часто выступает в сочетании с другими местоимениями (**ки-** кто, **чи-**что, **кадом-**какой), именами обобщенного значения (**кас-** человек, - **чиз**вещь, **жел-**род, вид и др.), числительными; подобные сочетания уточняют, конкретизируют общее значение, выражаемое местоимением **хар**: ар ки ба кори хъд-ъш (рог. Ходжагалтон) – каждый (человек) занят своим делом; пеш ай калхос хар ка (с) декони-ш-а мекард (с-к. Муминабад) – до колхозов каждый (в отдельности) крестьянствовал; мо –да хар хела фикр мешава-да (з-к. Давлатшоён) – у нас ведь всякие(разные) мысли возникают.

иста- ро/итари саро/ са- рон	истъро/иштъро	истари	иштари	читари	Читаро, читарой
куляб- ские, ка- ратегин- ские, рог- ские	вахинско- кататегин- ские	рогские (Балуч, Ход- жагал- тон)	бадах- шонские, рогские (Ход- жагалтон)	рогские (Ба- луч)	гиссарско- кулябские (Норак, Яван)

Местоимение **хар** в сочетании с числительным **йак-** один приобретает усилительно –выделительный оттенок: хар йак-каждый человек, каждый из людей; в сочетании с количественными числительными **ду-два, се-** три и др. оно обретает значение собирательности: хар дъ уно ака-у бародар (кр. Шинглич) – оба они (друг другу) братья. Сочетания местоимения **хар** с числительными (кроме числительного **йак**) могут оформляться местоименными энклитиками: хар дъ-ш шъдан чанчол (в-кр. Ярхаб)-оба стали скандалить.

Местоимение **хар** всегда препозитивно; местоимение **хама** может находиться и в препозиции, и в постпозиции к слову, к которому относится, причем в последнем случае местоимение оформляется местоименной энклитикой, укрепляющей связь ме-

стоимения (определения) с определяемым словом: бачахо-ш хама-ш кори ай-его дети все при деле (трудятся).

В отношении употребления хама в словосочетании южные говоры по способу использования синтаксической связи отличаются от литературного языка, тем что в диалектных словосочетаниях с хама крайне редко наблюдается связь последнего с определяемым словом посредством изафета. В литературном же языке одинаково употребительны как словосочетания со связью примыкания, так и изафетные, ср. лит. хамаи дарахто – все деревья; хама шоир – все поэты.

Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения, употребительные в южных таджикских говорах, составляют две группы: а) общетаджикские- йагон- какой-то, баъзе- некоторые, фалон- такой-то, чизе-что-то, касе-кто-то, ким-ки –кто-то, ким-чи-что-то, кадом/кадоме/коме-какой-то и др; б) диалектные – намечи- нечто, намеки- некто, намечанд- несколько, намегичо – где-то.

По своим морфологическим признакам местоимения, объединенные в разряд неопределенных, не однородны. Все они могут указывать на предмет или признак, оставляя невыясненными какие-либо конкретные признаки и свойства предмета, но, логически субстантивируясь, не все они принимают форму множественного числа. Так, йагон –какой-нибудь не образует формы мн. числа, а баъзе –некоторые употребляется с показателем множественности (баъзео), хотя в самом этом заложено понятие множественности.

Как правило, не принимают суффикса множественности и местоимения, оформленные суффиксом – е типа касе- кто-то, чизе- что-то, коме-какой-то.

Все неопределенные местоимения первой группы распространены повсеместно в южных говорах и в равной степени употребляются в них.

Ряд неопределенных местоимений в говорах наблюдаются в различных фонетических вариантах, некоторые из них имеют ограниченное территориальное распространение.

Местоимение йагон –какой-то имеет варианты йагун/йпго. Йагон отмечено во всех южных говорах: даръни гор-да йагон одам бъдай-да (с-к. Сарихосор) – в пещере, наверное, находить-

ся какой-то человек; хамин пийолара йагон кудак шькастай (кр. Ялдамич) – эту пиалу какой-нибудь ребенок разбил.

Можно считать общеюжных вариантом также и йагун, но в большей мере он характерен для тех южных говоров, где гласный о перед носовыми м, н. закономерно переходит в у, то для северно- и западно-кулябских, а также для каратегинских говоров.

Вариант йагу отмечен в вахинско-кататегинских говорах: йагу хельш сынхор мега (в-кр. Ходжаи Тавоф)- некоторые называют невестку «синхор».

Местоимение баэзе- некоторые употребляется в южных говорах в вариантах баэзе/ базе/бази.

Варианты базе/бази. употребительны в рогских и бадахшанских говорах. В кулябских и каратегинских- преимущественно баэзе и параллельно базе, бази: баэзо аз кор дер кардан (г-к. Файзабад) –некоторые пришли с работы поздно; баэзе-шу шавкур-ан (с-к. Хонако)- некоторые из них ночью не видят; бази чо-да се метир барф хест (кр. Самсолик) – в некоторых местах снега с три метра навалило; дар бази калхозо дърав тамом шидас (рог. Ходжагалтон) –в некоторых колхозах жатва уже закончилась; базе ҳастан аво во меган (в-кр. Хаит)- есть некоторые, кто отца («аво») называют «во».

Местоимение кадоме какой-то; кто-то распространено во всех южных говорах, его варианты къдоме/кадуме/коме наблюдаются преимущественно в кулябских и катарегинских говорах: кадоме бьдонау бьга (в-кр. Ярхаб) –кто знает, скажет; къдоме гьрифтаст-ыш (ю-к. Ёл)-сказывается, кто-то взял его; дар ком асре-да хамича бьдай (кр. Сангрес) в каком-то столетии, сказывается, он был здесь.

Местоимения касе-кто-то, фалон-такой-то употребительны во всех южных говорах. Однако фалончаще употребляется не в диалогической речи, а в повествовательной, обычно с оттенком официальности: фалон руз чормағзтаки меравем (в-кр. Кушагба) – в такой-то день мы пойдем на сбор орехов.

Местоимения йа чи, йак(йагон) чизе/чийе –что-то, что-нибудь имеют довольно широко употребление в каратегинских и кулябских говорах: йагон чизе дора и чува-ыш (с-к. Ховалинг) –что-то есть в этом браевне; йа чизе да йод-ъм бьд, бо гум-ыш кардъм, чи бьд (с-к. Кульдара)-что-то я помнил, снова забыл, что было. Местоимение йа хел- некоторые, оформленное энклитикой 3 л. ед. ч., приобретает значение разделительности: йа хел-ыш тори сар-

ыш-да то точ дора, йа хел=ыш надора (з-к. Сангтуда) – некоторые из них на макунке имеют хохолок, некоторые же не имеют.

Местоимения **ким-ки** – кто-то, **ким-чи** – что-то; какой-то употребляются редко и только в каратегинских и кулябских говорах: **ким-чи** кор умадийан (кр. Навде) – пришли по какому-то делу; **ким-ки-ра ай гъчо гъфта**, **шьмо пърсиден** (с-к. Пушьёни Миёна) – о ком-то вы спрашивали, откуда он.

Интерес представляют употребительные в диалектах местоимения второй группы, отсутствующие в литературном языке. Эти местоимения отмечены в северно-и западнокулябских, а также в каратегинских говорах: **намеки-некто**, **кто-то**, **намечи-ничто**, **что-то**; **намечанд** – несколько; **сколько-нибудь**, **сколько-то**, **намегичо-где-то**; **куда-то**. Образуются они, по-видимому, от вопросительных местоимений и усилительной частицы **на/наме** – происхождение которой не ясно. А. З. Розенфельд, засвидетельствовав подобные местоимения и образования с указанной частицей в дарвазских и ванчских говорах, привлекает для сравнения усилительную частицу, употребляющуюся в ягнобском языке при местоимениях и местоименных наречиях (Розенфельд, 1964, 103). Примеры из южных говоров: **ки файрод-ыш кард?** – чум, **намеки** (кр. Каланак) – кто его позвал? – не знаю, **кто-то**; **боз намеки савол дод дар бораи чубор** (кр. Хумдон) – еще кто-то задал вопрос о канале; **нав намечи гъфти**, **нафаҳмидъм** (с-к. Ховалинг) – ты что-то только что сказал, я не понял; **ай намегичо йа одам умадас гъфтанъм** (кр. Хакими) – мне сказали, откуда-то пришел какой-то человек; **боз намекадумо умадан** (в-кр. Хечборак) – еще какие-то (люди) пришли; **намечи коре кардай**, **ки кар-аш карда рафт** (г-к. Навобод) **натворил** каких-то дел, **раз ушел** раздраженный.

Отрицательные местоимения

В южных говорах, как и в других таджикских говорах и литературном языке, основным отрицательным местоимением является емкое по смыслу **хеч/ хеч** – никто; ничто; никакой; причем значение отрицания отчетливо выявляется и конкретизируется в сочетаниях **хеччи/ хиччиз** – ничто; никакой; **хечкас/ хечки-никто** и др. Отличие от литературного языка состоит в ином фонетическом облике этих местоимений. Известные в южных говорах диалектные варианты отрицательного местоимения **хеч/ хеч/ хич/ хиш/ еч/ нч** территориально распределяются следую-

щим образом: первые четыре варианты характерны для кулябских, рогских и бадахшанских говорах, характеризующихся отсутствием в них фонематического согласного х.

Основными вариантами отрицательного местоимения в собственно кулябских и каратегинских говорах можно считать *хеч/ хич*. Вариант *хиш* боле распространен в вахиинско-каратегинских и северо-кулябских говорах. Примеры: *хеч* тарабийат-ъш намекънан (с-к. Ховалинг) – у них за ней (кошкой) никакого ухода нет; *ма хеч* намедонум (г-к. Кончи) – я ничего не знаю; *хич* карор нъместа (в-кр. Оксой) – он никак не сидит спокойно; *одами нулък* бъдастай, *хиш* сер шидан надора (с-к. Дороби) – он, сказывается, жадный человек, никак не насытится; *ич* илоч надоръм (рог. Ходжагалтон) у меня нет никакого выхода.

От всех указанных вариантов отрицательного местоимения в южных говорах образуются следующие сочетания: *хешки/ хишка/ хичка/ хечкас/ ичкас*- никто, никого; *хечи/ хичи/ хиччи/ хиччи /ичи*- ничего, никакой.

Хечи/ хечи- ничего, никакой: да Дангара хечи нагуфтам (з-к. Кангурт) – в Дангаре я ничего не сказал; *ман хечи хеш-т-ам* намедонъм (в-кр. Шилбили) – я даже никаких твоих родственников не знаю; *хавай хеччи* фамиш надора (кр. Самсолик) – у него никакого соображения нет.

Хичи/ хичи- ничего, никакой: *хичи* дастбандък надора (з-к. Оби Ширин) – никаких перевязок (для рук в колыбели) нет; *ма-ра хиччи* даркор нестей (с-к. Ховалинг) – мне ничего не нужно; *у хиччи шарм* надора (г-к. Норак)- у него совсем (т.е. никакого) стыда нет.

Ичи/иччи- ничего, никакой: *иччи* дъхтар, *бача* дарй? (рог. Ходжагалтон) – есть ли у тебя какие-никакие дочка, сын? *сахари иччи хурда-ш* намешава (в-кр. Нушор) –рано утром ничего (не хочется) есть; *у вахт иччи набъд* (бд. Мулводж) – в те времена ничего не было.

Хешки/ хишка –никто, никого: *хуна-да хешки* не (с-к. Хонакои Боло) –дома никого нет; *вайда хешки чак* намешава (г-к. Ходжи Катаган) никто к нему не пристаёт; *хишка рози набъдай* (кр. Самсолик) –никто не был согласен; *и-ра дига хишка* намедона (с-к. Наврухо) – этого больше никто не знает.

Хиччо – никуда: нигде: *и вега хиччо* намере охи? (кр. Санги Сурх). сегодня вечером вы ведь никуда не пойдете? *асли-асл-ъм* дараги, *хиччо набъромадъм* (с-к. Даштиджум) – я исконный жи-

тель ущелья, никуда я не выезжал; хиччо хами қади райони мо парешон нестай (с-к. Ховалинг) - нигде нет такого некомпактного района, как наш.

В южных говорах распространены также формы сочетаний, аналогичные литературным: хечкас/ хичка(с)- никто, никого; хеччиз/хиччиз-ничто, ничего: чо-йа хечкас намехъра (г-к. Джонварсуз) - чая никто не пьёт; хишкас йод намеод (в-кр. Ярхаб) - никто не помнил; хеччиз намегуя (с-к. Бальджуан) он ничего не говорит.

Глагол

Глагольная система южных таджикских говоров, будучи в основе своей общетаджикской, имеет в то же время ряд специфических особенностей, позволяющих рассматривать ее как определенную совокупность, противопоставленную прежде всего глагольной системе таджикского литературного языка. Эти специфические особенности определяются в основном следующими факторами: 1) фонетикой говоров; 2) наличием форм и формантов, отсутствующих в глагольной системе литературного языка; 3) отсутствием или ограниченным употреблением некоторых форм свойственных литературному языку (Неменова 1956, 40).

Вместе с тем, система глагола южных говоров противопоставляется своими специфическими особенностями глагольной системы северных говоров, - с одной стороны, - и юго-восточных, - с другой.

Глагольные основы

Во всех южных говорах, как и в современном литературном таджикском языке, имеется противопоставление глагольных основ настоящего и прошедшего времени. Эти основы, унаследованные от предшествующих этапов развития языка, подверглись в ряде случаев значительным изменениям в соответствии с фонетическими закономерностями, присущими южным говорам. Отличительные особенности структуры глагольных основ южных говоров связаны с явлениями выпадения отдельных корневых гласных и согласных, полного или частичного отпадения глагольных превербов, а также наращения звуков, их стяжения, чередования, метатезы (Розенфельд, 1966).

Наибольшие изменения претерпели глагольные основы настоящего времени, в меньшей мере им подверглись основы

прошедшего времени. Фонетические изменения основ происходят, как правило, у наиболее употребительных глаголов:

Инфинитив (лит. форма)	Основа прош. вр. (южные говоры)	Основа наст. вр.
кардан – делать	кард-/кад-/ка-	кън-/кин-/ (к)н-къ/ку
омадан –приходить	ума(д)/омад(д)-	о(й)-/йа-/ (бъ)йо-
додан –давать	до(д)-	те-/т(и)-; дех/ди(х)-/
гирифтан –брать	гърифт-/гърг-	гър-/гир-
гуфтан –говорить	гуфт-/гъфт-	г(у)-гуй-/гув-
дохтан –сыпать	дохт-ндохт-	доз-/ндоз-
шудан–становиться	шуд-/ши(д) /шь(д)-	шав-ш(а)-
рафтан – идти	рафт-	рав-/р(а)-
шустан –мыть	шуст-/шист-	шу(й)-/ шув-ши-
овардан –нести	овар(д)-	ор-/бъйор-/бийор-
шишган –сидеть	шишт-	ши(н)-
баромадан – выходить	бърома(д)/бърума(д)	бъро-/ро(й)
остан –хотеть	хост-	хо(й)-
лидан видеть	дид-/дий-	(б) ин-/ в ин-
кушодан –отрывать	шикоид-/шькоид -/кушоид-	шико(й)-/шько(й)-
гузаштан –проходить	гъзашт-	гъзар-/згар-
мурдан–умирать	мърд-	мър-/ мбр-/ бмър-
мондан – оставаться	мунд/ бонд-	мун-/мон-/бон-
бастан –завязывать	баст-/васт-	банд-/ванд-

Отделенные варианты глагольных основ не являются общими для всех южных говоров и составляют специфику лишь некоторых диалектных групп. Так, основа настоящего времени и-(лит. кун-) засвидетельствована в каратегинских говорах в формах настоящее будущего времени: менъм (лит. мекунам) –(с) делаю; варианты основы настоящего времени д-,лъ; ду- (лит. дех-) – давать употребительны в вахиинско-каратегинском (Чильдара), северно-кулябком (верховья Яхсу), в рогских и бадахшанских говорах; згар- (лит. гузар)- проходить,мбър- (лит. мур-)-умирать употребительны в кулябскихговорах и отмечены также в каратегинских (селения Нижнего Каратегина); основа бон- (лит- мон)- оставлять; оставаться – в рогских и бадахшанских; основа андоз- бросать –боле распространена западно- кулябских говворах, отмечена оно также в бадахшанских. Основы аст-, ан-засведетельствованы в рогских говорах. Примеры: и участкао-ра митир менан (к. Гофилобод) –эти участки будут измерять; пул карз бѣду – медъм-ът (в-к. Чилдара)- дай мне денег в

долг. --дам; у хар-а суз меда (с-к. Зелолак)- он дразнит осла; пъй-ола --ра амоли бьдъм-ът? (рог.Ходжагалтон) -пиалу тебе сейчас отдать? орд-а мебези, сабуст мебона рог.Ходжагалтон)-просеешмуку, остануться отруби; дьруни почьки вон-ъш (рог. Анжиркон) -внутри ачага положите его: донек-ъм бьде(бд. Козиде)-дай мне абрикосовую косточку;змратон мегузара, пир мешай (г-к. Сунбула)- ваша жизнь проходит, ты старисься; парьк кати мезгари баэд хотамерай (с-к.Сарихасор)-перейдешь по камням, потом попадаешь в усадьбу.

Остальные перечисленные выше основы, возникшие в результате стяжения, представляют общую для всех южных таджикских говорах специфическую особенность которой они отличаются не только от литературного языка, но от северных таджикских говоров, где наблюдается иные типы стяжения. Примеры: уво имруз мийан (к. Гарм) – они сегодня приедут; неки бугу, капьст-ш-а кам бьдоза (с-х. Ховалинг) но скажи, чтобы капуста по меньше положила; чи кор мскуни-ш-а шаб то руз-а? (г-к. Дехбул) – что ты делаешь с утра до вечера? ин-а ови Чангов меган, ана-а хаму кьхо мейда (г-к. Туда) – ее (речку) называют оби Чангов, она вон с тех гор течет; бьрем, фьрыш те (з-к. Зогнуль) – пойдем, брось сго; ба бача локи мета (кр. Самсолик) – юноше дарят платок (поясной).

Первичные глагольные личные окончания

Варианты личных (первичных) окончаний, засвидетельствованных в южных говорах, сведены в следующей таблице:

Ед ч. Мн. ч.

1. л. -ъм/-/ум/-м, -ам ем/ -им
2. л. -и/ й -е, ен, ед/-ид-ит
3. л. -а(д) -ан(д)

Общими для всех южных говоров являются окончания 3 л. ед. и мн. ч. –а; –ан; 2 л. ед. ч. и/–ий 1 л. мн.ч. –ем/–им. Варианты окончаний 1 л. ед.ч. и 2 л. мн.ч. распределяются по говорам неравномерно, являясь в определенных случаях специфической особенностью тех или иных южных говоров.

Окончание 1 л. ед. ч. –ъм засвидетельствовано во всех южных говорах, однако наибольшее распространение имеет в каратегинских, рогских и кулябских (за исключением гиссарско-кулябских, где встречается значительно реже, чем в остальных

кулябских говорах). Вариант **-ум** употребляется наряду с первичным окончанием **-ъм** также отмечен во всех южных говорах.

Однако окончание **-ум** в вахиинско-каратегинских, севернокулябских (особенно в верховьях р. Яхсу), в южно-кулябских и рогских говорах менее употребительно, чем **-ъм**. В севернокулябских говорах в окончании 1 л. ед. ч. перед **м** возникает слабоогубленный вариант гласного **-ъ**, в результате чего окончание воспринимается на слух как **-ъм**.

В каратегинских и западно-кулябских говорах наряду с **-ъм** употребляется и окончание **-ум**, более распространенное в говорах селений бассейна р. Сорбуг (хилмони, Шуле, Сайдон, Порвог), а также в говорах селений Нижнего каратегина (близ Обигарма, Хакими вплоть до Калаи Дашт).

В гиссарско-кулябских говорах окончание **-ум** распространено неравномерно. В одних, например в файзабадской группе селений **-ум** употребляется наряду с **-ъм**, которое здесь, как свидетельствуют материалы, более употребительно; такое же соотношение наблюдается в говорах Яване. В других говорах, в частности в речи «кулоби», живущих в Гиссарской долине и в предгорьях Гиссара, окончание **-ъм** встречается редко, зато широко употребляется **-ум**.

Таким образом, в южных говорах варианты окончания **-ъм** и **-ум** тянутся параллельно в направлении с востока на запад, причем при малой сфере употребления **-ум** на востоке, она значительно расширяется по мере продвижения на запад. Традиционным первичным окончанием 1 л. ед. ч. в каратегинских и большинстве кулябских говоров можно считать **-ъм**.

Вариации первичного окончания 1 л. ед. ч. в южных говорах являются результатом фонетических изменений, возникающих при присоединении его к глагольным основам. В частности, в соответствии с фонетическими явлениями, возникающими при стечении гласных, окончание 1 л. ед. ч. **-м** употребительно при стяженных основах настоящего времени, оканчивающихся на гласный звук: **мехом** < мехохам – я хочу; **мегум** < мегуям – скажу, говорю; **мъ саро бьфром** (- бифароям)? (с-к. Муллокони) – как я спущусь? **сар-ъм-а бьшум** (-бишуям) (г-к. Саталмуш) – помою-ка голову; **мерам** < меравам – иду, пойду; **мешам** < мешавам – я стану.

В южных говорах, особенно в каратегинских и бадахшанских, при основах со вставным **W** употребляется фонетический вариант окончания 1 л. ед. ч. **-ам**: **мегуWам** < мегуям – говорю, скажу; **мешуWам** < мешуям – помою. Использование **-ам** следует рассматривать также как результат влияния литературного язы-

ка: оно наблюдается особенно часто у людей бывалых и в диалектно окрашенной речи образованных.

Общее для южных говоров первичное окончание 2 л. ед. ч. –и имеет вариантную форму –й при основах с исходным гласным: **мерай** < меравй- идешь; **мегуй** < мегуй- говоришь, скажешь.

Первичное окончание 3 л. ед. ч. –а является общим для всех южных говоров. Оно перемежается с окончанием –ад в одних говорах чаще, в других –реже. Среди кулябских говоров подобное перемежение – а/ –ад/ –т отмечается обычно в гиссарско-кулябских: вай да ин амаки мешат (г-к. Туда) – он ему приходится дядей; дил-ъш нашит, ки бедор къна (с-к.) – она не решилась разбудить его. Параллельное употребление первичных окончаний –а/ ад широко отмечено в бадахшанских говорах: хъд-ъш чой мехърад, мерад ба кор (бд. Яхшвол) – сам выпьет чаю, идет на работу; орд гъръфтаст, хамир мекъна (бд. Козиде) – она взяла муку, замесит тесто.

Первичные окончания глагольных форм 1 л. мн. ч. –ем, –им являются общими для всех южных говоров, причем при параллельном их употреблении преобладает окончание –ем. Общим для всех южных говоров является также окончание 3 л. мн. ч. –ан, полная форма которого –анд, свойственная литературному языку, в говорах употребляется редко.

Наличие вариантов первичных глагольных окончаний 2 л. мн. ч. **е/-ен/-ед/-ид/-ид/-ит** создает межговорные различия в группе такую особенность, что в одних говорах используется какой-либо из них, в других –разновидности окончаний перемежаются, что свидетельствует о взаимосвязях говоров и о взаимопроникновении их элементов.

Как уже упоминалось, первичные окончания глагола, унаследованные от языка классического периода, в южных говорах подверглись изменениям, обусловленным спецификой их фонетической системы. Окончание 2 л. мн.ч. –е образовалось, по-видимому, вследствие закономерного для южных говоров отпадения конечного звонкого д (**-e/ -ед**), а вариант этого окончания –ен есть результат последующих фонетических изменений – наращення и в исходе (Оранский 1970).

Окончание 2 л. мн. ч. –е распространено в большей части южных говоров, особенно в каратегинских и гиссарско-кулябских. Окончание –ен отмечено в кулябских (северно-, южно- и западнокулябских) и рогских говорах.

Особое место при этом занимают бадахшанские говоры, где отмечается первичное глагольное окончание 2 л. мн. ч. –ед и его варианты –ет, ид, –ит (Богорад 1963, 48; Розенфельд 1971, 20).

Под влиянием литературного языка окончание **-ед** стало употребляться и в остальных южных говорах.

По признаку распространения специфических глагольных окончаний 2 л. мн. числа **-е** и **ен** южные говоры подразделяются на три группы: 1) говоры, для которых во 2 л. мн. ч. характерно окончание **-е**; 2) говоры, для которых характерно окончание **-ен** и 3) говоры, в которых параллельно используются оба эти окончания (**и** и **ен**) с преобладанием того или другого в некоторых из них (см. специальную таблицу). Точное определение характера этого явления дополнительных исследований.

Таблица

Личные окончания **-е, -ен**

Личные окончания -е, -ен	
-е Каратегинские говоры: вахинско-каратегинские (на всей территории их распространения); Средний Каратегин	Кулябские говоры: гиссарско-кулябские («кулоби» пб. бассей- на р. Кафирниган)
-ен	Кулябские говоры: северно-кулябские; южно-кулябские; западно-кулябские; рогские
-е/ен Каратегинские говоры: Нижний Каратегин; по р. Сорбуг	Кулябские говоры: гиссарско-кулябские часть селений (файзабадские, иванские долинно-гиссарские); «гозимальки»

Общая черта всех южных говоров – отсутствие первичного глагольного окончания 2 л. мн. ч. **-етон**.

Глагольная связка и вторичные глагольные окончания

В южных говорах существуют две разновидности глагольной связки: краткая и полная.

Парадигма краткой глагольной связки

	Ед ч.	Мн. ч.
1. л.	-ъм, -ам	-ем
2. л.	-и -е,	-ен
3. л.	-ай, ас(т)/-с (т)/-ъс(т)	-ан/, -йан

Парадигма полной глагольной связки

	Ед ч.	Мн. ч.
1. л.	-ҳастъм/ (х) астум/(х) астам	(х) астем
2. л.	(х) асти - (х) асте/	(х) астен
3. л.	(х) астай/(х) аст	(х) астан

Отрицательная форма полной глагольной связки

Ед ч.	Мн. ч.
1. л. –нестъм/нестум/нистъм	нестем/нистем
2. л. нести/нисти/нестай	несте/нестен/нистен,
3. л. нестай/нистай/нистаст; нест/нист, бд. нистад	нестан/нистан

По глагольной связке 3 л. ед. и мн. ч. в южных говорах определяются междиалектные различия и специфические особенности отдельных говоров.

Примеры во фразах: дьсто-ш барак-ъс (рог. Ходжагалтон) – его руки грязны; Кипчок-да одами тагчойи-ш кам-ан, омад-ъш бьсьор-ай (г-к., Кипчак) – в Кипчаке коренных жителей мало, пришлых много; пила нистад (бд). (Розенфельд 1971, 21) – коконов нет; ай район-о лъмбо-ш дар Точикистон Хойит-ай (в-кр. Хаит)-один из крупных районов в Таджикистане -Хаит.

Вторичные окончания вследствие фонетических изменений при их образовании имеют специфические особенности в южных говорах и различаются в отдельных их подгруппах. Наиболее наглядны эти отличительные особенности Вторичные глагольные окончания в южных говорах, как и в других таджикских говорах, развились из глагольной связки. Они возникли в формах перфекта и настоящего определенного времени (с истодан) слияния входящих в их состав глагольной связки форма-та-а деепричастия основного глаголя.

Вторичные окончания вследствие фонетических изменений при их образовании имеют специфические особенности в южных говорах и различаются в отдельных их подгруппах. Наиболее наглядны эти отличительные особенности в формах 3 л. ед. и мн. ч.

Вторичные окончания

Ед ч.	Мн. ч.
1. л. –ам, ъм. -ум	-ем
2. л. –ай/-йа, и	-е, сн
3. л. –ай, ас(т)/-с (т)/-астаст, астак -астан	-ан/, -йан/-ийан-

Примеры: дига ба йод-ъм намудастак (в-кр. Хичборак) – остальное в памяти моей не осталось; гоие сар-ъм фър мегарда, ай сар-ъм хърдаги-йъм (/ай сар-ъм тир хърдъм) (кр. Сайдон)-иногда у меня кружится голова, я был ранен в голову; йагун иморат-ъш чъх(т) намудай (кр. Хилмони) –ни одна постройка не

устояла (после хаитского землетрясения); ба сари кор рафтовдум, найофтум (кр. Жилмони) – я ходил (к нему) на работу, не застал; холе и-ш амбор шиаст (кр. Шуле) – теперь это (помещение) стало складом; калунои мо мерафта бъдастан (с-к. Муминабад) – наши руководители собираются уезжать;

Префиксы

В южных говорах представлены глагольных формообразующих префикса: **ме-**; **бъ-/би-**; **на-**; **но-**.

Префикс **ме-** в южных говорах не имеет вариантных форм и резко подвергается фонетическим изменениям. В единичных случаях при глагольных основах с начальным гласным или согласным **й** зафиксированы варианты **мъ-/ми-**: **мъйом** (в-кр., с-к.) – **мийом** (кр. Джавони, г-к. Файзобод) « **меоям** – приду; **шир боша**, **мийоръм-ът** (рог. Ходжагалтон) – (если) будет молоко, принесу тебе. Грамматическое значение префикса **ме-** в говорах то же, что и в современном литературном языке: сохраняя исходное значение длительности и многократности, они используются для образования форм прошедшего длительного времени; формы настоящего-будущего времени, в состав которых входит также данный префикс, содержат указание на действие постоянное, а также еще не совершившееся (т.е. происходящее в настоящий момент или ожидаемое в будущем) (Расторгуева, Керимова 1964, 26-27).

Префикс **бъ-** в южных говорах закономерно присоединяется к формам повелительного наклонения и аориста и практически в совокупности с личными окончаниями образует эти формы от основы настоящего времени. Примеры с формами повелительного наклонения: **бъра хота-да**, **ангур бѣхър** (з-к. Дехбул) – иди в огород (приусадебный участок), поешь винограда; **ей, гулако, бесте карор!** (кр. Шуле) – эй, ребяташки, стойте спокойно! **хамита** **ростаки бѣра**, **хунаи Ҳакназар** (в-кр. Хичборак) – вот так прямо иди (к) дому **Ҳакназара**; **мадори нъмък бѣде** (рог. Ходжагалтон) – дай немного соли; **хола**, **бѣхе**, **йак бѣпаз** (бд. Козиде) – тетушка, вставай, испеки (приготовь) что-нибудь; **бъ-** с формами аориста: **чагеръко бѣойан**, **сари рди мол бѣрем** (рог. Ходжагалтон) – когда ребяташки придут, мы пойдем навстречу стаду; **инчо ин қадар намечумба**, **ки хона бѣгалта**, **мо бѣгрезем** (бд. Гармчашма) – здесь так сильно не трясет, чтобы дома

рушились и мы бы убежали; ай у сар бѣгардѣм, мехѣрѣм (з-к. Дашти Шуро)- оттуда вернусь, буду есть.

Факультативно префикс **бѣ-** присоединяется к формам простого прошедшего, преждепрошедшего времени изъявительного наклонения и прошедшего времени сослагательного наклонения некоторых глаголов (рафта^н – идти, шикастан-ломать, хурдан-есть, андохтан-бросать, класть). Наиболее часто он отмечается с глаголом **рафта^н**.

При формах прошедшего времени префикс **бѣ-** подчеркивает завершенность действия: бѣрафт(т) ба ҳаво қати (с-к. Ховалинг)- он улетел по воздуху (т.е. самолетом); майдахак бѣд, ки Сталиновот бѣрафта бѣд (с-к. Муллоқони) – он был еще маленький, когда уехал в Сталинабад: Сафийа мебѣрафта боша? (с-к. Каланақ) – Сафия ушла, должна быть? найи ки бѣрафта боша мактаб? (в-кр. Нушор) разве что в школу пошел? анчир-а бѣшикастѣм, шир қати дѣст-м-а шѣстѣм (с-к. Муминабад) – я срубил инжир и молоком вымыл свои руки; сев-а бѣхѣрдѣм, нон-а назар-ѣм нагѣрѣфт (с-к. Ховалинг) – я яблоко съела, а хлеб не заметила; мо-боғ-ѣнда кор мекардем, ки дар қати ра бѣгзашт (в-кр. Сарикенджа) – мы работали в саду, а он (в это время) – прошел по дороге.

Префикс **бѣ-** не употребляется при глаголе **будан** – быть. Относительно редко он используется с глаголами **кардан** – делать и **шудан** – становиться: бедор-ѣш къ, бѣга-тун (кр. Маргзори сир)- разбуди его, пусть он вам расскажет: бача-ра нофор карди, бѣмун-ѣш, хов шава (с-к. Ховалинг) – ты побеспокоила ребенка; оставь его, пусть спит; сатқа-т шавам! (с-к. Ховалинг) – да стану я жертвой за тебя!

В бадахшанских говорах этот префикс при глаголах прошедшего времени отмечен только в стихах и сказках в варината **би-**; зани вазир гуштро ба пеши дѣхтари подшо биандохт (из сказки) жена вазиря положила это мясо перед дочерью царя (Розенфельд 1971, 27). В говорах «кулоби» Гиссарской долины префикс **бѣ-** при глаголах прошедшего времени не отмечен (Успенская 1962, 92-94).

Как известно, употребление префикса **би-** с формами, образованными от основы презенса глаголов **омадан** – приходить и **овардан** – приносить, – явление общетаджикское, оно свойственно не только говорам, но и общеразговорному таджикскому языку: **биѣ-** подойти, приходи, **биѣр-**принеси, **мебиѣм** – я приду. В

таджикских говорах северной и центральной групп префикс **би-** входит в состав всех глагольных форм изъявительного наклонения, образуемых от основы настоящего времени этих двух глаголов: а тугриги ин ку мебийод – он идет прямо от этой горы (Хромов 1962. 141/; хама-ш об гирон мебийон (к. Хиштхона) (Расторгуева 1952, 316) – все они принесут воды. В южных говорах, в отличие от северных и центральных, к формам настоящего-будущего времени изъявительного наклонения глаголов **омадани овардан** префикс **би-/бъ-** не присоединяется: **мейом/мийом-я** приду; **меоръм/мейоръм-** я принесу. Однако префикс **бъ-** у этих глаголов обязателен при формах повелительного наклонения и аориста: **бъйо** – приходи; **бъйор** – принеси; **бъйор-ъм-я** принесу ему (для него). В ряде случаев употребление префикса **бъѣ-** определяется причинами фонетического характера. Так, например, он обязателен при формах тех глаголов, основы настоящего времени которых подвергаются фонетическим изменениям или сильному стяжению (часто до одного звука): хар дъ-тон **бъген** (с-к. Муминабад) – вы вместе пойте; **бърен** чигар-ъмо месуза (с-к. Ховалинг) – когда вы уедете, нам будет тоскливо. Если стяжения основы глагола не происходит, то возможно его употребление и без префикса: рузако Саѣидбърхон гуйен, шав гург-ъш **бъген** (с-к. Ховалинг) днем называйте его (своим именем) Саидбурхон, ночью же называйте его «Волк»; **бестен** – стойте!

Префикс **бъ-** употребляется с глаголом **гузаштан** – проходить в тех говорах, где его основа настоящего времени подвергается метатезе: **бъзгар** (лит. **гузар**) – приходи.

В южных говорах распространено параллельное употребление глагольных форм с префиксом **бъ-** и без него. Непосредственные наблюдения и изучение диалектной речи показывают, что использование префикса **бъ-** может быть обусловлено стилистической и интонационно выделительной окраской высказывания. Так, префиксальная форма придает речи эмоционально-экспрессивный характер, ср фразы, произнесенные одним и тем же лицом: **оча, бѣйо нун-ъм те** (с-к. Ховалинг) – мама, иди, дай мне хлеба; **но: оча, нун-ъм бѣте!** Мама, дай же мне хлеба! **нахъри, чо кънъм?** (с-к. Пушьѣни Миена) – не будешь есть, -что я поделаю? **хами чик ор-ъш бѣкънъм!** (с-к. Ховалинг) что же мне делать с этим?

В южных говорах префикс **бъ-**, как правило, не присоединяется и не входит в состав глагольных форм с префиксом **ме-** и от-

рицанием на-. Исключение представляет узколокальная, ныне малоупотребительная арханчская форма типа **намебъшини-** не посидишь ли, встречающаяся в северно-кулябских говорах. Подобные формы были распространены в раннем классическом персидском (таджикском) языке.

Наиболее полная характеристика и анализа грамматических функций префикса **би-** как приглагольного форманта в раннем классическом языке персидско-таджикской литературы содержится в третьем книге монографического труда «Основы иранского языкознания» (Основы 1982, 151-153), где как и у предыдущего исследователя памятников классической литературы раннего периода Ж.Лазарда (Лазард 1963), на значительном фонетическом материале ранних текстов персидско-таджикской прозы охарактеризованы грамматические функции префикса **би-** в языке памятников раннего средневековья, убедительно показано, что «... в большинстве случаев префикс **би-** не имел видового значения» (Основы 1982, 152). Выбор беспрефиксальной или префиксальной, личной формы глагола был обусловлен определенными законмерностями, которые «могут быть названы выделительными просодическими, интонационно-синтаксическими» (Лазард 1963, 324).

Для современных южных говоров использование префикса **би-** с личными формами глагола повелительного наклонения и аориста – процесс живой и активный, в отличие от современного литературного таджикского языка. Общеразговорному таджикскому языку также не свойственно употребление глаголов с **би-**.

Таким образом, префикс **бъ-** в южных таджикских говорах, в отличие от литературного языка, характеризуется:

--широтой и систематичностью употребления в глагольных формах повелительного наклонения, аориста, факультативным распространением на глагольные формы прошедшего, прежде прошедшего времени изъявительного и прошедшего времени сослагательного наклонения:

-- сохранением, хотя и в несколько стертой форме, прежних видовых значений префикса **би-** в сочетании с интонационно выделительной его функцией;

-- зависимостью употребления **бъ-** от явлений фонетического порядка.

По функционированию префикса **бъ-** южные говоры сближаются с юго-восточными, в которых старые его значения про-

являются более отчетливо и наглядно (Розенфельд 1956, 216; Махадов 1972, 21-22).

Префиксына, но-, Префикс **на-** образует отрицательные личные глагольные формы. С неличными причастно-дееспричастными формами употребительны префиксы **на-** и **но-** (**ну-** перед **м**), причем **на-** используется реже и только с формами, сохраняющими глагольные свойства (обозначение действия). Префикс **но-** в сфере глагола преимущественно используется при причастиях прошедшего времени, при этом в них ослабляются глагольные признаки и отчетливый становятся именными свойствами: гандьмо нодъравиди мундан (в-кр. Хичборак) – пшеница осталась несжатой; йак чо-ш нонависида бьд (в-кр. Хичборак) – одно место было недописано; хонахо норуфта (с-к. Ховалинг)-комнаты не подметены; и-ш нумолида-ай (с-к. Муллокони) – эта (шерсть) неваляная.

С префиксом **но-** от причастных форм сложных глаголов образуются в южных говорах сложные слова с единым ударением на последнем слоге; причем **но-** находится перед именным компонентом; нохланкарда-немотыженный; опечаткарда – ненапечатанный; шодатнумаи мактаб-ыш нопечаткарда-ай (в-кр. Хичборак) – его школьный аттестат не напечатан; тирезао-ш нотийоркарда мундан (в-кр. Калаи Лаби Об) – окна его (дома) остались незаконченными, Причастия с **но-**, в которых глагольные свойства выражены более отчетливо, отмечены реже: карибак-ай, афтов ношишта мерай, афтов ношита мерасен (с-к. Дашти Шуру) – это близехонько: пойдешь, пока солнце не село, доберетесь до захода солнца.

Особенности употребления префикса **но-** унаследованы южными говорами от классического периода. В ранних текста персидско-таджикской прозы префикс **на-** представлял собой именную приставку, присоединявшуюся к существительным, прилагательным со значением отсутствия какого-либо качества (Лазард 1963, 230): **нашад** – невеселый, **накис** – недостаточный, **начиз** – исчезнувший, а также к отглагольным именам – инфинитиву, причастия прошедшего времени (**напурсида** – неспрошенный), настоящего времени (**начунбанда** – непоколебимый), будущего времени (**нановистани** – неописуемый).

Суффикс – ак при формах 3 лю ед. ч. прошедших времен.

В южных таджикских говорах к глагольным формам 3 л. ед. ч. прошедших времен изъявительного наклонения (простого прошедшего), а также к форме 3 л. ед. ч. основного перфекта 1 и перфекта 2 присоединяется суффикс *ак* -, не изменяющий значения самих форм, но придающий им оттенок непринужденности и фамильярности (Неменова 1956, 45; Расторгуева 1964, 82). Суффикс *-ак* распространен не во всех южных говорах равномерно. В одних имеется повсеместное его распространение (каратегинские и кулябские говоры), в других неповсеместное (рогские) в третьих он сплошь отсутствует (бадахшанские), что подробно отражено в специальной

Таблица

Распространение суффикса *-ак* в южных говорах

наличие <i>-ак</i>	отсутствие <i>-ак</i>
Каратегинские (сплошь) Кулябские (сплошь) Рогские: «шингуни» (Афтобзамин), «балучи» (Балуч), «хилдиски» (Бадринг, Чолиштук, Дехахмади Поён), «вескичи» (Зарчахо, Анджиркон)	Бадахшанские (сплошь) Рогские: во всех остальных селениях, кроме означенных в левой колонке

Примеры на употребление суффикса *-ак* с глаголами прошедшего времени: Пирмамад соғати дахи шав умадак (в-кр. Нушор) – Пирмамад пришел в десять часов вечера; ма-ра набурдак-ым хола-м (г-к. Дарай Мургон) – меня не повела моя тебя; Бибиошим мағзо-ра дъди кадак (рог. Афтобзамин) – Бибиошим стащила ядрышки (ок абрикосовых косточек); ай се-та фарзанд-ыш йа-та мондак пеш-ыш-да (г-к. Туда) – из троих детей только один при ней остался; с глаголами прошедшего многократного времени: у сол мехундак сынфи йакъм (з-к. Бальджуан) – в том году он учился в первом классе; гапи мо-ра намефахмидак, точкики-ра намедонистак (з-к. Саталмуш) – разговоров наших она не понимала, таджикского не знала; с формами перфекта: у марлак асийо-ънда рафтастак (кр. Навде) тот мужик, оказывается, ушел на мельницу; Тоир пул бурдастак бонк-анда (в-кр. Калаи Лаби Об) – Тоир деньги отнес в банк; ба-чай мъ район хаваргири додар-ыш рафта бьдастак (с-к. Дашти Шуру) – мой сын пошел в район проведать младшего брата.

Кроме того, в северно-кулябских говорах отмечены случаи употребления суффикса *-ак* при глаголе *истодан* в повелитель-

ном наклонении 2 л. ед. ч. : бестак, мъ гап бъзанъм (с-к. Мулло-кони) –постой, я буду говорить. Единожды отмечен он также при глаголе настоящее-будущего времени в опубликованных текстах: оча сар мебофак (в-кр. Яхакпаст) (Розенфельд 1960, 30) –мать волосы заплетает.

Основываясь на материалах таджикских диалектов, В. С. Расторгуева полагает, что суффикс –ак при простом прошедшем времени «... по-видимому, восходит к среднеперсидскому причастию прошедшего времени, осложненному суффиксом – ак (картан рафтак)», формы же длительног прошедшего времени и перфекта с этим суффиксом –новообразование диалектного характера» (Расторгуева 1964, 82).

По мнению Ж. Лазара, данный суффикс идентичен с суффиксом уменьшительности и ласкательности –ак, присоединяющимся к именам (Лазард 1956, 52). Эта мысль подкрепляется и наблюдениям исследователей над формами с суффиксам –ак в живой повседневной речи носителей говоров, отметивших особый оттенок непринужденности, придаваемый этим суффиксом глагольным формам (Неменова 1956, 45; Успенская 1962, 44).

Эти особенности суффикса –ак южных говоров позволяют и центральных таджикских говоров, в которых он лежит в основе перфекта для всех лиц, за исключением 3 л. ед. ч. (Расторгуева 1964, 82, 86) (ср. 1 л. ед. ч. рафтакам/ рафтагам; 2 л. ед. ч. рафтаки/ рафтаги. Хотя формы с –ак не зафиксированы в письменном языке классического приоде, существование их в таджикском языке X в. подтверждается свидетельством Макдиси.¹⁶

Структура глагольных форм

Сиситема личных и неличных глагольных форм южных говоров не имеет существенных отличий от литературного таджикского языка. Состав форм определяют те же формообразующие элементы: префиксы, личные окончания, глагол-связка (изменяющих по лицам и числам), вспомогательные глаголы и суффиксы, образующие причастно-деепричастные формы. Как и в литературном языке, по своей структуре личные глагольные формы в говорах могут быть подразделены на простые, образу-

¹⁶ «... и население Самарканда употребляет одну такую букву, что стоит между «коф» и «коф»; они произносят «бикардам» (сделал я), «бигуфтакам» (сказал я) и подобное им» ВУА, с. 335 (См. также Лазард 1961, 177).

ющиеся непосредственно от основы глагола присоединением к ней формообразующих префиксов и личных окончаний, и сложные, которые образуются путем сочетания деепричастия на -а от основного глагола со вспомогательными глаголами. В качестве вспомогательных глаголов используются глагол-связка, глаголы **будан** и **истодан**. Однако соотношение спрягаемых простых и сложных форм в южных говорах имеет свои диалектные особенности, определяющиеся в основном характером южной звуковой системы. Так, при стечении нескольких гласных или согласных звуков происходит стяжение ряда слов и форм (см. «Фонетика»), в результате чего сложные глагольные формы (перфекта I и 2, преждепрошедшего и настоящего определенно-го времени) в говорах становятся простыми.

Типы стяженных форм варьируют по отдельным говорам южной группы, что создает различия между ними и определяет диалектную специфику глагола всей южной группы в целом, см.; например, некоторые формы от глагола **рафтаи**-уходить: **рафтаи бьдъм** (в-кр., к., рог., бд.), **рафтовдъм/рафтудам/ рафтудъм** (кр.), **рафтестай/рафсодай/рафтесас/ рафтесай** (кр., к., рог.), **рафтесой/рафтесод** (с-к. Шуробдара, Даштиджум) –рафта истодааст.

Личные формы(спрягаемые) глагола

Система личных форм глагола в южных говорах характеризуется следующим грамматическими категориями: модальностью (категория наклонения), видо-временными признаками, лицом, числом.

Противопоставление форм по залогам-активному и пассивному, которое существует в литературном таджикском языке, в южных говорах наблюдается крайне редко, поскольку в повседневном общении людей здесь употребительны почти исключительно формы активного залога. Наблюдения над диалектной речью приводят исследователей к выводу, что форма пассива малоупотребительна в таджикских говорах (Расторгуева 1952, 96, 97). И в этом отношении южные говоры не представляют исключения.

Характеризуя южный тип диалектной системы глагола, В. С. Расторгуева выделяет три его разновидности: бадахшанскую, рогскую и кулябско-каратегинскую, которые различаются по количеству имеющихся в них глагольных форм (Расторгуева 1964, 105). Наиболее архаичная система глагола, т.е. с меньшим

количеством новообразований, отмечается в бадахшанских говорах, где засвидетельствовано три наклонения: а) изъявительное, в составе которого имеются настоящее – будущее время, простое прошедшее, прошедшее длительное, преждепрошедшее, перфект 1, перфект 2; настоящее определенное зафиксировано как малоупотребительное новообразование (других форм с *истодан* вовсе не имеется); б) сослагательное, представленное аористом (настояще – будущее время) и формой прошедшего времени, которая, судя по текстам, не имеет широкого распространения; в) повелительное.

Кулябско–каратегинская разновидность южного глагола характеризуется относительно развитой системой личных форм и большим количеством новообразований. В каратегинских и кулябских говорах, помимо трех наклонений – изъявительного, сослагательного и повелительного потепенно начинают распространяться формы предположительного наклонения. Особенно заметно употребление этих форм в западно-кулябских и гиссарско-кулябских говорах, а также в говорах Нижнего Каратегина, хотя и здесь они употребляются значительно реже, чем в северных говорах (Расторгуева 1964, 95).

В кулябско-каратегинских говорах изъявительное наклонение представлено формами настоящего–будущего времени, прошедшего, прошедшего длительного, преждепрошедшего, настоящего определенно, прошедшего определенного, перфекта 1, перфекта 2. Перфект 1 и 2 включают: а) формы перфекта (только со связкой, краткой и полной); б) длительного перфекта (с приставкой *ме-*); в) преждепрошедшего перфекта; г) длительного преждепрошедшего перфекта. Сослагательное наклонение включает формы аорист, прошедшего времени и длительного времени (*мсафта бошад*). Повелительное наклонение представлено формами 2 л. ед. и мн. числа.

Рогская разновидность глагола свойственна рогским и южнокулябским говорам. Отличие системы глаголов этих говоров от каратегинских и большей части кулябских выражается в отсутствии форм перфекта 2, свойственного кулябско-каратегинской разновидности, а также бадахшанским говорам.

Формы будущего категоричного, или литературного будущего, времени типа *хохам рафт* – я пойду (книж.) в южных, как и во всех других говорах таджикского языка, отсутствуют.

Изъявительное наклонение

Система форм изъявительного наклонения в южных говорах, как было сказано выше, по количеству форм отличается от литературного языка и в этом отношении имеет различия по говорам. По значениям и функциям все имеющиеся в южных говорах личные глагольные формы совпадают в основном с соответствующими формами литературного языка. Различия наблюдаются в фонетическом облике окончаний, в стяжениях некоторых наиболее употребительных глаголов, в присоединении суффикса -ак к окончаниям 3 л. ед.ч. в ряде форм.

Настояще-будущее время

Эта форма образуется от основы настоящего времени с добавлением первичных личных окончаний с приставкой *ме-/ми*.

Поскольку фонетический облик основ настоящего времени наиболее употребительных глаголов отличен от литературных эквивалентов, то возникают специфические парадигмы спряжения этих глаголов в настоще-будущем времени.

Особенности фонетических изменений, возникающих при спряжении глаголов, позволяют выделить три типа парадигмы: а) общий, или общеюжный, основной диалектный тип; б) парадигмы, характеризующиеся отклонениями от общего типа в отдельных глаголах; в) узкодиалектные парадигмы, характерные только для отдельных говоров.

Парадигмы спряжения глаголов в настоще-будущем времени

Ед. число		Мн. число
	Кардан (кѣн~) - делать	
1. мекънѣм/-ум		мекънем
2. мекъни		мекъне/~ен/-ед
3. мекъна		мекънаѣ
	Рафтан- (рав-, р~) - уходить	
1. мерам/-ум		мерем
2. мерай/мери		мере.-ен,-ед
3. мерава/мера		меран/мераван
	Гуфтан (гуй-, г-) - говорить	
1. мегум		мегем
2. мегуй/меги		меге/-ен/-ед
3. мега		меган

Истодан(ст-) -стоять

1.местъм/ум		мест ем
2.мести		месте/-ен/-ед
3.места		местан
	Шудан (шав-, ш-)	- становиться
1.мешам/мешум		мешем
2.меши/мешай		меше/-ен/-ед
3.меша/мешава		мешан

Тавонистан (тун-, тон-) - мочь

1.метунам/метунум		метунем
2.метуни		метуне/-ен/-ед
3.метуна		метунан

Додан (те-, т-)- давать

1.мегъм/-ум		мегем
2.мети		мете/-ен
3.мета		метан

Шустан, шъштан (щуй-, ш-) - мыть

1.мешъм/мешум		мешуем
2.мешуй		мешуе/-ен
3.мешуйа		мешуйан

Омадан(о -, ѝ)о~, (й)а)- приходиться

1.мейом/мийом		меоием
2.мейой/мийой		меойе/-ен
3.мейа/мийа		
мейан/мийан		

Парадигмы спряжения глаголов, имеющих отклонения от общего типа

Наиболее заметные отклонения от общего типа спряжения глаголов в настояще-будущем времени чаще всего происходит в результате стяжения, появления вставных звуков и прочих фонетических явлений.

Глагол **кардан-** делать в каратегинских говорах, наряду с общеюжным типом спряжения, имеет следующую парадигму:

Ед число	Мн. число
1.менъм/-ум	менем
2.мени	менем
3.мена	менан

Причем данный стяженный тип наиболее употребител повседневной речи речи.

Глаголы **гуфтан** - говорить, **шустан** - мыть, наряду с обще южным типом спряжения, в рогских, бадахшанских, частично в каратегинских и гиссарско-кулябских говорах имеют следующую парадигму:

гуфтан - говорить, **шустан** - мыть

Ед число	Мн. число	Ед число	Мн. число
1. мегувам	мегувем	мешувам/мешум	мешувем
2. мегуви	мегувем/ен/ед/	мешуви/мешуи	мешуве(н)/ед
3. мегува	мегуван	мешува	мешуван

В бадахшанских говорах отмечены также варианты без встав-

ного **w**: **мегуа** - говорит, **мегуан** -а говорят.

Парадигма глагола **баромадан**-выходить подниматься в некоторых каратегинских, северно-кулябских говорах (Шуробдара, Сарихасор), у западно-кулябских "дарачи" имеет следующий вид:

баромадан - выходить

Ед число Мн. число

1. мером меройем

2. мерой меройен

3. меройа меройан

Общекулябский тип спряжения глагола **гузаштан**- проходить, как и в говорах селений Нижнего Каратегина, представлен в парадигме :

гузаштан - проходить

Ед число Мн. число

1. мезгаръм мезгарем

2. мезгари мезгарен

3. мезгара мезгаран

По говорам различается тип стяжения в настояще-будущем времени глагола **додан** - давать:

- с основой **тъ-/т-^** в каратегинско-кулябских говорах и частично в бадахшанских:

Ед число

Мн. число

1. метъм/метум

метем

2. мети

мете/-ен/-ед/-ид

3. мета

метан

с основой дь-/д- в рогахих говорах, вахинско-каратегинских (Низший Вахио), северно-кулябских (в ряде селений верховьев Ёхсу), в бадахшанских:

Ед число	Мн. число
1. медам/медъм	медем
2. меди	меде/-ен
3. меда	медан

Формы настояще-будущего времени обозначают: - действие постоянное, обычно совершающееся регулярно: гандъм-а ба дост медъраван (с-к. Ховалинг) - пшеницу жнут серпом; вай чи кор мекъна? - мисол, куча мерува, бо йагон кори дига (г-к. Сунбула) - что он делает? - ну, например, подметает улицу и еще другие работы; и дар страловой кор мена (в-к. Калаи Лаби Об) - он работает в столовой; хама уно-ра корга мегу^ан (бд.Мулводж) - все это (букв.эти) называют "корга" - станок;

- действие настоящее: а) совершающееся в данный момент: гъчо мерай? - хуна-ту мерам (в-кр.Нушор) - куда идешь? - иду в твой дом; Сафар кев-ът мекъна! (бд.Козиде) - Сафар зовет тебя! б) не ограниченное данным моментом: хамири ноншав-ай ки гоз мета (с-к. Сарихасор) - тесто подошло (готово к выпечке), когда оно тянется; чанд кас нормай кор-ъш-ро ичро мекънан? (рог. Ходжагалтон) - сколько человек выполняют свои рабочие нормы?; холи хамича-ра Латабанд меган (г-к. Латабанд) - сейчас это место называют Латабанд;

-действие будущее: ойо мийойа, намейойа? (кр.Нимич) -

то ли приедет, то ли не приедет?; оча-т ангур чинда истай, илав мегъра, албатара (з-к. Дарай Мургон) - твоя мать (сейчас) собирает виноград, конечно, она наймет лошадь (для перевозки); йа кавза ках мейовъм дарза-ш -мебандум (в-кр.Хичборак) - еще охапку сена раздобуду, сноп свяжу.

В переносном значении настояще-будущее время используется в описательном повествовании. В этом случае, как и в литературном языке, действие, совершавшееся в прошлом, посредством форм настояще-будущего времени для выразительности и красочности переносится в аспект настоящего времени (Расторгуева, Керимова 1964,68): дъ кафтар кати йак самбака ошно пи-дас; хар руз кафтаро хунайи самбака мехмуни меойан, наск-ъ нахъти бисйоре анчом мекъна самбака;хар вахте кафтаро меойан, самбака мехмуни-хшън мекъна (с-к. Ховалинг, из сказки) - два голубя подружились с черепахой. Каждый день голуби приходят в

гости к черепахе. Много чечевицы и гороха приписает черепаха. Всякий раз, когда голуби приходят, черепаха их угощает.

Форш настояще-будущего и прошедшего длительного времени с двойной префиксацией (ме- и, бь-/би-)

Как упоминалось выше, в северно- и западно-кулябских, вахинско-каратегинских говорах сохранилась архаическая форма,

образующаяся от основы настоящего времени с помощью двух префиксов ме- и бь-/би- и личных окончаний» Указанная форма засвидетельствована в имеющихся материалах только для I и 2 л. ед. ч., что указывает на ограниченное ее употребление. Однако по данным образцам может быть восстановлена полная парадигма:

Ед число	Мн. число
1. мебишинъм/ум	мебишинем
2. мебишини	мебишине/-ен
3. мебишина	мебишинан

В большей части записанных фраз встречаются отрицательные формы, каждая из них оформлена тремя префиксами в определенном порядке (на- + ме- + би-): намебъшьни-ш, чой бъхъри? (ш-к. Бальджуан) - не посидишь ли, чаю попьешь?; йак майда дуги динагииа--ай, намебъхъри? (з-к. Саталмуш) - есть немного вчерашнего пахтанья, не поешь ли?; намебъхъри? (с-к. Кадучи) - не поешь ли?; агар бо йаг шав омада намебесте, мо хафа мешем (в-кр. Ярхаб) -если еще не придете, не переночуете (у нас), мы огорчимся; намебести шав? (с-к. Муллокони) - не останешься ли ночевать?; мембъръм-е, дандун-ъм дар мекъна (с-к. Муллокони) - ой, умираю, зуб болит!; йа локи кахна дорум, намебъпъшум (з-к. Саталмуш) -есть у меня старая обувь, не стану одевать; мана хамитари гапо-ра мебигум-шун, механдан (с-к. Дахана) - вот такие слова я говорю им. они смеются.

В единственной фразе, записанной в с. Дахана (с-к.), встретилась форма, образуемая от основы прошедшего времени: Но-зим мебийома, гуслан мебъкъштъм - если бы приехал Назим, я бы зарезал барана.

Известно, что формы с двойной префиксацией были употребительны в произведениях классического периода в IX-X вв. (Лазард 1963, 278).

Б.Сияев отмечает уже ограниченное употребление данной формы в тексте памятника "Таърихи Табари" и высказывает

мнение, что "...если эта форма еще встречается в языке прозы IX-X вв., то во многих известных памятниках прозы XI-XVI-XIX вв. мы ее уже не встречаем"; автор замечает при этом, что в прозе современного литературного таджикского языка рассматриваемая форма неупотребительна, но до сих пор встречается в некоторых говорах /Сидев 1968, 37/.

К этим замечаниям следует добавить, что А.А.Семенов обнаружил архаические формы типа *мебигирам*, *мебихонам* в официальных документах, составленных на таджикском языке в начале XX в. /Семенов 1927,9/.

Материалы литературных памятников IX-X вв. выявляют, что форма типа *hamibini* употреблялась при указании на действие, совершающееся в данный определенный момент настоящего времени с оттенком длительности, и на действие, совершающееся в настоящем или будущем времени. При этом видовое значение глагольной формы выражалось префиксом; префикс *bi-* — подчерки-, твал и усиливал факт совершения действия, но в некоторых дополнительных смысловых оттенках форме не сообщал (Сидев 1968,36). Ж. Лазар также отмечает одновременное использование в одной форме двух префиксов, различных по своим грамматическим значениям. По его мнению, префикс *me-#ame* выражает в данном случае многократность, длительность действия, т.е. видовое значение, а префикс *bi-* одновременно придает форме особый стилистический оттенок (Лазард 1963,324).

Материалы по южным таджикским говорам подтверждают эти выводы исследователей и свидетельствуют о реликтовом характере рассматриваемых форм в данных говорах. В настоящее время они используются очень редко, только в некоторых говорах с весьма ограниченным кругом глаголов. Встречающиеся в южных говорах, формы эти по своему грамматическому значению указывают на действие, совершающееся в настоящее время или соотносящееся с ближайшим будущим. Им свойственны модальные оттенки просьбы, желательности, долженствования. Наличие модальных оттенков, возможно, является результатом возникновения их на диалектной почве (южных говоров); не исключено также, что они могли быть унаследованы из разговорного языка отдаленного от нас периода времени.

Простое прошедшее время

Формы простого прошедшего времени в южных таджикских говорах образуются от основы прошедшего времени глагола путем прибавления первичных личных окончаний; в 3 л.ед.ч. - нулевое окончание либо факультативный суффикс -. Небольшая группа глаголов образует также формы прошедшего времени акс префиксом -би.

Парадигма глаголов прошедшего времени

Общеюжный тип

хондан-учиться

Ед число	Мн. число
1. хундъм/хондъм/-ум/ам	хундем/хондем/-им
2. хунди/хонди	хунде/хонде/ен/бд-ед/ид
3. хунд/хонд	хундан/хондан

рафтан-идти

1. рафтъм/ум	рафтем/-им
2. рафти	рафте/-ен/ед/-ит
3. рафт	рафтан

андохтан-бросать

1. дохтъм/ум	дохтем/-им
2. дохти	дохте/-ен/-ед/-ид
3. дохт	дохтан.

кардан-делать

1. кардъм/ум/-ам/каам/кам	кардем/кадем/каем/ком
2. карди/кади/каи	карде/каде/ен/-ед/-ид
3. кард/кад	кардан/кадам/каан/канн .

задан-бить

1. задъм/-ум/амъм/ум	задем/захем/заем
2. зади/зан	заде/-ен/-ед/зан
3. зад/за	задан/захан/заан

В парадигмах глаголов **кардан**, **задан** последовательно отражены все типы стяжения, имеющие распространение во всех южных говорах, за исключением бадахшанских, в которых парадигма этих глаголов наиболее приближается к литературной.

Парадигма спряжения глаголов прошедшего времени с отклонениями от общего типа

В южно-кулябских и рогских говорах (в группах "шингуни" - с.Афтобзамин, "хъдъски" - селения Бадринг, Нолиштук, "вески-

чи» -с. Захарчахо и «балучи» - с. Балуч) засвидетельствованы следующие парадигмы глаголов (Богорад 1965, 69-70).

Кардан -делать, **шудан** -становиться, **гирифтан**- брать, **додан** -давать, **омадан**- приходить, **задан**- бить

Ед.число

1.кам	шам	гъртѣм дом	омам	
				зам
2.каи	шѣди	гърти дои	омаи	зади
3.кад	шѣд	гърт дод	ома(д)	зад

Мн.число

1.кем-		гъртем доем	одем	зем
	шем			
2.кен		гъртен доен	омен	зен
	шен			
3.кан		гъртан додан	оман	зан
	шан			

Подобный тип спряжения сохраняется во всех формах простого прошедшего времени, образующихся от основы прошедшего времени этих глаголов, например.гъртай<гирифтаест: чан лауз йод гъртай? (ю-к. Навобод) - сколько языков он изучил?

С точки зрения временной характеристики простое прошедшее время указывает на то, что действие относится к прошлому. Видовые значения выявляются во фразе. Формы простого прошедшего времени могут обозначать:

-однократность и завершенность прошедшего действия: да-хайн дар-даовоз бърмад (к. Гофилобод/ - у дверей послышался голос: дъраугаро ай боло хамидан (г-к. Тула) - жнецы спустились сверху. Формы прошедшего времени глаголов о приставкой бь- сами по себе уже указывают на законченность действия: хама бърфтан-ѣ, мо нарафтем (в-кр. Нушор) - все ушли, а мы не пошли. Формы 3 л. ед.ч. с суффиксом -ак, встречающиеся преимущественно в кулябских и каратегинских говорах, также независимо от контекста, выражают завершенность действия: са-ги Лолахун гърифтак-ѣм (с-к. Ховалинг) - меня укусила собака Лолахона;

длительность и многократность прошедшего действия: ай соли чили якѣм то чѣли нуѣм малима бѣдѣм (кр.Ялидамич) - с сорок первого года по сорок девятый я была учительницей;

ама хона-ра шуридъм, дъраш-а найофтъм (-рог.Ходжагалтон)
-весь дом обыскала, шила не нашла.

Формы прошедшего времени в сложных предложениях с придаточными временным и условно-временным служат для выражения будущего действия, которое совершится ко времени начала действия, указанного в главном предложении, сказуемое которого выражено глаголом в настояще-будущем времени: *гов ума, гусала мехеза* (кр.Халкарф) - когда придет корова, теленок поднимется: *агар ки нафорист-ът, нахун* (в-кр. Куглик) - если тебе не понравится, не учишься.

Прошедшее длительное время

Формы прошедшего длительного времени в южных таджикских говорах образуются от основы прошедшего времени присоединением первичных личных окончаний и приставки *ме-* (в форме 3 л.ед.ч. да с суффиксом *-ак*). Типы стяжения основ глаголов *кардан, шудан, додан, омадан, задан* при этом такие же, как у форм прошедшего времени (ср.выше):

кардан -делать

1.мекардъм/мекам мекардем/мекем

2.мекарди/мекаи мекарде/мекае/-ен/-ед/мекен

3.мекар(д)/мекад/мска/мекардак мекардан/мекаи

Как и в литературном языке, формам длительного прошедшего времени южных говоров присущи следующие видовые оттенки: длительность непрерывного действия, относящегося к прошлому: *хами борунмеборид, хуна-да мешиштум* (с-к. Муллокони) - когда лил дождь, я отсиживался дома; длительность постоянного и повторяемость многократного прошедшего действия: *бо мераф, йата-ра чуф-ш-а мегад мегаш* (кр. Гофилобод) - снова уходил, у кого-либо землюобравативал; *норина мъ мактав хар руз мерафтъм, мехондъм* (с-к. Ховалинг в прошлом году у каждый день ходил в школу); *айзьминчъмби-ш метарсид* (кр. Гарм) - он боялся землетрясения; *закот-а мебърдан Файзовот-да медодан* (кр.Хакими) -закот (налог со скота) относили, в Файзабаде сдавали; а также длительность незавершенного прошедшего действия сопутствующего завершенному действию или состоянию: *у-йеш сувор бъд, сувор мерафт* (кр. Гофилобод) - тот, кто был верхом, ехал верхом; *пештаро давроои калхоси бъд, севъш хамикайе мегърифт,ки шохо-ш мешъкаст* (с-к. Муминобод) - раньше (когда) был (здесь) колхоз, столько яблок она (яблоня) давала, что ветви ломались.

Длительное прошедшее время, в своем первичном значении выражая реальное действие, входит в систему изъявительного наклонения.

Однако наряду с этим оно используется для обозначения ирреального прошедшего действия, а именно: данная форма в определенных синтаксических условиях может приобретать следующие модальные значения:

-в самостоятельных предложениях -неосуществленную желательность прошедшего действия: ть ма-ра йак хат мекарди (с-к. Ховалинг) – ты мне хоть бы одно письмо написала; бояд ки мэн дь сат сум пъл мегирифтм (в-кр. Шархо)-я должен был бы получить двести рублей;

-в сложных предложениях с придаточными условными ирреальности действия: агар мефорист, мегъръфт (в-кр. Нушор)-если бы она ему понравилась, он бы женился, тага, ага ть намешиди, МА мемърдъм (с-к. Муминобод) – дядя, если бы тебя не было, я бы умер.

Преждепрошедшее время

Преждепрошедшее время образуется сочетанием деепричастия на –а основного глагола с личными формами простого прошедшего времени вспомогательного глагола будан. При этом обычно происходит и другие фонетические изменения, характер которых определяет специфику южных говоров в целом и межговорных различий. С этой точки зрения все южные подразделяются на две группы.

К первой группе относятся вахинско-каратегинские, кулябские, рогские и бадахшанские говоры, в которых формы преждепрошедшего времени не стягиваются и их аналитическая структура сохраняется. Ко второй группе относятся каратегинские говоры (по правому берегу р.Сурхоб), в которых формы преждепрошедшего времени в результате стяжения фактически превратились в простые.

Парадигмы спряжения глаголов в преждепрошедшем времени в говорах первой группы

рафтан - уходить

Ед. число	Мн. число
1. рафта бьдъм/вьдъм/-ум/ам	рафта бьдем/вьдем
2. рафта бьди/вьди	рафта бьде/-ен/--вьден/-ед
3. рафта бьд/вьд, рафта бьдак	рафта бьдан/вьдан

дида - видеть

1. дида бѣдѣм/вѣдѣм/-ум/-ам	дида бѣдем/вѣдѣм
2. дида бѣди/вѣди	дида бѣде(н)/вѣден/-ед
3. дида бѣд/ вѣд, дида бѣдак	дида бѣдан/вдан

Формы типа **рафта вѣдѣм** характерны для рогских говоров (в группах "роги" и "буроги"), в которых фонема **б**, попадая в интервокальное положение спирантизуется и переходит в **ѣ**. Однако это явление не свойственно той части рогских говоров (группы "шингуни", "вескичи", "хѣлдѣски", "балучи"), которые соседствуют с южнокулябскими. В этих группах рогских говоров распространен тип форм, свойственный вахиинско-каратегинским и кулябским говорам: **рафта бѣдѣм**.

В глагольных формах преждепрошедшего времени, свойственных второй группе говоров, в результате стяжения осталось в некоторых случаях лишь сочетание **-уд** или звук **-ѣ**.

Парадигма спряжения глагол **рафтан-уходитѣв** преждепрошедшем времени в говорах второй группы

Ед. число

1. рафтоудѣм/-ам, рафтоѣм/-ам, рафтоудам/рафтодам/рафтуда
2. рафтоуди/рафтоди/рафтоди/рафтуди
3. рафтоуд/рафтоудан/рафтод/рафтоудак/рафтодак/рафтудак

Мн. число

1. рафтоудем/рафтоудѣм/рафтоудем/рафтудем
2. рафтоуде/рафтоудѣ/рафтоуде/рафтуде/-н/-д
3. рафтоудан/рафтоудан/рафтодан/рафтудан

В говорах каратегинского типа на территориях, примыкающих к местам распространения вахиинско-каратегинских и кулябских говоров, наблюдается параллельное употребление полных и стяженных форм преждепрошедшего времени; ср: Махмади-ра дидоди, ака? (кр. Каланак) - ака, ты видел Махмади?: Азизбек умада бѣд, бѣрафт (кр. Каланак) - Азизбек приходил (и) ушел.

В южных говорах, как и в литературном языке, формы преждепрошедшего времени означают:

- прошедшее действие, предшествовавшее другому прошедшему действию, соотносительному с ним или с действием какого-либо определенного периода (Азизбек умада бѣд, бѣрафт);

- действие, совершившееся в какой-то конкретный период времени в прошлом: и сават-а йа. вах дайро оу/арда бѣд (3-к.

Дангара) - эту корзину когда-то принесло рекой; вегайи сарпуш-а овардод (кр. Навде) - вчера вечером она принесла крышку:

- действие, происшедшее задолго до момента сообщения: шьмо кати вархърда бъдем? (в-кр. Ярхаб) - мы с вами (прежде) встречались?; -ай дахани падар-мо шинидоудем (кр. Хилмони) - мы слышали это ещё от отца; отайи вай-ра Гафърбой мегъфтан, ай Бухоро омада бъд (г-к. Шуриён) - его отца звали Гафурбой, он прибыл (в свое время) из Бухары.

В сложноподчиненных предложениях с придаточным условием формы давнопрошедшего времени иногда используются для выражения ирреального действия, которое могло бы осуществиться при определенном условии: агар касидига боша, сат съм иштароф доа бъд (з-к. Кангурт) - если был бы кто-нибудь другой, сто рублей штрафу бы отдал.

Настоящее определенное время

Формы настоящего определенного времени образуются из сочетания деепричастия на -а основного глагола и перфекта вспомогательного глагола **истодан**. Особенностью этих форм в южных говорах, как и в других говорах таджикского языка, является их стяжение, которому подвергаются как основной, так и вспомогательные глаголы. Наибольшее стяжение наблюдается у форм настоящего определенного времени самых употребительных глаголов: **кардан** - делать, **рафтан** - уходить, **омадан** - приходить, **додан** - давать и некоторых других.

Особо сильному стяжению подвергается вспомогательный глагол **истодан**, от которого в южных таджикских говорах остаются лишь элементы: -ест-/ -ист-, -ис-/ -ес-; -есод-/ -сод-, -с-, например, карсай< карда истодааст - делает (в настоящий момент) у гъфтаесам<-гуфта истодаам - говорю; дъравидасан<даравида истодаанд - жнут (в данный момент); гавзасем/ГАВ ЗАСОДЕМ<гап зада истодаем - разговариваем (сейчас) и др.

В этом отношении особое место занимают бадахшанские говоры. В них формы настоящего определенного времени употребляются в нестяженном виде, что, по-видимому, объясняется, сравнительно недавним распространением здесь этой формы под влиянием литературного языка: мошино омада истодан <

омада истодаанд -машины прибывают; хурда истодаст<хурда истодааст - ест (жует) /Розенфельд 1971,21/.

Поскольку формы настоящего определенного времени наиболее употребительных глаголов подвергаются постоянному фонетическому изменению, выработалось несколько типов стяженных форм. Употребление их зависит обычно от характера речи, при полном стиле употребляются формы, более приближенные к произносительным нормам литературного языка, при беглой речи используются сильно сокращенные формы.

Парадигма спряжения глаголов **омадан-приходить** и **рафтаи-уходить** в настоящем определенном времени данного момента (каратегинские, кулябские, рогские говоры)

омадан-приходить

Ед. число

1.омадесодам/омадестам/ умадесодам/умадестам

2.омадесоди/омадести/ умадесоди/ умадести

3.омадесодас/-ай/омадестас/-~ай/ умадесодас/-ай/умадестас/-ай

Мн. число

1.омадесодем/омадестем / умадесодем/умадестем

2.омадесоде/-н/омадесте/-н/умадесоде/-н/умадесте/-н

3.омадесодан/омадестан/умадесодан/умадестан(омадест(и)йан/ умадест(и)йан – кр.пб..з-к-. ,г-к.)

рафтаи – уходить

Ед. число

Мн. число

1.рафсодам/ рафтесодам рафсодем/рафтестем

2.рафсоди/ рафтесоти рафсоде/-н/рафтесте/-н

3.рафсас/-ай/рафтгестай1/-ас рафсодан/рафтастан/-йан

В отдельных говорах наблюдаются от общего типа, связанные с явлениями фонетического характера. Так, в некоторых каратегинских говорах (пб.), в отличие от вахинско-каратегинских и кулябских, засвидетельствованы следующие разновидности парадигмы¹⁷.

В шуробдарачинском (с-к.) и даштиджумском (с-к.) говорах, а также в южно-кулябских отмечен особый вид стяженных глагольных форм парадигмы настоящего определенного времени:

кардан - делать

¹⁷ Указанные парадигмы приводятся по материалам полевых записей старшего научного сотрудника Отдела истории таджикского языка и диалектологии М.Махмудова в селениях Фаррух, Порвог, Хилмони.

Ед.число

Мн.число

- 1.кесом/кестом/каесом кесем/каесем
- 2.кесой/кестой/-ай/каеси/ кесен/каесен
- 3.кесай/кестос/каесос кесон/кесан/каесан

Глагол **кардан** в рогских говорах, кроме указанных, имеет также следующее разновидности парадигмы:

Ед.число

- 1.кадестодам/кардестодам/каисодам
- 2.кадестодай/кардестодаи/каисодай
- 3.кадестодас/кардестодас/каисодас

МН.ЧИСЛО

- 1.кадестодем/кардее тодем/каисодем
- 2.кадестоден/кардестоден/каисоден
- 3.кадестодан/кардестодан/каисодан

Значения форм настоящего определенного времени: - действие, совершающееся в данный момент: бачоо омадестийан (з-к. Давлатшоён) - идут дети; мъ гуфтаистом, у навистаистос (с-к. Муллокони) - я говорю, она (тут же) записывает; барг кала(к) каесом (с-к. Муллокони) - я срезаю листья; чой чуши-даистос (с-к. Даштиджум) - чай кипит; бо кор каесоди-а? (кр. Кабудийён) снова работаешь, а ин чои дъст-ъм даркистай (с-к. Ховалинг) в этом месте у меня болит рука; и мантийор кофтестай, охи (з-к. Бальджуан) - он монтера ведь разыскивает;

- действие длительное, охватывающее настоящий момент и предшествующий: зан-ъш Дъшамбе-да гаштистодаст (кр. Порвог) - жена его в Душанбе находится; чан сол бо кофтаисам, найофтаисам (з-к. Казонгузар) - сколько лет иду, не могу найти; зани и да университет хундайстодай (кр. Самсолик) - его жена учится в университете; борон хозир-ам шим-шим боридестай (г-к. Туда) - дождь и сейчас все моросит.

Формы настоящего определенного времени по говорам распространены неравномерно. Наибольшее их распространение наблюдается в говорах гиссарско-кулябских, западно-кулябских и в каратегинских, сопредельных с кулябскими. Довольно широко распространены они в северно- и южно-кулябских, а также, в рогских. Более ограничено они употребляются в бадахшанских и вахиинско-категинских говорах. Надо думать, что формы эти появились в южных говорах под воздействием лите-

ратурного языка и в результате контактов с другими таджикскими говорами /Расторгуева 1964,88; Керимова 1969,94/.

В западно-кулябских говорах в селениях Саталмуш, Зогнуль, Дарай Мургон, Шохшури засвидетельствованы особые формы настоящего определенного времени. По структуре указанные формы представляют собой соединение причастия на -а основного глагола и полной формы глагольной связки: рафтастам - я иду (в окончании -ам I л.ед.ч., данной формы гласный не редуцируется). От перфекта П они отличаются постоянным ударением на предпоследнем слоге (ср.перфект П дидастъм - я видел, ударение обычно на первом слоге), а также относительной долготой ударного а в связке, при более отчетливом произношении воспринимаемого как удвоенное а.

Пример спряжения глагола гаштан - вращаться, ходить:

Ед.число	Мн.число
1. гаштастам	гаштастем
2. гаштасти	гаштастен
3. гаштастай	гаштастан

Эти формы обозначают длительное действие, происходящее в настоящем, а также указывают на постоянное, обычное действие и на действие, совершающееся в данный момент настоящего времени: ма йак той йаксола доръм, баъват-ай, ба хаами тойак гаштастам (з-к, Саталмуш) - есть у меня годовалый жеребец, он сильный, на этом жеребчике я и езжу; шъмо ба дъст-ътон хърдастен?! (з-к, Зогнуль) - вы руками едите?! ино шиштастан (з-к, Зогнуль) - они сидят; о Малика, чо шиди? - ба дъравгаро-ра ов бурдастам (з-к, Дарай Мургон) - эй, Малика, где ты? - Я жнецам воду несу.

По строению рассматриваемые формы совпадают с формами перфекта П, однако по значению они идентичны сложным формам настоящего определенного времени. На первый взгляд возникает предположение, что они представляют собой тип стяженных форм настоящего определенного времени с глаголом *истодан*. Однако специальные наблюдения, проведенные на месте распространения этих форм, показали, что при подчеркнутом отчетливом произношении эти формы распадаются на их составляющие: дида астам/ дида хастам - я вижу. Такие формы в значении настоящего времени представляют собой местное диалектное явление, свойственное небольшой части западнокулябских говоров, которые, в частности, были отмечены на террито-

рии Нижнего Каратегина: мо-ам ай дина ибар пила чидастем (кр. Хакими) - мы уже со вчерашнего дня отбираем коконы.

Прошедшее определенное время

Прошедшее определенное время образуется, как известно, из сочетания деепричастия на -а основного глагола и форм преждепрошедшего времени вспомогательного глагола истодан. Таким образом, в состав форм прошедшего определенного времени входят два вспомогательных глагола - истодан и будан: рафта истода бьдъм - я шел.

В южных говорах эти формы подвергаются стяжению, причем наибольшему стяжению подвергаются основной глагол и первый вспомогательный выражающий видовое значение, а второй (будан), как правило, сохраняется, по-видимому, в силу его двойственной грамматической функции - указания на основное временное значение (действие относится к прошлому) и указания на лицо и число.

Парадигма форм глагола прошедшего определенного времени (каратегинско-кулябские и рогские говоры)

рафтан - уходить

Ед. число

1. рафта истаха бьдъм/-ум	рафта естоа бьдъм/ум
2. рафта истаха бьди	рафта естоа бьди
3. рафта истаха бьд	рафта естоа бьд
1. рафсода бьдъм/-ум	рафтеста/рафтеса
бьдъм/-ум 2. рафсода бьди	рафте-
ста/рафтеса бьди	
3. рафсода бьд	рафтеста/рафтеса бьд

Мн. число

1. рафта истаха бьдем	рафта естоа бьдем
2. рафта истаха бьде/-ен	рафта естоа бьде/-ен
3. рафта истаха бьдан	рафта естоа бьдан
1. рафтеста/рафтеса бьде	рафсода бьдем
2. рафтеста/рафтеса бьде/~ен	рафсода бьде/-н
3. рафтеста/рафтеса бьдан	рафсода бьдан

Прошедшее определенное время в южных говорах, как показывает материал, обозначает:

-длительноедействие в прошлом, соотносительное с другим действием м., происходивший в определенном моменте совершения

того длительного прошедшего действия: дар рох рафтеста бѣдѣм, ки йаодам усу умад (в-кр. Нушор) - яшел по дороге, как вдруг оттуда подошел какой-то человек; мо ай Дѣшамбе омадеса бѣдем, шофир киоск-ѣнда дѣрома (кр. Ялдамич) - когда мы ехали из Душанбе, шофер зашел в киоск; ма гусала-да пора монда истаха бѣдѣм, ки йа бачаума (с-к. Ховалинг) - я давала корм теленку, когда вошел какой-то мальчик; гов-дакѣнчола дода исодабѣд, ки надид шѣмо-ра (г-к. Сумбула) - она давала жмых колове, так что не видела вас (вз тот момент);

-длительное дей с' т ви ев прошлом, несо-отнесенное другим действием: мерам, гѣфтеса бѣд, дига наома (з-к. Бальджуан⁴) - приду, говорил, но не пришел; ай хаму су омадес(т)а бѣд(г-к. Яван) - он шел с той стороны.

Формы прошедшего определенного времени в южных говорах являются поздним новообразованием, об этом свидетельствует весьма ограниченное употребление их в кулябских, каратегинских, рогских говорах и полное отсутствие в бадахшанских /Розенфельд 1971, 21/.

Формы перфекта

В южных говорах перфект представляет собой довольно развитую систему описательных по своему образованию форм, входящих в крут форм изъявительного наклонения. Всем формам перфекта южных говоров свойственно выражение результативности действия совершившегося в прошлом.

По способу образования и своему фонетическому облику перфектные формы южных говоров заметно отличаются от форм перфекта, представленных в литературном таджикском языке, отличия проявляются также в количестве форм. Наиболее яркой отличительной чертой системы перфектных форм южных говоров является наличие форм перфекта 2 в большей их части, а именно в вахинско-категинских, каратегинских, северо-кулябских, западно-кулябских и бадахшанских. Эта особенность системы перфектных форм дает основание подразделить южные говоры на две группы: говоры, в которых наличествует перфект 2 (бадахшанские, каратегинские, северо- и западно-кулябские) и говоры, в которых отсутствуют формы перфекта 2 (рогские, южно-кулябские и гиссарско-кулябские).

Перфект I, соответствующий перфекту глагольной системы современного литературного таджикского языка, представлен в

южных говорах следующими формам: 1) основная форма перфекта (прошедшего времени): **рафтас/рафтай** - он, оказывается ушел; 2) длительная форма перфекта (с приставкой **ме-**): **мерафтас/мерафтай** - он, оказывается, (у)ходил; 3) преждепрошедший перфект; **рафта бьдас/-ай** - он (давно) ушел; 4) длительный прежде прошедший перфект I: **мерафта бьдас/-ай** - он (давно)(у) ходил; 5) определенная форма перфекта I: **рафтеста бьдас** - он, оказывается, ушел. Последние две формы встречаются в единичных случаях, причем определенная форма отмечена только для 3 л.

Перфект 2 имеет следующие формы: 1) основная форма перфекта 2: **рафтостас(т)/ рафтастак**; 2) длительная форма перфекта 2 (с приставкой **ме-**): **мерафтаст(т)/мерафтастай** (засвидетельствована в единичных случаях в бадахшанских и каратегинских говорах); 3) преждепрошедший перфект 2: **рафта бьдастас(т)/-ай**, **рафта бестас(т-ай)**; 4) длительный преждепрошедший перфект 2: **мерафта бьдастас(т)-ай**, **мерафта бестас(т)/-ай**.

Как и в других говорах таджикского языка, форма перфекта I в южных говорах подверглась стяжению. Глагольная связка, входящая в ее состав, слилась с формантом деепричастия основного глагола, и вся форма в целом из сложной превратилась в простую, образуемую непосредственно от глагольной основы.

Основная форма перфекта I образуется от основы прошедшего времени глагола путем прибавления вторичных личных окончаний (см. выше):

Ед. число	Мн. число
1. рафтам/рафтѣм	рафтем/рафтим
2. рафти/рафтай/рафтаи	рафте/рафтен
3. рафтай/рафтас(-так)/рафтѣс(-так)	рафтаи, рафтийиан

Основные различия имеются в окончаниях 3 л. ед. и мн. ч. перфекта I, которые имеют следующие разновидности по говорам: для ед. числа в кулябских и каратегинских говорах **-ай/-ас**, в вахшинско-каратегинских и бадахшанских **-ас(т)**, в рогских **-ѣс(т)**; во мн. числе окончание **-аи** характерно для вахшинско-каратегинских, северно-кулябских, южно-кулябских, рогских и бадахшанских говоров, а окончание **-иан** - для каратегинских, западно-кулябских, гиссарско-кулябских.

В бадахшанских и рогских говорах в 1 и 2 л. мн. ч. не происходит стяжения, а вся парадигма перфекта I в целом представлена в следующем виде:

бадахшанские говоры рогские говоры

Ед.число Мн.число Ед.число Мн.число

1. додам додаем додъм додаем

2. додай/додай додаед додай додаен

3. додас(т)/додай додан додас(т) додан

В остальных южных говорах подобный тип парадигмы не наблюдается. Наиболее употребительны в речи формы 3 л.перфекта. Одной из особенностей перфектной формы 3 л.ед.ч. является присоединение к ней форманта -ак: давлат хами хел шароит кардастак, хъкък додастак (в-кр.Кушагба) - государство такие условия создало, права дало.

Основная форма перфекта I употребляется в следующих значениях:

-выражает результативность, т.е. указывает на то, что действие совершилось и результат его налицо: ин дърахт-а касе бърндай (кр. Ялдмич) - это дерево, оказывается, кто-то срубил; нъвасай Момосафо омадас (с-к Ховалинг)-приехала внучка Момосафо; мошин да даргoвбанд задаст (бд.Козиде) -машинна застряла на речке; чъргот-а наихърда-ен (рог.Ходжагалтон) - вы только что ели кислое молоко;

-указывает на результат выяснения расследования: мън рафтъм - Ахмад бърафтаст! (в-кр. Нушор) - я пошел, а Ахмад, оказывается, ушел уже!; ин бача паридас-да (к.Ннмич) - этот парень, оказывается, умер (букв. улетел); ах нафахмидум, овардай йо не (кр. Гафилобод) - я ничего не знаю, принес он или нет; чи бо соһат-ам доштаст (кр. Хакями) - у него, оказывается, и часы есть; сар-ъм бълут бърмадас (ро. Ходжагалтон) - у меня на голове-то шишка вскочила!

-указывает на действие, о котором узнают с чужих слов:бобо-м мега. ки Файзило рахи хуб-да набурдас-тъ хар-а чар каас (с-к. Муллокони) - его отец говорит, что Файзулло не повел осла по хорошей дороге, тот и сорвался; мийом, ки меган, бърафгай (кр. Навобод) - я прихожу, говорят, что ушел; хамаме-вахо-ш гирифтйии (кр.Навде) - все фрукты (в саду) собрали, оказывается.

Таким образом, материалы южных таджикских говоров подтверждают мнение ученых, что в отношении модальной и видовой характеристики действия основная форма перфекта I

соответствует основной форме перфекта литературного языка /Расторгуева, Керимова 1964, 78/.

Длительная форма перфект а I образуется от основы прошедшего времени основного глагола путем прибавления вторичных личных окончаний и приставки *ме-/ми-*(мерафтас /~ъс/-ай - он шел):

Ед.число	Мн.число
1.мерафтам/мерафтъм	мерафтем/мерафтим
2.мерафти/мерафтай	мерафте/мерафтен/мерафтед
3.мерафтас/мерафтъс/мерафтай фтийан	мерафтан, мера- фтийан

Особенностью этой формы в южных говорах, как и в литературном языке, является оттенок длительности, не соотносимый со временем, который сопутствует основному значению перфекта -результативности, узнаванию о совершении действия путем логического вывода и с чужих слов. В зависимости от смысла высказывания и ситуации эта форма может обозначать прошедшее, настоящее и будущее действие /Расторгуева, Керимова 1964, и сл./, что подтверждается и материалами южных говоров: пешгар кузича-да намак тар мекадийан, ном-ъш намакдон (г-к. Ходжикатаган) -раньше в кувшине растворяли соль, название его - солонка;бачахо бъсйо рафта миомадийан (кр.Навобод) - ребята часто навещают.

Иногда в зависимости от контекста эти формы могут выражать дополнительный модальный оттенок неуверенности: да хаи оворушка мешидай-ми? (г-к. Сунбула) - при таком поливе уродится ли клевер?

В сложноподчиненных предложениях с условиями придаточными длительная форма перфекта используется для обозначения ирреального действия: бахакълтарак мешидас, намеърифтас (с-к. Мазори Султон) - была бы поумнее, не взяла бы; агар вай кастан мекъ-штаст-ъш, мепарундан (с-к. Муллоконни) - если бы он убил преднамеренно, его бы расстреляли.

Преждепрошедший перфект I южных таджикских говоров, образующийся из причастия прошедшего времени основного глагола и основной формы перфекта I вспомогательного глагола не отличается по значению от преждепрошедшего перфекта литературного будан, языка. Он обозначает действие, предшествующее другому прошедшему действию или действию в какой-то момент в прошлом /Расторгуева, Керимова 1964, 87-89/:

ба Душанбе омадаудай (кр.Шульмак) - он, говорят, приехал в Душанбе (т.е. говорящий об этом слышал; ср.форму 3 л.ед.ч., преждепрошедшего времени омадауд - он (уже) приехал.

В южных говорах имеется два типа форм преждепрошедшего перфекта I: полные и стяженные. Первые распространены в большинстве южных говоров, за исключением каратегинских в Среднем Каратегине на правом берегу Сурхоба (для них характерен стяженный тип). В говорах Нижнего Каратегина отмечено параллельное употребление полных и стяженных форм. ПРИМЕ-РИВОфразах:

Сангак бѣрафтаудаѣ (кр, Поджеи Боло) - Сангак, оказывается, уже уехал; бозор гирдогирд девоѣ бѣдаудаѣ (кр. Порвог) - вокруг базара, оказывается, был забор; мешънъм,ки бача парида бѣдас (кр. Нимич) - слышала я, что парень-то умер, оказывается; у барои таѣои-ш омада бѣдай (с-к. Ховалинг) - он-то ради своего дяди приезжал; хаи гараж-да омада бѣдийан, ма набѣдъм (з-к. Кангурт) - в этот гараж они уже приходили, меня не было.

Полные формы преждепрошедшего перфекта I

Ед.число	Мн.число
1.рафта бѣдъм	рафта бѣдем
2.рафта бѣди	рафта бѣде/-ен/-ед
3.раита бѣдай,рафта бѣдас	рафта бѣдан, рафта бѣдийан

Стяженные формы преждепрошедшего перфекта I

Ед.число	Мн.число
1.раѣодъм, раѣѣодъм/раѣѣоудъм	раѣѣодем,раѣѣоудем
2.раѣѣоди,раѣѣоѣди/раѣѣоѣди	
раѣѣоѣде/раѣѣоѣде/раѣѣоѣде/-ен	
3.раѣѣодай,раѣѣоѣдай/раѣѣоѣдаѣ,	раѣѣоѣд
ан/раѣѣоѣдан	
раѣѣоѣдас(т)/раѣѣоѣдас(т)	раѣѣоѣдийараѣѣоѣдийан

Длительная форма преждепрошедшего перфекта I, структурно отличающаяся от формы преждепрошедшего перфекта I лишь приставкой ме-, зафиксирована только для 3 лица ед. и мн.ч. в говорах гиссарско-кулябской группы: халки къхистон мераѣѣтас агар, дохън- да меѣѣѣфта бѣдийан (г-к.Джангалобод) - если жители гор уходили в другие места, то их обычно называли «дохунда». Эта форма выражает длительное или постоянное действие, совершаемое после другого какого-либо действия в прошлом.

Определенная форма перфекта 1, образующаяся путем сочетания причастия прошедшего времени основного глагола и преждепрошедшего перфекта I вспомогательного глагола *истодан*, имеет те же значение, что определенная форма перфекта литературного языка, т.е. указывает на непрерывную длительность действия или на соотнесенность этого действия с определенным моментом в прошлом или настоящем (Расторгуева, Керимова 1964, 90), однако употребляется очень редко, причем только в 3 л.ед. и мн.ч. Круг распространения этой формы территориально также ограничен: только в западно-кулябских и гиссарско-кулябских говорах: вай хонахо-ра канда истода бьдай (з-к. Девонабеги) - он сносит, оказывается, дома; амак-мон намоз хондеста бьдай (з-к. Кангурт)-наш дядя совершает намаз (молится); ай хуна бьромада ниго кьнам, босмачийо омадисода бьдай (г-к. Файзабад) - выйдя из дома, глянул: басмачи, оказываются, наступают.

Определенная форма перфекта, по-видимому, стала проникать в южные говоры в последнее время, под влиянием литературного языка или северных говоров, о чем свидетельствует малочисленность примеров, записанных к тому же из уст бывалых людей, речь которых несколько отлична от речи типичных представителей говоров. Это подтверждается еще и тем, что предыдущими исследователями южных говоров данная форма не была зафиксирована.

Основная форма перфекта 2 засвидетельствована в большинстве южных таджикских говоров. Не отмечена она лишь в рогских, южнокулябских, соседящих с рогскими, и гиссарско-кулябских говорах. Она образуется из причастия прошедшего времени основного глагола и полной формы глагольной связки. При этом на стыке причастия и связки происходит стяжение, приводящее к образованию простой (не аналитической) формы.

Парадигма основной формы перфекта 2

рафтаи - уходить

Ед. число	Мн. число
1. рафтастам/-ъм	рафтастем/-им
2. рафтасти/~ ай	рафтасте/-ен/-ед/-ет
3. рафтастас(т)/-ан	рафтастан

Окончание *-ийан* для 3 л.мн.ч. основной формы перфекта II в собранных материалах не зафиксировано.

Судя по примерам употребления и по наблюдениям исследователей, эта форма полностью совпадает по значению с ос-

новой формой перфекта I, но, будучи архаичной (Неменова 1956, 43), употребляется значительно реже. Примеры: ай дьми оча-т бьра ки рафтастай (с-к. Ховалинг) - иди следом за своей мамой, она ведь ушла; унча, рупарухак-да хона андохтастай (з-к. Гурдара) - там, напротив, он построил дом; вайо мърдастан гьраната ки партофтан, вайо мърдастан (кр. Каланак) - они погибли, как бросили гранату, так и погибли; ино-ра гайри а пьлон съпоридастан (з-к. Бальджуан) этих (ягнят) они сверх плана сдали; шьнидасти? (с-к. Ховалинг) - ты слышал?; кати у хеч кас набьдастай (с-к. Муминабад) - с ним никого не было; не ман нахондастам (бд. Ямг) - нет, я не учился; мусафедо пеш хурдастан (бд. Удит) - старики прежде поели.

Длительная форма перфекта 2 с приставкой ме- засвидетельствована в бадахшанских говорах и в отдельных случаях в каратегинских; в кулябских она не отмечена. Эта форма по значению соответствует длительной форме перфекта I: аминчо алов мекардас-тан (бд. Ямг) - здесь разжигали огонь; пилтаро мекардастан болойи ин мемондастан (бд. Нуд) - делали фитиль и клали поверх этого: ай хамича мегьрифтастай-у уча мебурдай (кр. Тегерми) - отсюда получает и туда везет.

Едва ли можно согласиться с предположением А.З. Розенфельд о том, что в бадахшанских говорах формы перфекта 2 вытеснили формы простого прошедшего времени и прошедшего многократного /Розенфельд 1971, 22/. Тексты, опубликованные автором, не подтверждают этого. Однако несомненно, что формы перфекта 2 весьма распространены в бадахшанских говорах,

Формы преадепрошедшего перфекта 2 образуются от причастия прошедшего времени на -а и вспомогательного глагола будан в основной форме перфекта 2. Эти формы более распространены в северно-кулябских и западно-кулябских говорах, примыкающих к северным, а также в каратегинских. Они имеют два типа спряжения: полный и стяженный.

Полный тип парадигмы преждепрошедшего перфекта 2

Ед. число	Мн. число
1. рафта бѣдастѣм/-ам/-ум	рафта бѣдастем
2. рафта бѣдасти	рафта бѣдасте/-ен
3. рафта бѣдастас(т)/-ай	рафта бѣдастан

Стяженный тип парадигмы преждепрошедшего перфекта 2

Ед. число	Мн. число
1. рафта бестѣм/-ам/-ум	рафта бестем
2. рафта бести	рафта бесте/-ен
3. рафта бестас/-ай	рафта бестан/-йан

Преждепрошедший перфект II, имея те же значения, что и преждепрошедший перфект I, используется в речи более широко, поскольку имеет формы для всех лиц, не совпадающие с формами преждепрошедшего времени: ай ами къшлок пѣго гѣзашта бѣдастем (с-к. Чарги Боло) - через этот кишлак мы проезжали утром; шѣмо борики бад дѣхта бѣдастен (с-к. Ховалинг) - вы (так) плохо, узко подшили; йа хона-ра хамуно-ра дода бѣдастан, и хона-ро ба дига кас додан, ба (баѣд) уѣо зикшѣдан (в-кр. Нушор) - один дом им давали, этот дом другому человеку отдали, (и) вот они огорчились; калхози мо-ра баройи намуна файрод карда бѣдастан (с-к. Муминабад) - наш колхоз, оказываются пригласили какоюобразцовый; панчо сентнер дода бѣдастан без ай дагавор-ѣш (с-к. Сарихасор) - помимо договора, они сдали, оказывается, пятьдесят центнеров; йак гѣрсават-а ангур чинда бѣдастѣм (з-к. Зогнуль) - я собрала одну большую корзину винограда.

Формы длительного преждепрошедшего перфекта 2 образуются путем сочетания причастия прошедшего времени с приставкой ме- и основной формы перфекта 2 вспомогательного глагола будан. Эти формы также имеют два типа спряжения - полный и стяженный.

Полный тип парадигмы длительного преждепрошедшего перфекта 2

Ед. число	Мн. число
1. мерафта бѣдастѣм/-ам/-ум	мерафта бѣдастем
2. мерафта бѣдасти	мерафта бѣдасте/-ен
3. мерафта бѣдастас(т)/-ай	мерафта бѣдастан

Стяженный тип парадигмы длительного преждепрошедшего перфекта 2

Ед. число	Мн. число
1. мерафта бестам/-ъм	мерафта бестем
2. мерафта бести	мерафта бестен
3. мерафта бестас/-ай	мерафта бестан

Эти формы отмечены в северно-кулябских говорах, в Ховалинге, Муминабаде; особое распространение они имеют в речи жителей более глухих отдаленных горных ущелей, например, Шуробдары, расположенной северо-восточней Сарихосора. По семантике они совпадают с формами длительного преждепршедшего перфекта I, обозначая:

-узнанное о чужих слов длительное действие, совершившееся в прошлом: пеш вах зан-а мекапийа бестан базур, дъзди мекара (с-к. Муллокони) - в прежние времена, рассказывают, насильно забирали женщину, умыкали; дар-а ном-ыш-а мепърсида бъдастан (с-к. Геш) - они спрашивали, оказывается, как называют дверь;

-результативность действия, логический вывод о длительном действии, относящемся к прошлому: шъмо-ам дандун-а меканда бъдастен? (с-к. Муллокони) - вы, оказывается, тоже удаляли зуб? кати хамуно мегашта бъдастан (с-к. Муминабад) - они ведь с теми водились;

- действие, которое предположительно совершится в будущем: амра-ш паго меомаа бестан (с-к. Муллокони) - ее попутчица завтра, наверное, придет; уxo-paМосков мебулда бъдастан (с-к. Ховалинг) - их, наверное, повезут в Москву.

Архаичность форм перфекта 2 подтверждается их неравномерным распространением в южных говорах. Они представляют собой реликт явления, свойственного языку классического периода. Основная форма перфекта 2 отмечена в языке памятников персидско-таджикской прозы (XI-XII вв.) и в языке классической персидско-таджикской поэзии. Ж.Лазард приводит в качестве примеров глаголы *amadastam*, *amadastand*, *mandastam*, *mandastim*, *kardastim* и др., подчеркивая при этом тот факт, что они характерны для языка сочинений, составленных на территории Средней Азии и Афганистана (Lazard 1963, 341; Залеман, Жуковский 1890, 54)

Иранский ученый М.Бахар цитирует стихи Унсури и Саади, в которых встречаются формы перфекта 2. Он называет их "нишапурскими глаголами" и считает разновидностью перфекта. "Ниша-пурскими" эти глаголы М.Бахар называет в связи со

свидетельством арабского географа X в. Мукаддаси о различных персидских (таджикских) говорах, где тот упоминает, что для говора Нишалпура характерно употребление таких форм, как *бихурдасти*, *бигуфтасти*, где, по его мнению, без пользы прибавляется "син" (AL-Mogaddasi 1906, 3347).

По-видимому, замечание Мукаддаси о "бесполезном сине" можно истолковать в том смысле, что по семантике подмеченные им формы не отличались от форм перфекта или простого прошедшего времени. Действительно, случаи употребления таких форм в текстах классического периода не дают возможности установить какие-либо отличия от форм перфекта I. В настоящее время перфект II, кроме южных таджикских говоров, встречается в языке фарси-кабули, в языке афганских хазара, в бадахшанских говорах (Болдырев 1946, 492; Розенфельд 1967, 1971, 22; Сиев 1968, 61-64; Ефимов 1965, 55-57).

В хронологическом отношении основная форма перфекта 2, по-видимому, более архаична, чем длительный перфект 2 и преждепрошедший перфект 2, которые возникли уже на базе основной формы перфекта 2. Об этом говорит факт фиксации в текстах классического периода только основной формы перфекта 2. Будучи диалектной формой, характерной для части таджикских говоров, она противопоставлялась в определенный период формам перфекта остальных говоров.

Сослагательное наклонение

Количество форм сослагательного наклонения неодинаково по говорам.

Наибольшее количество его видовременных форм засвидетельствовано в кулябских и каратегинских говорах, где сослагательное наклонение объединяет следующие формы: настоящее-будущее время или аорист (*бъхунъм - (по)читаю*); прошедшее (*хунда бошъм я почитал бы*); длительная вневременная форма (*мехунда бошъм -я читал бы*). Форма настоящего определенного времени с вспомогательным глаголом *истодаи* (*хонда истода бошем - читаем*) имеет крайне редкое употребление в единичных случаях и не закрепилась в системе сослагательного наклонения, этих говоров. В рогских говорах имеются те же три формы сослагательного наклонения что и в кулябских. В бадахшанских говорах бытуют две формы -аорист и прошедшее типа *хонда*

бошам-(если) я прочитал. В опубликованных по этим говорам исследованиях форма хонда бошам отражена слабо.

Настояще-будущее время сослагательного наклонения(аорист) образуется от основы настоящего времени прибавлением личных окончаний и префикса **бъ-/би-**. Глаголы в аористе подвергаются тем же фонетическим изменениям, что и в настояще-будущем времени.

Парадигмы спряжения глаголов в аористе

рафтан - уходить

Ед.число	Мн.число		
полная форма	стяженная	полная форма	стяженная
1.бъравъм/-ам/~ум	бърам	бъравем/-им	бърем
2.бърави	бърай	бъраве/-ен/-ед/-ет	бъре/-ен
3.бърава/бд. бъравад)бърад(бд.)	бъраван --		бъран

кардан - делать с приставкой **бъ-**

1.бъкънъм/-ам/-ум	бъкънем
2.бъкъни	бъкъне/-ен/-ед/-ет
3.бъкъна	бъкънан

без приставки

1.кънъм/-ам/-ум	кънем
2.къни	къне/-ен/-ед/-ет
3.къна	кънан.

Префикс **бъ-** закономерно неупотребляется при отрицательных формах: Хыпвахт, бо дост-а набари! (с-к. Муллокони) - Хушвахт, (гляди) серп опять не унеси! пъга найойан? (с-к. Ховалинг) - что если завтра не придут? Обычно не принимают префикс **бъ-** глаголы **будан** и **шудан**. В материалах не отмечено ни одного случая употребления этого префикса с глаголом **будан**, с глаголом **шудан** имеются единичные примеры: агар ки бъява, ай дъ дъста йак кило мешава (с-к. Сарихасор) - если получатся (коконы), то слвух связок выйдет один килограмм; йаг асп съвор бъяшай, Йархаб мерай мейой (в-к. Ярхаб) - сядешь верхом на лошадь, съездишь в Ярхаб. Параллельное употребление форм аориста с префиксом **бъ-/би-** и без него отмечено при глаголе **кардан** как в самостоятельном значении, так и в составе сложногоименного глагола: саро кънъм, бабарг бъярам йо ба дуг? (с-к. Муллокони) - что мне делать, за листьями идти или за пахтаньем?; фарйод-ъш къни, кърушка-ра бъя-т (з-к. Зогнуль) - позовика его, пусть он отдаст кружку; у, этимол, мённатош-а бъякъна (с-к. Сарихасор) - он, возможно, отработает свои трудодни.

В южных говорах, как и в литературном языке аорист употребляется: а) в самостоятельных предложениях, в которых модальное значение аориста уточняется интонацией, лексическими средствами - частицами, модальными словами; б) в зависимых придаточных предложениях, где значение аориста определяется типом сложноподчиненного предложения, характером смысловой связи придаточного предложения с главным /Расторгуева, Керимова 1964, 100 и с л..) (см. "Синтаксис").

Глагол в форме аориста обычно указывает на действие, совершение которого относится к будущему (ближнему или дальнему): чой-ът бърезъм? (в-кр. Куло) - налить тебе чаю? (здесь действие-самого ближайшего момента будущего, смыкающегося с настоящим временем); соџат шаш шава, ба гавзана (г-к. Джон-варсуз) - будет шесть часов, потом заговорит (радио) (в данном случае указано действие определенного момента отдаленного будущего).

Отмечено также использование форм аориста при действии, относящемся к прошлому с целью подчеркнуть неожиданность действия: гашта берън бъром, тарма райи хунаи хърс-а гъръфтай (в-кр. Куло) - немного погодя выхожу наружу, - лавина преградила дорогу к логову медведя.

Основной особенностью аориста во временной его характеристике является указание на действие, направленное в будущее. Эта характеристика сопровождает формы аориста при любых модальных оттенках и в любых синтаксических конструкциях. Вместе с тем, отмечены случаи, когда глагол в форме аориста обозначает действие, совершаемое обычно, постоянно, без каких-либо особых модальных оттенков он по своему значению равен форме настояще-будущего времени изъявительного наклонения (с префиксом ме-): гандъм-а мо ай тор-ъш бьдозем (с-к. Сарихасор) -пшеницу мы засылаем сверху: то йакъми йанвар-а инча бестем (сяк. Ховалинг) /Неменова 1956. 42? - до первого января будем жить здесь.

В современных южных говорах противопоставление форм настояще-будущего времени изъявительного наклонения и аориста по их семантике и временной характеристике проявляется довольно ярко, ср., например, ман ки намефахъм, хар гапа мегум, агар бьфахъм, намегум (в-к. Ярхаб) - когда я не понимаю, то говорю все, что вздумается, если же понимаю, - не говорю. Функциональную близость этих форм на ограниченном

(территориально) материале можно в какой-то мере считать реликтовым явлением. Как известно, в текстах классического периода формы типа *гуйад*, *бигуйад* употреблялись в значении настоящего-будущего времени в плане изъявительного наклонения /Смирнова 1959,67-68; Сиёв 1968,32/. В дарвазских припьянджских говорах таджикского языка форма префиксального аориста входит в систему изъявительного наклонения /Махадов 1972, 21/.

Прошедшее время сослагательного наклонения образуется от деепричастия на -а основного глагола и аориста вспомогательного глагола будан - быть. В южных таджикских говорах отмечены полный и стяженные типы парадигмы спряжения глагола прошедшего времени сослагательного наклонения. Общей для всех южных говоров является полная форма парадигмы, стяженная - отмечена лишь в части каратегинских говоров бассейна р.Сорбут - правого притока р.Сурхоб'и в гиссарско-кулябском говоре (Яван) Чалолов 1967,43/.

Полный тип парадигмы глагола прошедшего сослагательного наклонения (общий для всех южных говоров)

Ед.число

Мн.число

1. рафта бошъм/-ум/-ум

рафта бошем

2. рафта боши

рафта боше/-ен/-ед/-ет

3. рафта боша

рафта бошан

Стяженный тип парадигмы глагола прошедшего времени сослагательного наклонения

1. рафтошум/-ъм

рафтошем

2. рафтоши

рафтоше/-ен

3. рафтоша

рафтошан

Между полной и стяженной формами существует как бы промежуточная, в которой начальный б вспомогательного глагола заменяется губно-губным w- рафта woшъм. Эта форма факультативно употребляется в некоторых гиссарско-кулябских говорах.

Прошедшее время сослагательного наклонения служит для выражения действия, вероятного, возможного, допустимого в прошлом. Круг употребления форм прошедшего времени сослагательного наклонения значительно уже, чем у аориста, и, следовательно, они способны передать меньшее количество модальных оттенков. Синтаксическое употребление этой формы то же, что в аористе, она используется как в самостоятельных предложениях, так и в придаточных, чаще условных и дополнительных: и къчо рафта боша? (рог. Ходжагалтон) - куда это она

могла уйти? Талбак умадоша бай ича-ра нагзи-нагз, неке номадоша ганда (кр. Сайд он) -(если)-Талбак пришел сюда, лучше быть не может, но коли не пришел, очень плохо; йаке аму назада боша? (с-к. Ховалинг) -уж не зашиб ли его кто-нибудь? по дошта боши, мери (с-к. Сарихосор) - умела бы ты ходить, пошлабы (о ребенке); кор кара боши, йа чи мегири (г-к. Туда) - если ты работал, что-нибудь получишь; парторг мумкин умада воша идо-ра-да (кр. Кабутиён) -парторг, может быть, пришел в правление.

Длительна я вневременная форма сослагательного наклонения образуется так же, как прошедшее время этого наклонения, плюс префикс ме-:

Ед. число	Мн. число
1.мерафта бошъм/-ум	мерафта бошем
2.мерафта боши	мерафта боше/-ен
3.мерафта боша	мерафта бошан

В этой форме благодаря наличию префикса ме- выражено видовое значение - длительность; временная характеристика в самой форме, не содержится и определяется ситуацией или контекстом, в зависимости от которых выраженное данной формой действие может быть отнесено к прошлому, настоящему (обычному) или будущему. В аспекте модальности данная форма может выражать возможность, допущение, сомнение, неуверенность и пр. Она часто используется в вопросительных предложениях: Сафия мерафта боша? (з-к. Зогнуль) - Сафия ушла, что ли?й Авдъло Шамс хеч дига шеър наменависонда боша? (г-к. Джонварсуз) - Абдулло Шамс, видно, больше не пишет стихов?; ха ми хонандагон-а ай тарафи калхос чъз метода бошан, а Рачабчон? (з-к. Дехбуль) - этим курсантам, очевидно, от колхоза что-нибудь дают (дадут), а Раджабджон? В восклицательных предложениях указанная форма выражает желательность, надежду: ей хъдо-ей, апам кай меомада боша! (з-к. Дехбуль) - о господи, когда же придет сестра!

Длительная форма сослагательного наклонения используется также в придаточных предложениях, чаще в условных: гуспанд-а магърифта боши, бъгир (в-кр. Куло) - если берешь того барана, (так) бери!

Ф о р м а н а с т о я щ е г о определенного (длительного) времени сослагательного наклонения с вспомогательным глаголом истодан (типа гуфта истода бошам/гуфсода бошам - говорю) в большинстве южных говоров неупотребительна. Отмече-

ны единичные случаи её использования лишь в западно-кулябских, гиссарско-кулябских и каратегинских говорах. Нижнего Каратегина: бачаи кампир мактав -да хунсода воша, бачаи ман-ам рафта хуна (кр. Джавони) -раз сын старухи учится в школе, пусть и мой мальчик поедет учиться; -хотай калхосда мевахо пухсода воша, каме канда бйю (кр. Сееанга) - если на колхозном участке поспели фрукты, нарви немного (и) принеси; билийардкор кадестода боша? (з-к. Кангурт) - работает ли билиардная?

Повелительное наклонение

Форма 2-го лица ед.ч. повелительного наклонения образуется от основы настоящего времени присоединением префикса **бъ-**(в отрицательной форме без префикса **-бъ-**); форма 2-го мн.ч. образуется от основы настоящего времени при посредстве префикса **бъ-** (при отрицании без **бъ-**) и личного окончания **-е** (каратегинские говоры), **-ен** (кулябские и рогские), **~ед/~е** (бадахшанские), **-ен/-е** (разновидность кулябских, гиссарско-кулябские).

гинские говоры), **-ен** (кулябские и рогские), **~ед/~е** (бадахшанские), **-ен/-е** (разновидность кулябских, гиссарско-кулябские).

Положительная форма

Ед. число	МН. ЧИСЛО
бъра - иди, уйди	бъре,бърен,бъравед - идите,уйдите
бйюр - (при)неси	бйюре,бйюрен,бйюред - несите
бъхон - читай	бъхоне,бъхонен,бъхонед - читайте

Отрицательная форма .

Ед. число	Мн. число
1.нара - не (у)ходи.не иди не идите	наре(н),наравин), наравед -
2.найор - не неси несите	найоре, найорен, найоред - не
3.нахон - не читай читайте	нахоне,нахонен,нахонед - не

При образовании форм повелительного наклонения от глагола **истосдан** происходит слияние гласного приставки **бъ-** с гласным основы: **бест<бъ+ист** (ед.ч.) - стой; **бесте/бестеп** (мн.ч.) - постоит. В беглой речи в форме ед.ч. иногда отпадает конечное

сочетание -ст и форма приобретает вид бе. Примеры: ку, ису бе! (з-к. Дехбул)-нука, постой здесь! б'йю д'сто-м-да оw б'рез (с-к. Наврухо) - давай, полей мне на руки воды: йагон гап б'гу (з-к. Давлатшоён)-скажи что-нибудь; бегаи б'йое, чойи мо-да бе-сте (кр. Алигалабон) - приходите вечером, у нас ночуйте; нагир-ьш (в-кр, Ярхаб) - не бери его.

Приставка -б' может отсутствовать при формах повелительного наклонения южных говоров в следующих случаях: а) при глаголах (чаще простых), основы которых не подвергаются фонетическими изменениям (упрощение): мун-ьш, нагир-ьш (в-кр. Ярхаб) - оставь его, не бери; хезе, б'ре! (в-кр. Нушор) - поднимайтесь, идите! (ср. там же параллельно то же с приставкой: б'хезе, б'ре!); модар, курпа мон, ман партоw шудастам (бд. Козиде) -г мать, расстели одеяло, я устал; инча ф'р натен, бар, таи бора-да парто (з-к. Саталмуш) - здесь не кидайте, отнеси, брось у края суфы; йак санг-а б'йор, дахани ов-а п'шон (з-к. Зогнуль) - принеси камень, накрой воду (в кувшине); б) при сложных глаголах; Мирас-а мега, ки б'ра, гаңд'м-а бод к'н (з-к. Дехбул) - она говорит Мирасу, мол, иди, провеи пшеницу; дар-а ела к' (рог. Ходжагалтон) - открой дверь; хатой ака-т-а дам-аш чам к' (з-к. Саталмуш) - собери все письма твоего брата; в) при глаголах, начинающихся с губного "б"; нон-а бон, чой-ьт к'н'м (рог. Ходжагалтон) - положи хлеб, чай тебе сделаю; б'ра, бин, ник-ьт к'шо шиде (рог. Ходжагалтон) - поиди, погляди, куда девался твой братик; йаг ч'ка ов бар да мехмуно (с-к. Ховалинг) - отнеси немного воды гостям; причем форма повелительного наклонения от глаголов на "б" может употребляться и с приставкой б'-: торкок'ли-ш б'боф (з-к. Саталмуш) - заплети ей верхние косички; р'шка-ра д'раввдан, б'йю б'бар(в-кр, Ярхаб) - клевер скосила, давай унеси.

Предположительное наклонение

Формы предположительного наклонения, в недавнем прошлом еще совершенно отсутствовавшие в южных говорах./Растогуева. 1964, 96/, постепенно, по-видимому, в последние десятилетия, начинают проникать в их глагольную систему. Из трех форм предположительного наклонения, представленных в литературном языке (предположительное прошедшее, предположительное настояще-будущее и предположительное настоящее определенное), в южных говорах встречается только две: предположительное прошедшее (овардагист -вероятно, он

принес) и предположительное настояще-будущее (меовардагист - вероятно, он принесет). Первая выражает предположение в плане прошедшего действия, вторая - в плане действия настоящего или будущего.

Парадигма форм предположительного наклонения

рафтагистан - идти

Прошедшее время

Ед. число	Мн. число
1. рафтагистъм/-ум/-ам	рафтагистем
2. рафтагисти	рафтагисте/-ен
3. рафтагист/рафтагистай	рафтагистан

Настояще-будущее время

1. мерафтагистъм	мерафтагистем
2. мерафтагисти	мерафтагисте/-ен
3. мерафтагист/мерафтагистай	мерафтагистан

Форма предположительного наклонения с краткой глагольной связкой для южных говоров не характерны. Они отмечены в редких случаях, обычно в речи людей бывалых и представителей местной интеллигенции.

Формы предположительного наклонения употребительны главным образом в каратегинских, а также в западнокулябских и гиссарско-кулябских говорах, причем преимущественно в 3 л. ед. ч. и мн. ч. и крайне редко - в 1-м и 2-м л.: йак коре мешудагист, охи (в-кр. Хичборак) - что-нибудь, наверное, получится, наконец; къхо-да акъ борун йо барф боридагистай (кр. Фаррух) - в горах теперь, наверное, идет дождь или снег; аспи сийах меовардагист-ыш (з-к. Бальджуан) - он, вероятно, привезет её на вороном коне; вай Розик-ам хъдо медуна Туда рафтагист (г-к. Сунбула) - бог знает этого Разыка, наверное, в Туда ушел; йагун чо хундагисти? (в-кр. Ярхаб) - ты, вероятно, где-нибудь учился?; ман намерасидагистам (кр. Девай) - я, наверное, не успею.

Формы предположительного наклонения проникли из литературного языка. Сравнительно медленное их распространение в южных говорах объясняется тем, что предположительное наклонение вообще одно из наиболее поздних глагольных образований, в частности, в современном таджикском литературном языке они « были узаконены лишь после 30-х годов нашего столетия » /Расторгуева, Керимова 1964, 132?. Кроме того, в южных говорах имеются различные другие способы выражения предположения, например, при помощи частиц, модальных слов

(барои додар-ѳ-а, шотиме, меоя - соотв. лит. барои гирифтани додарат меомадагист -он, вероятно, придет за твоим братом). В остальных случаях глагольные формы сослагательного наклонения также выражают предположение (Съмбъла-да бѳд. Хисор рафта боша - он был в Сумбуле, в Гиссар, вероятно, ушел).

Неличные формы глагола

Инфинитив

В южных таджикских говорах инфинитив представлен только в двух формах: основная, или полная, форма инфинитива - **бърмадан** - выходить и усеченный инфинитив - **бърмада, бърмад**. В отличие от литературного языка, в описываемых говорах отсутствуют инфинитив длительный, или определенный (типа **хонда истодан** - читать (в настоящий момент) и инфинитив пассивный (типа **хонда шудан** - читаться) /Расторгуева, Керимова 1964, 137-153/.

Полная форма инфинитива употребляется в качестве отглагольного имени действия, проявляя при этом следующие признаки, свойственные именным частям речи;

а) в изафетной конструкции, выступая в качестве первого ее члена "инфинитив принимает изафетный показатель: ай умадани мехмуно мѳн бисѳор хурсанд-ѳм (в-кр, Нушор) - я очень рад приходу гостей): рузи рафтани ака-ш, меоя (с-к. Ховалинг) - она придет в день отъезда своего старшего брата;

б) он может сочетаться с предлогами и послелогоми: хѳди то барѳ задан-а меиста (с-к. Саринхасор) - до самого выпадения снега сохраняется (о картофеле).

в) может сочетаться с местоименными энклитиками, указательными местоимениями: хѳд-ѳм да амин найомадан-ѳм хѳчолат мондѳм (с-к. Ховалинг) - я сама стыжусь этого своего (долгого) не посещения; надидѳм омадан-ѳш-а (рог. Ходжагалтон) - я не видела, как он пришел (букв. его прихода);

г) употребляется в предложениях также в самых различных функциях. свойственных именным частям речи (подлежащее, именная часть сказуемого, обстоятельства и пр.): картѳшка-ра кандан-ѳш август (в-кр, Шилбили) - уборка картофеля - август; ай бойиси барѳ-ѳ борун-а бѳсѳор шудан-ѳш хамачо сел шѳд (в-кр. Нушор) - по причине обильного выпадения дождей и снегопада повсюду образовались сели; и къртара баровардан-ѳ пушидан-ѳ кин-ай (с-к. Муллокони) - снимать и одевать это платье трудно;

д) может принимать суффикс множественного числа -о: ай омадано-т тоза бишуд доги дили ма (к.) /Амонов 1963,25(II0)J-от встреч с тобой (букво от твоих приходов) заныла рана сердца моего (фолькл.).

В южных говорах отмечено также употребление инфинитива с именным суффиксом -ак: ай. рафтанако-т -губор гира дили ма(к.) /Амонов 1963,29(75)-от расставания с тобой (букв. от твоих уходов) тоска охватывает душу (фолькл.).

Именные суффиксы -о и -ак при инфинитиве большей частью встречаются в фольклоре и эмоционально окрашенной речи. Морфологические показатели, присоединяясь к инфинитиву, несколько изменяют свое значение. Так, показатель множественного числа при инфинитиве указывает не на множественность, а на повторяемость, многократность названного инфинитивам действия, процесса ма садка шавум йакка-йакка гаштанако-т дар гушаи бонги мардумо шиштанако-т (к.) /Амонов 1963,62(266)/ - да буду я жертвой твоего хождения (букв.хождений) в одиночестве, твоего сидения (букв. сидений) на краешке крыши чужой. Суффикс -акв данном случае не столько характеризует действие, обозначенное инфинитивом, сколько выражает общую эмоциональную настроенность субъекта.

Энклитические местоимения при инфинитиве указывают на субъект, осуществляющий то или иное действие или пребывающий в каком-либо состоянии: болойи бьнг бърмадан-ш-а ай гъчо фамиди (в-кр. Нушор) - как ты узнала, что он поднялся на крышу? омадан-ът-а хело шъд? (с-к. Ховалинг) - давно ли ты пришел?

Во всех этих свойствах инфинитива в южных говорах неткаких-либо существенных отклонений от литературного языка /Расторгуева, Керимова 1964,139/.

В сочетании с личными формами глагола **гирифтан**-брать инфинитив используется для выражения приступа к действию или указания на продолжение процесса действия, начавшегося ранее: авли-ра руфтан бьгирен (рог. Билуч) - принимайтесь за подметание двора; мьрго ай ъсун омьдан мегира (г-к. Файзабад) -куры оттуда начнут подходить; соп-соп кард-ъ йофт-ъ сьрондан -ъш гьрифт (в-кр. Кушагба) - он на ощупь нашел и стал его выгонять; ай ису барф мехеза-йу чькри бьромаан мегъран (кр.Шуле) -с этой стороны снег подтаивает и начинает прорастать ремень; ба далели чийе лозим-ту боша гьръфтан гирен (ю-к, Ёл) - для чего бы вам ни потребовалось - берите себе.

Инфинитив употребляется также с модальным глаголом *тонистан /тунистан* - мочь; обычно при этом используется усеченная форма инфинитива, реже полная. Установить какую-либо закономерность в этом отношении затруднительно. Более частое употребление усеченной формы, возможно, связано с фонетической особенностью южных говоров - отпадением в беглой речи исходного *-и* (ср. *бъза* <бизан - бей, *бъби* <бубин - смотри, *и* <ин - этот).

В полной форме инфинитив в сочетании с *тонистан* отмечен как в постпозиции к нему, так и в препозиции: *вахте ки аво бисйор аурхастаст, самалот наметона омадан* (бд. Андароб) - когда погода очень облачная, самолет не может прилететь; *тъ хамихели наметуни кор кардан* (в-кр. Яхакпаст) - ты .так не можешь работать.

Усеченный инфинитив в сочетании с модальным глаголом *тунистан*, как правило, предшествует ему: *вегаумаам, ай чу-м хеста наметунъм* (в-кр. Нушор) - вечером пришел, с места встать не мог; *оварда-ш натунистъм* (в-кр. Кутлик) - принести его я не мог; *хами санго-ра бърда наметона* (кр. Хидмони) - эти камни он нести не может; *къдакдор шидем, дига хичо рафта натонистем* (кр. Хилмони) - появились у нас дети, больше мы никуда поехать не смогли; *по-м-а йаг чо бонда наметонъм* (рог. Балуч) - ногу никуда поставить не могу; *йа вахте йа касал-ъш мегира, ки не ба фъргардуни не ба хандоруни хап каа-ш наметуна* (ю-к. Ёл) - иногда он (ребенок) так разболеется, что ни гуляньем, ни смехом его не успокоить. Ср., однако: *чай-ът ни(з) наметуни хура* (в-кр. Шилбили) - далее чай свой 'ты не можешь выпить.

В одном примере, относящемся к каратегинским говорам, встречается инфинитив с префиксом *ме-*, выражающий многократность: *хъд-уг бигу ай вахтойи ба Фаргуна мерафтан-у меомадан-аг* (кр. Тегерми) - ты сам расскажи о временах, когда ты хаживал (букв. уходил и приходил) на заработки в Фергану. Поскольку других примеров нет, пока нельзя определить, является ли эта форма общеупотребительной в данных говорах или принадлежит к особенностям индивидуального стиля речи.

Деепричастие на -а

В отличие от литературного языка, в южных говорах встречается лишь одна причастно-деепричастная форма активного залога с формантом *-а* (типа: *хонда* - читанный; читавший; про-

чтя). Не отмечено в них употребление причастно-деепричастной формы настоящего времени активного залога (типа: хонда истода - читающий, читая) и двух форм пассива (хонда шуда - прочитанный и хонда шуда истода - прочитываемый, читаемый), свойственных литературному языку /Расторгуева, Керимова 1964, 157-160/.

Причастно-деепричастная форма на -а выступает в южных говорах в следующих значениях и функциях:

1) в качестве отлагательного прилагательного, т.е. собственно-причастном значении, - чаще всего в предикативной функции (как правило, в отрицательной форме с приставкой но-, значительно реже - в положительной форме): испирафка нопечаткарда бьдай (кр. Хаитг) - справка не напечатана, оказывается; хонахо норуфта (с-к. Ховалинг) - комнаты не подметены; чахдег ношуста монд (с-к, Ховалинг) - маслобойка осталось немытой; пахтай тоза ба хоб норасида (бд. Нут) - вата чистая, не подмоченная;

2) в функции деепричастия, обозначающего обычно действие второстепенное, сопровождающее главно, выраженное личными формами глагола; хона-на давида бьра (рог. Балуч) - домой бегом беги; хьд-шу бедарак рафтан, кофта найофтан (кр. Хилмони) - сами они зря пошли, искали - не нашли; риштара дьтора карда метовем-ьш (з-к. Туткаул) - шерстяные нитки мы ссучиваем вдвое; Тагойев съвор шида рафт (с-к. Ховалинг) - Тагоев уехал (сев) верхом; хами мавлакатында почо-ра заа хай кан (кр. Хилмони) - в этой стране изгнали царя; баэд йа коса-йа пьри ош карда пешьм-да монд (г-к. Файзабад) - потом, наполнив миску едой, поставил передо мной; ай тобини Йонахш чаем шида мийомадан (кр, Гофилобод) - из окрестностей Ёнахша, собираясь, приходили; сево соф халос шидан, чинда ба амбори калхос бурдан (ю-к. Давлатобод) - яблоки уже (совсем) кончились, собрав их, отнесли на колхозный склад.

В атрибутивной функции причастно-деепричастная форма на -а>как в литературном языке /Расторгуева, Керимова 1964, 169-170/, в южных говорах не отмечена.

Степень употребительности причастно-деепричастной формы в речи носителей южных говоров в функции предикативной (в деепричастных оборотах) и адверба, зависит от грамотности говорящего или степени его знакомства с северными говорами. Сугубо южной чертой, присущей всем южным говорам,

можно считать лишь употребление отрицательной формы с префиксом **но-** в функции сказуемого. И все же на данном этапе использование причастно-деепричастной формы в функции добавочного сказуемого представляется явлением, имеющим тенденцию к распространению в южных говорах и в повседневной речи их носителей. Фактически данные формы в функции деепричастия и адверба отмечаются почти во всех говорах южной группы, но степень их распространения и потребительности по всем говорам неравномерна: в одних они встречаются в единичных случаях, в других распространены более широко.

В бадахшанских говорах причастие на **-а** в качестве добавочного сказуемого в опубликованных материалах не встречается; исследователи этих говоров отмечают, что указанная форма используется главным образом при образовании сложных глагольных форм (перфектных, а также образуемых со вспомогательными глаголами) (Богорад 1963, 49).

В рогских говорах причастие на **-а** в функции добавочного сказуемого встречается очень редко, все имеющиеся примеры засвидетельствованы преимущественно в повествовательной речи бывалых людей или в фольклоре: ба пойиз сувор шида ба шари Тошканд рафтем, дар шари Тошканд хамбида ба исталов рафтем (ро. Ходжагалтон) - сев в поезд, мы поехали в Ташкент, в Ташкенте, сойдя (с поезда), пошли в столовую.

В остальных говорах южной группы, по сравнению с литературным языком и северными говорами, деепричастие на **-а** используется в качестве добавочного сказуемого весьма ограниченно.

Причастие на **-ги**

В отличие от литературного языка, в южных говорах встречается лишь две формы причастий на **-ги**: причастие прошедшего времени типа лит. **хондаги-** читавший, читанный) и причастие настоящего-будущего времени (типа **мехондагини-** читаемый, подлежащий чтению); полностью отсутствуют формы настоящего определенного времени (типа **хонда истодаги** - читающий, читаемый) и пассива (**хонда шудаги-** прочитанный и **хонда мешудаги** - прочитываемый, читаемый, подлежащий прочтению /Расторгуева, Керимова 1964, 173/. Форма причастия настоящего-будущего времени с приставной **ме-** не отмечена в бадахшанских говорах.

Указанные формы по значению не отличаются от соответствующих литературных форм, но имеют более узкую сферу употребления, чем в литературном языке и северных говорах. Причастия имеют двойное значение: причастий (отглагольных прилагательных) и имен действия (только причастие прошедшего времени, в отличие от северных говоров, где в этой функции может выступать и причастие настоящего-будущего времени /Расторгуева, Керимова 1964, 174/.

В функции имени действия причастия на -ги, как и в литературном языке, могут принимать показатель множественного числа -о, сочетаться с предлогами, послелогоми, принимать показатель изафета в изафетной конструкции, сочетаться с энклитическими местоимениями: и хамитари-ай аломати чола задагишон (с-к. Ховалинг) - это так, следы того, что они побиты градом (о плодах); ма лави дара мерам, чиндаги-ш-а хурд-ъш (з-к. Дарай Мургон) -иду я в ущелье, (а там) и то (что) собрано - съедено (о винограде); бъчин, бъшу, бъйор-шу, меборидаги-шун бъхъран (с-к. Муминабад) - собери, помой, принеси их, пусть поедят оставшиеся (т.е. те с дерева) упавшие).

Обе формы причастий на -ги (хондаги и мехондаги) употребляются в южных говорах в следующих функциях:

- в атрибутивной (в качестве определения): диди, хъдъш за севи пъхтаги-ра (с-к. Ховалинг) - ты видел, он сам сбил спелое яблоко; по-та ба чои оw рехтаги намон (с-к. Муминабад) - не ступай наполитое место; ба ма соз гърифтаги одам бузург ай (с-к. Ховалинг) - человек, поладивший со мной, - святой; мо ба чойи гирехтагии у рафтим (бд. Гармчашма) - мы пошли туда, куда он убежал; чамуси даридаги-расакал мегем (рог. Ходжагалтон) - рваные чамусы (сапоги) мы называем "сакал" - обноски; одами омааги мераван (кр. Хилмони) - пришедшие люди уходят; рузи ту умадаги пъл-а оwбурд (в-кр. Нушор) - в день твоего прихода вода снесла мост; тири андохтаги бача хато намехърд (г-к. Файзабад) - стрела, выпускаемая юношей, попала без промаха; примеры на причастия с приставкой: ин чизойиоwмедодаги нестай (с-к. Ховалинг) - это не нуждающиеся в поливе ра ме-стения; ма одами метарсидаги нестъм (г-к. Файзабад) - я не из пугливых (людей); одами сапро-да кор мекааги (кр. Поджеи Поён) - человек, работающей в поле; чойи илм мебървардаги-шън Бухоро бъд (в-кр. Шилбули) - местом, где они получали образование, была Бухара; мощинаи Гълистон

мерафтаги бъйовен, баъд бърен (с-к. Ховалинг) - найдите машину, идущую в Гулистон, потом поедете;

- в предикативной (в качестве сказуемого); при этом формы причастия могут как осложняться, так и не осложняться грамматическими формантами.

Причастие на -ги в функции сказуемого без дополнительных грамматических формантов обычно не соотносится с определенным периодом времени и обозначает постоянное действие или состояние, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем: ай Фалхор омадаги (с-к. Ховалинг) - (они) приехали из Пархара; о, ича чой дам кадаги, широ хънък шъдаги (с-к. Дарай Мири) -о, здесь чай заварен, молоко остужено; вай холи пенса баромадаги (кр. Джавони) - теперь он вышел на пенсию; уно аз Хуросон омадаги (бд. Багуш) - они пришли из Хорасана. При наличии соответствующих обстоятельственных слов причастие указывает на действие, связанное с прошедшим временем: мирос аз кадим мондаги (бд. Ямг) - наследство, оставшееся с былых времен; авало ин кала кардаги йак узбак (бд. Сист) - поначалу эта крепость была построена каким-то узбеком.

Причастия прошедшего времени на ги с глагольной связкой в зависимости от общего смысла высказывания и наличия соответствующих слов, уточняющих время действия, могут выражать действие прошедшее: мо хам вахт-ъш-да малими-палими кардаги-ем (кр. Навде) - мы в свое время тоже поучительствовали; йа одам пеш умадаги-ай (в-кр. Яхакпаст) - один человек когда-то (раньше) пришел; модар-ъш мурдаги-ай (кр. Хилмони) - мать его умерла; а также только от глаголов состояния действие настоящее: ай кигачи девол шилтаги-ай (с-к. Ховалинг) - сидит в углу у стены; в сев пъхтаги-ай. зарар-ъш намерасона (с-к. Муминабад) - это яблоко спелое, вреда от него не будет.

С вспомогательным глаголом будаи -быть(в форме прошедшего времени или перфекта)причастия, в том числе и от глаголов состояния, указывают на прошедшее время: Давлатуф неши хунаирайшолк-да шиштаги бъд (с-к.Муминабад) - Давлатов проживал возле райшелка ; кадом ғолимОwвот кааги бъдай (кр. Хилмони) -какой-то ученый основал; у-ш-а ука намедонум, рафтаги набъдум (кр. Дегаи) - то (место) я не так хорошо знаю, (туда) не ездил.

В субстантивном значении (в качестве имени действия), причастие на -ги может образовать множественное число с по-

мощью суффикса *-хол-о*, употребляется с предлогами и послелогами, сочетается с личными местоимениями, местоименными энклитиками, как правило, указывающими на субъект действия, а также быть первым членом изафетной конструкции: ай умадагии гъ исъ хаво ика гарм шъдас (в-кр. Нушор) - со времени твоего приезда погода потеплела; мо рафтаги-нда шав торик бъд (в-кр. Шилбили) - во время нашего отъезда ночь была темная; йа рафтаги-м-да бист-ъ чор сол зиндаги кааги (кр. Хилмони) - с тех пор как я уехал, (он здесь) двадцать четыре года живет; хаму рафтаги-ш найома, чо шъд? (с-к. Ховалинг) - со времени его ухода так и не приходил, куда девался? Причастие на *-ги* в качестве отглагольного имени действия (в роли существительного) может означать деятеля, например: хами гизаштагиho меган (кр. Поджеи Поён) - так говорят предки (букв. ушедшие); для южных говоров такое явление редко и охватывает небольшой круг глаголов.

В рогских и бадахшанских говорах причастие на *-ги* в качестве имени действия не отмечено.

Причастие будущего времени на *-и*

В южных таджикских говорах встречаются две формы причастий будущего времени: форма, образованная именным словообразующим аффиксом *-и* от полного инфинитива (хондани - намеревающийся читать; подлежащий чтению) и форма, образованная именным словообразующим аффиксом и префиксом *ме-* от полного инфинитива: мехондани - намеревающийся читать; предназначенный для чтения.

Первая форма - причастие будущего времени' иа *-и* выступает в следующих значениях:

1) Оно употребляется как отглагольное имя со значением либо намерения совершить данное действие. либо указания на цель действия; в этом значении данная форма употребляется в основном при глаголах движения в синтаксической функции обстоятельства цели: пъле найофтем хундани бърем (в-кр. Куглик) - мы не нашли (не заработали) денег (чтобы) поехать учиться; чошти мо мактаб меремхондани (рог. Ходжагалтон) - в полдень мы идем в школу учиться; чуфтакийо ай ошгъзаштани умаан (кр. Хилмони) - пахари пришли, чтобы переправиться через реку; киистун-а дидани умадай? (с-к. Даштиджум) - ты приехала поглядеть на страну гор?; бегаихоно хундани рафтан (з-к. Саталмуш) - те, кто учатся в вечернюю смену, пошли учиться; бъз-а фърухтани мебаръм (рог. Балуч) - я веду козу продавать.

Если причастия на -ги в функции отглагольных имен действия инфинитив приобретают все грамматические особенности существительного (употребляются с показателем множественности хо-, энклитическими местоимениями, предлогами и послелогоми, вступают в изафетную связь), то причастия будущего времени имеют в этом отношении некоторые ограничения. Так, примеров употребления причастий будущего времени с суффиксом [множественности в материалах южных говоров не обнаружено. В южных говорах в глагольных сочетаниях с этими причастиями в функции отглагольного имени действия, как правило, преобладает беспредложное управление: хондани-ш (ср. лит. уро ба хондан) файрод кардан (рог. Ходжагалтон) - его вызвали на учебу. Из сочетаний с предлогом отмечаются преимущественно причастия будущего времени с предлогом ай: Сағидкъл найомадай ай хундани? (с-к. Ховалинг) - Саидкул не пришел с уроков? Употребление причастий будущего времени в глагольных словосочетаниях без предлогов и послелогов определяется их синтаксической функцией, семантикой управляющих ими глаголов (чаще глаголов движения).

2) В качестве отглагольного прилагательного с оттенком возможности совершения действия причастие на -и (без ме-) может выступать в роли определения: севи хурдани имруз нестай, хама олак-ай (с-к. Ховалинг) - яблок, годных для еды, сегодня нет, все порченные.

3) Оно употребляется также в качестве предиката со значением намерения: йа хамнишин доштем, ваййак вахто хамича меоя, камтар асал гирифтани мешава, бад йаг битон мепърса (кр. Нимич) - был у нас сосед, однажды приходит он сюда, собрался меду взять и попросил бидон; йа Фарм рафтани шави. дъ руз, се руз хавора мешай (в-кр. Хичборак) - соберешься в Фарм поехать, - два-три дня (на это) потратишь; кадумотун рафтани боше. бъре (в-кр. Куло) кто из вас собирается ехать. поезжайте; у хундани бъдай (с-к. Ховалинг) - он намерен учиться.

Кроме причастий, для выражения намерения в южных таджикских говорах используются и другие средства (см. "Синтаксис"). В частности, в кулябских говорах засвидетельствована отглагольная форма равнот глагола рафта, которая употребляется со спрягаемым вспомогательным глаголом будан: апа-м ба кишлок рави бъд-ъ неки рафта натунист (к.) - моя старшая сестра собиралась идти в кишлак, но пойти не смогла;

мъ бозор рави бѣдъм (с-к. Ховалинг) - я собирался идти на базар. Форма эта встречается редко, чаще подобные инструкции намерения передаются при помощи рассмотренного выше причастия будущего времени: апа-м кишлок рафтани бѣд (к.)-моя старшая сестра собиралась идти в кишлак.

Вторая форма- причастие будущего времени на -и с префиксом ме— употребляется в южных говорах в двух функциях:

1) в качестве отглагольного прилагательного с оттенком значения возможности совершения действия: дѣхтари мешудани базѣб дѣхтари Нурали-ай (с-к. Ховалинг) - красивая, стоящая, девушка - это дочь Нурали; мехурдани нестан ин мъруто (кр. Нимич) -эти груши не для еды (несъедобные);

2) в качестве предикатива (со связкой или без нее) при выражении намерения совершить действие: мегърѣфтани бошъм, ме-гъръм (в-кр. Куло) - если решу жениться, то женюсь (на ней); вай оли мактаб мерафтани (в-кр. Кушагба) - сейчас он собирается в школу; зан-ша дар чойи мѣн-ѣнда таѣин мекардани (кр. Хаит) -свою жену он прочит на мое место.

В каратегинских говорах причастие будущего времени на -и от глагола гуфтан употребляется в синтаксическом обороте называния (синонимичном оборотам называния с причастием прошедшего времени на -ги): Шахкандаги гуфтани агба-йай, ай хаму гузашта рафтан (кр. Чинор) - есть перевал, называемый Шахкандаги, через него они прошли; чаткал гуфтани йа дѣрахт-ай (кр. Шуле) - есть одно дерево, называемое чаткал; ай Намангон усун Поп гуфтани чо бѣдай (кр. Шуле) - в стороне Намангана было селение (местечко)под названием Пап. Ср. причастие на -ги: бугма гѣфтаги-алаф-ай (кр. Джавони) - это трава по названию "бугма"; агарки рафти, Шарипуф Шомамад гуфтаги одам-ай (кр. Чинор) - если уж ты собрался пойти, есть (там) человек по имени Шарипов Шомамад.

Причастие на -анда, деепричастие на -ои, причастие на -ш, -д.

Деепричастие настоящего времени с суффиксом -ои/-уу употребляется в южных таджикских говорах:

1) в качестве именной части сложного глагола: гирийон (из гириондан) кардан - зажгаты ало=ѣш=а гирийон кѣнъм? (с-к. Ховалинг) разведу огонь (в очаге)? гирийун (из гиристан) шидан (с-к. Ховалинг) плакать; равон кардан (рог., бд.) - отправлять;

мъ-ра раwon каст (рог. Афтобзамин) - он отправил меня; овезон кардан (бд.) - подвешивать:

2) в адвербиальный функции: пурсон чои Хуросон (бд. Нуд) - расспрашивая, до Хоросана (дойдешь).

Архаичное причастие на **-т-д**, зафиксированное в ряде таджикских говоров (центральных и юго-восточных), для южного типа таджикской глагольной системы в целом не характерно. По отдельные примеры его употребления встречаются в каратегинских говорах: мийон-ъм дард кьна мебъръм партофт-ъш (в.-кр. Нушор) - если у меня заболит поясница, я ее рассеку и выброшу; мийом мешинум баст-уш бърафт (кр. Майдон) - приду, посижу, свяжу его и уйду /Расторгуева 1964, 104/.

В приведенных примерах указанная форма выражает будущее время.

Структура глаголов

Простые глаголы

Суффикс **-он/-ун** в южных говорах, как и в литературном языке, образует каузативные, или понудительные глаголы как от непереходных, так и от переходных глаголов: **чушондан** - кипятить, **пусундан** - гноить, **шинундан** - сажать, **хунундан** - учить кого -либо, **ховундан** - укладывать спать, **убаюкивать**, **пушондан** - прикрывать; **одевать**, **хурундан** - кормить, **резундан** - проливать, **просьпаты** и др.

Примеры: пага майлиси падар-ъ модарон-ра мезгарунем (с-к. Муллокони) - завтра мы проведем родительское собрание; хамуно-ра сейум гъзарундан (кр. Сайидурн) - их перевели в третий класс; хисейн-а **ховун-ыш** хеле мечога (в.-кр. Ярхаб) - уложи спать Хусейна, опять он орет; хами-ра хунундум-ъш (в.-кр. Шилбили) - вот этого я учила; занак-ра ай мошин мехамбонъм (ю-к. Учкул) - женщин я высажу из машины; ино-ра гирезоцдан-ъш дар шахо (бд. Козиде) - их заставили убежать на скалы; талок-ъш гирондъм (с-к. Каланак) - я заставил ее взять развод; борун мавизо-ра пусун(д), тушко-ра пусун(д) (с-к. Шугноу) - дождь сгноил (засохшие) ягоды, сгноил картофель.

Специфическим диалектным явлением, отмеченным среди южных таджикских говоров только в каратегинских, можно считать употребление всего в нескольких глаголах наряду с суффиксом **-он**, суффикса **орон/-орун**: **афторундан** - валить, **галторундан** - ронять, **хезорундан** - поднимать, **хандорундан** - сме-

шать учить, печорундан -заворачивать. Впервые это явление было зафиксировано Розенфельдом (А.З.Розенфельд 1960, 16).

Примеры на употребление глаголов с суффиксом **-орун/-орун**:чодир дъ-та мекънан мепечорунан (в-кр. Калай Лаби Об) - складывают полотно вдвое, заворачивают (покойницу); коре мекъне,ки мехмуно-ра мехезоруни (в-кр. Нушор) - как-нибудь поднимешь гостей. Интересен тот факт, что употребление понудительных глаголов с суффиксом **-орун** отмечено также у выходцев из Каратегина, населяющих кишлаки других районов Таджикистана, например, Зидды в долине р.Варзоб.

Как и в литературном языке, в южных говорах имеются приставочные глаголы. Например, с приставками **дър-** (**дърмадан// дърмадан**<даромадан - входить, **дъровардан**<даровардан - вносить; вводить), **бар-/вар-/вар-** (**бърмадан**-выходить, **бъровардан**-выносить, **бархурдан/вархърдан/вархърдан** -сталкиваться; встречаться; **бардоштан/ вардоштан**-поднимать), **фъру-/фаро-** (**фаромадан//фърмадан**-одниматься) и некоторыми другими. Однако, этот способ словообразования не является продуктивным.

В южных таджикских говорах, в отличие от северных говоров и литературного языка, имеются глаголы, употребляемые как бы в усеченном виде: **дохтан** (повсеместно) - помещать, ср.андохтан; **ровардан** (к.) - вынимать, ср. баровардан; **меройам** (к.) - поднимусь, ср. мебароям.

В глагольной системе южных говоров глагольные словообразующие приставки, как правило, являются неотъемлемой частью основы и все формообразующие элементы предшествуют им, например, **медъром** медароям - вхожу, **бъбройа**<бибарояд - пусть выйдет. Однако приставки **бар-** в глаголе **бархурдан** и **дар** - в **даркашидан** обнаруживают некоторую самостоятельность, что проявляется при сочетании этих глаголов с формообразующими элементами, присоединяющимися непосредственно к основе глагола и отделяющимися от неё приставку: **хамара аждъор дармекашад** (с-к. Токак) - все проглатывает дракон; **тухсабо-да варнамехърдъм** (кр. Хилмони) - с "тохсабо" (уст. назв. чина в Бухарском эмирате) я не сталкивался.

Сложные глаголы

Сложноименные глаголы

Модель построения сложноименных глаголов в южных говорах та же, что и в литературном таджикском языке. Они обра-

зуются путем сочетания какой-либо именной части речи, преимущественно существительного или прилагательного, с глаголом. В качестве вторых компонентов этих сочетаний более всего употребительны глаголы **кардан** - делать при образовании сложноименных глаголов переходного значения, и **шидан** < **шудан** - становиться, делаться при образовании глаголов непереходного значения: **дур кардан** - кончать, **дур шудан** - кончаться; **къл кардан** (рог.) - кончать, **къл шидан** - кончаться, например: **канд-ъм-а соф къл кардъм** (рог. **Ходжагалтон**) - я свой сахар совсем закончила (съела); и **накл-ъш къл нашид** (рог.) - этот его рассказ не кончился.

При образовании сложных глаголов в южных говорах в качестве второго компонента используются следующие глаголы:

- додан** - давать: **чабоб додан** - отвечать, **ғам додан** - беспокоить, **фър додан** - бросать;
- гърифтан** - брать: **мазмун гърифтан** - дразнить, **чъкак гърифтан** - протекать (о крыше), **дард гърифтан** - заболеть;
- задан** - бить: **сих задан** - колоть, **совунзадан** - мылить, **гум задан** - заблудиться;
- хурдан** - есть: **лат хурдан** - удариться, **чанг хурдан** - ссориться, **хъмр хърдан** - прожить;
- доштан** - иметь: **дуст доштан** - любить, **фарйод доштан** звать, кричать, **гирйа доштан** - плакать, **хошдоштан** - хотеть спать;
- дидан** - видеть? **шум дидан** - ненавидеть, **питать отвращение**;
- кашидан** - тянуть: **азов кашидан** - страдать, **буш кашидан** (рог.) - отхлебнуть, **дуғ кашидан** - сбивать масло;
- бастан** - вязывать: **нон бастан** - печь лепешки;
- дохтан** (андохтан) - помещать: **караки дохтан** - притворяться неслышащим;
- йофтан** - находить: **дил йофтан** - угождать, **гудак йофтан** - родить;
- гаштан** - ходить: **фър гаштан** - вертеться, крутиться.

В использовании глагольных компонентов сложных глаголов в южных таджикских говорах наблюдаются некоторые отличия по сравнению с другими говорами и литературным языком. Так, например, наряду с литературным **дард кардан** - болеть в южных говорах употребляются также варианты с другими глагольными компонентами: **дард йофтан**, **дард хурдан**. В юж-

ных говорах **об гирифтан** в определенном контексте означает «полить воду на руки гостю» (перед угощением), в литературном языке и в северных говорах этот глагол имеет другие значения, например, «наливаться соком», «менять воду при стирке» (Хаджиев 1952, 126).

В южных говорах наряду с литературным **умр дидан** - жить, прожить употребляются **хъмр хърдан**. Повсеместно в южных говорах литературному глаголу **нон пухтан** - печь лепешки соответствует **нон бастан**; литературному **гум кардан** - терять соответствует **гум задан**.

Как правило, вторым (т.е. глагольным) компонентом в говорах бывают общетаджикские глаголы, но не диалектные (в противоположность первому, именному компоненту). Неупотребительны в качестве компонирующих глаголов **намудан** (синоним глагола **кардан**) и **гардидан** (синоним «шудан»), которые и в литературном таджикском языке свойственны преимущественно высокому стилю речи и книжному языку.

Глаголы **задан** - бить, **гърифтан** - брать, в зависимости от значения именной части могут оказаться в составе сложных глаголов с переходным значением - **сих задан** уколоть, **мазмун гърифтан** - дразнить) и непереходным **хуфа задан** - кашлять, **чъкак гирифтан** - протекать).

Первый компонент сложных (сложноименных) глаголов чаще всего представляет собой имена существительные различной семантики. Как и в литературном языке, это могут быть:

Существительные, обозначающие: а) название действий, состояний: **рохи кардан** - направлять, **ошнои кардан** - здороваться, **обнимая и целуя в щеки** (о женщинах), **кор кардан** - работать, **пъдъст кардан** - поручать, **катаги кардан** -важничаться, **гъмр хурдан** - жить, **мъхшул шидан** -заниматься (чем-либо), **везох кашидан** - стыдиться, **чуфт рондан** - пахать упряжкой быков; б) названия конкретных предметов, веществ: **овшидан** - таять, **сомуи задан** - мылить, **дъст гърифтан** -поддерживать, **дил кашидан** - стремиться, **чаши кардан** -сглазить, **тамба кардан** - подлизывать, **гъл кардан** - цвести; **покрываться сышью**, **чарм кардан** -маслить (волосы), **дув кашидан** - сбивать масло, **пълуш кардан** - вдевать нитку в иголку; в) явления природы; **афтовзадан** - светить, **проглядывать** (о солнце), **шамол хурдан** - простужиться, **хаво кардан** - проясняться (о погоде); г) звуки: **файрод/фарйод доштан** - звать, **подзывать**, **кев кардан** - кричать, **вызывать**,

кыгър кардан - кричать; д) изобразительные слова: диррас задан - дрожать, кълапаст кардан - трескаться, лопаться, кърупаст кардан трещать, шараст/ шърахаст рехтан - низвергаться с шумом (о во-де); фишшаст кардан - шипеть; издавать сильный свистящий звук.

В качестве именной части сложноименных глаголов обычно употребляется слово-основа или слово с суффиксом (чаще **-и/-ги**), придающим ему значение процесса, действия, состояния: рохи - направившие, ошнои - обмен приветствиями, поцелуями (при встрече), катаги - важничание, спесь.

Первым компонентом сложных глаголов могут выступать также повторы: соб-соб кардан - шупать, фъс-фъс кардан - сопеть, шмыгать носом (бд.Козиде), теф-теф кардан - трепыхаться, хлопать крыльями, гърд-гърд гаштан - кружить, бродить, хай-хай кардан - гнать, отгонять. Пример во фразе: бърен гъндышкора хай-хай кънен (с-к. Муллокони) - идите, прогоните воровьев;

-прилагательные качественные и относительные разной семантики: съфед кардан - белить, съфед шидан - белеть, зард шидан - желтеть, сърх шъдан - краснеть, ката шидан - взрослеть, хънък хурдан - мерзнуть, мачмур/мачбур кардан - принуждать, тар кардан - мочить, ръжд кардан - сглаживать; смазывать, пър шидан - наполняться, пър кардан - наполнять;

—наречия: хадахо кардан - спешить, кати кардан - смешивать;

- отлагательные имена, представленные: а) ничем не осложненными основами глаголов прошедшего времени (древние причастия прошедшего времени) и основами настоящего времени: омъхт шудан - привыкать, йофт шудан - найтись, буд кардан - выполнять, осуществлять, гир кардан - останавливать, гир шидан - останавливаться, дав додан/дохтан - давать ростки, пускать побеги;

б) деепричастиями на **-ои/-ун**: хандун кардан - насмешивать, пърсун/пурсон кардан - расспрашивать, равон кардан - отправлять;

в) причастно-деепричастной формой на **-а**: омъхта шидан - привыкать.

В говорах отмечены также сложные глаголы, первый компонент которых - слова, заимствованные из русского и представляющие собой несколько искаженные глагольные формы повелительного наклонения или инфинитива (мешай кардан - ме-

шать, гулай кардан - гулять, зъванит кардан - звонить по телефону) или имена существительные (перириф шидан - сделать перерыв, уйти на перерыв, телифун кардан - звонить по телефону).

В целом именная часть сложных глаголов южных говоров широко представлена не только общетаджикскими словами, но и диалектными, например, повсеместно: дангал кардан - кидать, кънд кардан - уменьшать пламя, кълет чазирбод кардан - разорять, а также: кабу кардан (бд.Козиде) - настораживаться, буш кашидан (рог.)-отхлебнуть, саро кардан (ю-к., рог.)-подниматься (см.также раздел "Лексика").

С точки зрения степени слитности компонентов сложные глаголы южных говоров обнаруживают, как и в литературном языке /Расторгуева, Керимова 1964, 23-26) довольно сложную картину вплоть до полного их сращения в идиому. В большинстве сложных глаголов в грамматическом отношении наблюдается относительная самостоятельность их составных частей. Именные компоненты глаголов переходного значения могут оформляться местоименными энклитиками, выражающими прямой объекту: Солехамо тела-м дод (з-к. Девбуль) - Солехамо толкнула меня; дар-а тамба-ш къ (в-кр. Дашти Майдон) - притвори дверь подпоркой; хай-ъш къ -прогони его.

Порой бывает трудно отличить свободное словосочетание от фразеологического - сложного глагола, в таком случае помогает контекст: ср. ба зъминов додан - поливать землю и свободное словосочетание в предложении «ба асп-а оИнаметен?» (с-к. Муминабад) - не напоите ли вы лошадь? /не дадите ли лошади воды?

По структуре и употреблению сложноименные глаголы южных говоров сходны с литературным языком, некоторые особенности могут проявляться лишь в их составе и семантике, о чем упоминалось. Это, во-первых, - широкое употребление диалектных слов в качестве именного компонента; во-вторых, - использование наряду с литературным иных вариантов вспомогательных глаголов (в том числе диалектных) в качестве вторых компонентов сложных глаголов аналогичной семантики; в-третьих, - несовпадение семантики (сравнительно с литературным языком) некоторых сложных глаголов аналогичного компонентного состава (ср. дур шудан "кончатся, иссякать", но лит. "удаляться", тийор кардан "закончить", нолит. тайёр кардан "(под)готовить", халос кардан "кончать, завершать", нолит. "избавлять, спасать"; в-четвертых, - более интенсивное, чем в со-

временном литературном языке, использование глагольных элементов в качестве первого компонента сложноименных глаголов (пурсон, дав и др.).

Одной из отличительных особенностей сложных глаголов в го-ворах является широко распространенное явление оформления их именной части местоименными энклитиками.

Сложнодеепричастные глаголы

Сложные глаголы, состоящие из двух глаголов: основного и вспомогательного, или модифицирующего, т.е. придающего всему сложному глагольному образованию разнообразные дополнительные видовые и смысловые оттенки -распространены и в южных говорах. Однако степень их распространения и употребительность в речи не столь широка, как, например, в северных говорах и литературном языке. Неравномерно распространены они также в различных говорах самой южной группы. Более употребительны сложнодеепричастные глаголы в кулябских и каратегинских говорах, в рогских они развиты очень слабо, в бадахшанских же вовсе не употребительны.

Детальная характеристика строения и значений рассматриваемых глаголов на материалах литературного таджикского языка представлена в исследованиях по таджикскому глаголу (Расторгуева, Керимова 1964, 211-288; Расторгуева 1954, 562-563; Розенфельд 1953,6; Забони адаби 1943, 322-324). Результаты изучения сложнодеепричастных глаголов в таджикских диалектах в той или иной мере содержатся в диалектологических исследованиях. Наиболее полные их характеристики представлены в трудах по изучению северных таджикских говоров (Расторгуева 1952₁, II0-II6; 1952₂, 162-167; 1956₃ 94-97; 1961₄ 43,165; 1964, 101),южноферганских, ленинабадского, канибадамского, варзобского говоров, байсунских таджиков, таджиков Бухары, говоры таджикоязыных арабов (Керимова 1959, 48-51; Хромов 1962, 65-66; Хамракулов 1963,98-105; Эшнӣёзов 1967, 76-77):Джураев,1975 т.е. именно тех говоров, где они имеют значительное распространение.

Опубликованные материалы по диалектам таджикского языка показывают, что сложнодеепричастные глаголы, являясь собой единое понятие, по типу соединения их компонентов имеют две разновидности. Первую составляют глаголы, в которых основной глагол стоит в форме деепричастия, а модифици-

рующий - в любой глагольной форме, чаще спрягаемой. Вторая - состоит из образований, в которых оба глагольных компонента стоят в одной и той же спрягаемой форме; иногда составные части глаголов этого типа связываются соединительным союзом -у. Сложные глаголы второго типа в литературе принято обозначать термином "парные глаголы".

По соотношению компонентов глаголы первой группы (баромада рафт - он ушел; хонда дод - он (кому-л.) прочел) представляют собой более слитное образование, в котором роль второго компонента как вспомогательного проявляется сильнее, чем его лексическое значение, в ряде случаев совершенно стирающееся. В глаголах же второй группы (в парных глаголах типа «хестам рафтам» - я поднялся и ушел) спаянность компонентов ощущается слабее.

В глаголах первой группы типа хеста мерем <хеста меравем - (поднявшись) уходим отчетливо ощущается ударение, лишь на одном из компонентов, в то время, как в глаголах второй группы типа хестам рафтам - я поднялся и ушел четко прослеживается ударение на каждом компоненте, поэтому в речи парные глаголы более выразительны (Цураев 1975, 177). К тому же в зависимости от семантики парных глаголов, один из их компонентов не столько модифицирует значение другого, сколько подчеркивает и усиливает его, придавая особую выразительность подобным сочетаниям.

Как уже упоминалось, сложнодеепричастные глаголы в целом не характерны для южных говоров, однако под влиянием литературного языка и в результате междиалектных контактов они получили некоторое развитие в повседневной диалектной речи.

В материалах по южным говорам засвидетельствованы сложно -деепричастные глаголы как первой группы (основной глагол в форме деепричастия на -а), так и парные глаголы. Причем в говорах более распространены парные глаголы.

В качестве модифицирующих используется одиннадцать глаголов: рафтан - уходить, омадан - приходиться, бурдан - нести, гирифтан - брать, додан - давать, баромадан - выходить, гаштан - ходить, шиштан - сидеть, овардан - приносить, паргофтан - бросать, истодан - стоять (известно, что в литературном языке их число достигает пятнадцати) (Расторгуева, Керимова 1964, 212). А в северных говорах, особенно в бухарском - до двадцати одного (Керимова 1959, 48). Степень употребительности и

распространении этих глаголов внутри южной группы различна по говорам. Наиболее распространены в этой функции в каратегинских и во всех кулябских говорах глаголы **рафтан** и **омадан**.

О малой употребительности сложнодеепричастных глаголов в южных говорах свидетельствует сравнительно небольшие количество примеров с ними в материалах. Парные глаголы употребляются в говорах главным образом в простых глагольных формах или в стяженных, ставший простыми: в формах повелительного наклонения: хамийо-ра гьнд-ъш бькъ бьги (кр. Гофилобод) - вот эти, собери их; в простом прошедшем времени: алов-ъш мурд рафт (с-к. Муминабад) - огонь погас; в перфекте I: хаму руз гьрехтас бьрафтас (в-кр. Нушор) - в тот же день он убежал; в настояще-будущем: дил-ъш бьхоџа мегъра мерана (с-к, Хонако) -если пожелает, заберет; в аористе: йагон гапи носоз нагем, ки бьнависи бьгири (кр. Гофилобод) - как бы не сказали мы чего -нибудь неподходящего, а ты запишешь; в прошедшем длительном: хар мо бистангаи мийовар(д) мехърд мегашт (кр. Гофилобод) -каждый месяц он приносил по двадцать танга, тем и жил. Отмечен единичный пример употребления парных глаголов в форме причастия на -ги глагольной связкой: дьсат метир шьг девдаги ай (< давидаги) рафтаги ай (кр. Хилмони) - на двести метров протянулся плетень.

Значения глаголов-модификаторов как в парных глаголах, так и в собственно сложнодеепричастных те же, что и в литературном языке. Однако даже наиболее употребительные глаголы не имеют в южных говорах того разнообразия смысловых оттенков, которыми они обладают в литературном языке.

Модифицирующие глаголы в рассматриваемых говорах в зависимости от семантики основного глагола в одних случаях сохраняют свое основное значение, в других лексическое значение настолько ослабляется, что такой глагол может служить выражением чисто грамматического видового значения. Обычно более ярко выявляется лексическое значение вспомогательного глагола, если оно сближается со значением основного глагола, например: кучид бьрафт (в-кр. Хичборак)- - он переселился (кучидан - переселяться, рафтан - уходить, уезжать). В этом случае и основной глагол кучидан, и вспомогательный рафтан обозначают передвижение, уход, и первичная семантика глагола рафтан выявляется достаточно отчетливо. В предложении: мардумо мурдан рафтан (ю-к. Саричашма) -люди умерли-глагол

рафтан приобретает служебное значение и придает основному глаголу видовой оттенок завершенности, окончательности действия, необратимости процесса.

В южных говорах используются следующие глаголы модификаторы, обладающие различными грамматико-семантическими оттенками:

рафтан: а) с глаголами движения указывает на удаление: *ди-гао бърмаа бъррафтан* (кр. Хакими) - другие уехали (совсем); *Дъшамбе мекучам мерам* (г-к. Файзабад) - я переселюсь (перееду) в Душанбе; *мън ки ай майлис бъргардам бъррам*, дар дари хунаи мо йак одам (г-к.) - когда я вышел с собрания - у дверей моего дома какой-то человек; б) обозначает развитие действия, его результат: *хамтари шъдем бъррафтем* (с-к. Муминабад) - вот такими мы стали (после болезни); в) усиливает значение необратимости, безвозвратности при глаголах, обозначающих гибель, ущербное действие: *мардъмо мърдан рафтан* (ю-к. Саричашма) - (все) люди погибли (умерли); *сел умад мардъм-а чикида рафт* (кр. Хилмони) - прошел сель (грязевой поток), людей снес (придавил);

Омадан выражает действие с оттенками приближения и результативности: *бадав мераи мусъфедо-ра мегуй мейой* (с-к. Муминабад) - бегом сбегай, скажи, старикам; *хаминча мекучи меои?* (з-к. Бальджуан) - ты переселишься сюда? *дидъм-ъш бо хамбида омад* (с-к. Ховалинг) - я его видел, он снова спустился; *ай тобини Йонахш чаем шида мийомадан* (кр. Гофилобод) - собрались из окрестностей Ёнахша; *хестъм саг-а рагири*, ки шълонпас зад омад (ю-к. Учкул) - я (только) встала попридержать собаку, как она вдруг накинулась (на входящего).

Остальные глаголы-модификаторы отмечены в южных говорах в единичных случаях и обычно выражают одно какое-либо значение:

гърифтан - указывает на действие, совершаемое для себя: *йагон гапи носоз нагем*, ки бънависи бъргири (кр. Хилмони) - не наговорить бы нам чего-нибудь неподходящего, а ты запишешь (себе); *одамон шар омада лъгат каа мегърифтийан* (кр. Хилмони) - люди, приехав в город, все расхватывают;

додан - указывает на действие, совершаемое для кого-л.: *чи хел боша мелушунъм метъм* (в-кр. Хаит) - что бы там ни было я покрою (сделаю кровлю); *ба омада зъмн-а һъкмкада додан һокимо* (кр. Гофилобод) - по прибытии правителя порешили раздать землю;

бурдан - указывает на завершенность действия: перор борун борида вьд, хама-ра руфт бурд (кр. Хилмони) - в позапрошлом году ливень был, все смыл подчистую; да хурчин дохтаст-ыш бурдаст-ъ-ш (в-кр. Нушор) - схватил, сунул его в хурджин (переметную сумму); чизе бьд руфт бурд хамин занак (в-кр. Хичборак) - все, что было, начисто унесла эта женщина;

гаштан и истодан - сообщают действию или состоянию оттенок продолжительности, длительности, причем в них сохраняется основное содержание лексического значения (гаштан - глагол действия, истодан - состояния): ть чи кор кардай гаштай? (з-к. Девбуль) - что ты подделываешь? оли-йам сариштаи хама-ра карда гаштийам (г-к. Файзабад) - вот и теперь я его все опекаю; уво-ра дьеокарда бестьм? кор-а ки мекьна? (з-к. Саталмуш) - я с ними буду ругаться? а работать кто будет? намешини, ма чапоти карда меистам (с-к. Муминабад) - не посидишь ли, я (лепешки) буду печь; то омадани мо-йа уво хурда меистодан (с-к. Чарги Боло) - до нашего прихода они ели;

баромадан - указывает на однократность совершаемого действия: хай ма хама идора дьвида бьром-ъ ба равьм (г-к. Файзабад) - ну вот, сбегаю, в эту контору, да потом поеду;

овардан - сохраняя свое основное лексическое значение, придает действию оттенок завершенности: у кьзьки-ш кад ду санг гандьми съфедак ай Каротегин гьрифта овард (з-к. Девбуль) - из интереса он привез из Каратегина два санга пшеницы сафедак; бьзо-ра бьги бьйор (с-к. Муллокони) - приведи коз;

партофтан - также сохраняя свою основную семантику, придает действию оттенок удаления, устранения: чан сол бунго-ра канда партофтай (кр. Хилмони) - уже несколько лет, как крыши посрывали; сават-а мебара мепартойа (кр. Гофилобод) - корзину он относит;

Таким образом, в южных говорах сложнодепричастные глаголы - явление новое, о чем свидетельствует их ограниченное употребление в речи, а также наличие сравнительно небольшого числа модифицирующих глаголов и их немногозначность.

Одной из причин редкого употребления в южных говорах собственно сложнодепричастных глаголов является, по-видимому, ограниченное употребление в этих говорах депричастия в качестве добавочного сказуемого. Вместе с тем, нельзя не констатировать, что в целом в южных говорах сложные глаголы данного типа имеют тенденцию к развитию и распространению;

более широко здесь распространены парные глаголы, в частности сочетающиеся по способу примыкания. Подобные глагольные образования развиваются не только благодаря внешним факторам (влияние литературного языка и проч.), но и на основе тенденций внутреннего характера, свойственных самим южным говорам. В частности известно широкое распространение в южных говорах простых предложений с несколькими однородными глагольными сказуемыми, см., например: шьмо камтар бестен, ма и шира ха́ми мардак-да бьтум бьйом (с-к. Ховалинг) - вы немного побудьте, я это молоко тому человеку отдам (и) приду; таваки калуни мь-ра бьйор бьте-м (с-к. Дарай Мири) - мое большое блюдо принеси (и) дай мне; навли-ра, Чамол, хе бьра, бьру (с-к. Ховалинг) - Джамол, вставай, иди подмети двор.

Подобные явления, несомненно, создают почву для существования сложных глагольных образований вообще, а также, возможно, и для формирования их в некоторых случаях путем преобразования одного из однородных сказуемых во вспомогательный глагол модифицирующего значения.

НАРЕЧИЕ

По своему составу наречия южных говоров подразделяются на две основные группы: а) наречия общетаджикского фонда, употребительные как в литературном языке, так и во всех таджикских говорах: фардо - завтра, дина - вчера, кам-кам - немного и др. б) наречия-диалектизмы, которые в свою очередь делятся на диалектные наречия, неупотребительные в литературном языке (алавуна - быстро, угам - потом, затем), и наречия, употребляющиеся в говорах несколько в ином значении, чем в литературном языке (покиза "подчистую", но в лит. "чисто", "опрятно").

С точки зрения образования и структуры наречия в говорах (без учета закономерных для рассматриваемых говоров фонетических особенностей) не имеют существенных отличий от литературного таджикского языка. То же самое можно сказать относительно распределения наречий по их значению на качественные, т.е. обозначающие признак действия, особую подгруппу которых составляют количественные наречия, указывающие на количественный аспект действия или качества, и обстоятельственные, которые выражают временные, пространственные, целевые и причиненные значения.

Словообразование наречий

Словообразование наречий осуществляется как морфологическими способами - а) при помощи суффиксов и префиксов, б) сложением основ и лексем, редупликацией, так и лексико-синтаксическим способом - путем перехода других частей речи в наречия.

В исследованиях, посвященных таджикской диалектологии, суффиксы, образующие наречие, почти не освещаются, либо вовсе не упоминаются. Целесообразно поэтому в пределах имеющихся материалов привести возможно полную характеристику грамматических средств, образующих наречия в южных говорах.

Аффиксальный способ

Суффиксы для образования наречий, т.е. "собственно наречные" суффиксы, в южных таджикских говорах, как и в литературном языке, представлены очень ограниченно.

Суффикс **-ан** распространен во всех южных говорах; как и в литературном языке, малопродуктивен, образует наречия: а) образа действия - **зуран** - силой, насильно; **чавран** - насильно; **хақиқатан** - действительно; **чавран** ройи кардан ма-ра (кр. Самсолик) - меня насильно отравили; б) меры и степени: **хайотан** - совершенно, совсем; **қисман** - частично; **аҳйунан** - изредка, очень мало: **хайотан** хунаи Латиф намерафт (ю-к. Ел) - он совсем не ходил в дом Латифа; **аҳйунан** намунда бошан, мард намунда бѣд (с-к. Шехмизон) - (если) изредка не оставались, то (можно сказать) мужчин не осталось; **қисман** ҳамин калима-ра меган (в-кр. Пилдон) - это слово говорят кое-где (частично, т.е. не повсюду); в) времени: **баъзан** - иногда; **фавран** - немедленно; г) цели: **қастан** - нарочно; **домовой къничка-ра қастан** Ҳабиб бѣрда бѣд (з-к. Давлатшоён) - домовую книгу Хабиб нарочно унес.

Суффикс **-о** непродуктивен; подобно суффиксу **-ан** образует слова-наречия, использующиеся только в адвербиальном значении.

С данным суффиксом образуются повсеместно распространенные в южных говорах наречия **хело** - много, очень; **асло** - никогда, совершенно; **асло надидѣм-ѣш** (г-к.) - я его никогда не видела; **ака-м хело нагз мехона** (г-к. Яжонварсуз) - мой брат учится очень хорошо,

Остальные суффиксы (**-аки**; **-она**; **-ина**) образуют в основном имена существительные и прилагательные, которые в зависимости от их синтаксического употребления используются также в

адвербиальном значении, подобно тому как это имеет место в литературном таджикском языке. В этой связи трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, полагающих, что суффикс **-аки** образует наречия, которые, якобы, субстантивируясь, используются в функции имен существительных, а в зависимости от смысла и места в словосочетании выступают в качестве прилагательных (Исмаилов 1972,41). По существу же суффикс **-аки** образует в основном относительные имена прилагательные (одами аспаки - верховой; человек, едущий на лошади), которые могут субстантивироваться (аспакхр омаданд - всадники прибыли), а также использоваться в функции адвербов (у аспаки омад - он приехал верхом (на лошади) .

Слова с суффиксом **-аки**, используемые в различных функциях, представляют собой омонимы синтаксического характера. В адвербиальном значении они распространены в южных говорах повсеместно: е, бача-м-а мъргаки натен (з-к. Шахшури) - эй, не давайте моему сыночку так мало (букв, как цыпленку); аспаки бъра, ба бегаи мети (с-к, Ховалинг) - поезжай верхом, до вечера поспеешь; у чоимо-да аспаки мерафт (г-к, Девонабеги) он в наши места ездил верхом.

Слова с суффиксом **-она**, в южных говорах малопродуктивным, как правило, являются прилагательными, которые используются также и в адвербиальном значении: шавона (з-к. Кангурт)—ночью (шавона шамоли хънък хест - ночью поднялся стуженый ветер); дилпърона (ю-к, Ёл) - спокойно, уверенно одам бояд ки дойим мастона бъгарда (в-кр. Нимич) -человек всегда должен быть воодушевлен.

Слова с суффиксом **-ина** также являются в основной своей функции именами прилагательными, способными в предложении выступать в адвербиальном значении: хуна-г торина мерай (с-к.Муллоқони) - домой ты идешь в самую темень.

Префиксов, образующих собственно наречия, в южных говорах, как и в литературном языке, не имеется. Бывают обычно имена прилагательные, посредством префиксов образованные от существительных и используемые в функции наречий: бавақт -рано; ранний; бемалол - спокойно, ни о чем не тревожась; спокойный. В функции адвербов выступают также прилагательные, образующиеся смешанным префиксально-суффиксальным способом: беадолатона - несправедливый; несправедливо. В южных говорах подобные слова отличаются от литературных фонети-

ческим обликом приставок, а также характерным для говоров набором таких образований. Материалы свидетельствуют, что круг наречий рассматриваемого типа в южных говорах значительно уже, чем в литературном языке.

В южных говорах отмечены слова в адвербиальной функции со следующими префиксами: диалектный префикс *ва-/ба-* соответствует, а точнее сочетает в себе значения литературных префиксов *ба-* и *бо-* (ср. *баандеша* - предусмотрительно, лит. *боандеша*); образует наречия образа действия от глагольных основ и от прилагательных: *бадав* - быстро, бегом: *бадав мерай*, *мусафедо-ра мегуй мейой* (с-к, Муминабад) - беги бегом, созови стариков; *ва* и *ра хар вазур мерафт* (в-кр. Сасикбулак) - по этой дороге осел насилиу плелся;

Префикс *бе-* образует от существительных: наречия образа действия: *ака-м куча-да бемалол рафта истай ай пеш-ыш саг бърмадай* (г-к. Дуоба) - брат мой спокойно себе идет по улице, (вдруг) перед ним выскакивает собака; *имсол, шьгр, катышка бенъхс бърмада истодай* (с-к. Сарихасор) - в этом году, слава богу, картошка хорошо (без изъяна) всходит; наречия *меры* и *степени*: *беһад* - безгранично, очень; *бедарак -уйма*, очень много; *беандоза* - безмерно, бешумор - без счету; у шер-а *бедарак медона* (з-к. Оби Ширин) - он уйму знает стихов; *мармичун бедарак ба-стай* (с-к. Хонако) - ежевики поспело пропасть; наречия причинности: *бесабаб* - ни за что, напрасно; *бечо* - зря; неуместно, некстати: *бечо ай кор дер кард, райис хафа шид* (г-к. Файзабад) - некстати он опоздал на работу, председатель огорчился.

Словосложение

Путем непосредственного присоединения друг к другу без каких-либо соединительных элементов из различных именных частей речи и наречий образуются сложные наречия времени, места, образа действия. В южных таджикских говорах при этом прослеживаются два таких способа:

1) сочетания двух разных основ, посредством которого создаются те или иные морфологические модели сложных наречий, между составными частями которых усматриваются следы отношения подчинения, например, существительное + существительное (*калапо* - вниз); существительное + прилагательное (*сарпойун* - вниз); наречие + существительное (*пешвахт* - раньше, прежде); наречие + существительное (*динашав* - вчера); числи-

тельное + существительное (йапахлу - набок; боком) и др. Пример во фразе: мо калапо мерем, ба сентир мерем, пъл мегърем (в-кр. Оксой) - мы спустимся вниз, пойдем в центр, получим деньги;

2) редупликация - продуктивный способ, посредством которого образуются наречия следующих типов: а) образа действия: дарав-дарав- очень быстро; (по)скорей); коро-ра дарав-дарав бкъна, абит шъд (кр. Пору) - пусть побыстреей кончает работу, врещ обедать; б) времени: бае-бард - поздней, попозже; дигар баед-баед омада, овод шид (г-к. Джавонон) - другие приехали попозже, так и благоустроился (кишлак); в) меры и степени: олам-олам - много, в огромном количестве; лак-лак - чрезвычайно много, кам-кам - немного, очень мало; и мемоно кам-кам гав заан, ть-да гав додан (з-к. Давлатшоён) - эти гости, оказывается, немного поговорили и тебе слово дали.

С точки зрения внутренней структуры наречия, образованные посредством редупликации, представлены целым рядом разновидностей, имеющих разную степень частотности употребления и не всегда одинаковое территориальное распространение в говорах.

1. Наречия, образованные редупликацией имен существительных, распространены в южных говорах повсеместно, но степень их употребительности относительно невелика; обозначают: а) время: га-га/гах-гах - иногда, изредка; гах-гах дъруг мега (кр. Санги Сурх) - иногда он говорит неправду; го-го вахто мебинъм (с-к. Ховалинг) - изредка, временами я вижу (его); б) образ действия: бехи хов намекъна, гърд-гърд мегарда (с-к. Ховалинг) - он совсем не спит, так все и вертится; и калуной мо ича нъмешинан руw-руйа мегарда мераван (в-кр. Сарикенджа) -наши начальники здесь не сидят, так ездят туда-сюда; в) количество: гала-гала, - табунами, стаями; сърък-сърък - косяками.

2. Наречия, образованные редупликацией имен прилагательных, распространены в южных говорах неравномерно, одни - повсеместно, другие - территориально ограничено; обладают в основном значениями наречия образа действия. К наречиям, распространенным повсеместно, относятся главным образом те, что образованы от слов общетаджикского словарного фонда: майда-майда - понемногу; тихонько; хилбат-хилбат - тайно; тайком; безев-безев - некрасиво; калга-калга - коротко, покороче; хуб-хуб -очень хорошо; хъшру-хъшру - очень красиво; шах-шах

- крепко -накрепко; сахт-сахт - крепко-крепко; ката-ката - крупно; чолок-чолок - проворно; мълним-мълним - потихоньку, медленно: мълним-мълним мера (кр. Каланак) - медленно-медленно движется; ть калта-калта бьгу (кр. Самсолик) - ты говори покороче; лъч-лъч мегарди, къртакот дар гирифтай (г-к. Джалджит) - бегаешь голышом, вот горло у тебя и заболело; хвд-ът хълбат-хълбат қандо-ра мехъри-въ ма-ра намети? (с-к. Шейхмизон) - сам ты тайком сахар ешь, а мне не даешь. Группу локально ограниченных повторов составляют преимущественно наречия диалектного характера, распространенные в каратегинских и севернокулябских говорах: кълтък-кълтък - кругло; лок-лок, - кое-как, бесцельно; хел-хел - кое-как, как попало; чамбар-чамбар - кругом: -лозир хел-хел кор мехъна (с-к. Хонакои Боло) - сейчас он работает кое-как; лок-лок мегарда (кр. Кабутиён) - бродит бесцельно.

3. Наречия, образованные редупликацией числительных, например йата-йата - по одному: ича-йам ай хар гучо йата-йата ома-да оѠоткардан (г-к. Гиссар) - здесь тоже отовсюду по одному приходили, благоустроили.

4. Наречия, образованные редупликацией местоимений: йагу-йагу гапошу дигарай (в-кр. Майдонтерак) - кое-где речь их различается; пеш йагунта-йагунта писори мешид (с-к. Дороби) - раньше единицами здесь жили гиссарцы;

5. Наречия, образованные редупликацией причастий, деепричастий и глагольных форм: гардонда-гардонда - вороша, перевертывая; рехта-рехта - рассыпая; охиста-охиста - потихоньку; равай-равай - неспешно, медленно; чаронд-чаронда - медленно перегоняя (стадо): у равай-равай меомад (кр. Кабутиён) - он шел не спеша; акайи Рачаб гандьмо-ра рехта-рехта бурд (в-кр. Пилдон) - ака Раджаб, рассыпая, вез пшеницу; чаронда-чаронда мерем (с-к. Ховалинг) - мы потихоньку идем (да) пасем (стадо).

6. Наречия, образованные редупликацией изобразительных слов, как и в литературном языке (Фазылов 1958, 35-4-9), широко распространены в южных говорах: шар-шар - мгновенно, дьк-дьк - ковыляя, ланак-ланак - стремглав, финг-финг - всхлипывая, хъм-хъм - ручьями, градом; араг хъм-хъм рехтаестаст (с-к. Хонако) пот (так и) льет градом.

Посредством соединительных элементов сложные наречия в южных говорах образуются сравнительно редко. При этом выделяются следующие их разновидности:

а) с соединительным гласным -о- от одинаковых основ: кьсалокьсал - в состоянии болезни; шавошав - глубокой ночью, пешопеш - впереди; вперед: мьн пешопеш бърромадауги (кр. Яхак-паст) - я вышел вперед;

б) с инфиксом -ъ- / -у-от разных основ: кам-у-гуша -немного; чъхт-ъ-чилиг - быстро, вдруг; кам-ъ-гун - немного, более или менее: кам-у-гуша асал доръм (кр. Самсолик) - у меня немного меду; ай гъчо ита чъхт-ъ-чълинг умади? (с-к. Ховалинг)- откуда это ты так стремительно появился?

в) с инфиксом -ба- в единичных случаях: рахбарост - прямо.

В южных таджикских говорах в адвербиальной функции используются также некоторые устойчивые словосочетания-повторы с предлогами: руз ай руз - изо дня в день; йаг ба йаг - по одному, кам дар кам - мало помалу; тока ба(/wə) тока -наедине, без свидетелей и др.: шарик-ам-а пърсидам тока Wəтока (в-кр. Куглик) - я спросила своего товарища наедине; у дам ба дам дод мезад (кр.Самсолик) - временами он кричал. Некоторые из таких предложных конструкций южных говоров, особенно с предлогом ба/wa, тяготеют к слиянию в слово, при этом часто фонетически упрощаясь, а предлог в них функционально сближается с инфиксом сложных наречий-повторов, см., например, дьсвадъс во фразе: дьсвадъс салум кам (в-кр. Ярхаб) - я поздоровался за руку.

Конверсия

Как и в литературном языке, в южных говорах в адвербиальной функции могут быть использованы другие части речи. Особенно интенсивно пополняются разряды наречий за счет качественных прилагательных, которые при этом утрачивают свое основное синтаксическое назначение - способность выступать в качестве определения в атрибутивной конструкции - и приобретает функции, свойственные наречиям: обозначают признак действия, качества или предмета (выражаемого обычно отглагольным именем). При адвербиализации прилагательных наречия в одних случаях семантически соотносятся с прилагательными, от которых происходит (ср., например, бачи хуб - хороший парень; ман хуб санчидъм я хорошо (ego,узнал), в других-приобретают новое значение (къртаи нав - новое платье, но:нав умад - он только что пришел; оби соф - чистая вода, но:соф намедонъм - я совершенно не знаю), Примеры: ин зубон соф дигар (БД. Андароб) - этот язык совершенно другой; ман

хуб санчидъм, ай и одамгари нъмеройа (с-к. Шехмизон) - я хорошо узнал (его), от него добра (букв, благодетельства) не жди.

Кроме того, имеют место лексикализация словосочетаний наречного значения и слияние их в одну лексему, чему сопутствуют (и способствуют) свойственные южным таджикским говорам фонетические изменения (отпадение звуков, слогов, стяжение и др.), формирующие облик нового слова. Например: ита<ин тавр - так; (х) амиқа<хамин кадар - столько

Разряды наречий¹⁸

Наречия образа действия

В южных говорах основная масса общетаджикских наречий образа действия распространена повсеместно, например, такие, как зуд - скоро, тез - быстро, йаке - вдруг, якбора - внезапно, оста<охиста - потихоньку, дарав - быстро, тотчас и др. Наречия же диалектального характера распространены по говорам неравномерно: какие-то в одних употребительны широко, в других - мало или вовсе не употребительны, и лишь часть их распространена повсеместно. Например, ҳаловуна/аловуна - быстро, стремительно известно повсеместно, но более широко распространено в вахиинско-каратегинских, каратегинских и севернокулябских говорах; наречие аста - тихонько, медленно, осторожно распространено повсеместно.

Общетаджикские наречия также различаются по говорам, имея фонетические варианты. Так, наречие йаке - вдруг в гиссарско-кулябских, в северно- и западнокулябских говорах имеет вариант йаки. йаки шофир ведор-ъм кад (с-к. Дороби) - вдруг шофер разбудил меня; ха, ба йаки гуфтъм-ъш (з-к. Руиоб) - да, а потом так вдруг я и сказал ему.

Наречие йабора/йакбора - сразу; совсем употребляется часто в сочетании с йаке: ҳаво гаръм шид, йаке йакбора фърмад стало тепло, вдруг сразу похолодало.

Отдельные наречия образа действия диалектного характера типа аста-аста - потихоньку, помаленьку; тоқа-тоқа - кое-где, редко-редко свойственны всем южным говорам: ай дъхтар, аста-аста бъгаз (с-к, Ховалинг) - эй, дочка, потихоньку кусай (лепешку). Наречие гърап-гърап - шопотом - употребительно в ка-

¹⁸ Кроме описываемых разрядов в южных говорах имеются также наречия причины и цели. Поскольку, не обладая особыми диалектными чертами они фактически не имеют отличия от литературных, характеристика их в разделе не даётся.

ратегинских говорах, а наречие хъм-хъм в том же значении распространено в севернокулябских. Ряд слов адвербиального значения имеют по говорам узколокальное распространение, таковы: йа(г) нима - на одном боку (преимущественно г-к.); у мемони бечора йанима хорафтаги-йай (г-к. Навобод) - тот гость, бедняжка, спит (как-то) полулежа; рушод - открыто, откровенно? мъ рушод гап мезанъм (кр.Кабудиён) - я говорю откровенно; тъллол (кр,с-к), таллол (г-к.) - внезапно: и гусала тъллол мърдас (кр.Санги Сурх)-этот теленок издох внезапно; гафлат (в-кр.)-вдруг: гафлат гърг бърума (в-кр. Сарикенджа) - вдруг появился волк. Слова бадав - быстро, на ходу; сарихез - тотчас засвидетельствованы в каратегинском и севернокулябских говорах: кавг-а бадав мекапидъм (с-к. Шехмизон) - куропаток я ловил на ходу; хами сарихез дахмарда либос-ш-а бадар кар-у кал-да дод (с-к. Фелот) -тотчас пастух снял свою одежду и отдал плешивому; балагат -немедленно отмечено в южнокулябских говорах: йа чени рафтум, балагат гъзашта омадум - как-то я пошел и тут же возвратился.

В функции наречия образа действия используются некоторые звукоподражательные слова, образованные посредством суффикса -ас/-аст; чаще всего они отмечаются в вахинско-категинских и севернокулябских говорах: ках-а гън къ, тълпас бор-шу менем (в-кр. Куглик) - собери солому, мы ее моментально нагрузим; шиликас навишт (кр.Пору) - он быстро (одним махом) написал; шъракаст рафта кърпаи фълам-а бийор (с-к. Ховалинг) - быстро иди, принеси мое стеганое мягкое одеяло; и хуна гърапаст дарггирфт (в-кр. Войдара) - этот дом внезапно загорелся.

Наречия меры и степени

Наречия меры и степени в южных говорах подразделяются на две группы: наречия общетаджикские и диалектные, т.е. собственные южным говорам или отличающиеся от других таджикских говоров своими фонетическими свойствами. К первой группе относятся наречия сахл/ сал-слегка, андак - немного, чуть; пичи -мало; кам - мало; анча - некоторое количество; зийод - много, достаточно; хеле - очень и др.; ко второй - пър - много; ика<ин кадар - столечко; бедарак - бесследно; еарасот/харасот/арасот - очень много и др.

Весьма распространенное в южных говорах наречие бийор - очень по говорам различается фонетическими особенностями, в частности в севернокулябских и каратегинских говорах употре-

бительны два варианта **бъсийобисйор**: ай умадани мехмуно мьн **бъсийо(р)** хърсандъм (в-кр. Нушор) - я очень рада приходу гостей; для южнокулябских говоров характерно **бисйо**: и сьhari **бисйо пър** хърдъм (ю-к. Кишт) - этим утром я очень плотно поел. Наречие **бисйор** часто сочетается в речи с другими наречиями, усиливая в них степень признака действия, что видно из вышеприведенного примера.

Наречие **пичи-мало**, чуть-чуть часто употребляется с суффиксом-(а)как, чем еще сильнее подчеркивается малая, мизерная степень признака: **пичикак** гьшнагинамо **бъд** (г-к. Мирзой) - он оказался несколько голодноватым.

Наречие **пър** - очень много характерно для южных говоров и распространено в них повсеместно, но более всего в северно-и западнокулябских говорах: ма у-ра **пър** мехъръм (с-к. Муминабад) я его (зеленый чай) потребляю очень много; йак **чойе** мебарум-тун, ки пур **бънависен** (ю-к. Ёл) - я вас поведу в одно место, где вы очень много запишете. В гиссарско-кулябских говорах это наречие распространено несколько в меньшей степени.

Наречие **андак** - чуть, немножко употребительно в южных говорах повсеместно. Выражая меру и степень признака действия, оно сообщает и дополнительные пространственно-временные оттенки: **андак** сахар **бъйом?**(г-к, Казонгузар) - приду утром ненадолго? В вахинско-каратегинских и частично в севернокулябских говорах (верховья Ёхсу) употребителен вариант этого наречия **анде** - чуть, немножко, слегка: Ахмад, хаму **чърғот-а** **анде** ибартар **бъму(н)** (в-кр. Нушор) - Ахмад, чуть-чуть отодвинь в сторонку это кислое молоко. Это слово засвидетельствовано в литературных памятниках классического периода с союзом **ки** в функции служебного слова -составного причиненного союза **андеки...** затем, что; потому, что... /Фарханг 1969, 74/.

Слово **лав** - много, полно, характерное для южных говоров, отмечено также и в северных говорах, но там оно функционирует в качестве компонента сложного глагола **лав задан** - изобилывать. В южных говорах это наречие встречается повсеместно, но степень употребительности его сравнительно невелика: да ичойо пул **лав-ай** (кр. Самсолик) - в этих местах заработка много; да **чойи** мо гусфан **лав-ай** (в-кр. Сарикенджа) - у нас овец очень много; **кози лав** моле гирифт (кр.Кахдара) - казий бесчисленно всякого добра отхватил.

Наречие *ика* - немного, вот столечко характерно для всех южных говоров: *ика дуг мондас* (рог.Ходжагалтон) - вот столечко пахтанья осталось; *ика фър гаштем* (кр, Кадара) - мы немного походили; *пъгаи ика чой мехърем* (в-кр, Оксой) - утром мы немножко попьем чаю. Сочетание этого наречия с наречием *ука* < он кадар - столько, т.е. *ика-ука*, соответствует литературному *каму беш* - более или менее, несколько, немного: *бънг-мун-а ика-ука андова кънем* (з-к. Кангурт) - крышу нашу мы немного (более или менее) смажем глиной.

Ряд адвербиальных сочетаний, обозначающих меру и степень признака с оттенком гиперболичности, образуется присоединением числительного *йа(к)* в его значении неопределенности к именам существительным: *йа чъка/йа чъкайък* - немножко, капельку; *йа гард/йа гардак* - немножко; щепотку: *хо бъргарде, йа гардак былине* (з-к. Олучадара) - о, подойдите же, немножко посидите; *йа(к) майда* - немного, чуточку; *йа кийомат* - очень много, куча (ср.лит. *кйёмат* - перен. столпотворение), в том же значении *йа ғарасот, йа маишар, йа дънйо*: *йак маишар гудак дора* (г-к. Магмуруд) - у нее куча детей; *ма йа арасот асуна гъфтъм* (сук. Хонако) - я очень много сказок рассказала.

В южных говорах широко распространены наречия со значениями "никогда", "вовсе" - *ах, ас* <асло; "совершенно" - *асти, тахти, такир, соф* «вовсе, совсем»: *ах кавг надошти?* (кр.Кадара) - ты вовсе не имел роп-ток?; *мо ас немедунем киргизи-ра* (в-кр.Оксой) -мы совсем не знаем кир-гизского языка, *ма-ра тахти у дарс надодай* (в-кр. Сайрон) - меня он вовсе не учил (т.е. он никогда не был моим учителем).

Наречия времени

Среди наречий времени южных говоров также имеются общетаджикские слова и адвербиальные сочетания и слова с диалектными особенностями. К первым относятся, например, такие, как *акъ/аку* (<акнун) - теперь, *хозир /хозир/озир* - сейчас, *имсол* -в этом году, *дина* - вчера, *имруз-сегодня, пареруз* - позавчера, *доимо* - постоянно, всегда, *руз то руз*-день ото дня, *дам ба дам* - ежеминутно, *порсол* - в прошлом году и подобные им.

К наречиям времени диалектного характера относятся *порина* в прошлом году; *сабари/сари*-утром; *аусари* - на рассвете; *улам* (баед) - затем, после; *вехи* - никогда; *субхидам* - на заре и др.

Все засвидетельствованные в материалах общетаджикские наречия времени в южных говорах распространены повсеместно. Однако степень употребительности указанных наречий не одинаковы, одни широко употребительны, другие встречаются редко и лишь в отдельных говорах отмечается более частое их употребление. Так, наречие **пасфардо** - послезавтра засвидетельствовано в южных говорах преимущественно в речи местной интеллигенции и, как правило, употребляется в официальной обстановке. Те общетаджикские наречия, которые особенно часто употребляются, в диалектной речи проявляются в различных фонетических вариантах, особенно стяжениях, либо составляющих особенность отдельных говоров, либо характеризующих беглую речь. В частности, наречие **баъд** выявляется в следующих вариантах: **баъд/баът/бад/бат/баад/ба/баа**. Вариант **ба** в тех южных говорах, в составе вокализма которых наличествует верхнефарингальный **ъ**- это кулябские и каратегинские говоры. Вариант с оглушением в исходе (**бат, бат**) характерен для гиссарско-кулябских и частично вахиинско-категинских говоров: **т мън-а пърсид** (в-кр. Кул) - потом он меня спросил; **бачам сесола шид, бат ота-м-а дидум** (г-к. Кончи) - сыну моему исполнилось три года, потом (только) я увидел своего отца. Варианты **бад, баад** характерны для рогских и бадахшанских говоров, в которых отсутствуют верхнефарингальные фонемы. Наиболее распространенные варианты во всех говорах **баад** и **бад**. Наречие **ҳоли** (лит. холо) - теперь, сейчас, в настоящее время, еще-в южных говорах распространено повсеместно, но представлено в фонетических вариантах - **ҳоли/ҳоли/оли**, обусловленных особенностями звукового состава тех или иных говоров. Так, вариант **ҳоли** наблюдается в гиссарско-кулябских, в единичных случаях - в каратегинских: **ҳоли ҳавай-ам калон мешава** (г-к. Магмуруд) - теперь и он подрастет; **ҳоли ба ҳами Чафр-а куч овардан** (кр.Кадара) - теперь в этот Джафр (их) перевезли. Вариант **ҳоли** употребителен в кулябских и каратегинских говорах: **кати Борон ҳамуча-йам** (г-к. Десабур) - здесь теперь я с Боронем. Вариант **ҳоли** наиболее характерен для рогских, бадахшанских, кожнокулябских, частично же употребляется во всех остальных говорах: **оли истари-ш мекъни?** (рог.Бадринг) - а теперь как ты сделаешь? **оли майдъкак бъдъм,ки һъкъмати совети ума** (ю-

к.Порвог) - я еще маленький была, когда установилась Советская власть; мо хьдмо-ам оли айлоқ-ънда-йем (в-кр. Шилбили) - сами мы сейчас на летовке Наречие хозир - сейчас в южных говорах также употребительно в трех вариантах: хозир/хозир/озир. Наиболее распространенный вариант в кулябских и каратегинских говорах -хозир, в рогских и бадахшанских озир. Под влиянием литературного языка,благодаря школьному обучению, радио и телевидению наблюдается употребление литературного варианта хозир, перемежающегося в беглой речи с диалектным хозир.

Большинство диалектных наречий времени известны во всех южных говорах, но употребление некоторых из них территориально ограничено. Так, наречие аўсарн - утром, на рассвете характерно для севернокулябских и гиссарско-кулябских говоров: шав миста, аўсарн мера (г-к. Зулфи) - переночует (и), на рассвете уйдет.

Наречие угам - после, потом распространено в севернокулябских говорах только на сопредельной с Дарвазом территории (в Муминабаде, Даштиджуме, Хирманджоу.и в соседних с ними селениях), а также в каратегинских, особенно в вахиинско-каратегинских говорах. В южных говорах известны также разновидности этого наречия - угам-бад, бад-угам, угам-кин/угамдаки; последнее засвидетельствовано в вахиинско-каратегинском говоре, в селениях на территории смешанного таджикско-киргизского населения. По своей структуре угам-кин представляет собой кальку с угам-бад (кин - диалектная форма тюркского послелого кейин, соответствующего по значению таджикскому баъд): ана угам-бад хаму карзо-ра овардъм (кр. Ян-гоклик) - ну, а после я эти долги погасил; бад-угам одамо по каги сум мезанан (с-к. Геш) - потом люди ногами утаптывают; акъ рафта расидем, угамдаки чи кор мекънем? (в-кр. Пилдон) - теперь мы дошли, а потом что будем делать? нонъшта кънем, угам -кин мехезъм (в-кр. Сугат) - позавтракаем, а потом я отправлюсь.

Наречия места

В южных говорах наиболее употребительными наречиями места являются слитные сочетания имен существительных чо - место, су/суи, ру - сторона с указательными местоимениями и/ин - этот, у/ун - тот, определительным (х)ама - весь, отрицательным (х)еч: ичо/ича - здесь, сюда; уча/унча - там, туда; ису/исъ - здесь,

сюда, хеччо - нигде, хеч кьчо - никуда и др. Употребляясь с предлогами или послелогами, эти наречия приобретают оттенок значения, соответствующий основному значению предлога или послелога: ай усу - оттуда, и-ча-да—здесь, уча-да - там, уру-да,-там, на той стороне, ай хамачо - отовсюду.

Все эти наречия местоименного характера в южных говорах распространены повсеместно: ичо кони тошкумур-ай (з-к., Давлатшоён) - здесь угольные шахты; акай Назар, ича бийо (в-кр. Хичборак) - ака Назар, подойди сюда; ича-да ангър йакъмой сентябирда мепаз (кр. Самсолик) - здесь виноград поспевает в первых числах сентября; унча надидамшу (в-кр. Ярхаб) - там я их не видел; ай унчо чоғид-ьш, ки инча бийо (кр. Навде) - оттуда он его окликнул, чтобы шел сюда; мьн рафтаги-да шьмо усу хеста рафте (в-кр. Кул) - когда я уходил, вы туда направились; уча дас(т) холи намера-да (г-к. Файзабад) - ведь не пойдет она туда с пустыми руками; йа одам ай усу умад (в-кр. Нушор) - какой-то человек оттуда пришел; ма усун-да магъзин-да надърумадъм (г-к. Джон-варсуз) - там я в магазин не заходил.

Вариант наречия ись в южных говорах более распространен чем ису: ись йак съвора дидагийум (с-к. Дороби) - там я видел одного всадника; ай ись корча-ра гърифтас (в-кр. Кул) - он отсюда ножик взял; хонаои мо уру-да чои пода-да (в-кр. Шилбили) наши дома там (на той стороне), на месте, где пасется стадо.

Распространено также парное наречие ись-усу - и тут и там; вокруг, по сторонам: ись-усу нига(х) мекъна (в-кр. Кул) - смотрит по сторонам.

Образуясь от имен существительных и местоимений, наречия в южных говорах обладают признаками этих частей речи: употребляются с предлогами и послелогами, к ним присоединяются местоименные энклитики: ай хами һисоб исьн-аш Точкикстон, усун-ьш Киргизистон-ай (в-кр. Оксой) - поэтому здесь (эта сторона) считается Таджикистан, а там Киргизистан.

Степени сравнения

Наречия южных говоров образуют формы сравнительной степени от имен с адвербиальным значением при помощи суффикса -гар: наречия времени: пешгар ин минахо-да оw набъд (г-к, Гиссар) -раньше в этих срединных местах воды не было; и мойиндар МА-ра пьгойитар гирифт (с-к. Наврухо) - эта мачеха меня еще раньше забрала; наречия места: ай вай болотар асп-ьш бъд (г-к. Мирзой) повыше того (места) находилась его лошадь;

наречия меры и степени: камтар оw-му бѣти (в-кр. Нушор) - дай мне немножко воды; *наречия образа действия*: ала, зудтар бѣфро (с-к. Шайдон) - сестра, поскорей опускайся.

В южных говорах сравнительная степень наречий, как и прилагательных, также выражается сдвоенным суффиксом -та-тар: у-ра амр мекъни, ки дуртатар бѣреза - (кр.Кадара) - прикажи ему выливать подальше; тезтатар кор ку! (с-к. Ховалинг) - работой быстрее!

Субъективная форма оценки у наречий сравнительной степени образуется посредством суффикса (болотарак - повыше, камтарак - поменьше): Давлатшо пештарак гѣзаштай ай хамичо (з-к. Кангурт) - Давлатшо пораньше прошел отсюда; мардум бекортарак шава (с-к, Ховалинг) - народ немного освободится (от сельскохозяйственных работ); ай Шайхмезун болотарак-ай (с-к. Ховалинг) -он повыше Шейхмизона.

Предлоги и послелогои

Предлоги и послелогои в южных таджикских говорах как: система служебных слов и формантов, выражающих синтаксические связи слов в предложении и словосочетании, в целом совпадают с таджикским литературным языком, в частности с его разговорной формой. Однако как по составу, так и в отношении отдельных значений и употребления предлогов и послелогов южные говоры во многом расходятся с литературным языком и другими говорами таджикского языка, проявляя при этом наибольшую общность с юго восточными. Совокупность особенностей предлогов и послелогов южных говоров, отличающих их от литературного языка и частично от остальных говоров, создают диалектную специфику рассматриваемой системы предлогов и послелогов.

По морфологическому составу в южных говорах могут быть выделены: а) предлоги первичные (основные) - простые и составные; б) вторичные отыменные - простые и составные изафетные и безизафетные; в) предлоги-послелогои, употребляющиеся ки постпозитивно, чаще с одними и теми же значениями, реже с различными - в зависимости от постпозитивного или препозитивного их использования; г) послелогои, или собственно послелогои, употребляющиеся только постпозитивно.

Первичных основных предлогов, общеупотребительных во всех южных говорах, - пять: ай - из, от; ба - на, в; к; да (дар) -

в,на; то - до; бе - без; первичных составных - *один*: то ба - (вплоть) до. Промежуточное место между первичными и вторичными предложениями занимают предлоги *баройи* - для, *бези* /без ай (вези /вез ай) - кроме, которые, подобно именным предложениям в сочетании с именем оформляются изафетным. Предлог *бези* параллельно имеет составную безизафетную форму *без ай* и по значениям соответствует предложениям *ба ғайр аз/ғайри* - кроме и засвидетельствован пока только в южных и юго-восточных говорах таджикского языка. По своему образованию предлоги *баройи* и *бези* близки; как первый, так и второй исторически представляет собой сочетание служебных слов: *баройи* < ба + послелог -ра (<радий); *без* < *bē* + *az* (в раннеклассическом) (Lazard 1963, 426).

Вторичных отыменных предлогов в говорах имеется значительное количество, основной круг их тот же, что и в литературном языке: простые изафетные - *пеши* - перед, *руи* - на, *поверх*, *сари* - на, у, *болои* - на, над, *таи* - под и др.; составные изафетные - *ба пеши* - перед, *ай болои* - сверху, *ай пеши* - перед; составные безизафетные *пеш ай* - перед, *баедай* - за, после. Диалектная специфика этой группы предлогов выражается в использовании в качестве служебных слов имен, не употребляющихся в литературном таджикском языке в функции предлогов: *чени*, а также *сози* - с кого-, *со что-л.* (величиной) подобнокому-чему-л. (по величине, форме, облику), *дъмби* - вслед за, *гардани* - при, около и др.

Собственно послелого, общие для южных говоров: *-а/-ра*, *-вори*, предлог-послелог: *-кати/-кати*. Особое место среди предлогов послелогов занимает *да(р)*, *-да* с территориальными разновидностями послелогов *-ънда/-нда*, *-на*, всегда использующимися постпозитивно. Постпозитивные варианты предлога-послелога *да(р)* имеют различное территориальное распространение, и ареалы их очерчиваются довольно четко. Так, послелог *-да* распространен во всех кулябских говорах, послелог *-ънда/нда* - во всех каратегинских и бадахшанских, послелог *-на* - в рогских и частично бадахшанских. Общность грамматических отношений, выражаемых всеми разновидностями этого предлога-послелога, бытующими в южных говорах, а также единство их происхождения дает основание рассматривать их в совокупности.

Основные особенности системы южных предлогов и послелогов, создающие их специфику в отличие от литературного языка, заключаются в следующем:

1. Внешняя, звуковая форма ряда предлогов и послелогов имеет значительные отличия от аналогичных предлогов литературного языка, в том числе классического периода, что объясняется особенностями фонетического строя говоров. Так, закономерное падение исходных звонких после гласных и сонантов привело к отпадению *-р* в предлоге-послелого *да-дар*, *-ънда-андар*; к отпадению *-з* и появлению *-й* в предлоге *ай аз*. Наличие фонетических вариантов предлога *ба/ бай/бе/ бей* объясняется реликтами старых исходных форм этого предлога, видоизменившихся в рас сматриваемых говорах.

1. Для южных говоров характерно широкое употребление предложно-послеложных сочетаний, в которых послелого *-а/-ра, -да/-ънда/-на* оформляют предложно-послеложные конструкции как с первичными, так и со вторичными предлогами; хъди то барф здан-а меиста (с-к. Ховалинг)-до самого снега сохраняется; *бе гъчо-ра* мерава? (в-кр. Нушор) - куда он идет? *дар* путти Рарм-а аъмин додианъш (кр.Навде) - за Гармом ему землю дали; *суратгир да кышо?* - да хонаи котиб-на (рог. Ходжагалтон) - где фотограф? - Вдоме секретаря.

2. Диалектная специфика проявляется также в составе предлогов. Как и в большинстве таджикских говоров, в южных отсутствует предлог *бо* - с, совместно, функции которого выполняет предлог *ба* и предлог-послелог *кати*. Совершенно не употребителен также предлог лит. *чуз, чуз аз* - кроме, значение его передается предлогами *без ай/бези ... реже-гайри/ багайри*. В функции вторичных предлогов в южных говорах засвидетельствованы слова *чени, (ба)доди, сохти, дъмби, сози* и др. в значении "подобно чему-, кому-л.", не употребляющиеся в литературном языке в качестве предлогов.

4. Система предлогов и послелогов южных говоров характеризуется также иным, чем в литературном языке, распределением их функций и значений. При этом наблюдается сужение круга значений одних предлогов и расширение его у других, дифференциация выражаемых грамматических отношений в зависимости от препозитивного или постпозитивного употребления предлога и ряд других особенностей. В частности, в южных говорах локативный предлог *ба I* сравнительно с литературным языком обладает несколько иным кругом значений; сфера его пространственных значений относительно более узкая, поскольку, например, такие важные функции, как указание на направ-

ление к чему-л., направление во внутрь чего-л., в этих говорах (при разном территориальном распространении) чаще выражаются предлогом *дар*, предлогом/-послелогом *дада* послелогом - (ъ)-нда/-на, что в свою очередь расширяет круг их локативных функций. В южных говорах, кроме того, значения орудийности, комитативности выражаются омонимичным предлогом *ба* II. Таким образом, в южно-таджикском "ба" как бы совмещаются различные функции, в то время как в литературном языке они распределены в основном между предлогами *ба* и *бо*. С точки зрения функциональной аналогии к предлогу *ба* в южных говорах подключается предлог-послелог *кати*, который в разговорной форме литературного таджикского языка в этом отношении синонимичен предлогу *бо*.

Дифференциация функций в зависимости от препозитивного или постпозитивного употребления по всем говорам южного диалектного : массива отчетливо проявляется в предлоге-послелого *кати*, который препозитивно выражает совместность, комитативность, а постпозитивно орудийность.

Характерное особенностью южных таджикских говоров является также многофункциональность и широта употребления в них послелого --ра с сохранением многих традиционных, уже утраченных в современном литературном языке, значений и функций этого послелого.

Первичные предлоги

В южных говорах засвидетельствованы следующие первичные предлоги: *ба/бай/бе/бей*; *ва/wa* - на, в; *к*; *да/дэр/дар/дай* -к;в, на; *ай/аз/а* - из; *то* - до; *бе* - без, *баройи/барои* - для. Предлог *бо* отмечен лишь в одной разновидности южных говоров - бадахшанских: *талкон мекунан*, *бо шир алааш мекинан*, *бо руган* (бд. Нуд) - толкон, смешивают с молоком, с маслом. В остальных употреблении этого предлога носит, по-видимому, случайный характер. В виде редкого исключения (обычно в поэтическом фольклоре) употребляется предлог *бар*: *холай туйдор давлат бар сарут*, *садубистсола шавад писар-ут* (з-к. Туткаул) - -тетушка, в чьем доме свадьба, да будет счастье тебе, пусть сын твой доживет до ста двадцати лет (из свадебной песни при совершении обряда "сартарошон").

Таким образом, общими для всех говоров южной группы являются предлоги *ба*, *да/дар*, *ай/аз*, *то*, *бе*, *барои*. Специфику

отдельных говоров южной группы составляют некоторые их фонетические варианты. При основном общем для всех южных говоров, варианте предлога **ба** остальные варианты распределяются следующим образом: **бэ**- в гиссарско-кулябских (частично), **бай** - в каратгинских и севернокулябских: **бай** рузон якшанбе **бърем** (с-к. Ховалинг) - примерно в воскресенье поедем; **бай** асп-**тч**-ачав **бъти** (в-кр. Окёой) - дай своей лошади ячменя.

Варианты **бе**, **бей**, также как и **ва/ва** распространены в вахинско-каратегинских говорах: **бе** Нийоз-а **търошида** **бъдаст** (в-кр. Чильдара)-(это) он настриг для Нияза; **ин гапо ва расми** Вахйо будак (в-кр. Яхакпаст) - эти слова (произносятся), как принято в Вахио; **елак наоварди? оли ва чи ордо-ш-а мебеза?** (в-кр. Хаит)- сито не принесла? чем она будет просеивать свою муку?; **ливоса ва сузан медузан** (в-кр. Нушор) - одежду шьют иглой.

Наиболее употребительным из вариантов **да/дар/дай** является **да**. В малоупотребительном варианте **дай** севернокулябских говоров конечный **й** появляется как наращенный звук; **когазом дай мъориф-ай** (с-к. Ховалинг) - мои бумаги в Министерстве просвещения.

Литературному предлогу **аз** во всех южных говорах соответствует предлог **ай**. Параллельно этой диалектной разновидности употребляется и **аз**, однако последний чаще встречается в речи бывалых и образованных людей при их общении, главным образом, с людьми городскими, либо в деловой обстановке (например, на собраниях). В целом же в южных говорах до сих пор более употребителен вариант **ай** Несколько иная картина в бадахшанских говорах. Диалектные тексты свидетельствуют, что варианты **аз/а** употребляются наравне с предлогом **ай**, количественно даже преобладают /Богорад 1963,52-59; Розенфельд 1971,39-747)¹⁹.

Остальные первичные предлоги **то**, **бе**, **барои** в говорах не подвергаются фонетическим изменениям

Диалектной особенностью южных говоров является употребление предлога **да/дар** как препозитивно, так и постпозитивно. Причем в качестве послелога употребление его в южных говорах более распространено.

¹⁹ См также Пахалина Т. Н. Бадахшанские говоры таджикского (сравнительно с литературным языком) - неопубликованная статья с приложением диалектных текстов, записанных в 1952 и 1955гг. в кК. Нуд, Андароб, Козиде, Богз и Рын.

Значения первичных предлогов, круг грамматических отношений, выражаемых ими, в южных говорах не имеют существенных отличий от литературного языка. Диалектные особенности в этом плане проявляются у предлогов **дар**, **ба**, функционально более тесно связанных между собой, чем остальные предлоги.

Для системы первичных предлогов южных говоров следует признать характерными наибольшую употребительность предлога пространственного значения **дар/да** - в, на. Широта применения этого предлога в речи определяется его многозначностью. Ряд значений и функций **дар** совпадает со значениями предлога **ба** -в, на, в результате в южных говорах наблюдается взаимозамена этих предлогов с явным количественным перевесом предлога **дар**. Более широкое распространение предлога **дар** может быть также объяснено его более свободной позицией в словосочетании в южных говорах. Это единственный предлог, который может употребляться и как послелог: вариант **-да** распространен во всех кулябских говорах, частично в бадахшанских (которому в каратегинских говорах соответствует послелог **-нда/-ьнда**, в рогских частично в бадахшанских-послелог-**на**; см. раздел "Послелог").

Совпадение функций и сферы употребления предлога **да/дар** и послелога- **да** позволяет квалифицировать их как предлог-послелог и рассматривать его одновременно, равно как в препозитивном, так и постпозитивном положении.

Предлог-послелог **дар/да/-да** широко употребляется в южных говорах для выражения пространственных, временных и ряда объектных отношений. Он указывает:

1. *Место пребывания предмета или совершения действия:* мехмуно дар хунаи Йусуф-шон хов каан (в-кр. Нушор) - гости ночевали в доме Юсуфа; хоким да Калай Сист мешиштаст (бд. Багуш) хоким живет в КалайСист; ма Туткаул-да кор бьдъм (г-к. Шулушту) - я работал в Туткауле;

Рассматриваемый предлог-послелог употребляется также при именах нелокативного значения: мо дар гарми кир мешем, намепойем (с-к. Мулюкони) - мы в жару пропадем, не выдержим.

2. *Направление действия во внутрь или в сторону предмета:* дар вагзал мейем баройи хами лампъчка (кр. Ялдамич) - мы ходим на вокзал вот за этими лампочками; мо ай Дъшанбе ома-

де-
са бъдем, шофир киоска-да дърома (з-к. Давлатшоён) - мы ехали из Душанбе, шофер вошел в киоск; у рафт да хонаи дадиш (бд. Нуд) - он пошел в дом отца; саг сар-ш-а дар хърма месиха (с-к, Ховалинг) - собака сунула голову в кринку; қарабон-ра да чальк бон (рог. Ходжагалтон) - поставь кастрюлю на очаг; вай дъхтурхона-да рафтани (г-к. Кончи) - он собирается идти в амбулаторию; ана угам-бад ҳаму когазо-ра оw/ардъм, дар идораи ийо додъм (кр. Янгоклик) - ну, вот, потом я эти бумаги принес, сдал в их учреждение; нун дар гълун-ъм нагъзашт (в-кр. Чильдара) - хлеб застрял у меня в горле (букв, не пошел в горло).

3. *Время совершения действия, либо протяженность периода осуществления действия (со словами, выражающими понятие времени):* дар майдааки чи дидауди? (кр. Шинглич) - что ты видела

в детстве? шафтоли шинондем, сесолаги-да ба бор дърома (в-кр. Гурдара) - мы посадили персики, через три года они начали плодоносить; ба хъдойе, модараш набоша, дъ руз-да гъшнаги-да мемъра (ю-к. Ёл) - клянусь богом, если не было бы будет его матери, он за два дня погибнет от голода.

Рассматриваемый предлог-последлог употребляется в южных оворах в составе особых конструкций с числительными, означающими возраст: чилу хаф-да рафтъм (с-к. Ховалинг) - мне пошел сорок седьмой год; сол-ът гуспанд боша, йа кам си-да-йи (г-к. Туда) - если год твоего (рождения) - Год Барана, то тебе двадцать девять.

Объектные значения, выражаемые предлогом-последлогом *дар/да/*-да связаны с пространственными значениями. Так, со значением направления действия к пункту, месту или предмету связано указание данного предлога на адресат, к которому направлено действие, на назначение действия для кого-либо или ради чего-либо. По материалам южных говоров определяются следующие непространственные значения рассматриваемого предлога-последлога:

1. *Адресат или направленность действия:* Кувватуф-да гуфтан даркор-ай (к. Руиоб) - надо сказать Кувватову; руба-ра бите дар ман (в-кр. Кул) - отдай лису мне; дар мо-ра надодан, давлат-да залал мекъни, гуфта (з-к. Бальджуан) - нам не дали, дескать, причинишь государству убыток; мън дар хъкъмат йагон хийонат накардъм (кр. Шархо) - я государству никакого вреда не де-

лал; амрут-а да ман намети? (с-к. Ховалинг) - ты не дашь мне грушу?- кадом кор-да дъл-ит кизик мекъна, хаму хуб-ай (з-к, Ру-иоб) - к какому делу сердце твое лежит, то и хорошее; шъмо соф дакка нахъре и коро-да (ю-к. Ёл) - вы совершенно не касайтесь этих дел.

2. *Предназначение действия или предмета для кого-чего-либо:* аракчин пиракио-да-ни меша, гулако-да-ни (с-к. Геш) - аракчины (летние тюбетейки) носят и старики и дети; и алафдар чан късал дору ай (кр. Джафр) - это растение полезень для многих болезней; мард-(д)а риш-у ру, зан-да Му-ву ру (ск. Хонако) - мужчине к лицу борода, женщине-волосы.

3. *Причину, цель:* ма-ш набоша дъ руз-да гъшнаги-да мемъра (ю-к. Ёл) - не будет его матери, он от голода за два дня умрет; бефараги-да мърдум (г-к. Зулмобод, Яван) - я умираю от усталости; чи кор-да умади, Олим? (кр. Шангжч) -ты по какому делу (зачем) пришел, Олим?

4. *Принадлежность:* пештаро хонахои бонги бъд мо—да (с-к.- Геш) - раньше у нас были дома с плоскими крышами: асо-си мири хиссор-да тобее бъдем (г-к.-Сари Мазор)-(в прежние времена) в основном мы подчинялись гиссарскому миру (правителю); бача hozир дар шъмо бисйор ку! (кр. Каланак) - у вас теперь много детей!

5. *Орудие, предмет, посредством которого осуществляется действие:* кълол да маъндow ов мехърдай (с-к. Муминабад) - гончар пьет воду черепком; ихо райи нара-найo-да рафтан (с-к. Хонако) - и пошли они непроходимой (букв. не иди - не приди) дорогой; бад дар сатил шурwo рвардас (в-кр. Куглик) потом в ведре суп принес; һини амир солимхон-да падари хъд-а сали хъд-ъш-да печонда гурондан (з-к, Давлатшоён) - во времена эмира Олимхона моего отца похоронили, завернув в его собственную чалму; кузача-да ow бийоръм (з-к. Дехбуль) - я принесу воды в кувшинчике.

6. *Отношение лиц друг к другу:* вай да ин амаки меша (г-к. Туда) - он ему приходится дядей.

7. *Совместимость действия:* пештар и кишлок, да у кишлок чанг бъдан (кр. Каланак) - раньше этот кишлак с тем кишлаком враждовали.

8. *Предмет обмена, стоимость:* шаш сум-да дъ мърг меша (з-к. Давлатшоён) - за шесть рублей две курицы будет; пеш вахт йак курпа доштан, дар бист токи гандъм фърухтан (в-кр. Калаи

Лаби Об) - в ту пору было у них одно одаёло, за двадцать тубе-теек пшеницы продали.

Предлог **ба** южных говоров совмещает функции трех предлогов современного литературного таджикского языка - **ба, бо, дар**. С помощью предлога **ба** и его диалектных вариантов в говорах выражаются пространственные, инструментальные, комитативные и ряд отношений, указывающих на направление действия к объекту - лицу или предмету.

Предлог **ба** в южных говорах имеет относительно меньшее распространение, чем предлог -послелог **дар/ да/да** и послелоги **-нда/-нда, -на**, с которыми он сближается по ряду синонимических функций. Южнодиалектный **ба**, в отличие от северных говоров и разговорной формы таджикского литературного языка, употребляется преимущественно в качестве предлога. После-сложное употребление **ба** отмечается крайне редко лишь в единичных случаях. Об этом свидетельствуют также наблюдения исследователей и опубликованные материалы по гиссарско-кулябским говорам (долинный), говору Мирзой (Яван), гиссарским Успенская 1962, 27, 80 - № 56, 9-6-й-№411; Чалолов 1967, 19-20, 88; и бадахшанский Розенфельд 1971, 14/.

В материалах по южным говорам фонда отдела диалектологии ИЯЛ имени Рудаки послелог **ба** не отмечен вовсе.

Предлог **ба** распространен несколько шире, сравнительно с прочими южными, в говорах бадахшанских, как в отношении его значений, так и по своему употреблению. Одной из особенностей употребления предлога **ба** в бадахшанских говорах является относительная близость его функций к литературному языку. Судя по материалам, предлог **ба** в этих говорах предпочтительно употребляется при указании направления, а также при указании на адресат, в то время как предлог **дар** в этих значениях здесь употребляется значительно реже, чем в остальных южных говорах.

Диалектные варианты предлога **ба -бай, бе, бей ва/ва** распространены преимущественно в вахиинско-каратегинских, частично в каратегинских и севернокулябских говорах. По-видимому, все они представляют собой не только разновидности фонетического характера, а, как свидетельствуют материалы, в известной степени дифференцируются и функционально. В частности, предлог **ба** характеризуется кругом значений, выражающих пространственные, инструментальные, номинативные

отношения; предлоги **бе**, **бей** обозначают преимущественно цель и назначение действия; предлог **ва|wa** указывает на способ и орудие действия. Ср.: Додарбек **батъюк** ба сари сағър зад (кр.Халкарф) - Додарбек оглушил сурка палкой по голове. В первом случае **ба** обозначает орудийность, во втором - направление. Или: мандат бей бачаи райис бьдаст (с-к. Шуиноу) - мандат, оказывается, для сына райса (в данном предложении **бей** указывает назначение); **бе** ow омадъм (кр. Нимич) - я пришла за водой (**бе** выражает цель); **Wa** хаами камун мезанъм (в-кр.Нушор) -вог этим ружьем буду стрелять (предлог обозначает орудийность).

Функционально-семантическая дифференциация группы предлогов **ба** и др. возможно, объясняется различием их происхождения. Так, предлоги **ба**, **бай**, **бе**, **бей**, по-видимому, восходит к древнеперсидскому **патий**, среднеперсидскому **пад**, классическому **ба**, обладавшему в языке классической литературы широким кругом значений, что наблюдается и в современных южных говорах таджикского языка. Предлог **ва/wa** вероятно, восходит, к среднеперсидскому **апак** (абак), классическому **аба** /Лазард1963,423-424/, который в современном таджикском языке отражен предлогом **бо**. Предлог **аба**(классич.) в диалектах употребляется в форме **ва**.

Предлог **ба** (и его варианты) в южных таджикских говорах служат для выражения следующих значений:

1. **Направлениедействия**: вахт ки йофтем, ба калхос меравем (кр.Ялдамич) - будет время, сходим в колхоз; рьндък ба кърташ часпид (рог.Ходжагалтон) - репей прицепился к ее платью; ба дърахт мером, ай дърахт мефром (с-к. Шайдон) -на дерево я взбираюсь, с дерева спускаюсь; шумо мебойад ба Андароб бьравед (бд.Гармчашма) - вы должны пойти в Андараб; ов- а бачалак бьндоз (бд.Горон) - налей воду в ведро; мурата-васти ба гардан-ът (рог.Ходжагалтон) - ты одела бусы себе на шею»

2. **Адресат**: тий оқа бай мо мефъруша (в-кр. Кул) - дубинку он продаст нам; бай акайи Мирзо чой бьги (кр.Джафр) подай чаю ака Мирзо; хайфи дьхтар-ъм, ки ба марди ганда афтод (з-к. Давлатшоён) - жаль мою дочь, что плохому мужу досталась; орд-а ба хьд-ът набърди-йо? (бд. Нуд) - ты что, не принесла себе муки?

3. **Соответствие, подобие**: лахча-тун-ам ба хаами мардъм мемуна (в-кр. Хичборак) - ваш говор похож на говор тех людей; руйи ть

ба руйи пари мемуна, воре ки қад-ът паст(т)ар-ай (кр.Каланак) - твое лицо подобно лику пери, да ростом ты не удалась.

4. *Цель, назначение:* ар кас ба фоидаи хъдиш гап мезана (рог.Ходжагалтон) - каждый говорит в свою пользу; и дар столовой кор мена, бе гандъм умад (в-кр. Қалаи Лаби Об) - она в столовой работает, за пшеницей пришла; бачама фиристондам Һойит бе пъл (в-кр.Яхакпаст) - я послал своего сына в Хаит за деньгами.

Отличительной особенностью предлога ба в бадахшанских говорах является употребление его при инфинитиве для выражения намерения совершать действие. Инфинитив при этом, выступая в качестве имени действия, сопровождается спрягаемыми формами вспомогательного глагола или глагольной связки (синонимично конструкции намерения с причастием будущего времени на-й - типа рафтани): ма ба рафтан-ъм (бд.Козиде) - я собираюсь идти; ба рафтан шидай (бд. Козиде) - он собрался идти; мор маро дид, сьни мо омад маро ба газидан (бд.Сист) - змея увидела меня, подползла к нам (собиралась) меня укусить; саръш-а ба шиштан бъд (бд. Козиде) - она собирается мыть голову.

5. *Орудийность, способ действия:* дар зъмин ва ишкам задас (кр. Нимич) - он лег животом на землю; ира ба дъст духтай (с-к. Муллокони) - это она вручную шила; тушкан лалма пьгоҳ меко-ран ба ови борун (с-к, Муллокони) - богарный картофель ранней весной сеют, под дождь.

6. *Время:* ба соли дига акъ мактаб мерава (с-к, Шайдон) он теперь на следующий год пойдет в школу; ба Һени оw рафтан-ъм у омада бъд (с-к. Ховалинг) - он пришел в то время, когда я ходила за водой; бай рузои йакшанбе бърем (с-к. Ховалинг) - по-едем примерно в воскресенье.

Предлог ай/а/аз по своим функциям не имеет каких-либо существенных отличий от литературного языка. Во всех южных говорах этот предлог служит для выражения пространственных отношений, указывающих на исходный пункт, начало, источник действия, движения предмета; все остальные значения предлога связаны с этим основным. Функции предлога ай состоят в указании на:

1. *Исходный пункт в пространстве, направление действия от или изнутри предмета, а также с его поверхности:* ай Къшт пьга рафта бъд (ю-к. Ёл) - из Кишта он отправился поутру; имшавгоw ай пода найомадас (рог.Ходжагалтон) - сегодня но-

чью корова из стада не пришла; отам аслан ай Сарихосор омадаги (з-к. Бальджуан) - отец мой родом из Сарихосора; дахмардо моли калхоза ай пышта мехамбонан сьни дара-да (г-к. Зогнуль) - пастухи спускают колхозный скот с холмов в ущелье; уно аз Хуросон омадаги (бд. Багуш) - они из Хорасана пришли; гелидъм ай асп (з-к. Дехбуль) - я свалился с лошади.

2. *Направление действия через, сквозь предмет или среду, а также переход через, за предмет:* ай оw читари мезгари? (с-к. Ховалинг) - как ты через реку переправишься?; соеатам ай панч гъзашт (с-к. Хонако) - на моих часах больше пяти; и ришта ай пълишки сузан намезгара (г-к. Туда) - эта нитка не проходит сквозь ушко иглы.

3. *Временные значения предлога ай проявляются главным образом в связи с семантикой имени, при котором предлог употребляется, а также в зависимости от общего смысла высказывания:* Саедълло ай сахармерава (з-к. Давлатшоён) - Садулло отправится с утра.

4. *Местонахождение у края_чего-л.:* дъта ай и параш мошина-въ дъта ай у параш (кр. Кадара)-двое сидят с этой стороны, двое - с той стороны; ба аспа ай уруйи копрък бастам (с-к. Хонако) - затем лошадь я привязал с той стороны моста.

5. *Место приложения действия:* ай тафъм гир (с-к. Каланак) - возьми меня за плечо; хъка задум ай пешуни-ш (г-к. Мирзон Боло) - я выстрелил в лоб кабану; аз дасташ оста бъгир (бд. Гармчашма) осторожно бери ее за руку.

6. *Причину, источник, действия или состояния (радости, печали, опасения и пр.):* ай бетамизи сакаw мешай (рог. Ходжагалтон) - от неоприятности ты рассопливался: байд аз дълхуши, рубои аз гам (бд. Козиде) - бейты (поют) от радости, рубои от печали; касали сил бъсьор ай дикқат пайдо мешава (кр. Нимич)-чахотка часто появляется от тоски; ай ташнаги-ра мурдастам (з-к. Саталмуш) - я умираю от жажды; хамика йордам-ъш каан, бо сагира ай мън хафа ай (в-кр. Нушор) - столько ему помогали, а (этот) сирота все на меня в обиде; и мусъфед ай ачина метарсидас (в-кр. Куглик) - этот старик боится нечистой силы; ай райси калхос азар мекъна (рог. Ходжагалтон) -он побаившается председателя колхоза.

7. *Объект мысли или речи:* гапназане ай хар (в-кр. Кул) об осле не говорите; ай хозиразамон намедони? (з-к. Давлатшоён) - что-нибудь знаешь о современном /международном/ положении?

ай Фъзайл хиш дарак дори? (кр.Кадара) - о Фузайле имеешь какие-нибудь вести?

8. *Источник приобретения, узнавания и т.п.:* накли аспа ай къдом шънидай? (з-к. Давлатшоён) - сказание о лошади от кого-то слышал? ай магазин чумайи хуб гъръфтъм (с-к. Шугноу) - я купил в магазине хороший ватный халат; савор ай дили пийода чи хабар дора? (кр. Шархо) - что понимает всадник о пешеходе? ин калимора ай гъчо йофте? (кр. Ялдамич) - где вы нашли эти слова? ови Ширинбулок ови хуб-ай, ай чъбор нестай, ай чах-ай (з-к. Бальджуан) вода в Ширинбулаке хорошая, не из арыка, из колодца.

9. *Целое, из которого берется часть, или совокупность или категорию предметов, из которых выделяется один (или группа):* ма ай ино гърифта бьдъм (з-к. Давлатшоён) - я взял из этих (вещей); ай севн хъд-шу пайван овард-ъ баад пайванд-шу кард (кр. Шархо) - он от своих яблок прививку принес и потом привил их; ай шириндонаш бийор (з-к. Руиоб) - принеси из тех со сладкими ядрышками; шъмо ай ранги сьрх гирен, малим, сабз медавидай (з-к. Олучадара)-вы, учитель, возьмите красного цвета (материал), зеленый линяет; Файзьло, ай сев дъта-сета от къ (ю-к. Хирманджоу) - Файзулло, брось-ка из них два-три яблока; ай хаи шахро Кадучи дийам-ъ Ховалинг-а дийам (с-к. Шайдон) - из этих городов (селений) я видела Кадучи и Ховалинг.

10. *Материал, из которого сделан предмет:* ай чуви бед чорта тарк мекънан (з-к. Чавроги Боло) - из ивового дерева четыре лопасти делают; мала аз санг иста (бд.Гармчашма постройка из камня; дъстака ай дърахти ареар, чормах мебъран (с-к. Чарги Боло) - рукоятки вытачивают из тополя, ореха; ай когаз истакон кардийан, марожни мефруша (кр.Навде) -из бумаги делают стакан, продают мороженое.

11. *Сравнимый предмет, лицо:* ай и хъщрутар накл къне-да мо нависем (кр.Ялдамич) - расскажите-ка (сказки) лучше этой, чтобы мы их записали: у бачайе-ш ки умаа въд, ай и лъмб-ай (кр. Кадара) - тот его сын, что приходил, старше этого; ай у долони пешангиича хув бьдай, шъмол намедъройа (кр.Обигарм) - здесь лучше, чем под тем навесом перед домом, ветер не доходит; ай мън йозда сол калун-ай (кр.Джафр) -он старше меня на одиннадцать лет.

12. *Принадлежность:* хаки ма ки нарава, ай ть намера (з-к. Давлатшоён) - если моя доля не пропадет, (так) твоя-то тем бо-

лее (сохранится); ть дьхтари кисти? - ай ар дьш (р-г. Ходжагалтон) - ты чья дочь? - обоих (родителей); и дос ай ки? - ай чийат (ю-к. Ёл) - это чей серп? - Твоей матери; аввал ай мо танидаст-ъ баед ай Фотима (с-к. Каланак) - сначала у нас начали завиваться коконы (шелкопряда), потом у Фатимы; ай мардако-ни, ай занак-ни медал доран (с-к. Муминабад) - и у мужчин и у женщин есть медали.

Из основного значения предлога ай удаление, отделение от предмета - в зависимости от семантики глагола-сказуемого развивается ряд иных значений, например, - указание на отличающийся предмет: Балчувон ай мо фарх дора (с-к. Хонако) - (население) Бальджуана отличается от нас; переход из одного состояния в другое: ба ай хаами кърчакбод ки бърома, чошт сърх мешава (с-к.) - после такого провеивания (лопатой)) получается куча отборного зерна.

Предлоги **то, бе, барои** в южных говорах ни по функциям, ни по кругу значений, выражаемых ими, ни фонетически не отличаются от соответствующих предлогов литературного языка. Некоторые диалектные особенности проявляются лишь в том, что предлоги **барои**, реже **то**, как и многие другие предлоги южных говоров, употребляются в предложно-последложных конструкциях, когда имя, при котором стоит предлог, оформляется еще и послелогом.

Предлог **то**, как и в литературном языке, обозначает предел распространения действия в пространстве и времени: дави гусала **то** дари кадун-а (кр. Джафр) - бег теленка до двери сенника; ай ами нъмич **то** нойит-а (кр. Нимич) - от самого Нимича до Хайта; ай кишлок **то** фърмаи калхос ика дур не (в-кр. Ярхаб) - от кишлака до колхозной фермы не так далеко; ай соли чили йакум **то** чили нъхъм малима бъръм (кр. Каланак) - с сорок первого года по сорок девятый я была учительницей; шъмо **то** чан вакте мeste ича-да? (з-к. Давлатшоён) - до какого времени вы пробудете здесь? мън хъръм **то** хаами қариби-ра чойи памил мехъръм (кр. Шархо) - я сам до самого недавнего времени употреблял черный чай. В сочетании с именами, обозначающими количество, предлог **то** указывает на количественный предел: хъръм танхо, неки **то** йак сад-ъ си кило мечиндум (г-к.) - я (сам) один, однако собирал до ста тридцати кило.

Как и в литературном языке, в южных говорах отмечен составной предлог **то ба**, причем употребление предлога **ба** придает высказыванию усилительное значение: шау **то ба** руз-а фикри пилонқаш-ъм (с-к. Муминабад) - всю ночь до утра я в думах о планировании.

Предлог **бе** употребляется, как и в литературном языке, в одном значении - отсутствие чего-л.: **хиц ки бе печка зиндагоки карда наметуна** (в-кр. Куглик) - никто без печки не проживет; **бе калхос истъкомат каа намешава, калхос чъзи хуб-ай** (с-к. Дашти Майдон) - без колхоза не проживешь, колхоз - дело хорошее.

Предлог **барои** используется для обозначения: а) цели действия, указывая на предмет, явление, ради которого оно совершается: **барои додарът-а шотиме меоя** (з-к. Дехбуль) - ради твоего братишки, может, придет; **дарза-ра барои қоқ шидан по мезанан** (с-к. Ховалинг) - снопы для просыхания ставят вертикально; **мурч боша, дангича-да медози барои сакав, бад сийат мешай** (рог. Ходжагалтон) - если есть черный перец, насыпь его в похлебку, от насморка, потом поправишься; **амсойаҳо бароии меҳмоноии аз дур омадаги аяқот меқънан** (бд. Андароб) - соседи готовят пищу для гостей, приехавших издалека; б) *причины действия*: **Файзи барои қор-ъш медал ғрифтан** (с-к, Чарги Боло) - Файзи получил медаль за свой труд.

Предлог **барон** отмечен также в сочетании с предлогом **ай** (ай барои/аз барои), однако это сочетание широкого распространения не имеет и в материалах представлено единичными примерами: **ай барои ҳами гандъм ҳеч қо рафта натунистайсодъм** (с-к. Дараи Мухтор) - из-за этой пшеницы никуда пойти не могу.

Предлог-последлог **кати/кати/кайи** широко употребляется во всех южных говорах. Выступая в качестве предлога, **кати** выражает преимущественно номинативные отношения, а в качестве последлога - орудийность и способ действия. Ср. предлог **мънравам, бози меқъна кати бачо** (кр. Каланак) - я пошла, (а) он играет с детьми; **қати бърғат чанг хурд** (з-к. Давлатшоёи) - он с бригадиром повздорил; **мъ кати у Хогвалинг-на рафта въдъм** (рог. Ходжагалтон) - я с ним ходил в Ховалинг; **фърмаи Дашти Шур о кайи Қаселанак йақчо-ай** (с-к. Муллоқони) - ферма Дашти Шуро вместе с Каланакком. Но последлог: **милтик кати, қорд, табар кати чанг қардан** (бд. Сист) - и ружьями, и ножами, и топорами воевали; **чъгина кати ба хърман-а шоли-ра мийовардем** (с-к. Геш) - на волокушах необмголоченный рис возили.

Эпизодически отмечены случаи, когда последлог **кати** употребляется для выражения совместности: **гудако кати чобъравем, мега** (з-к. Давлатшоён) - она говорит, куда же мы с детьми пойдём, а предлог **кати** - в значении орудийности: **кати мошин мебаръм-у мунд** (ю-к. Ёл) - на машине отвезу и оставлю; и **пийола-йа кайи ови чуш шишти?** (с-к. Муллоқони) - ты эту пиалу вымыла кипятком?

Послелог

Послелог **-ра/-а** относится к разряду служебных формантов, лишенных самостоятельного лексического значения. Повсеместно в южных говорах после слов с исходом на гласный употребляется послелог **-ра**; вариант **-ро** в речи носителей говоров отмечается в редких случаях, обычно в обстановке, приближающейся к общению на литературном языке (ай въчо айон-ъш мекънем дарсо-ро? (с. к. Ховалинг, на учительской конференции 1948 г.) - как нам сделать уроки наглядными?), или же в результате прогрессивной ассимиляции под влиянием предыдущего **о** (моло-роһисоукардай(с-к. Ховалинг) - он, оказывается, сосчитал скот). Вариант **-а** употребляется после согласного: мь Тохир-а мегу охъ, Ньсима не (с-к. Ховалинг) - так я же о Таире говорю, а не о Наоиме.

В южных говорах этот послелог распространен очень широко и обладает большим кругом синтаксических функций, что свидетельствует о сохранении в рассматриваемых говорах традиционного литературного использования послелога **-ра**, свойственного в большей степени языку литературы классического периода/Залеман, Жуковский 1890, 19-21; Овчинникова 19561; 19562; Гаффоров 1973, 39/.

В южных говорах распространены два типа употребления послелога **-ра**: как самостоятельного служебного форманта, несущего на себе грамматическую нагрузку, а также в составе предложно-послеложной конструкции, где основным средством выражения грамматического и смыслового значения является предлог. Широкое употребление послелога **-ра** в предложно-послеложных конструкциях отличает южные говоры от современного литературного языка, свидетельствуя о сохранении в этих говорах архаических черт, характерных для языка классических авторов.

Функции послелога **-ра/-а** при самостоятельном употреблении без предлога состоят в указании на:

1. *Прямой объект* (при переходных глаголах): нун-тун-а хурдъм (в-кр. Нушор) - я поел ваш хлеб; маска-ра ов кардъм (бд. Козиде) - я перетопила масло.

2. *Адресат*: бъра Анвар-а бъгу (в-кр. Яхакпаст) - иди скажи Анвару; бофънда~ра пъл додем (кр.Кадара) - ткачу мы деньги дали; зани Мирзокарим-а метем (с-к. Ховалинг) - мы дадим жене Мирзокарима; мемоно-ра чой бьте (з-к. Давлатшоён) -

подай гостям чай. При обозначении адресата действия личным местоимением I л.ед.ч. глагол очень часто опускается: ма-ра гълемча! (з-к, Зогнуль) (лит. ба ман гилемчаро дех!) - мне коврик!

3. *Объект речи:* хамсойат-а, меган, мъхочири мерава-у (в-кр. Нушор) - что касается твоего соседа, говорят, он переселяется...; Йусуфчон, ть кадъм чъшма-ра мегуй? чъшмайи Сънчито-ра (в-кр, Нушор) - Юсуфджон, ты о каком роднике говоришь? - О роднике Санджито.

4. *Причину:* беоби-ра полезо пъчала шъдан (з-к. Пушѐни Миена) - от безводья все огорды высохли; харо дар хаминчо мемуран гишнаги-ра (кр. Камароу) - ослы здесь погибли от голода.

5. *Время:* у очаш-да, тирамо—ра мийом, гуфтай (с-к. Дахана) - он сказал матери, мол, приду осенью; пештаро-ра хами хел бъдай (с-к. Муллокони) - в старину так, оказывается, было; йак сутка-ра дужурни мекъъм (в-кр. Язганд) - одни сутки я дежурю.

6. *Принадлежность:* при этом послелог **-а/-ра** используется в качестве показателя связи препозитивного определения с определяемым, оформленным местоименной энклитикой: пенсйара фойида-ш-а дид качала Аудулло (з-к. Бальджуан) - пользу пенсии кривой Абдулло понял; гъндъшк-а елча-ш-да медъройавъ бача-ш-а мехъра (с-к. Муминабад) - он проникает в гнездо воробья и съедает его птенца. Определительные сочетания такого типа в южных говорах, как утверждают исследователи /Розенфельд 1960,12; Богорад 1956,144; Неменова 1956,32; Успенская 1962,317, употребляются реже, чем в северо-западных говорах и современном литературном таджикском языке. В говорах засвидетельствованы и более старые типы конструкций: шаҳ-а аспо афзол кардем (в-кр. Яхакпаст) - мы оседлали лошадей жениха. В приведенном предложении **-а** указывает на прямую принадлежность. Эта функция послелога **-а/-ра** была широко распространена в языке классической литературы, в настоящее время в литературном языке она воспринимается как признак особого стиля и употребляется редко /Джураев 1967,129-130; Гаффоров 1973,42; Овчинникова 1956,1. 385.

В говорах, в частности в фольклоре, например, в поговорках, отмечена аналогичная упомянутой выше функция послелога **-а/-ра**, а именно - указание на обладание каким-либо признаком или соответствие признака предмета или явления другому предмету: хамир-а мушт, аврат-а пушт (з-к. Туткаул) -тесту (чтоб стало удачным) (нужны) кулаки, женщине (надежная) опора (род-

ня); пийоз-а пуст-ъш бисъюр-ъ занак-а дуст-ъш (кр. Ялдамич) - у луковицы много кожурок, а у женщины ухажёров).

Многозначность послелога *-а/-ра* в южных говорах способствует в ряде случаев утрате его основного грамматического значения, что особенно проявляется в предложно-послеложных сочетаниях, развитых в рассматриваемых говорах (см. следующий раздел).

В систему послелогов южных таджикских говоров входят синонимичные предлогу-послелогу *дар/да/-да* некоторые послелоги пространственного значения: *-ънда/-нда*, распространенный в каратегинских говорах, и *-на*, распространенный в рогских и частично в бадахшанских говорах.

Послелог *-на*, являясь, по-видимому, стяженным вариантом *-нда*, употребляется в тех же значениях, что и послелоги *анда*, *-да* и предлог *да/дар*. Спецификой указанного послелога является характер его территориального распространения. Послелоги *-да*, *-ънда* довольно широко распространены не только в южных, но и во многих других говорах таджикского языка. Так, *-ънда* засвидетельствован в юго-восточных говорах (Дарваз, Ванч, Вахио Балло), *-анда* - в ферганских и матчинских, послелог *-да* имеется в варзобском, каратага² и игорном гиссарском говорах. Что же касается *послелога -на*, то он распространен почти исключительно в южных говорах, и то не во всех, а, как было сказано, в рогских и бадахшанских, да эпизодически в вахинско-каратегинском говоре.

Послелоги *-ънда/-нда*, *-на* употребляются в названных говорах, как и предлог-послелог *дар/да/-да*, для выражения пространственных, временных и некоторых объектных отношений, указывая при этом:

1. *Место нахождения предмета или совершения действия*: хами чомоеат-ънда калон-ъш Йахакпаст бъд (в-кр. Яхакпаст) - в этом сельсовете самый большой кишлак был Яхакпаст; и колхоз-ънда кор каагим (кр. Кадара) - я работал в этом колхозе; калхоз=на чанд менат кадай (рог. Бадринг) - в колхозе он заработал сколько-то трудодней; Кулоб=на будим (бд. Кухилал) - мы были в Кулябе.

2. *Направление действия во внутрь или в сторону предмета*: бъдройе хуна«нда (в-кр. Кул) - войдите в дом; хона-на давида бъра (рог. Ходжагалтон) - беги в дом (домой); Сарикул-на рафтим (бд. Нижгар) - мы поехали в Сарикуль.

3. *Время совершения действия* (со-словами, выражающими понятие времени): *кавт* *файрод* *кардъги* *вахт-ънда* (в-кр. Сарикенджа) - во время пения куропатки; *мъ* и *кърта* *интихобот-на* *пушидъм* (рог. Ходжагалтон) - я это платье надевала на выборы; *говъш* *йак* *мо-на* *шир* *надод* (рог. Бадринг) - ее корова в течение месяца не давала молока; *вахти* *совети-нда* *агарот* *бърома*, *пеш* *вахт* *полечи* *бъд* (в-кр. Чильдара) - в советское время огороды появились, в прежнее время (их называли) *полечи* (огородником, бахъеводом).

Как и предлог-послелог *дар/да/-да*, послелогои *-ънда/-нда*, - на употребляются с числительными в составе конструкций, означающих возраст: *шаст-ънда* *дърмадаст* (в-кр. Оксой) - ему исполнилось ... шестьдесят; *афтод-аштод-на* *рафтас* (рог. Ходжагалтон) - ей лет семьдесят-восемьдесят есть.

Послелогои *-ънда/-нда*, - на выражают также объектные значения, в частности, при указании на адресат: *амаща* *бурда* *ки-на* *мета?* (рог. Балуч) - все это унесет, кому отдаст? при выражении отношений между лицами: *мън* *шъмонда* *хорзом* (в-кр. Нушор) - я довожусь вам племянницей (дочерью сестры).

Послелог *-вори/-* *вори*, указывающий на сходство, подобие одного предмета другому, широко распространен во всех южных говорах и обычно используется для оформления сравнительного оборота. Послелог *-вори* обладает единственным значением и функционально адекватен литературному *барин*, который для южных говоров не характерен и встречается в единичных случаях. Чаще всего — *вори/-вори* оформляет сравнительный оборот в сочетании с отыменными предлогами *ранги*, *сохти*, *қади*: *муво-т* *сийа* *ранги* *мъвори* (рог. Ходжагалтон) - у тебя волосы черные вроде моих. Примеры самостоятельного употребления: *мъшинг* *нахът* *вори* *сийоҳ-ан* (с-к. Муллокони) - мушунг, как горх, темный; *барф* *бълан* *мезана* *инча* *Сарихосорвори* (з-к. Балъджуан)-снега здесь насыпает высоко, как в Сарихасоре.

В южных говорах, как и в литературном языке, засвидетельствованы слова и сочетания-, использующиеся в функции послелогов, в частности *исън* - начиная с... и далее, и имеющие ограниченное распространение, главным образом икаратегинских говорах: *вай* *порина* *исън* *хов-* *ай* (кр. Шуле) - он (радиоприемник) уже с прошлого года бездействует.

Предложно-последложные конструкции

В южных говорах широко распространены предложно-последложные конструкции, в которых слово или словосочетание оформлено одновременно предлогом и последлогом. Практически каждый из первичных предлогов может сопровождаться последлогом. Наиболее часто употребляются одновременно с последлогами предлоги, выражающие пространственные, временные, причинные, орудийные и комитативные отношения. Отыменные изафетные предлоги южных говоров, как простые, так и составные, также употребительны в сочетании с последлогами. В составе названных конструкций часто выступают последлоги *-а/-ра*; *-да,-ьнда/ нада,-на*; *кати;-вори*. Одни из них употребляются почти со всеми предлогами, как первичными, так вторичными, к ним относятся последлоги *-а/-ра*, *-да,-ьнда/-нда,-на*, другие же — с более узким определенным кругом предлогов, к ним относятся последлоги *кати* и *-вори*. В предложно-последложных конструкциях основную семантико-грамматическую нагрузку несет предлог, последлоги же выполняют дополнительную чисто грамматическую функцию, они усиливают значение, выражаемое предлогом, и, еще более подчеркивая его, как бы очерчивают все предложное словосочетание (ба Мурод=а (с-к.- Муроду). Одновременное употребление предлогов с последлогами засвидетельствовано не только в южных говорах, это явление отмечено во всех таджикских говорах, как в юго-восточных, так и в северных, и центральных, а также в устно-разговорной форме литературного языка. Однако степень распространения предложно-последложных конструкций по говорам различна.

В говорах северной группы последлог *-а<-ро* употребляется с предлогом *аз*, указывающим на причину, и с предлогом *то*, означающим предел во времени и пространстве (Расторгуева 1952, 52; 1956, 34; 1961, 29; Керимова 1959, 19; Хамрокулов 1961, 35; Эшниеёзов 1967, 45; Тагирова 1959, 24). В этих же говорах широко распространены последлог *-ба/-ва* при именах со вторичным (и отыменными) предлогами. В центральных говорах (зеравшанских) предлоги *то* и *аз* часто употребляются с последлогом *-а/-рам*; как можно судить опубликованным текстам, употребление последлогов с другими предлогами имеет распространение, но, по-видимому, не столь широкое, как в южных говорах (Хромов 1962, 67). Широко используются предложно-последложные конструкции в юго-восточных говорах, в частно-

сти в дарвазских, где распространены те же сочетания предлогов с послелогоми, что и в южных говорах /Махадов 1972,2/.

1. В южных говорах послелог **-а/ра** употребителен в сочетании с предлогами **ай, то, ба**, редко с **да**.

С предлогом **ай/аз** он употребляется, когда предлог указывает на: а) *причину действия или состояния* (это наиболее частый случай): из 45 фраз с предложно-послеложной конструкцией **ай... -а/ра** 30, т.е. две трети, обозначают причину): ай кофтан-а хамика шидъм (с-к. Ховалинг) - от розысков вот какая я стала; Ахмад ай хубиш-а авъру йофт (в-кр. Нушор) -Ахмад приобрел авторитет благодаря своим достоинствам; б) принадлежность:оличабандак ай апам-шун-ай (с-к. Муллокони)вишневое деревце моей старшей сестры; в) время: хаштодта нон бастъм ай ами саъари-ра (с-к. Муминабад) - восемьдесят лепешек испекла я сегодня с раннего утра; г) исходный пункт: ай Ленинобод-а хат роҳи кардан (с-к. Ховалинг) -письмо из Ленинабада прислали; е) сравнение: бачи и ай бачи тъ-ра сад ра хуб-ай (з-к. Дахана) - ее сын во сто крат лучше твоего; д) материал, продукт, из которого что-либо изготовлено: ай хами ругани чормағз-а кадмол меънем (кр. Шинглич) - из этого орехового масла мы слоеные лепешки печем.

2.С предлогами **ба/бе/бей** послелог **-а/ра** употребляется при обозначении: а) направления действия: ба ота-т бъгу-да, бей хунаи мо-ра бъйойа (в-кр. Нушор) - скажи своему отцу, пусть придет к нам; уво ба раҳйун-а рафтан (с-к. Муллокони) - они ушли в район. Из данного основного значения предлога **ба** "направление движения к пункту" вытекает значение "направление движения до какого-л. предела", также реализуемое в сочетании с послелогом **-а/ра**: ай Шугнов у тараф ҳажда километир-ай ба Тавилдара-ра (с-к. Наврухо) -от Шугноу в ту сторону до Тавилдары восемнадцать километров; шав ба руз-а қариw омадай (в-кр. Кул) - ночь (по длительности) становится равной дню; ба сад-а чор соли дига мундай (кр. Кадара) - до ста лет осталось еще четыре года; б) адресат: мъ ба тъ-ра гъфтъм-ку (кр. Каланак) -я ведь тебе сказал; ҳезумо-ра ба хъштуман-ъш-а бурд (с-к. Муллокони) - дрова он понес своей теще; в) цели, назначения: кай кор мени ба калхоз-а? (кр. Хумдон) - когда станешь работать для колхоза? бей Карим-а одам мундан (в-кр. Бушор) -за Каримом человека послали.

В сочетании с предлогом **бе** послелог **-а/-ра** отмечен в единичном примере: **бе ангур-а мезийи, неки бе нун-а намеша** (с.к. Дахана) - без винограда проживешь, но без хлеба -никак.

3. С предлогом **то** послелог **-а/-ра** используется главным образом при обозначении предела во времени (причем наиболее широко) и пространстве: **ай хами Нъмич то һоит-а вейрун шъд** (кр. Нимич) - от этого Нимича до Хаита (все) было разрушено; **то чил-ъ чорум-а кор кардам** (кр. Ялдамич) - до сорок четвертого я работал; и **читари хирман бъдай ай пъгах то вега-ра гандъм вардоштаисан, т(о)/оли-ра буд-ъш накардийан** (з-к. Дарай Мургон) - это что за хирман, с утра до вечера пшеницу возят, и до сих пор не закончили.

Из основного пространственного значения сочетания **то... -а/-ра** в зависимости от контекста развиваются и другие его оттенки, например, предел в оценке, цене: **йа асп то хазор сум-а места** (с-к. Муллокони) - одна лошадь стоит до тысячи рублей.

Послелог **-да,-ънда,-на** употребляются с предлогом **дар/да** в следующих значениях: а) места: **аввало мън да лароки гушт-да кор мекардъм** (з-к. Давлатшоён) - сначала я работал в мясном ларьке; **да хонаи котиб-на** (рог. Ходжагалтон) в доме секретаря; **дар Йалдамич-ънда дахмарда-ай** (кр. Каланак) - он (работает) пастухом в Ялдамиче; б) направления: **дар магазин-ънда румол овардан** (в-кр. Нушор) - в магазин привезли (головные) платки; **бобо—м да гелосо-да оw'-ъш мета** (с-к, Муллокони) - отец отводит воду к черешневым деревьям; в) время: **дар ҳажда руз-ънда се иморта сохтем** (в-кр. Нушор) - за восемнадцать дней мы построили три помещения.

С предлогом **ба** послелог **-да,-ънда,-на** используются в сочетаниях, указывающих направление: **кузови мошин зад ба девол-ънда** (кр. Хумдон) - кузов машины врезался в забор; **бийо ба хонаи мо-на бърем** (рог. Ходжагалтон) - пойдем к ним в дом.

Предложно-послеложные конструкции типа **дар... (ба...),-ънда (-да ,-на)** в южных говорах представляют реликт старой традиции, широко развитой в языке классического периода, в котором **андар** в функции адверба употреблялся постпозитивно.

С предлогом **ай** послелог **да,-анд; -на** сочетаются: а) при указании на исходный пункт в пространстве и времени, источник, причину: **солони ай Авгонистун умадаги-нда-ш бъзбала-бъд** (в-кр. Нижгар) - в годы приезда из Афганистана он был молодым человеком; **ай гап-ънда-м бефара мешай** (кр. Кадара) - и от

разговоров устаешь; б) при сравнении одного предмета с другим (одна из характерных для южных говоров сравнительных конструкций): и бача ай у-нда зур-ай (в-кр. Нушор) - этот мальчик сильнее того; у ай мь-да калон-ай (ю-к. Зардолувак) - он старше меня; мь ай у-на се сел калонъм (рог. Ходжагалтон) я старше его на три года.

Послелог **-вори/вори** обозначая сходство, подобие, широко употребляется с отыменными предлогами **ранги, сози, шакли, кади**, которые в известной степени сохраняют свое значение и также указывают на сходство, подобие при сравнении одного предмета или лица с другим: чышмо-ш ранги бьқавори сьрх шьдийан (г-к. Гумбулаки Поён) - глаза у него стали красными, как у быка; бачои Азиз сози алмасти вори мечириган (ю-к. Ёл) - дети Азиза визжат словно алмасти (баба-яга); муҳо-ш кади мавори шидас, тьрошидан-ьш (с-к. Муминабад) у нее волосы выросли, как у меня, (потом) их состригли.

Предлог-послелог **кати/ кати**, употребляясь постпозитивно, часто сочетается с предлогом **ба/ва**. Эта конструкция используется обычно в значении способа и образа действия, что и характерно для предлога **ба** в южных говорах (сравнительно с его основным локативным значением. Примеры: **ванами һила кати**... (в-кр. Сарикенджа) - вот такой хитростью... **ть ба дьст-ьт кати маһкам бьқан**(с-к. Ховалинг) - ты покрепче держись руками; **мь ай Шуробод ба Чагам кати Сарчьшма рафтъм** (рог. Ходжагалтон) - из Шурабада в Сарчашму я шел через Чагам; **Бухоро ба Уротепа кати мерафтем** (с-к, Муллокони) в Бухару мы ходили через Уратюбе.

Вторичные (изафетные) отыменные предлоги

Как в литературном языке и других таджикских говорах, в южных также в служебной функции предлога используются некоторые имена, соединяющиеся с последующим словом при помощи изафета. Такого рода отыменные предлоги могут употребляться одновременно с первичными предлогами и послелогом; некоторые из них, употребляясь в предложной конструкции без изафета, стоят перед первичным предлогом. Отыменные предлоги легко сочетаются с местоименными энклитиками, обозначающими в предложении косвенное дополнение. По имеющимся материалам, основная масса имен в южных говорах, используемых в качестве предлогов, употребляются и как слова

полнозначные, и как служебные, что способствует проявлению в определенной мере их лексического значения и в функции отыменных предлогов.

В отличие от литературного таджикского языка значительное количество отыменных изафетных предлогов в южных говорах сформированы с участием послелогов и представляют собой предложно-послеложные сочетания. Соотношение компонентов составного предложно-послеложного сочетания таково: отыменный предлог, сохраняющий в известной степени лексическое значение, выражает конкретные оттенки грамматической связи слов в предложной конструкции, уточняя более абстрактное значение предшествующего ему первичного предлога; послелог, следующий за именем, усиливает и уточняет грамматическое значение предлога. Например, ба пеши сьмч-а рафтас (с-к. Ховалинг) - он подошел к пещере; в предложном сочетании ба пеши... -а основное общее значение направления действия выражено предлогом ба; именной предлог пеши конкретизирует направление -к лицевой, передней стороне предмета, в данном случае к входу в пещеру; послелог -а, употребляющийся в южных говорах как показатель адресата, к которому направлено действие, оформляет все предложное сочетание и уточняет общее значение направления действия, т.е. непосредственно к предмету, Или: асп дар пышти девол-ънда (в-кр, Нушор) - лошадь (находится) позади стены; в предложном сочетании дар пушти... -нда предлог дар указывает на местонахождение предмета; именной предлог пышти- и соответственно своему лексическому значению указывает, что предмет (в данном случае лошадь) находится позади, за другим предметом (в данном случае позади стены, за стеной); послелог -нда, совпадающий по значению с предлогом дар, оформляет все предложное сочетание, усиливая связь слов в словосочетании и подкрепляя основное значение, - указание на местонахождение предмета. Для современного таджикского литературного языка употребление послелогов в составе предложного сочетания нехарактерно.

Состав изафетных отыменных предлогов, насколько можно судить по материалам, уже, чем в литературном языке. Одной из характерных черт южных говоров в этом отношении является использование в служебной функции полнозначных слов более конкретной семантики и чрезвычайно редкое употребление в этой роли слов абстрактного значения, в противоположность

литературному языку, где они легко вовлекаются в систему предлогов. Таковы, например, слова *муддат* - срок, период, *зарф* - промежуток времени, *давом* - продолжение, *муносибат* - соответствие (ба *муносибати*... - соответственно), *шарофат* - честь (ба *шарофати*... - в честь) и др., которые в сочетании с первичными предложениями укрепились в качестве отыменных предлогов в литературном языке.

Отыменные предлоги южных говоров подразделяется на следующие группы:

1. *Общетаджикские предлоги*, употребляющиеся как в литературном языке, так и в говорах. Это главным образом предлоги, образовавшиеся от имен с пространственным и временным значением: *пешни* - перед, к (от «пещ»; *пышти* - за, позади (от «пушт»); *қариби* - вблизи, у (от «қариб»), *ақибни* - за, позади (от «ақиб»); *пасни* - после, за (от «пас»); *болон* - над, поверх, (от «боло»); *тайни* - под (от «таг»); *гърди* - вокруг (от «гирд»); *байни* - между (от «байн»); *мобайни* - посреди (от «мобайн»); *сари* - у, около (от «сар»); *руйни* - на, поверх (от «руй»), *минаи* - посреди (от «миёна»); *сьни* - в(сторону), на (от «суй»); *тарафи* - в (сторону) (от «тараф»); *баеди* - за, после, спустя (от «баъд»); от имен, выражающих понятия причины: *ба сабаби* из-за (от «сабаб»); *боиси/ай боиси* - по причине (от «боис»); совместности; *хамрахи* - с, вместе с (от «хамрох»); соответствия: *баробари* - наравне с, наряду с (от «баробар»).

2. Предлоги, употребительные в литературном (преимущественно книжном) языке, но мало или вовсе неупотребительные в говорах. Эту группу составляют предлоги, образовавшиеся от имен с абстрактной семантикой типа упоминавшихся выше, *дар мѣддати* в течение (от «муддат»); *дар давоми* - на протяжении, за (от «давом»), *ба муносибати* в отношении и т.п. Некоторые из подобных слов известны и в южных говорах, однако перехода их вразряд слов с двойкой функцией (полно-значных и служебных - как средств выражения синтаксических связей) в говорах не произошло. Использование их в качестве предлогов наблюдается лишь в единичных случаях, в речи людей образованных и бывалых: *дар мѣддати панчруз ниҳол шинундум* (кр. Халқарф) - рассаду я сажал в течение пяти дней /Розенфельд 1960,43/.

3. Предлоги, не употребительные в литературном языке, но широко использующиеся во всех южных говорах: *тори* - на, над (от «тор»); *ай дѣсти* - по причине, из-за (от «даст»); *дѣмби* - за, по-

зади (от «дум»); чени - наподобие (от «чен»); ранги - подобно (от «ранг»); сохти - наподобие (от «сохт»); бахши - ради, для (от «бахш»); дар вартан - в отношении (от «варта»); кади - вдоль (от «кад» - пространственное значение), кадри - подобно (от «кадр»).

4. Предлоги, узкодиалектного характера, распространенные по отдельным говорам. К ним относятся: отыменный предлог гардани - у, около, вблизи; за (что-л.); на (что-л) (от «гардан») (гардани мех-да - за гвоздь; на гвоздь), который засвидетельствован в каратегинских и кулябских (за исключением гиссарско-кулябских) говорах, предлог синголи/сингори - подобно, используемый в гиссарско-кулябских говорах для указания на сходство, подобие, предлог маси/махси - для, за (чем-л.), распространенный в бадахшанских говорах.

Значение и употребление отыменных предлогов, общих с литературным языком

В характеристике значений вторичных предлогов целесообразно более детально осветить диалектные особенности системы этих предлогов в южных говорах. С этой точки зрения они делятся на следующие группы.

Предлоги, выражающие пространственно-временные отношения, к ним относятся следующие предлоги.

Предлог пеши-перед широко распространен во всех южных говорах, как самостоятельно, так и с первичными предлогами ба, да, ай и послелогами -да, -на, -нда и -а/-ра. При местоименных суффиксах, обозначающих лицо или предмет, к которому направлено или с которым связано действие, он употребляется без изафета. Предлог пеши в зависимости от контекста, семантики слов, которые он связывает, указывает на лицо, предмет, место, к которому направлено или перед которым происходит действие. Различными оттенками пространственного значения обладают также первичные предлоги и послелоги, сочетающиеся с рассматриваемым именным предлогом: ба пеши Саулат-а намерай? - (рог. Ходжагалтон) - ты не пойдешь к Саулату? Давлатов пеши хунаи райшолк-да шиштаги бѣд (с-к. Кипчок) - Давлатов сидел у дома зав.райшелком. Предлог пеш (без изафета) употребляется в том же значении перед энклитическими местоимениями: ба пешаш намерай?-ты не пойдешь к нему? Предлог пеши в южных говорах употребляется преимущественно при именах и местоимениях, обозначающих лицо; со

словами, обозначающими место, он используется реже. Предлог **назди**, близкий по значению предлогу **пени** и широко употребительный в литературном языке, в южных говорах мало употребителен.

Предлог **пъшти** - за, позади распространен во всех южных говорах; употребляется и самостоятельно и с первичными предлогами и послелогами, указывает на предмет, место, позади которого что-либо находится или совершается какое-либо действие: **асп дар пьшти дeвол-ънда** (в-кр. Нушор) - лошадь за стеной; **пушти рай ферма** (бд. Яхшвол) - за дорогой на ферму; **камон-а мегира пьшти бонг мерава** (с-к. Турбат) - он берет ружье, уходит за крышу; **пушти куйи Коф-да фърома** (г-к. Мирзои Поён) - он опустился за горою Коф. Этот предлог указывает также на предмет, вслед которому направлено какое-либо действие: **ай пьшт-ъш назорат када йа шаw йаке капидум-ъш** (ю-к. Хирман-джоу) - выслеживая его, однажды ночью я его поймал. Синонимами предлога **пъшти** в говорах являются предлоги: 1) **паси**: **паси хами къх-на агбадора, рах дора** (в-кр. Чильдара) - за этими горами есть перевал, есть дорога; **гоw паси бонг-на** (рог. Ходжагалтон) - корова позади крыши; 2) реже **акиби** и **кафои**: **кыйи Дъмбола акиби Сърхав-на** - (в-кр. Чильдара)-гора Думбола за Сурхавом (назв. реки).

Предлог **болон** (часто в сочетании с первичными предлогами и послелогами) указывает на: а) лицо или предмет, на который направлено действие: **мо дар боло-ш рафтем, ки хест дар сари мо давид!** (кр. Шинглич) - мы на него двинулись, а он вскочил и побежал на нас! **болон кудако-да хамийоза накъ** (г-к. Сарн Мазар) - глядя на детей, зевать нельзя (народная примета).

Предлог **руйи** - на, над в пространственном значении сближается с предлогом **болон** и употребляется при указании направления к поверхности предмета или местонахождение на верхней части его: **ба шикам зад руи гълем-да, навиштайсодай!** (з-к. Бальджуан) - животом лег на ковер и пишет! **руи курпача-на бъши** (рог. Ходжагалтон) - сядь на курпачу. Диалектная специфика в использовании этого предлога обнаруживается в следующих текстах: **да руи асп метарси?** (с-к. Дашти Шуру) - верхом на лошади боишься? **бор-а руи ас(п)-да мепартойа** (г-к. Яван) - груз он погрзузил на лошадь; **ай руи харгалтидъм** (с-к. Мулюкони) - я свалился с осла. В сочетании с предлогом **ай** предлог **руи** употребляется для указания на причину, источник соверша-

емого действия или на его обстоятельства: Анвар ай руйи беакли-ш-а зан-ъш-а талок, кард (в-кр. Бушор) - Анвар по глупости развелся с женой.

Предлог **тайи/таи** - под, широко распространенный в южных говорах, употребляется в пространственном значении (часто совместно с первичными предлогами и послелогами), указывая на местоположение предмета внизу, под чем-л. или на направление действия вниз, подо что-л. или из-под чего-л.: еъсман, ай таи по-т дуд меруяа (с-к. Дашти Шуро) - Усман, у тебя из под ног дым идет; мо рафтем тайи бог-ънда, дар таи дарахто ховкардем (в-кр. Нушор) - пришли мы к самому саду, легли спать под деревьями.

Предлог **минайи/минаи** - среди (от миёна) в пространственном значении указывает направление действия на середину чего-л. или место действия в середине, среди чего-л. дар минайи бутта бачо шъдем (кр. Каланак) - мы спрятались в кустах. При именах временной семантики этот предлог указывает на действие, происходящее в середине или в разгар какого-л. периода: дар минаи эъмистон хамика хъньке шидай (с-к. Мазори Сулгон) - среди зимы стало так холодно; мъ минахон март-да мъйом (с-к. Ховалинг) - я приеду (примерно) в середине марта.

Предлоги **мобайни, байни** - среди, между, синонимичные с предлогом **минаи**, отличаются от него стилистически как более близкие к литературным: ай вахти бъхор йак дълхъньки мобайни мо пайдо шъд (в-кр. Хаит) - с весны между нами возникла размолвка. Эти предлоги во временном значении указывают на действие, происходящее в течение определенного периода: дъхтар мобайни йаг-дъ руз саһат шъд (с-к. Гелот) - за пару дней девушка поправилась.

Предлог **съни/суи** - в сторону очень распространен в южных говорах самостоятельно и в сочетании с первичными предлогами и послелогами. Основное пространственное значение - указание местонахождения предмета либо места или направления действия: съни дара хай мекъна (з-к. Дараи Мургон) - он погоняет (коров) к ущелью; бърс съни дара-да астай (с-к. Чарги Болло) - береза есть в ущелье; мор маро дид съни мо омад (бд. Сист) - змея увидела меня и подползла ко мне; почо съни вазир-ъш гъф (кр. Кадара) - царь сказал (обратясь к) визирю; съни ма ниғах къ (з-к. Саталмуш) - взгляни на меня! Употребление в речи слова **съи** в качестве предлога способствует значительному стиранию

его лексического значения, тем не менее оно используется в говорах не только как предлог. В отдельных случаях оно предстает как нечто среднее между полнозначным и служебным словом, в частности, в сочетании со словами абстрактного пространственного значения: *Қалеанак сьни чо?* (с-к. Муллоқони) - в какой стороне Каланак?

Предлог *тарафи* - синоним предлога *сьни* не имеет столь широкого распространения; указывает местонахождение чего-л., а также направление или место действия: *тарафи Дьскьли-да камтар зьмин мондас* (с-к, Ховалинг) - в стороне Дускули немного (невспаханной) земли осталось. При указании на адресат этот предлог в говорах не употребляется.

Предлог *дъруни/дъри/даруни* широко распространен в южных говорах, употребляется при указании на местонахождение внутри чего-л. или направление действия во внутрь чего-л.: *рафтъм даруни Ховалинг-ьнда, угам омадъм аминчо* (в-кр. Ёзганд) - я пошел в Ховалинг, а потом пришел сюда; *мор-а дидъм дар дъруни елча хов- ай* (с-к. Ховалинг) - я видел змею, лежит в норе (внутри норы); *баъд ихо мехамбан шаар-да* (с-к. Наврухо) - потом они спустились в город.

Одним из дополнительных оттенков значения предлога *дъруни/дъри* является указание на полный охват чем-л., например: *хурчин дар дъри хун шидай* (г-к. Зулмобод) - переметная сумка стала вся в крови; *дъри борун-да шита шидем* (г-к. Калфи Сават) - мы насквозь промокли под дождем (букв. внутри дождя); употребляясь при количественном числительном, предлог *даруни* указывает на возраст: *дар даруни бист-ай* (кр. Казнок) - ему двадцать лет. В предложно-последовательных конструкциях с последующим -а при переходных глаголах *даруни* в определенной степени воспринимается как полнзначное слово, например, в следующих фразах: *дъруни агарот-а, дъруни огьло-ра накофти?* (с-к. Ховалинг) - ты не искала внутри огорода, внутри хлебов? у вах йа далилак-а мекард-у *дъруни огъл-ш-а хавармегърифтак* (с-к. Геш) - в такое время она зажигала свечку(фитилек) и заходила посмотреть (что делается) в хлеву (букв. посмотреть внутренность хлева).

Предлог *гърди/гирди* - вокруг употребляется при указании на местоположение вокруг или на предмет, вокруг которого совершается действие: *гърди кишлоки мо къхсора* (рог. Бадринг) -

вокруг нашего кишлака горы; латай мъ гърди фъкъм гърифтаги (с-к, Ховалинг) - платок мой повязан вокруг подбородка.

Предлог сари -из, при, на, широко использующийся в южных говорах, употребляется самостоятельно и в сочетании с первичными предлогами и послелогоми. Соответственно своим основным лексическим значениям предлог сари указывает на начало, край, непосредственную близость или поверхность чего-л., где совершается или куда направлено действие. В зависимости от семантики глагола и имени, употребляемом с этим предлогом, а также общего смысла высказывания различаются локативные и временные значения сари. Среди его локативных значений наиболее четко выделяются: а) направление к началу, краю, верхушке, непосредственно к предмету или месту: зоғ париди да сари йак хор шишт, кар-кар кард (с-к. Сарихосор) - ворон полетел, сел на колючий куст, закаркал; рафтъм сари адърна (рог. Ходжагалтон) - я пошла на холмы; ай Авоғонистн умад сари Лал-на (бд. Сист) - он пришел из Афганистана в Лал; их омадийан сари тут бърмадийан (г-к. Яван) - они пришли, взобрались на туговое дерево; б) местонахождение у начала, края, на верхней части предмета либо в непосредственной близости от него: е, хаму сари купрук-ънда ҳаст хона-шу (кр. Ялдамич) - ей, их дом у самого моста; мъ сари девол шиштъм, тъ омади (рог, Навобод) - я на заборе сидела, (когда) ты пришла; в) направление на объект: хирс гаштай, ба сар-ъш омадай ба мъеалим (с-к. Саталмуш) - медведь возвратился, бросился на него, на учителя; ба сари хаму чойник-а мерава (с-к. Муллоқони) - он (ребенок) так и стремится к этому чайнику.

Временные значения сари проявляется в обозначении начала периода: сари бухор чул бурдастон (с-к. Дангара) - в начале весны в степь погнали (стадо).

При целевых значениях предлог сари, как правило, указывает на желаемый или необходимый предмет: холам ба фърма-ра ба сари шир омадас (рог. Ходжагалтон) - моя тетка пришла на ферму за молоком; ба сари орд омади? (бд. Козиде) - ты за мукой пришел?

В южных говорах, как и в других таджикских говорах и литературном языке, слово сар образует устойчивые изафетные сочетания с употребительными словами: сари ра - у дороги, при дороге, на дороге; сари пул - у моста, сари куҳ- на горе, сари бозор - на базаре, сари чашма - у источника, сари мазор - у мазара,

сари сол - ранней весной и др. Причем часто **сар** сочетается со словами, для которых основным значением является трудовой процесс, какое-л. действие или состояние: **сари дьрав** на жатве, **сари чъф(т)** - на пахоте, **сари кор** - на работе, за работой.

Именно в составе устойчивых сочетаний **сар** стало ослаблять знаменательное значение, приобретая способность к выражению релятивных (служебных) отношений. По-видимому, изафетные сочетания устойчивого характера являются промежуточным звеном в становлении **сар** в определенных условиях как слова служебного. Следует также отметить довольно продуктивный в южных, как и других таджикских говорах, способ образования топонимов на основе таких сочетаний, см. например, названия населенных пунктов: **Сари чар** - сел. в Среднем Каратегине, **Сари Мазор**-сел. вблизи Файзабада, **Сари Чъшма** - сел. в Южном Кулябе, **Сари Шъхун**-сел. в Верхнем Каратегине, **Сари Хосор** - сел. в Северном Кулябе и много других. В них прослеживается служебное значение **сари** -около, вблизи, при, на краю.

Изафетные предлоги узкодialeктного характера

Предлоги данной группы также, как и другие отыменные, образовались от полнозначных слов, перешедших в разряд служебных. Дialeктными они считаются потому, что полнозначные слова, из которых данные предлоги возникли, только в говорах, обрели служебную функцию (в отличие от литературного языка), о чем упоминалось выше. Основная масса вторичных (изафетных) предлогов дialeктного характера употребительна во всех южных говорах, а некоторые из них специфичны для отдельных говоров.

Предлог тори -на, над (тор - верх, верхушка) указывает местонахождение наверху или направление действия наверх. Он употребляется в этих же значениях и в сочетании с первичными предлогами **ай, дар, ба** и послелогами: **тори чормаг мебърумаум, бачомешидъм** (кр. Кадара) - я взбиралась на орешник, пряталась; **овхърак къшо-на-с?** - **тори чайлов -на-с** (рог.Ходжагалтон) - где кружка? - На помосте.

Предлог тори - синоним общетаджикского предлога **болои**; отличия их выявляются в круге значений, и, следовательно, в сфере употребления: **тори** употребляется исключительно при обозначении пространственных отношений, направления кверху или местонахождения наверху, в то время как **болои**, помимо

пространственных отношений, может выражать указание на лицо (несущее за что-л. ответственность): кор-ь бори хуна да болом-ай (с-к. Ховалинг) - вся работа по дому на мне.

Предлогдѣмби - за, позади, вслед указывает на предмет следования, употребляясь самостоятельно и с первичными предложениями и послелогами: ай дѣмби уво умадашдем (кр. Сангихо)-мы пришли вслед за ними: шав дѣмби ть Севара-на рафта вѣдѣм (рог. Ходжагалтон) - вчера я вслед за тобой ходила в Себдару.

Предлогбари (I) - при, рядом, с краю (бар - сторона, край), весьма распространенный во всех южных говорах, соответствует по значению литературному предлогу пахлуи, некоторым значениям предлогов рун, пеши, указывая на непосредственную близость к предмету, рядом с которым, при котором что-либо находится или происходит: занчир бари дар - на (рог. Ходжагалтон) - цепь на двери; бари хунаи хѣдѣм-да хуна дора (с-к. Ховалинг) - у него дом рядом с моим домом.

Предлогбари (II) - из-за, ради (бахр - причина), в отличие от литературного языка, употребляется в качестве предлога, указывающего на причину какого-либо действия, явления: ин навбѣна-ай, бари хами хуна-ш нѣмера (кр. Хилмони) - она недавно вышла замуж, из-за этого не ходит в родительский дом Сочетания этого предлога с первичными предложениями не отмечены.

Предлогкади - вдоль (кад - длина, протяженность) распространен во всех южных говорах, обладает преимущественно локативным значением указывая на действие, совершаемо вдоль чего-л.: мо бог-ѣнда кор мекардѣм ки дар кади рох бѣгзашт (кр. Ярхаб) - мы работали в саду, когда он прошел (вдоль) по дороге; накло хас ку, пот-а кади курпа дарозку (з-к. Сари Мазор) - есть ведь поговорка: протягивай ноги по одеялу (т.е. соответственно его длине).

Предлогдами.- указывает местонахождение или место действия вблизи чего-л.: хуна-ш дами ра-да-ай (с-к. Гелот) --его дом у (самой) дороги.

К числу предлогов диалектного характера двойственной природы, т.е. употребляющихся и как однозначные слова, в южных говорах относятся дахани при, у входа, отверстия (от дахан- рота) и дари - около, при, у. (от дар - дверь).

Слово дари как бы совмещает значение адверба (рядом, возле) и предлога (у, около, при): дидѣм-ѣш дари хунаи Шоса-

ид-ънда (к. Хумдон) - я его видел возле дома (у дома) Шосаида; дар дари ҳеҷаи сьгиър савза нест (в-кр. Куглик) - около нор (возле нор) сусликов травы нет. Во фразеологическом обороте **дари мардъм кор кардан** - работать по найму (живя) у чужих людей - компонент **дари** в очень малой степени сохраняет следы своего основного лексического значения "дверь" и функционально сближается со служебным словом - предлогом со значением "у", "при": ай вахте ки сойиби еақл шидем дари мардъм-да мьздъри кардем (кр. Гафилобод) - с тех пор как я себя помню (букв. "мы"), мы работали по найму у чужих людей.

Слово **дахани/дахи** в функции предлога обычно в сочетании с первичными предлогами и послелогоми указывает на местонахождение у отверстия, при входе и т.п. или направление действия, к отверстию, входу и проч: сетили оу-да дахани дар-ъм-да хамита меовард (г-к. Яван)-ведро воды он вот так приносил к моим дверям. Одна из разновидностей указанного выше устойчивого оборота содержит в своем составе этот предлог: **дахи дари йата-да мардикори мекади?** (кр. Гофилобод) - у кого-нибудь (ты) работая по найм чернорабочим? Предложное сочетание ай **дахани** указывает на осуществление действия сквозь, через что-л.: дьхтар ай дахани дарбача нига кассодай (с-к. Муллокони) - девушка смотрит через оконце.

Слово **тани** употребляется в качестве служебного слова (часто в сочетании с послелогоми) в значении "за", "вместо": хона-да мекард, тани одам-да хечи намекъна (з-к. Оби Ширин) -(у себя) дома все делал, за другого же человека ничего не сделает.

Образование релятивного значения у слов **дар**, **дахан**, **тан** это явление, наблюдаемое, кроме южных, и в других таджикских говорах и в общенародном языке.

Предлог танаи - на (поверхности чего-л.) (от **тан** -тело; ствол; поверхность)- локативного значения, указывает (обычно в сочетании с первичными предлогами и послелогоми) местонахождение предмета непосредственно на поверхности чего-л.: **танаи девол-да соеат** (с-к. Ховалинг) - на стене часы.

Группа причинно-целевых предлогов диалектного характера **бахши** из-за; **боиси/(ай) боисти** - по причине: **рости/ба рости** - для, ради; **ай рости** - о, относительно; **ай дьсти/ ай дьстаи** -из-за.

Особенностью слов **бахши** и **боисти** в говорах является их употребление исключительно в качестве служебных слов - отыменных изафетных предлогов, которые часто функционируют

совместно с первичным предложом ай, указывая на причину чего-л.

Предлог бахши при этом указывает на предает, ради или из-за которого производится какое-либо действие: бахши моло, бахши гово берун ховмерем (с-к. Мазори Султон) - из-за скота, из-за коров мы спим во дворе (т.е. на улице); ма-т бахши ть тьхм пьхт (ю-к. Йол)-мать для тебя яичко сварила; ай бахши хами матасикл чан хичит-му кааст (ю-к. Хирманджоу) - из-за этого мотоцикла сколько упреков нам сделал.

Предлог бойиси указывает на предмет, являющийся целью или причиной какого-либо действия: ай бойиси барф-борун-а бсьйор шьдан-ыш хамачо сел шьд (в-кр. Бушор) - из-за снега сильных дождей везде случилось наводнение (сели); ай боисти Карасоч омадан (з-к. Дараи Мургоб) - они пришли ради Карасоч.

Предлог дьсти в говорах употребляется только с первичным предложом ай (ай дьсти /ай дьстаи) и указывает на причину какого-либо состояния, явления или действия: ай дьстаи кор-ъм бобо-м-а намебиньм (с-к. Муллокони) - из-за (занятости) работой я своего отца не вижу; ай дьсти шавзот соф хов каа натунистум (ю-к. Хирманджоу) - из-за насекомых совсем не мог спать.

Предлог рости в говорах употребляется только с первичными предложениями ба, ай (ба рости, ай рости); ба рости указывает на предназначение: и ба рости Давлат-а (с-к. Дашти Щуро) - это для Давлата; зира-ра ба рости лесхоз мечинем (с-к. Хонако) - тмин собираем для лесхоза. Предлог ай рости указывает причину: ай рости кудако ба хичо нарафтан (кр. Яяда-мич) - из-за детей они никуда не поехали.

Предлоги, обозначающие сравнение, подобие, соответствие, имеют место также в южных говорах. Изафетные предлоги сравнения типа монанди – подобно, распространенные в литературном языке, здесь в частности, мало употребительны. Их, как правило, заменяют отыменные изафетные предлоги диалектного характера, такие как чени (от чен - мера) -подобно; кади (от кадр - степень) - как, ранги (от ранг цвет) - наподобие, как, сохти/сози (от сохт - строение, форма) подобно, как: шакли (от шакл - форма) - как, доди²⁰ подобный (по возрасту). Их служебное значение тесно связано с лексическим и развилось из него.

²⁰Дод - в значении "жизнь"; "возраст", "год" /Ягелло 1910,615/

Предлог чени²¹ - подобно, соответственно употребителен в сочетании с первичными предлогами и послелогоми и без них в следующих значениях: а) указание на сравниваемый предает, по каким-либо качествам подобный первому: Глноз чени паривори хъшру-ай (кр. Ялдамич) - Гульноз хороша, подобно пери; дигада дънйо чени у чъвон йофт намешава (с-к. Муминобод) - другого подобного ему юноши на всем свете не сыщешь; ийо чени уво нестан, уво хубан (кр. Хелак) - они не такие, как те, те хорошие; б) указание на соответствие (по размеру, возрасту и т.д.): кайсынгъл-ъш чени ман бъдай (с-к. Бальджуан) -ее золовка по годам была мне ровесницей; (калон, нестай, ба чени пом-ай (г-к. Туткавул)-не велики (туфли), как раз мне по ноге; в) указание на время, момент, период; ба чени чормах шидан-а меои (с-к. Муминобод) - приедешь в пору созревания орехов; мъ пъга Анчируо мерам, чени йаг соеат-да мъйом (ю-к. Ёл)-завтра я пойду в Анджиоров, за один час я обернусь; чени арусим-да бъд (с-к.) - это было в бытность мою невестой.

Помимо служебной функции, чен в южных говорах известно и как полнозначное слово, например, в значении "мера, размер" (хар дыш йак чен-ай - оба они одного размера).

Предлогқади по своим функциям сближается с предлогом чени, выражая подобие одного предмета другому, соответствие их по качествам, свойствам и размеру. Однако круг их значений полностью не совпадают: қади не употребляется во временном значении, зато в отличие от чени обычно используется при сравнении предметов по цвету, вкусу и некотором другим признакам. Примеры: саръш сафед қади пахта (с-к. Ховалинг) - голова ее бела, как хлопок; орди ман овардаги қади барф съфед бъд (з-к. Зогнуль) - мука, принесенная мной, была белой, как снег; қади лахча сийо мешава (с-к. Пушѐни Миѐна) - становится черным, что головешка; қади канд ширин-ай (в-кр, Язганд) - как сахар, сладок. При обозначении соответствия или сравнения по величине, размерам, степени интенсивности качества оба предлога қади и чени употребляется как синонимы: қади Порвор чои хув нест (ю-к. Ёл) - нет места лучшего, чем Порвор; қади тъ ишки нест хъшру (рог. Ходжагалтон) - никого нет такого красиво-го, как ты; қади куват-мон кор мекънем (кр. Оби Гарм) будем

²¹Чен - тюркск. /Радлов 1905, 2071/; в литературном таджикском языке известно в составе производных слов ченак (единица измерения), ченкуни - обмер.

работать по (соразмерно) своим силам; кади хаф мардина кор мекардым (с-к. Корез) - я работала за семерых мужчин; севи кади олича (с-к. Ховалинг) - яблоко (величиной) с алчу; плон нест, интизом нест, набоша куваи кори-шон кади мо-ай (с-к. Муминобод) - плана нет, дисциплины нет, а ведь рабочей силы у них столько же, что и у нас.

Упредлогаранги релятивное значение развилось из более общего лексического значения слова ранг - вид, образ. В южных говорах предлог ранги используется при указании на сходство или подобие, часто употребляясь с послелогом -вори, также выражающим уподобление: ранги райис нест? - хаму бачаш-ни ранги у (с-к. Муминобод) - он не похож на председателя? -Втот его сын тоже похож на него; ранги мо бе ота-ай (с-к. Дарай Мир) - она, как мы, без отца; муво-т сийа ранги мъ вори (рог. Ходжагалтон) - у тебя волосы черные, как у меня; чолакои арча ранги салла -вори мекъна-въ мерава (с-к. Муминобод) - (медведь) укладывает ветви арчи наподобие чалмы (пастуха) и идет; баъд мърда-ра ба ранги одами зинда ба руи хар мемона (с-к. Гелот) - потом покойника, словно живого человека, усаживает верхом на осла.

Синонимами предлога ранги в разных значениях в говорах служат слова переходного типа между полнозначными и служебными, например, шакли (шакли очаш-ай (с-к. Ховалинг)-наподобие своей матери), сохти (мъ сохти Зароб нестъм (с-к. Муллокони) - я не как Зароб), доди (акаш доди гози мо-да бъдай (с-к. Муллокони)-его старший брат по годам был как наш Гози; у доди мьн-ай (кр. Шархо) - он моего возраста найбило бачи йош-ай доди шьмо (кр. Хилмони) - Хайбулло молодой человек подобно вам), сози (бачахон Азиз сози алмасти вори мечириган (с-к. Даштиджум) - дети Азиз а визжат точно алмасти.

Помимо рассмотренных выше, в южных говорах имеется небольшое количество изафетных отыменных предлогов, не имеющих широкого распространения, и некоторые из них носят узко локальный характер, встречаясь лишь в отдельных говорах. К предлогам, известным во всех говорах, но использующимся редко, можно отнести следующие.

Предлог дар вартаи - относительно, про (кого-, что-л.), в котором трудно уяснить связь между лексическим значением полнозначного слова (варта - араб. бездна, пропасть; пучина водоворот/Гаффаров 1976, 889; Фарханг 1969, 226/22 служеб-

ным, хотя весьма примечателен тот факт, что дар вартаи в южных говорах указывает на отношение к чему-л. в контексте преимущественно отрицательного на него воздействия. Предлог этот в повседневной речи встречается редко и отмечен в фольклоре кулябских таджиков: дъhtar гуфт ки: хай падар, кори бад карди дар вартаи ма (из сказки, с-к. Шайдон) – ладно, отец, плохо сделал в мой адрес. Ты обошёлся со мной; коре къне, ки дар вартаи мо гаw найсован(р-к. Гумбулак)- сделайте так, чтобы в отношении не было разговоров.

Предлог **һини/һин...**(ар. «время», «период») способности к служебной функции развил из временного значения слова. В качестве предлога **w**часто в сочтании с первичными предлогами и послелогоми **һини/һин...** употребляется при именах, обозначающих времена года и при именах действия, протекающих во времени: **һини товистон-да гъвдъшко теф мекардан гъръфта мехърдан**(с-к. Муминобод)- в летнюю пору воробьи крылышками смахивали и поедали (ягоды): **дар һини суворшави омад**(в-кр. Куглик)- он пришёл во время посадки(в автобус). Предлог **һини...** отмечён в вххиинско-каратегинских и северокулябских говорах: в рогских говорах предложному сочетанию **да һини-** во время, в момент, в пору соответствует сочетание **дар айни** в том значении: **порина дар айни зардолу пъхтан омади** (рог. ХоджагалтонШ- в прошлом году ты приехала в пору созревания абрикосов. В кулябских говорах **һини** как знаменательное слово имеет значение «сезон», «пора». Ср.: **оличабандак оли-ам истодаги-ай, һин-ъш рафтаи**(з-к, Дараи Мургон)- вишня всё ещё держится (на деревьях) пора её прошла.

Предлог **вехи..-** у, при, к, около по-видимому, на основе одного из значений—«основа», «фундамент» -слова **бех**; употребляется в каратегинских северно-кулябских говорах в сочтании с первичными предлогами и послелогоми, укаывая на местонахождение кого-л., чего-л. или направление, место действия у основания чего-л. или непосредственно при чем-л.: **мун-ъш да вехи девол бъшнан**(с-к. Ховалинг)- оставь их, пусть сидят у стены; **ма вехи сътъм-да шъштъм**(с-к. Муллокони)-я сидел у самого при чем-л. **Столба**(прислоняясь спиной); **хаму гуянда-ра да вехи мън бъгу**(кр.Кадара)-тому говорящему ты при мне это скажи. В сочтании с предлогом **аз** указывает на самый начальный период действия: **райиси мо аз вехи умадаги заминои мардум-а чойри-кор мекард-наш** председатель когда-то с самого прихода (в эти

края) нанимался за четверть урожая работать на (хозяйских) землях.

Предлог **гардани...** (от слово **гардан-шея**) употребляется самостоятельно, а также с первичными предложениями и послелогоми и указывает на местонахождение вблизи или по ту сторону чего-л., а также направление: **йаг бед гардани хона аст-ку** (в-кр.Яхакпаст)-есть ведь(хозяйских) одна ива вблизи за домом; **токи мо-ра чо-да мондан?-гардани мех-да(з-к.Зогнул)- куда дели мою тибетийку?-(повесили) на гвоздь; дар гардани Қърған йа касшаш йашък пива додас(в-кр.Хичборак)-недалеко от Курган-тюбе один человек дал шесть ящиков пива.**

Предлог **гардани...** характерен для народного поэтического языка: **дар гардани кишлок иргай доръм(Амонов 1963, 447)- за кишлаком растёт кустарник «иргай»% дар гардани Файзобод париро куштан(Амонов 1963,,88)- за Файзабадом погубили пери(юную красавицу).**

Предлог **бази/вези...** и его структурный вариант-составной предлог **без ай/вез ай-** кроме, помимо распространен в основном в каратегинских и северно-кулябских говорах.

В остальных южных говорах более употребительны его синонимы **гайри, ба гайри**. Примеры: **панчо сентир дода бъдастан без ай дагавор-ъш(с-к.Дашти Шуро)-они, оказывается, пятьдесят центнеров помимо договора сдали; беги ами мол дига набъд(с-к.мазори Султон)-кромe этих корв других не было; веги хаму бо хуна хас, нетан-шу(в-кр.Нушор)-кромe тех, есть еще дома, им дадут; да сари мън без ай токии Қърбонъ али хичи токи рос намеойа(в-кр.Лангари Шо)-на мою голову, кроме тибетейки Курбонали, ни одна тибетейка не подходит.**

Предлог **зийи/зихи...**-Под, подле, относится к числу малоупотребительных; засвидетельствован в каратегинских говорах(Розенфельд 1969,77,,словарь): **да зихи паншох-ъш шалпар мешид, хов-ъш мебурд(кр.Кадара)- при этих вилах он так уставал, (что) тут же засыпал. Узколокальные предлоги маҳси/масидля, ради,из-за,по причине; куви/куви-вслед за; сингори/синголи-** наполобие отмечены в отдельных говорах и составляют их специфику. Предлог **маҳси/маси** распространен в бадахшанских говорах(Розенфельд 1971,17) и выражает причинно-целевые отношения, указывая на причину или предназначение: **у рафт маҳси оѡ(бд.Козиде)- она пошла за водой: мъ аз маси ть хондан партофтъм(бд.Козиде)- из-за тебя я бросила учиться;**

Азим маси бор рафтаст(бд.Яхшвол)- Азим пошёл за грузом; ди-на рафтъм маси сетка, надод(бд.Яхшвол)- вчера пошли за сетью, он недал. Происхождение предлога куви/куви неясно; в сочетании с первичными предлогами он отмечен в гиссарско-кулябских говорах Явана в значении «вследом за»: ба куви хъдъш-да дъромадъм(г-к.Яван)- я пошел следом по его(зверя)следам; мо дар куви руба бъдем(г-к.Яван)- мы шли следом за лисой(по лисьему следу).

Предлог сингори/синголи указывает на сходство, подобие: синголи дъхтари Салим вори шхх-ай(г-к)- она подобно дочери Салима озорная. Встречается предлог в гиссарско-кулябских говорах долинной и предгорной части современного Гиссарского района, причем в так называемом «долинном» говоре реже чем соседних, по типу отходящих к северной группе таджикских говоров(Успенская 1962, 33,69, пример). Исследователи склонны считать, что этот предлог восточноиранского происхождения(Успенская 1962, 33; Хромов 1962, 68; 1057).

Союзы

Основная масса союзов, употребительных в южных таджикских говорах известна и в таджикском литературном языке; отличает их лишь несколько иной фонетический облик. Группа союзов литературного языка, преимущественно книжного стиля, типа гарчи- хотя и, ба андозе ки – по мере того как в таджикских говорах вообще не употребительна.

Грамматические функции союзов, их употребление, семантические оттенки подробно рассматриваются в соответствующих разделах «Синтаксиса»(простого и сложного предложений). Здесь даны сведения о строении и составе союзов, а также характеристика диалектных союзов и их вариантов.

Структура и морфологический состав союзов

По своему строению союзы южных говоров, как и в литературном таджикском языке, подразделяются на простые, сложные, составные. Простые союзы южных говоров состоят из одного слова, обычно односложного или двусложного:у/ь/ву/вь- и; ки-что; который: то- пока: ага/агар- если: неки- но: wore- однако и др.

Простые союзы нечленимы и не соотносятся со знаменательными частями речи.

Сложные союзы в южных говорах, как правило, представляют собой слияние различных частей речи, в частности союза с частицей, например, агане- ане то; встречаются также союзные слова, как, например, глагольное образование *набоша-* раз так, то и др.

Составные союзы южных говоров являются одним из многочисленных разрядов служебных слов. Оно слагаются из двух или нескольких слов, выполняющих единую служебную функцию. По своему строению диалектные составные союзы схожи с аналогичными союзами литературного языка.

Составные союзы – образование более позднее, в их состав как обязательный элемент входит простой союз. В говорах наблюдаются случаи взаимозамены составных и простых союзов при передаче одного и того же смысла высказывания, например: *вакте ки чанг сар шуд, шари Первий Май-да бьдем/чангш ки сар шьд, шари Первий Мй-да бьдем(г-к)-* когда началась война, мы были в городе Первомайске.

Особенностью составных союзов в южных говорах, как и в литературном таджикском языке, является наличие в качестве обязательного компонента их состава многозначного собственно союза *ки*. Остальные компоненты уточняют, поясняют и развивают грамматическое значение союза *ки*, который широко используется в сложноподчинённых предложениях для связи придаточных с главным предложением (Точиев 1959, 61). Как правило, лексическое значение знаменательных компонентов составных союзов несколько ослабляется. Однако наиболее четко выявляются именно те их отвлеченные смысловые значения, которые указывают на характер придаточного предложения и выражают смысловые синтаксические связи придаточного предложения с главным.

Составные союзы в южных говорах довольно разнообразны по составу и способам образования. Полевые материалы выявляют значительное количество моделей, по которым образуются составные союзы в южных говорах; состав их аналогичен однозначным литературным составным союзам, за исключением тех, что содержат диалектные слова. При этом и аналогичные литературным союзы отличаются от них некоторыми фонетическими особенностями, определяющими специфику звукового состава южных говоров.

Кроме простого союза *ки* в качестве (дополнительных) компонентов составных союзов используются: 1) значимые слова-

существительные(вахте ки-в то время, как; һине ки-когда и др.); местоимения(хами ки-как только; чанде ки –сколько ни; чунон ки –так как; къдоме ки-такой, что и др.); наречия(кайе ки-когда; гичо ки-там, где; гичоёе ки-там, где и др.); 2) служебные слова-простые и составные предлоги, как основные, так и отыменные(то ки-до тех пор, пока; то чойе ки- до того места, где; дар чойе ки-там, где; брое ки- для того, чтобы; то чанде ки- настолько, что; ай вахте ки- с тех пор как; ай чихате ки- поскольку, что; ба сабабе ки- по той причине, что; ба шарте ки – если; 3)частицы и модальные слова(хо ки- то ли; қайтара ки- если бы; мьдом ки-в случае,если).

Именные компоненты могут быть распространены определениями чаще всего выраженными местоимениями различных разрядов: вопросительными, указательными, определительными, неопределенными(хами ки-там, где; хар боре ки-всякий раз, как; къдом чойе ки- повсюду, где; чи қадаре ки – сколько(бы)ни; хаму қадаре ки – столько, что).

В южных говорах говорах значительную в количественном отношении группу составных союзов представляют собой предложные и послеложные конструкции, например:аз он сабабе ки – потому, что; пас аз он ки – после того как; баде аз он ки – после того как; то вахте ки – до тех пор, пока; ай һине ки – с той поры, как; а также имена с первообразными предлогами и послелогами, например, да холате ки – в том случае, если.

Соствные союзы, соединяющие придаточные предложения с главным, выражают смысловые отношения- временные, причинные, целевые, сравнительные и прочие, сходные с грамматическими, выражаемыми некоторыми составными предлогами. Состав таких союзов в ряде случаев также сближается некоторыми отыменными составными предлогами: ср.:ба сабаби - по причине, из-за и ба сабабе ки – по той причине, что. В первой случае это составной отыменный изафетный предлог, во-втором случае-составной союз, выражающий причинную связь придаточного предложения с главным. В функции отыменных предлогов и союзов используются часто одни и те же имена, легко переходящие в служебные слова в силу отвлеченных лексических значений, например:вах/вахт(лит.вакт) – время; һин(диал.) – пора, время; чой – место; кадр/қадар – количество и др.

Однако грамматическая структура составных союзов четко ограничивается от структуры составных предлогов следующими

признаками: а) неприменным наличием в составном союзе подчинительного стержневого компонента - многозначного простого союза *ки* – что, который; где; когда; б) оформлением именно этого компонента союза постпозитивным артиклем *е*: *ба шарте ки*; в) возможностью присоединения к именному компоненту составного союза определения, выражаемого местоимениями: *ба он шарте ки* – при том условии, если.

Отыменные предлоги (в отличие от составных союзов) сочетаются с последующими именем изафетом (за исключением составных отыменных предлогов с постпозитивным простым предлогом типа *пас аз* – за, после: *гайр аз* – кроме).

Материалы южных таджикских говоров подтверждают известное положение о том, что союзы, будь-то в литературном языке или в диалектах, будучи соотносительны с предлогами и обнаруживая с последними частичный параллелизм логико-грамматических отношений (Виноградов 1972, 553) в отличие от предлогов выражают синтаксическую связь не только между словами и словосочетаниями, но и между сочетаниями слов и предложениями, выражая смысловые отношения между однородными членами простого предложения или между частями сложного предложения. По синтаксическим функциям союзы в южных говорах подразделяются на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы соединяют однородные члены предложения и отдельные предложения входящие в состав сложносочиненного предложения. По своему значению эти союзы в южных говорах, как *т* в литературном языке, делятся на соединительные, разделительные и противительные.

Сочинительные союзы южных говоров и их фонетические варианты в основном таковы: *-у/ву/вь/ь* и *ва* (редко) – и, да; *-ам/йам* – и, также; *ни/низ* – тоже, также; *бо/боз* – (еще) и.

Особенностью диалектной речи, в том числе в южных говорах, является неоднократное повторение союза *у* в зависимости от количества однородных членов в предложении (бессоюзное их употребление встречается редко): *шимак-ам йак ағ лафай-у не талх-ай-у не ширин-у нетърыш* (с-к. Хонако) – шумак тоже трава такая, и не горькая она, и несладкая, и не кислая; *бъз-мегиран-у медаван-у да аму пеши қарорга мепартойан* (с-к. Хонако) – козла хватают и скачут, и бросают в сторону того назначенного

места(с козлодрании). В предложениях с двумя и болееоднордными членами пвторяемость союза упри каждом из них выражает не только последовательность во времени или перечисление, но и придаёт высказыванию экспрессивность пуём особой усиленной интонации, особенно, когда на последнем из союзов как бы обрываются речь и он указывает на незаконченность перечисления: будана мегирундем-у гъндишк мепарундем-у бо боша мегирундем – у...(в-кр. Хичборак) – и перепелок(силком) ловим, и воробьев ловим, еще и сокола ловим.

Другой особенностью южных говоров является использование соза -у/-ъ в функции соединительной части компонентов сложнодеепричастных глаголов:рышкао кок шъда-у рафтестай (в-кр.Хичборак) – клевера совсем посохли.

Союз -у/-ъ в некоторых парных устойчивых(фразеологических) словочетания южных говоров, как и в литературном языке, выполняет функцию элемента, соединяющего в единое понятие различные именные компоненты(сар-у тан- облик, внешность), которые также могут быть синонимичными(рез-у ров – мелкая хозяйственная утварь; лок-у пар – одежда, мягкие вещи) или антонимичными(паст-ъ бяланд – трудный, неровный(букв. низкий и высокий; гарм-ъ хъгък – невзгоды(букв. горячий и холодный).

Синонимичный союз –ам/-йам широко распространен в южных говорах: мърчък сев-а покиза мехъра, ругано-ам мехъра(с-к.ЗаргаронЪ – муравьи яблоки на чисто съедают, жири тоже едят.

Повторяющиеся соединительные союзы указывают на те хесинтаксические(присоединительныеШ отношения, что и одиночные, к ним относятся:-ам...хам, -н...и, ни...ни, на...на, не...не, бо(з)...бо(з) –да, еще Эти союзы соединяют однородные члены предложения и выражают различные оттенки отношений тождества, уподобления, сходства при перечмслении или отрицании предметов, признаков, явлений, действий:хозир хам мехона, хам дарс мета(с-к.Пушённи Миёна) – сейчас он и учится и преподает; бъдана бур-ам хаст-ъ зардлем-ам хаст(кр.Дейохун) – перепелки бывают и серые, и желтоватые тоже бывают; хаму пешу хоно-ра ѳайвон ни мегем-у долон ни мегем(с-к.Геш) – помещение перед жилым домом и «айвон» мы называем и «долон» также говорим.

Повторяющиеся союзы на...на, не...не не всегда препозитивны:на ба пъл-ъш йофтем, на бепул(с-к.Заргарон) – ни за

деньги, ни даром мы не нашли; ма не аўсона-ра медонум, не чистон(с-к.Геш) – не знаю я ни сказок, ни загадок.

Союз **бо...бо/без...** происходит от наречия **без-снова**, еще, опять употребителен при перечислении:картышка мешава, бо-пийоз мешава, бо харбъза, бо тарбъз, бо кадь, бо шалГам, харчи мешава(г-к.Рохати) – картошка уродится, да(еще) лук, да дыни,да арбузы, да тыква, да репа-все уродится.

Союз **ва** –и в южных говорах употребляется очень редко, повидимому, из-за повсеместного широкого использования в его функции синонимичного союза –**у/-ь**.

Разделительные союзы южных говоров отличаются от соответствующих литературных лишь звуковым обликом:**йо/йо** ки – или, либо; а также повторяющиеся **йо...йо-ли...или**; **то**; **хо...хо/хох...хо-или...или**, **то ли**; **хойе ки...хойе ки- либо...либо**; **не то...не то**. Союз **хобе...жобе- то ли...то ли** соответствий в литературном языке не имеет. Все перечисленные союзы по значению и функциям близки между собой, однако не всегда взаимозаменяемы, поскольку каждый из них в определенном контексте приобретает характерный семантический оттенок. Примеры:**хаму сол йо чорда-да-йам...йо понзда бьдъм(г-к.Яван)** – в тот год мне было(или) четырнадцать или пятнадцать(лет); **го олуболу меган, го бандак(с-к.Геш)** – то «олуболу» называютвишню), **то «бандак»**; **хобе Йахакйустмебаран-ьт,хобе Хумдун(кр.Тугчи)** – то ли в Яхакюст тебя отвезут, то ли в Хумдон; **бача, и чанор-ай йо сафедор?(с-к.Заргарон)** – сынок,это чинара или тополь?; **хох фойда мекуна, хох зарар(в-кр.Хичборак)** – либо прибыл принесет, либо убыток.

Противительные союзы южных говоров состоят из общетаджикских(**-ъ/у—а, а, но, да; балки- однако; амо- -но; лекин- но; набоша- а не то; на он ки –не то, что бы**) и диалектных(**воре/воре ки – однако; анде –но, у; неке/неки/некин- однако и др.**). Противительные союзы соединяют члены предложения и целипредложения, указывая на их противопоставление.

Противительный союз **у** широко употребляется в южных говорах и примыкая непосредственно к слову, выражает при этом грамматическое отношение противопоставления. По своему значению он соответствует союзу **балки**. Примеры: **қайтара и-ра рьжд кардем-у у-ра не(с-к.Ховалинг)** – мы, наоборот, эту(грядку) подравняли, а ту нет; **кач шин-у рост бьгу(с-к.Куддара)** – сиди косо, да говори прямо; **соли дьроз чон мека-**

нам-у чафо мекашам-у се газахак хок мерасад-ъм(с-к.Навобод) – круглый год я мучаюсь и страдаю, а (в результате) получаю крохи; дъсто-ш лахча ворн сийа-ву мелесашон боз(рог.Ходжагалтон) – руки у него черни, как головешки, а он их еще облизывает.

Союзы **воре /воре/воре** ки наиболее употребителен в вахинксо- каратегинских, каратегинских (средний Каратегин) и северно кулябских говорах; в остальных говорах отмечен эпизодически: дина хам мън умаа вудъм, воре дарак найофтъм-ту (в-кр. Лангари Шо) я и вчера приходил, но вас не застал.

Союз **агане/ане** (возможно, стяженная форма) соответствует литературному **вагарна** -а то, а не то; в южных говорах засвидетельствован повсеместно, но особенно широко распространен в каратегинских и кулябских: и ангър напъхтай, агане бьсьор шприн-ай (с-к. Дахана) - этот виноград не созрел еще, а не то так очень сладкий; охи, байд-а намедонъм, агане дъ дахан мегъфтъм (г-к. Норак)-да ведь я не знаю байтов, а не то спела бы парочку; мо ба ғъмеди ино шидем, агане барвах чойхона-ра рост мекайем (в-кр. Ярхаб)-мы понадеялись на них, а не то давно бы уж возвели чайхану.

Союз **неки/некин** по своему значению адекватен литературному **лекин** - но, однако. Можно полагать, что **неки(н)**- его диалектная форма. Этот союз отмечен во всех южных говорах, но более всего распространен в каратегинских, а также в гиссарско-кулябских: касал-ам надоръм, неки месулфъм (г-к. Муллоён)-болезни никакой нет у меня, но кашляю; хъд-ъм бесавод мондъм, неки бача-ма мехонъм-ъш (кр. Лугур)- сам я неграмотным остался, но сына своего выучу.

Союз **набоша/ноша** -диалектная форма литературного **набошад**-а не то (как), а (так-то), но, однако же распространен в южных говорах повсеместно, синонимичен союзу **агане**: вай бесавод-ай, набоша бисйо одами зур-ай (в-кр. Дарай Мазор)-он человек неграмотный, однако же очень знающий; ма бэфара шъдъм, набоша то саһари мегум (кр. Обигарм)- я устал, а не то так до рассвета бы сказывал.

Остальные союзы - **балки, аммо, лекин, на ни ки**- в южных говорах сравнительно малоупотребительны и выражают те же грамматические значения, что и в литературном языке: одам дар ру ба ру одам гап зана, на ин ки да ғайб-ъш гап зана (ю-к. Догистон)- человек должен говорить прямо в глаза (человеку), а не за глаза.

Характерной чертой употребления противительных союзов в говорах является использование их в парном сочетании, например: *ву-ль... агане- но не, да не; у/ь... анде, воре... неки, неки набоша- а не то (бы)*. Такие союзные сочетания придают высказыванию выразительность и усиливают значение противопоставления: *у къчък мечака-ву агане намегира (кр. Хакими)-та собака (только) лает, да не кусает; амра-ша намейова, неки набоша мерава (кр. Лугур)-он попутчика себе никак не найдет, а не то ушел бы*.

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы в южных говорах, как и в литературном таджикском языке, выражая подчинительные отношения в сложноподчиненном предложении, связывают придаточное предложение с главным. По строению эти союзы подразделяются на простые и составные; в состав последних обычно входит простой союз *ки*, обладающий развитой системой значений.

К подчинительным союзам, выражающим отношения времени, причины, цели и др., относятся *ки, то, то ки*.

Уже упоминалось, что *ки-* союз многозначный и в разных своих значениях является синонимом ряда союзов, выражающих отношения противопоставления, условия, причины, цели, времени и др.: *хеле бъравъм, гъфгъм, ки зам кард шишт (с-к.Ховалинг)- много раз раз я говорил «уйду», так он (а он) заупрямился (стоял на своем): калонхо ба майдон ки уман, мебини-шун (с-к.Хонако)-когда старшие придут на площадь, ты их увидишь; бекор ки наместъм, хама вахт ки да дъст-ъм кетман-ай куват-ъм хаст (с-к. Шехмизон) так как я без дела не бываю, так как постоянно в руках у меня мотыга, то и сила есть (здоров)*. Составные (производные) союзы в южных говорах многочисленны. Они представляют собой сочетания союза *ки* со знаменательными словами и выражают различные смысловые отношения между частями сложноподчиненного предложения: *временные- вахте ки -когда, в то время как, даме ки -в то время как, хаму хине ки- в то время когда, чи готе ки- когда, хар готе ки- всегда, когда, ай угаме ки,-с той поры как, ай бозе ки - с тех пор как и др.: локальные - гичое ки -где, къдом чо ки -там где, ба гичо ки туда где, куда, чое да ки - там где и др., причинно - целевые- барои он ки -для того чтобы, барои ки/ баройи ки/ бароие ки- так как, ай бас ки -поскольку, ай руйе ки -по той причине что, чунки-потому что; условные -ага-если, агар ки -если,*

дир ҳолате ки- в том случае если, ба ҳаму шарте ки - при условии что (если), у сурате ки- в случае если, қайтара ки - если: образа действия -ҳар фирқайе ки, чи фирқайе ки- как, каким образом, а также их синонимы ба ранге ки, чи сохте ки, итайе ки (ҳар фирқайе) ки бьгарди, ҳаму хел-ът нум мегиран (с-к. Ховалинг)-как ты себя поведешь, так тебя и назовут; уподобления- чихеле ки -подобно тому как, чунон ки- как, гуйо ки- как будто, ҳаму тире ки/ҳамита ки-такой-какой как (ҳамита ки рьждийи рьжд-ай дьхтари чордасола ворн (в-к. Кулхо) -такая гладенькая, как четырнадцатилетняя девочка); степени и колочества ҳамиқа ки- а сколько... настолько, ҳар чи қаре ки -чем...тем и их синонимы чи қийе ки, чанде ки, ҳар чанде ки (чанде ки и бьсйор шава, ҳамуқа дил-ът бакуват мешава (ю-к. Саричашма)- чем больше добра (богатства), тем спойкойней твоей душе; следствия: ки -так что (тэ чи-да даҳани чувол-а қьшоди, ки хокистар шьд (с-к. Гелот)-зачем ты развязал мешок, так что все превратилось в пепел.

В ряде составных союзов в беглом стиле речи компонент ки может быть опущен без нарушения смысла высказывания, например, вахте, ай вахте вместо вахте ки- когда, ай вахте ки- с тех пор: ай вахте мьн руйи дьнйо омадъм. Лангар-ъш меган (в-кр. Лангар)- с тех пор как я появился на свет, (селение) называют Лангар; чи хеле- вмсесто, чи хеле ки -как: чи хеле да гуфтор меган, да навишт-ам ҳаму хел меган (с-к. Дахана) - как говорят в (процессе) речи, так же и пишут.

Выпадение ки объясняется тем, что в говорах место компонентов в составном союзе не закреплено и они могут во фразе отстоять далеко друг от друга, что приводит к отпадению компонента, на который не падает логическое ударение.

Диалектный характер системы союзов южных говоров определяется следующими чертами: 1) фонетическим обликом союзов, определяющимся особенностями звукового состава южных говоров; 2) морфологическими особенностями построения составных союзов; 3) наличием союзов, специфических для южных говоров и отсутствующих в других говорах таджикского языка, в частности северных, а также в современном литературном языке, например, анде/ анде ки, баски, ни (з).. низ, ба ранге ки, һинне ки, wore ки, вазадае ки, угаме ки, бахчи, чи фирқай ки и др. Между тем известно, что многие из них широк употреблялись в таджикском (персидском) языке периода раннего и позднего средневековья, в языке произведений литературы.

Частицы

Частицы-служебные слова, сообщающие предложению, словосочетанию и отдельному слову дополнительные смысловые, модальные, эмоционально-оценочные оттенки-широко распространены в южных говорах и характеризуются в них рядом диалектных особенностей фонетического и семантического порядка.

Грамматические функции, смысловые оттенки и основное значение частиц, как и междометий, изобразительных и модальных слов, выявляются в устной живой речи, главным образом, ситуационно, в связи с предметом и темой беседы, настроением говорящего. особенно наглядно представляется это в диалектном диалоге, в условиях которого выявляется многоплановость семантики частиц. Например, характерная для южных говоров частица *ала* в зависимости от контекста высказывания, интонации и настроения собеседников может выражать экспрессивно-эмоциональное значение, утверждение, пожелание или сомнение.

В таджикской диалектологии частицы исследованы (Махмудов 1970) недостаточно. В работах, посвященных таджикским говорам, содержится лишь перечень частиц и краткие сведения о них.

С точки зрения лексического состава частицы южных говоров составляют две основные группы.

1. Общетаджикские, среди которых выделяются: а) частицы, по звучанию и значению не отличающиеся от литературных, например, *а, ка, бале-* так, *дийа-*же, *ведь, ана-*вот, *мана-*вот, *не-не, факат-* лишь, *ху-*так, *ха-*да, *наход* неужто; б) частицы, подвергшиеся некоторым, обычно фонетическим, изменениям в диалектной речи, например, - *ам/йам* -также, *бо-* еще, к тому же, *ни-* также, *охи/охе* - в конце концов. Некоторые из частиц имеют различные произносительные варианты: *ам/хам, нахо/наход, хай/ха/ хайр-*пока, *на/ана*.

Все частицы первой группы, как правило, употребляются повсеместно, и только некоторые из них имеют ограниченное и четко очерчиваемое территориальное употребление. Так, частица *ни-да* и, *ведь* распространена в северно-кулябских говорах (к. Муминабад, Даштиджум, верховья Ёхсу), в говорах южно-кулябских, рогских и каратегинских (особенно в вахиинско-категинских). В гиссарско-кулябских и бадахшанских говорах она не засвидетельствована. Та же изоглосса характерна и для

частицы на- вот. Примеры: йак мардаг бьд, у ни пир (с-кр. Хаит)- был один мужик, да он старый; ку Рачаб на у-ра бькаш (в-кр. Кушагба)- ну-ка, Раджаб, вот эту закури.

Вопросительная частица -ми, употребительная в литературном таджикском языке, в южных говорах имеет ограниченное распространение в основном на территории бытования вахинско-каратегинских говоров (в Джиргитале) и частично в гиссарско-кулябских (районы, прилегающие к Душанбе): хьд-тьш маргилони-ми? (в-кр. Пилдон)- сам-то он маргиланец?; бачао имсол тамарка мекорида боша-ми? (г-к. Арбобдара)- в этом году ребята будут ли засеивать приусадебный участок?

2. Диалектные частицы, подразделяемые на: а) частицы, распространенные в южных говорах повсеместно (хо- так, ху-да, ала- неужто, қа-да, хай-ну) и б) частицы, свойственные лишь некоторым южным говорам:ъ-ага, хь-да, о/ой- ведь, ане- не так ли?, хов-ладно, айхов/айхув-ладно, ховва/авва -да, унахайа- вон (там), инаста-вот, унаста-вон).

Территориальное распространение диалектных частиц следующее: частицы -ъ, -хь распространены в вахинско-каратегинских и северно-кулябских говорах; частица -ане засвидетельствована в севернокулябских, рогских, бадахшанских говорах; частица -о/йо свойственна говорам Бадахшана и частично Каратегина, в остальных южных говорах она не употребительна. Некоторые примеры: и ба ту хохар-ът меша, ане? (рог. Ходжагалтон)-она тебе приходится младшей сестрой, не так ли? инчо об бас-о! (бд. Козиде)- здесь ведь полно воды! рости-о?! (бд. Козиде)- неужто правда?!

Утвердительные частицы хоу, ху, айхоу (со значением «да», «так») распространены в вахинско-каратегинских говорах, частицы хува, хова, овва того же значения- в северно-кулябских и частично в каратегинских (Средний каратегин): бийори ть-ай? -хоу, бийори мьн-ай (в-кр. Лахш)- это твой брат?-да, это мой брат: розигни хьт-та мети, баран, нико кьнан? -бад дьхтар мега, ки «хуу!» (в-кр. Кул)-«даешь ли ты свое согласие, чтобы тебя увезли, обвенчали?». Потом девушка говорит, мол, -«Да!»; дьхтур испровка дод-ът? -хова (с-к. Ховалинг) -врач дал тебе справку? -Да.

Указательные частицы унахайа, анаста-вот, унаста-вон в основном характерны для каратегинских говоров (средней Каратегин- Гарм и прилежащие к нему селения): унахайа, йаг мошин ума (кр. Каланак) вон, одна машина пришла; унаста дидиш, йа

къхи сърх-ай, у хъд-ъш (кр. гарм) -вон, видишь, красная гора? Она самая и есть; ай, инаста, бача-ш бози дора (кр. Халкарф)- а вот её мальчик играет.

По структуру частицы южных говоров бывают простыми (непроизводными) -ала, ку, -ам/йам/ рам/хам, ни, бо, да/дийа, ху, ха, хь, ь, факат, у, а, не, охи; производными- навод (от мабодо), кошки- хоть бы, унаста- вон, инаста-вот, унаха/унаа-вот; составными -на ин ки- не только, нахот ки/ нахотим ки- неужто, кошке ки-хоть бы.

Не будучи, как известно, членами предложения, частицы обнаруживают смысловую связь с членами предложения и по этому признаку делятся на две основные группы:

1. Частицы, придающие дополнительные оттенки отдельно слову (члену предложения) и связанные с ним по смыслу. Так, например, в предложении: ана ийо нокора-ан, мехнат-а дус намедоран (в-кр. Хаит)- вот они - бездельники, не любят трудиться -указательная частица аня-вот связана со словом ийо-они. В предложении: мо падар-мун-ам дидаги нестем (в-кр. Лахш)- мы и отца-то своего не видели-частица -ам придает дополнительный эмоционально-смысловой оттенок (усиление) слову падар-мун(-а) (прямое дополнение), к которому формально и примыкает. В таких случаях логическое ударение в высказывании падает на слово, с которым частица связана семантически, причем данное слово выделяется также интонационно.

2. Частицы, придающие дополнительные смысловые оттенки всему предложению в целом: е бародар, охи ба хаами хът-а рахм намени (кр. кадара)-эй, братец, ты же так сам себя не жалеешь.

С точки зрения места по отношению к слову, с которым частицы связаны, они бывают постпозитивными, препозитивными или встречающимися в той и другой позиции, т.е. лишенными закрепленного места. К препозитивным частицам в южных говорах относятся указательные, ограничительные и другие: бачаи льмб-ъш ана хаами-ай (в-кр. Лахш)-самый старший его сын вот этот; наход бьгреси? (в-кр. Лахш)-неужели сбежишь?; ина хаами пилаи нагз доаст (кр. Хаками) -вот она, оказывается, хорошие коконы сдала. К постпозитивным частицам относятся вопросительные -а?- ли?; ане?-не так ли?; у?-ли?; усилительные да-же, ведь, а также с оттенком уподобления -ам/хам-также, ни - тоже; усилительно вопросительная частица -о- не так ли? (не, аму алфавити къхна-ра мехундем, ира ни мехундем (кр. Навди) - нет,

мы старый алфавит учили и этот тоже учили). Частицы, не связанные с определенным местом, обычно относятся ко всему высказыванию в целом и могут находиться как в начале, так и в конце предложения. К ним относятся усилительные частицы ала- (ну) так и, (ну) что же, **охи/охир**-да ведь, же, ку-ну-ка; частица хай -ладно, добро. Примеры: дьсто-ра оw бьги ку (кр. Гофилобод)-полей-ка воды на руки; ку бьзгар, мусьфед, боло (кр. Гофилоборд) -ну-ка, проходи, старец, наверх (на почетное место); ала, хичи руз-му намети? (кр. Лугур)-ну, что же так ты нам вовсе житья не дашь?: хап наместе, ала? (кр. Кабудиён)-ну, вы так и не замолчите?; хай, йа бало-ш къ-да бьрава (кр. шархо) -ладно, сделай как-нибудь, чтобы он ушел; бача-м, чой бийор, -хай (с-к. Ховалинг)-сын мой, принеси чаю, ладно?

Разряды частиц Смысловые частицы

В южных таджикских говорах, указательные частицы представляют весьма развитую систему способов образования и дробную функционально-семантическую дифференциацию имеются указательные частицы двух видов: указывающие на ближний предмет или лицо (-ана, анаа/анаха/анха, мана, манха/манаха, ина/инха/инахе/инахайа, инаста, инасе -вот) и указывающие на дальний предмет или лицо (хе ана, ху ана, уна, ху-уна, унаа/унаха, унаста, хе, хо-вон).

Основными указательными частицами являются -ана, мана-вот, уна-вон. Все другие-производные от них, а также от указательных местоимений ин -этот, ун(/он)-тот. Таким образом, производящая основа (самостоятельное слово) - в сочетании с частицами -а, ха, а также с глагольной связкой 3 л.ед.ч. аст образует ряд производных указательных частиц. Указательные частицы могут относиться либо целиком ко всему предложению либо к одному слову; в диалогической речи они могут выступать также самостоятельно как слово предложение: ача-йа, кошък-ьт-ку? - ина(в-кр. Нушор) - эй, мать, где твоя ложка?-Вот; Одина додар-ьт- ку? -унаста! (кр. Каланак) -Одина, где твой братишка? - Вон!; чо-да хьрма?-уна, сари мех-да! (с-к. Ховалинг) где хурма? -вон, на гвозде. Обычно указательные частицы употребляются в сочетании с указательными местоимениями, что придает высказыванию еще большую определенность при указании и выразительность. При этом существует

закономерность: при указании на ближний предмет частицы сочетаются с местоимениями *и, ин* *хами-* этот, *ино/ийо, хамийо-* эти; при указании же на дальний предмет с местоимениями *у, ун, хаму-* тот, *уно, уво, хамуво, хавайо-* те: *ана ин ов ай хавзи ича-ай, ана у ов ай чышма* (с-к. Ховалинг)- вот эта вода - она из здешнего пруда, та вода -из родника.

Особенностью частиц *-хе, -хо, -ху,* указывающих на дальний предмет, является их способность сочетаться с другими указательными частицами, например, *хе уна хаму кьх, йак чышма дора* (в-кр. Хичборак) -вон на той горе есть один родник. Употребляются они и самостоятельно: *айлокомо ху акиви кьх-ьнда* (кр. Шархо)- наши летовки вон за горой.

Указательные частицы, широко распространенные в южных говорах, выражают указание не только на предмет, явление, лицо, но и на место время действия, относясь в этом случае к обстоятельству к слову (чаще наречию): *ана уча маалим бьдъм* (кр. Навди) -вот там я был учителем; *ана акъ дар чъл дьромадъм* (в-кр. Шилбили) - вот теперь мне исполнилось сорок (лет); *ина хамика гандъм доръм* (кр. Ялдамич) -вот сколько у меня пшеницы.

Характерными для южных говоров представляются сочетания указательных частиц с указательными местоимениями (*ана-у-вот тот, ана-и-* вот этот) и указательных частиц с местоименными наречиями (*ана ита/ ана ин тавр-* вот так; *ан аута/ана он тавр-* вот этак), которые в беглой речи сливаются в одно слово с одним ударением и воспринимаются как один служебный элемент, выполняющий функцию указательной частицы. Процесс перехода подобных сочетаний в частицы наиболее наглядно виден в каратегинских и особенно в вахиинско-каратегинских говорах, где происходит стяжение этих сочетаний и звучат они еще короче: *найини/найи-* вот этот (самый); *нау-* вон тот (самый); *на (й)ита/найта-* вот так (именно); *наута/ наута-* вот так (именно); *наика/ наика-* вот сколько, вот столько, вот такой. Примеры: *наи пьчокош-а бьгирем, ала?* (в-кр. Лахш) -вот эти корки мы и заберем, не так ли? *хуна-въ дар найта кьлет* (в-кр. Хазорчашма)- дома, дворы вот так разрушены; *найта мебофа* (в-кр. Лахш)- вот так он ткет.

Отпадение начального гласного *а* в частице *ана* является одной из специфических диалектных черт каратегинских говоров, отличающих их от остальных южных говоров и сближаю-

щих с юго-восточными, в которых это явление наблюдается повсеместно. Стяженные формы сочетаний указательных частиц с указательными местоимениями свойственны всем южным говорам, что не имеет места ни в северных, ни в центральных таджикских говорах. Специально проведенное сравнительное исследование сочетаний типа *найта/ наита* и *ана ин тавр*, *напта/напта* и *ана он тавр* и им подобных, подтвердило идентичность специфически южных стяженных форм соответствующими полным сочетаниям в других таджикских говорах.

Наблюдения над диалектной речью показали, что указательные частицы *-ана*, *-ина*, *-мана*, помимо своего основного значения-указания на предмет, лицо и их признаки, приобретают и модальные значения, сообщаемые ими отдельному слову или всему высказыванию, преимущественно в повествовательной речи: а) при побуждении к действию: *мана фигур къне хъту, рафикон!* (кр. гарм) - вот, сами подумайте, товарищи!; б) при упоминании действия которое может быть осуществлено после предшествующих ему действий; да *тавак мевардори-у руган-а мерези-ш*, *ана*, *мехъри-ш* (кр. Кадара)-на блюдо (бывало) положишь, маслом польешь, вот и поешь; *кати халк салом кард*, *ана шид подшо* (с-к. Дахана) - с народом поздоровался, вот и стал правителем: в) при желании говорящего привлечь внимание к заключительной части своего рассказа:... *ана хайоти мо итари гъзашт* (с-к. Наврухо)- вот так прошла наша жизнь).

В повествовательной речи частица *ана* используется иногда и для заполнения паузы, например: *моо аз Шерози Самарканд... ана... шаш бийор амааги... ана хамича ватан кааги* (в-кр. Кушагба) - мы из Шероза Самаркандского... вот так... шесть братьев пришли... вот здесь обосновлись.

Таким образом, указательные частицы в южных говорах используются как в основной своей функции при выражении указания, так и для сообщения высказыванию некоторых дополнительных модальных оттенков, что свойственно указательным частицам и других таджикских говоров, как и общеразговорному таджикскому языку, в противоположность литературному.

Выделительно-ограничительные частицы

В южных таджикских говорах, как и в литературном языке, выделительно-ограничительные частицы немногочисленны. К

ним относятся частицы **фақат-лишь, тоқа-только, йаке** -(всего) лишь. Частица **тоқа**, широко распространенная в южных говорах, как и в юговосточных, соответствует по своему значению литературной частице **танҳо**, не употребительной в южных говорах. Частицы данного разряда, выражая отношения ограничения, выделяют предмет или явление по тому или иному признаку; в целом они синонимичны. Примеры: **пеш вахт-ънда одамойи и ватан фақат Бъхоро-нда мехундан** (в-кр. Оксой) - в прежние времена люди этого края учились только в Бухаре; **йаке (фақат) ҳаму памедър-а гъфт-у халос** (с-к. Хонако) -он только об этих помидорах сказал и все; **ай у сев тоқа ҳаму мардак йак тана дора** (г-к. Хеловар) -из тех яблок только у того человека одно дерево есть. В южных говорах имеются и другие способы выражения ограничения и выделительности, например, с использованием указательных местоимений (чаще **хаму** - (э)тот; **хамуқа**- такой; столько) в сочетании со словом **йак** - один, интонационно выделяемым во фразе (**вахтаи мир-да хаму йа чома буд, ба хаму йак чома чан одам-а ша(х) мебърдан** (г-к. Зулфи) - во времена эмира был только один халат, - этот один халат надевали на каждого из женихов) -или с повтором утвердительной и отрицательной форм глагола (у **мардак дора-надора, хамуқа хунар дора** (г-к. Даштибед) -этот человек имеет ли не имеет, а таким мастерством владеет; **дидай- надидай, хамуқа чора дидай** (кр. Дараи Дегдон) - видел ли не видел ли, а столько-то мест повидал). Отношения ограничения передаются также описательно лексическим способом при помощи слов соответствующей семантики -**бас- хватит, халос- все, тамом- конец; йордам накъна-въ хамита хавар-му бъгира, басай** - (кр. Хакими) - пусть не помогает, а просто так навешает нас и все.

Усилительные частицы

В южных говорах усилительные частицы представлены в следующем составе: **-о-же, уж, охи-ведь, же, ала- неужто, да/дийа/ та/ ведь, хам/ам/йам/рам/м-** также, **бо** -еще, **ни** - еще, **же, ку-** ведь, **хатто-** даже, **то хато-** даже, **то хатора-** даже. В соответствии с выполняемыми функциями усилительные частицы подразделяются на две группы; 1) собственно усилительные: **хато, то хато, то хатора, хам** со всеми диалектными вариантами; **ни/ низ-** также, **бо/ боз-** еще, тоже; 2) усилительные частицы с

дополнительной эмоционально-экспрессивной функцией: *охи/охе, ала, да/та, ку*.

Степень употребительности частиц первой группы неравномерна. Так, наиболее употребительной и повсеместно распространенной в южных говорах является усилительная частица *хам* (и ее диалектные варианты). Территориально ограниченное распространение имеет частица *-ни* также. Сравнительно нечасто встречается в южных говорах частица *хато*- даже, которая выражает высшую степень качества, свойства, признака предмета, действия, выходящих за пределы нормы: *бачаи Ахмад ика чизо-ра медуна, ки хато падар-ъш наредуна (в-кр. Фатхобод)-сын Ахмеда занет столько всяких вещей, о чем даже отец его не знает;... то хато ай мън шарм накард, бо хаму шурандозии каа гаштас (кр. Навди)- он даже и меня не постеснялся, эх, и опять эти склоки устраивает*.

Частица *хам* в южных говорах употребляется преимущественно постпозитивно. Однако в каратегинских и частично в северокулябских говорах частица *хам* и ее наиболее распространенный вариант *ам* может употребляться препозитивно, что еще более подчеркивает усилительное значение этой частицы; *ам хеле шидас тав мена (в-кр, Калаи Лаби Об) - давно уже она температурит; ам хъшруе хас, ки мегуй, парй-ай (кр. Шархо) - уж до чего красивая, как и скажешь - пери*.

Различные фонетические варианты частицы *хам* обусловлены особенностями южных говоров (например, отпадением начального нижнефарингального как несвойственного фонетической системе этих говоров для *ам* при слове с исходом на согласный), а также определенными фонетическими условиями. Так, для варианта *йам* таким условием является появление протетического *-й*. Варианты *-йам, -м, -рам* употребительны при словах с исходом на гласный: *мойи ийун-ънда-м сев хаст (кр. Навдонак) - в июне уже яблоки есть*.

Повторение в высказывании частицы *-ам* делает ее усилительную функцию еще более отчетливой, например: *у пара-ш-ам агба-й, и пара-ш-ам агба-й, барой хавай кушагба меган (в-кр. Кушагба)- и с той стороны перевал, и с этой стороны перевал, поэтому и называют Кушагба; бе падар-ам сагира меган, падар-вара-ам сагира меган (в-кр. Лахш) -и без отца сиротой называют, и у кого есть отец - сиротой называют*.

Вариант-рам с протетическим -р- отмечен при словах с исходом на -ъ и -а: ть-рам мерай? (кр. Кабудиён) - и ты пойдешь? ма-рам ҳаму синфи хафт-а тамом каа въдъм (кр. Навди) - и я седьмой класс закончил. Этот вариант распространен мене других и отмечен преимущественно в каратегинских говорах.

Частица -ни близка по значению функциям частице -ам: а) выделяет слово, обозначающее обстоятельство или действие: ин то соати се-ра-ни бошад сьбат мекъна (в-кр. Лахш) -этот и до трех часов (ночи) будет беседовать; дар чои шиштаги хов-ът мебара, чой-ътни наметуни хърда (в-кр. Оксой) -где сядешь, (там) сон тебя и одолевает, даже чаю-то не можешь выпить; б) -ни употребляется при перечислении с оттенком усиления: ташна шъдем, гъшна-ни шидем (в-кр. Лахш) -мы захотели пить, проголодались к тому же; бай падар-ътун раһмаг! бай модар-ътун-ни раһмаг (в-кр. Лахш) - отцу вашему спасибо! Матери вашей тоже спасибо.

В отдельных случаях наблюдается сочетание частиц -ни и хам, повышающее их однородные функции усиления: ай аскари омадан-ъш-ни йам дъ сол шъд (в-кр. Хаит) - вот уже два года прошло, как он пришел из армии.

Будучи сходной по значению с хам, частица -ни существенно отличается от нее по употреблению а) никогда не бывает в позиции; б) не отмечена в сложносочиненных противительных предложениях; в) не соединяет однородные члены предложения (в функции союза), выступая лишь как средство усиления.

В южных говорах распространено повторное употребление частицы -ни, когда она, усиливая выразительность речи, придает дополнительный оттенок сравнения или у подобления: хами сол и-ни умад, мьн-ни умадъм ай аскари (в-кр. Нушор) - в этом году и он отслужил, и я тоже вернулся из армии.

Частица бо/боз в южных говорах, как и в современном литературном таджикском языке, особенно в разговорном стиле речи, еще довольно четко обнаруживает свою связь с наречием образа действия в значении «снова», «опять». В качестве же частицы бо выступает в усилительной функции и придает высказыванию: а) оттенок важности дополнительного сообщения (часто в сочетании с частицей хам): сево имсол кам гирифтаг, йа хел-ъш бо хиччи-йам нагъръфтас (в-кр. Лахш) - в этом году яблок мало уродилось, а некоторые еще и вовсе не завязались; б) дополнительный модальный оттенок повеления, запрета и пр. (обычно при отрицательной форме аориста): бо нарайе чои ди-

га! (в-кр. Хичборак) - не вздумайте еще куда-нибудь пойти!; в) дополнительный оттенок противоположения, противопоставления в значении «да и тоже», «а и то», «а еще и»: ака доштъм-у ба аскари бърдан-ъш (в-кр. Оксой)- был у меня старший брат, да и его тоже в армию взяли; хамика йордам каам, бо сагира ай мън хафа (с-к. Заргарон)- столько я ему помогал, а сирота (мальчишка) еще на меня и в обиде.

Усилительные частицы второй группы придают отдельному слову и целому высказыванию экспрессивно-эмоциональные оттенки; в южных говорах они представлены частицами *о охи/охе, ала, да/та, ку, ки...*, которые отмечены преимущественно в диалоге, в повествовательной же речи наблюдаются редко. Особенность данной группы частиц состоит в относительно полной синонимичности их значений и, как следствие этого, в их взаимозаменяемости.

Частицы *о охи/охе*, выполняя усилительную функцию, придают высказыванию следующие эмоционально-экспрессивные оттенки, привносимые говорящим: а) подчеркнутое утверждение: ма-ам хеле къхансол-ъм, охи! (кр. Джавони)-да я ведь очень старый человек! и ай мън йош ай, охи! (кр. Сангова)- они же моложе меня!; б) усиленный вопрос: алоу кардийан, охи? (кр., з-к.) - огонь разожгли уж, что ли?; в) одобрение, согласие; майл-ъш бърава, мактав-ънда бъхуна охи! (кр. навдонак)-ладно, пусть идет, пусть уж учится в школе! мон-ъш, охи, беста (кр. Джафр) - оставь, пусть уж так стоит.

Частица *охи/охе/охъ* экспрессивно окрашивает высказывание, подчеркивая:

а) положительные эмоции (удовлетворение, восхищение или удивление): кудак-ан ийо, бо ошти мешаван охи (кр. кадара)-дети-они (непрерменно) ведь помирятся; охи хамаи кора һъкъмат-а карде (кр. Кадара)- ведь вы всю работу по службе делали; шави дароз туй буд охи! (кр. Джавони) -ведь всю ночь длилась свадьба!;

б) отрицательные эмоции (гнев, сожаление, отвращение, угрозу и др.), чему в таких случаях способствует и соответствующая интонация: охъ, бъйойа, дарак-ъш намедонам! (з-к. Даран Шуро)- уж пусть только явится, не знаю, где запропастился!; мошин-а сузондай охи! (кр. Бедак)-машину ведь загубил!

в) дополнительные модальные оттенки, такие как сомнение, неуверенность: рафту дъруг боша охи!? (кр. Гофилобод)-а ведь

вдруг это все неправда? йаке мошин нашава, охи! (кр. Тегерми)- а что же, если не будет машины?!; или же пожелание в мягкой форме, побуждение, намерение: охи, додар, йа-та дьхтар бьтем (кр. Пору) - ну же, братец, купи для меня одну девочку ; ку бьдро, охи йа ра хабар-шу бьгир (в-кр. Даран Мазор)-зайди-ка уж, проведай их разок; охи, тамошо кьнен, бьйойен (с-к. Ховалинг) -ну, взгляните же, проходите.

Частица ала широко распространенная в южных говорах, при своей основной усилительной функции придает словам и предложениям ряд дополнительных модальных оттенков, выражающих-

а) утверждение: гайрати зур каестай, ала, бьгу (с-к. Ховалинг) - он прилагает большие усилия, ведь так, скажи;

б) вопрос: ей, бачаои шофиро, кай мере Фарм, ала? (в-кр. Нушор) - эй, братцы-шоферы, ну, когда же поедете в Гарм?

в) осуждение, упрек, сожаление и т.д.: ййо хиш серойи надоран, ала (кр. Калонак)-ну, никак они не насытятся!

г) сочувствие: у бечора йаг бача дошт, хаму-ам парид, ала (кр. Шархо) - у этого бедняжки один сын был, да и тот ведь умер;

д) пожелание (подобно охи, частица ала как-бы смягчает просьбу): бийо, ала, мошин-т-а тугри къ (кр. Хакими) -иди-ка, наладь свою машину; як-дъ кило орд бьте-м ала (с-к. Ховалинг)-дай-ка мне килограмма два муки. При соответствующей повелительной интонации частица ала может выражать большую категоричность просьбы и даже угрозу: бьйор-ьм йа табуретка-т, ала! (в-кр. Даран мазор) -а ну ка, неси мне твою тубаретку! ала, қарор бест! (в-кр. Лахш) - да ну же, стой смирно!

Для ала характерно использование в качестве утвердительной частицы, подобно частицам бале, ха-да. Однако в этой функции, в отличие от собственно утвердительных частиц, она выражает не подлежащее оспариванию утверждение, например: дар туй апа-т гуспан кьштан? -ала! (в-кр. Шархо) - на свадьбе твоей старшей сестры барана резали? - Разумеется, да! йазна-т ай аскари умад? - ала! (с-к. Ховалинг) -твой зять вернутся из армии? - ну да!

Постпозитивная диалектная частица -да/та широко распространена в южных (и юговосточных) говорах и не наблюдается в других говорах таджикского языка. В северных и центральных таджикских говорах, а также в таджикском общеразговорном языке широко распространена близкая ей по звучанию и иден-

тичная по значению постпозитивная усилительная частиц -дийа, малоуупотребительная в южных говорах и воспринимаемая здесь как чуждый южнодиалектной речи элемент: ха, туи зур шъд-дийа! (в-кр. Ярхаб) -ох и пышная же свадьба была! Южная частица да/та отличается от -дийа рядом дополнительных оттенков, сообщаемых ею высказыванию.

Частицы да и та в зависимости от интонации придают словам и предложениям следующие дополнительные модальные и экспрессивно-эмоциональные смысловые оттенки:

а) убежденность, уверенность говорящего в своем утверждении: аскарй рафта боша, мегарда меойа-да (кр. Навдонак) -хотб он ушел в армию, так ведь вернется, придет;

б) удовлетворение, радость по какому-либо поводу: патинкаҳои мо бисйр патинка-да! (кр. Шинглич) -мои ботинки - вот это так из всех ботинок ботинки!

в) неудовольствие, негодование: ту хай одами оқибкаши вайрун-да (кр. Хакими) -ох, и скверный же ты, конченный человек;

г) недоумение, удивление: саг-да бисйор омъхта кае-да! (к. Дегаи) - здорово вы собаку приучили к себе!

д) пожелание, просьбу (в смягченной форме): камакак ай хаами ов мо-ра бъти-е-да (кр. Ялдамиш) -дайте-ка и нам немножко этой воды; бънавис-да, да дъсти мън бъте (кр. Каланак) - запиши-ка да дай (т.е. чтоб дать) мне; бъра-та, курпа-въ санг-ъмо бъйор (кр. Куглик) -сходи-ка принеси (т.е. чтоб принести) нам одеяло и все остальное.

Частица ку по своему употреблению и значениям в южных говорах имеет отличия от аналогичной частицы в северных говорах и разговорном таджикском языке. Для данной частицы в южных говорах характерной диалектной чертой является ее место в предложении: она может стоять и в начале, и в конце, и внутри предложения, в отличие от северных говоров и разговорного таджикского языка, где частицы ку всегда постпозитивна.

В начале предложения частица ку придает слову или высказыванию модально-волевою окраску, совпадая в этом случае с частицей кани -(ну)-ка; (давай)-ка, распространенной в северных говорах. Она придает при этом дополнительный легкий оттенок побуждения: ку, хаму пийоло-ра мън-а (кр. Куглик)- ну-ка, эти пиалы мне. Без частицы ку в начале предложение звучало бы как категорический приказ.

В конце высказывания частица ку наиболее часто употребляется в вопросительных предложениях, придавая вопросу либо риторический оттенок (гъндышк-ам тх мена ку? (кр. Гофилобод)- воробьи тоже ведь откладывают яйца? Сърхов-ънда мохи бьсьор ку?... (кр.) - в реке Сурхоб, должно быть, много рыбы?...), либо оттенок недовольства (шав мьн омадум, наумадику? (кр. Хаками)- вчера я пришел, ты же ведь не пришла?) или удовлетворенности (сивет даргирон шидай ку? (з-к. Туткаул) - свет-то, оказывается, зажегся?!).

Внутри предложения частица ку усиливает противопоставление его частей: бача-м, доги матав-ъм ку, воре пир шьдем (кр. Бодомак)-сын мой, я то очень хочу в школу, да состарился ма-ку мерам, воре ки шьмора намейовам (с-к. Ховалинг) -я то пойду, да только вас не застаю.

Частицы, выражающие отношение говорящего к действительности

Утвердительные частицы

В южных говорах частицы данного разряда с общим значением «да», «так»; «добро» в большинстве своем односложны: ха, хо/ху, хь/ь, хай/ха, хуб/хув; двусложные представлены частицами ховва/овва/ова, (х)оу/айхоу/айху. Частица хай (и ее усеченный вариант ха) заимствована в таджикский язык из арабского (Баранов 1957, 306, 910). Частица ховва употребительна только в кулябских говорах; частица хай/ха и ее синоним хуб/хув в южных говорах широко употребительны, выражают утверждение с оттенком готовности выполнить просьбу, поручение: оча, марам туй бар!- хай, бача-м (кр. Джавони) -ма-м, и меня возьми на свадьбу!- Ладно, сынок; боби, ай аусуна-му бьгу! -хуб (в-кр. Нушор)-дедушка, расскажи нам сказку! -Хорошо. Употребляется в начале предложения, частица хай сохраняет в известной степени утвердительное значение и сообщает различные дополнительные модальные оттенки, настроение говорящего и его отношение к высказыванию пожелание, просьбу; хай хама йа чьвов-ъм бьте-да-бьрам (кр. Кадара) - ну, теперь разрешите мне, я уж пойду; хай, куша пир шаван (г-к. Даштибед)-да проживут они вместе до старости!; сопреживание, утешение: хай, йак сол-ънда тийор нашид, дь сол-ънда тийор меша (в-кр. Хаит) - ну, что ж, за один год не будет подготовлен, за два года подгото-

вится; апатию, безразличие: мейрай? хай, рафтан гир (г-к. Ходжикатаган) ты пошел? Ладно, ступай.

Частицы *хо, ха, ху, хъ, ь, хоу/оу айхоу, ховва/овва/хова* в функции утвердительных частиц в южных говорах употребляются при обозначении:

а) утвердительного ответа на конкретный вопрос: *хар-а ба Ахмад-а доди? ху, додъм-ъш* (в-кр. Нушор)- *осла Ахмаду ты дал? - Да, я дал ему; пьга Кулоб мерай? -хъ, қати ака-м мерам* (с-к. Ховалинг) -*завтра едешь в Куляб? - Да, со старшим братом еду. В значении утвердительного ответа может употребляться самостоятельно: оча-г ҳамича-да-ай? -хова* (с-к. Ховалинг)- *твоя мать здесь? - Да; акаи Раҳмат меоя? -ху* (кр. Казнок)- *ака Раҳмат придет? -Да; шинони, мегира? -айхоу* (в-кр. Нушор)- *посадишь, - примется? -Да;*

б) подтверждения правильности мысли, сообщаемого факта (ответ обычно комментируется): *офарин ба һъкмат, ки орд-а серов кард. -хо, ина акъ дар магазин-ам пър-ай-ъ дар база-м* (кр. Навдонак) - *спасибо государству, что вдоволь обеспечило мукой. -Да, вот теперь и в магазине полно, и на базе;*

в) отклика на призыв: *Авдъраһим, Авдъраһими чун-е! -Ху!* (в-кр. Нушор) - *Абдурахим, милый Абдурахим! -Да!; Чамол, е Чамол! -Хо!* (кр. Тегерми) - *Джамол, а Джамол! -Да!*

Отрицательные частицы

В южных говорах засвидетельствованы следующие разновидности частиц, служащих основным средством выражения отрицания в значении «не», «нет»: *не, нейа, неџе; на, наџа, наџ*. Частицы *нейа, неџе, наџа, наџ* всегда употребляются как одиночные, частицы *на, не* могут употребляются и как одиночные, и как повторяющиеся.

Отрицательные частицы используются в речи и самостоятельно (*оча-м омад? -неџе* (в-кр. Нимич) -*моя мама пришла? -Нет; пърсид, мо-ра шинохти? Гуфтъм, не* (с-к. Ховалинг) - *он спросил: «ты нас узнала?» Я сказала: «Нет»*), и в сочетании с отрицательной формой глагола (*гуфтай: кънишка дори? Гуфтам: «Не -надорум»* (кр. Хныч) -*спросил: «у тебя книжка есть?» Я ответил: «Нет, не имею»; мерай кати-м, баръм-ът? -Не, намеравъм* (кр. Ялдамич)-*пойдешшь со мной, поведу тебя?- Нет, не пойду.*

Отрицательные частицы в говорах, как и в литературном языке, выражают категорическое отрицание, что видно из вышеприведенных фраз. Отрицание может также сопровождаться

сообщением, комментирующим его. Примеры отрицания, относящегося к лицу: *тъ очаи хакназар-и?* - не, мохиндар-ъш (г-к. Кафарниган) *ты мать Хакназара?* -нет, я ему мачеха; признаку предмета: *Авдъло, и чув-а бъшкан, тар-ай?* -Не, коқ-ай (с-к. Шайдон) - *Абдулло, расколи это бревно, сырое?* -Нет, сухое; месту, направлению: *шъмо усь мере?*-Не, мо наисъ мерем (в-кр. Фатхабад)- *вы в ту сторону пойдете?* -Нет, мы в эту сторону пойдём; количеству: *и йак си дарза мешава?* -Не, чил дарза мешава (г-к. Зилфи)-*снопов тридцать будет?* -Нет, сорок снопов будет.

Повторением отрицательной частицы достигается большая выразительность и усиление отрицания смысла слова или словосочетания, и которым это отрицание относится: *ин орди йакъм ай?*- Не, не, дъйъм ай! (в-кр. Кушанба)- *это мука первого сорта?* - Нет, нет, второго!

Вопросительные частицы

В южных говорах, как и вообще в разговорном таджикском языке, вопрос может быть выражен при помощи вопросительной интонации и посредством вопросительных частиц и слов. К вопросительным частицам в рассматриваемых говорах относятся частицы *а-а?*, *ане-не так ли?*, *о-ли?*, *хъ-а?*, *ойо-что ли?*, *чи- как же?*, *что?*, *хо - а что?*, *ми/мъ-ли?*, *наход ки- неужели?*; *нахотим ки/нахотам ки, на ин ки/найи ки/ найи-не так ли?*

В зависимости от характера вопроса и интонации приобретает соответствующую эмоциональную окраску, воздействующую на смысловые и модальные оттенки частиц. Так, вопросительные частицы *а, ане, ха, у, ойо, хъ, хо* используются обычно в том случае, если спрашивающий желает уточнить что-либо относительно уже известного ему предмета: *акън йагун барои мисол навиштан даркор, ане?* (с-к. Хонако) -теперь для примера следует что-нибудь одно записать, не так ли?; и *хамсойа-т-а меган, мъhochири мерава-у?* (в-кр. Нушор)- об этом твоём соседе говорят, будто он собирается переселиться? *рышка ов доди, хо?* (кр. Шинглич)- полил ли ты клевер?; *хо, хаами хел нест-ай?* (с-к. Шугноу)-что, разве это не так?

Вышеприведенные вопросительные частицы, особенно *ане*, характеризуются дополнительным смысловым оттенком смягчения вопроса, а порой и просительной интонацией.

В этом отношении *ане* противопоставляется частице *мъ/ми* характеризующейся интонацией категоричности и прямотой вопроса, ср., например: *и ба тъ хохарат мешава, ане?* (с-к. Хова-

линг)- она приходится тебе сестрой, не так ли?; но: ть хаами гап-а гьфти-мь? (в-кр. Шилбили) -ты говорил (ли) это?

Вопросительная частица **чи** в южных таджикских говорах употребляется преимущественно в предложениях, где сказуемое выражено глаголом в изъявительном наклонении: чи, гелос пьхтай? (кр. Хакими)-что, черешня поспела?; хаами гап-ьнда ха-фа шидай чи? (в-кр. Хаит) -на эти слова ты обиделся, что ли? В бадахшанских говорах распространены вопросительные частицы, аналогичные тем, что используются в языках шугнано рушанский группы: **о**, **йо**: бисйор навишти-йо?-ты много (ли) записала?; мошин Ишқошим мерад-о? идет ли машина в Ишкашим? (Розенфельд 1971, 25).

Частицы **нахо/наход**; **нахо ки/наход ки**, **нахойим ки/нахотим (ки)**, **на йин ки/на йи ки**... со значением «неужели?» «разве?» в южных говорах, как и в литературном языке, выражают, помимо вопросительного значения, дополнительные экспрессивно-эмоциональные оттенки удивления, негодования, возмущения, сомнения; **нахо ки саг-а суз мети?** (в-кр. Яхакпаст)-неужели будешь науськивать собаку?; **нахотим Дьшамбе-ра надида боши?** (кр. Хакими) -неужели ты (даже) Душанбе не видела?

Модальные частицы

Модально-волевые частицы

К модально-волевым частицам в южных говорах относятся частицы, выражающие желательность или побуждение к действию: **кошки**, **кошке ки-хоть бы**, **если бы**; **лучше бы**; **бйёо**, **бйёе/бйёен-давай (-ка)**, **давайте**; **мон/мун**, **монё/монён-пусть**, **пускай**: **кошки бачам зан бьгира-вь хуна-м сабьк бьшава** (кр. Кадара)-хоть бы мой сын женился и полегче бы стало мне с работой по дому; **гьфтъм**, **ки кошки намеумадъм** (кр. Навди)- я подумал, что лучше бы мне не приходиться; **бйёо**, **мехезем**, **ала дер шьд** (с-к. Ховалинг) -давай, поднимаемся, ведь уже поздно стало; **бйёо**, **хаами руз-ам пода-ра хьд-ъм баръм** (г-к. Зулфи)- давай-ка, и сегодня я сам поведу стадо.

Частица **бйёо/бйёе** в сочетании с частицами **-ку**, **-ала**, **-да** придает побуждению к действию более мягкую, уважительную форму: **бйёе-ку**, **мархамат кьне**, **хьньк нашава** (в-кр. Шархо)-давайте, приступайте. пожалуйста. чтобы не остыло (кушанье).

Частица **мон/мун-пусть** по значению и употреблению совпадает с литературной частицей **бигузор**: **мон-да**, **бьбора**, **гандьмо-да фойида дора** (кр. Фаррух)-пускай себе льет (дождь), посевам

ипшеницы полезно; бега қар кардай. чой-ам нахурд, ош-ам мон-е ах нахъра! (кр. Ёнахш) вчера рассердился, и чаю не пил, и ничего не ел, -ах, да пусть хоть никогда не есть! Характерно, что частица мон в говорах иногда проявляет признаки глагола: к ней может присоединяться местоименная энклитика, указывающая на объект действия: мун-ъш. бъ хуна бъгарда, шу-ш нати (кр. Навди)-пускай она продолжает учиться, не отдавай ее замуж.

Модальные частицы, придающие высказыванию дополнительные смысловые оттенки сожаления, предположения и некоторые другие, -это частицы глагольного происхождения: **наводо/маволо, рафт-у, рафта-въ** со значением «а вдруг», а также частицы **йаке, йагон** с тем же значением: **рафта-въ** уво хов бошан, бедор-шу кънем, хуб намешава (в-кр. Ярхоб)-а вдруг они спят, а мы разбудим, нехорошо получится: **йаке рағис-а** найовем, ба чи мекънем? а вдруг мы председателя не найдем, что будем делать?

Модальные слова

Модальные слова, как особая часть речи, выражающая отношение говорящего к содержанию высказываемого, в таджикском языкознании исследованы недостаточно. В нормативной учебной грамматике приведена краткая характеристика особенностей модальных частиц и некоторых модальных слов (Забони адаби 1973, 429-132).

В южных таджикских говорах модальные слова морфологически разнородны и, как в литературном языке, соотносятся с различными частями речи - с существительными: **гара/гараз-** к счастью; **раз так** (гара, хама-му **hисow-а** йа хел кор кардем (кр. Калаи Нав)-к счастью, мы все подсчитали одинаково; **гараз ихтийор тун-ку...** (кр. Оби гарм) **раз так, воля ваша...**); **шъгър-слава** богу; **(ба) назар-ъм** помоему, как мне кажется, **валло/валай-ей** богу и др.; с прилагательными: **рост-ыш/рости** - верно, право; **мъкаррар-как** правило и др.; с глаголами: **шота/шотим/шотиме-**возможно; **гуво/гуйо** -будто бы; с наречиями: **албатта/албатара-**конечно, **билфарз-**предположим; **алқисса-**короче говоря, **хақиқатан** -в самом деле, **қайтара (м)/қайтанам-**как назло; наоборот.

Образование модальных слов от различных частей речи явилось результатом лексико-грамматического переосмысления слов в иной грамматической функции. Модальные слова относятся обычно ко всему предложению в целом и синтаксически

используются как вводные слова. Разговорная, а следовательно и диалектная, речь как таковая вообще благоприятна для функционирования модальных слов. Потому, возможно, в диалектах модальные слова представлены более богато и разнообразно, чем в литературном языке.

В южных говорах, помимо общетаджикских слов, имеется группа диалектных модальных слов: *гара* -хорошо, что, *табина* -очевидно, *шотеми/шота* - возможно, *кайтара/кайтан* (из узб.) - как правило, *мево* -должно быть, *чум* -как знать, *ишқилиб* (из узб.) -только бы, *угам* -раз так, значит, наконец. Примеры *бийо бъши*. *чай бъху*, *угам* (в-кр. Сарикенджа) -иди садись, *чай попей*, *раз так*; *бадугам қоқ шид*, *ба санг қати шапидан* (с-к. Муминабад) -потом, наконец, (*суфа*) подсохла, камнем отшлифовали ее. В функции модальных слов могут выступать сочетания с грамматическим формантом *-ра*: *албатара*, с артиклем-е: от литературного языка предложные сочетания в функции модальных слов в южных говорах мало употребительны, ср.: лит. *ба назарам*, *ба хаёлам* -но диал. *назар-ъм* по-моему, *хийол-ъм* думаю, мне кажется; лит. *дар хақиқат*, но диал. *хақиқат/хақатан* - в действительности, на самом деле.

Общетаджикские модальные слова типа *албатта* -конечно, *алқисса* -короче говоря, *гуйо* -будто бы, *росташ* -правда и многие другие распространены в южных повсеместно, часто в фонетически измененном виде, например, *алқиста*, *гуво*, *албат*. Ряд диалектных модальных слов имеют территориально ограниченное употребление. В частности, *гара* свойственно каратегинским, северно-и западно-кулябским говорам, а в южно-кулябских он не отмечено в гиссарско-кулябских же встречается эпизодически. *Ишқилиб* - только бы - отмечено главным образом в говорах Верхнего Каратегина, реже Среднего (в вахиинско-категинском и каратегинском говорах).

Модальные слова южных говоров соответственно выражаемым им модальным значениям, характеризующим отношение говорящего к высказыванию или действительности, подразделяются на несколько групп.

Модальные слова, выражающие предположительность, вероятность, возможность: *тахмин* -примерно, *мумкин* -может быть, *шота/шотиме* -вероятно. *табина* - очевидно, *зора/зоре* - может быть, *мево(ки)* / *мевод* -может статься, *натимол* -возможно, *балки* -возможно, *гуйо/гуво* - будто. Примеры: *у ай ота-м*, *тахмин*,

чор сол калон ай (г-к. Зулфи) -он старше моего отца примерно года на четыре; ала, саро кьнем, мегум, бестем (кр. Дегаи) -ну как же нам быть, очевидно, останемся (здесь); ай шьлапушийо-т мево, йагу одами зур шидай (кр. Казнок) -раз шляпу носишь носишь, наверное, стал каким нибудь важным человеком; магаръм, бари уча йа қаравъл-а бьшони (г-к. Ждавонон)-разве что на том краю сторожа посадишь; шотеми, ака-ш меойад (с-к. Ховалинг) -возможно, старший брат придет; мерам, зоре, даракшун-а бьйовам (кр. Навди) пойду, может быть, разышу их; моо гуйо ац Дегаи-йем (кр. Саидон)- мы как будто из Дегаи; чум, балки, хьд-ьш мейоа (кр. Халкарф) -откуда я знаю, возможно, он и сам придет; мьн хазл-ьт меньм, мево ки бьгуй? (кр. Нушор) -я шучу с тобой, может, скажешь? дьхта, мево, туй шава (кр. Лахш) - у девушки, наверное, будет свадьба.

Сюда примыкают и модальные слова, выражающие неожиданность, случайность с оттенком предположения: йаке, мободо/наводо, рафта-вь/ рафта/ равад-ду -все со значением «(а) вдруг (не дай бог)»; «может (быть)»; наводо фахмида шарм накьна (г-к. Шуриён) -не дай юог, поймет и застесняется; йаке аму назада боша? (с-к. Ховалинг)- а может вдруг), тот его ударил?.

Модальные слова чум -почем знаю, ким -кто знает, выражающие неопределенность, неизвестность, сомнение, дифференцируются по значению; чум употребительно при отсутствии у говорящего сведений о предмете высказывания; чум, саһат ай, касал ай, мьрда ай (в-кр. Язганд)-почем я знаю, здоров ли он, болен или умер; ким означает полное отсутствие сведений о предмете речи как со стороны говорящего, так и собеседника: ким, да чо-йай у мусьфед-вот ж знает, где этот старик.

Модальные слова типа албата(ра)- конечно, мьқаррар-непреренно обозначают уверенность, убежденность, , сообщающие высказыванию оттенок категоричности: ба мактаб-а овардан, албат? (кр. Кабудийён)-для школы, конечно, привезли? мьқаррар, бачахо мийан (кр. Казнок) -наверняка, дети придут; мо хакикатан, кори зур кардем (кр. Хумдон) -действительно, мы большое дело сделали; валай, хьш да сар-ьш нестай! (кр. Гофилобод) ей богу, он не в себе!

Модальные слова типа ба гьмоньм, ба назарьм, ба хьйолум-по-моему, мне думается выражают суждение, мнение говорящего согласно собственным наблюдениям, предложениям: ба гьмоньм, фьр додак-ьш (кр. Бальджуан) - по -моему, он ее (шапку)

сбросил; офтов бышист, назаръм 9в-кр. Ходжаи Тавоф) - солнце село, помоему; имсол, гумонам, зимистон хеле хънък меша (г-к. Сумбула)- в этом году, по-моему, зима будет очень холодная.

Модальные слова типа мақсад/махсад- пусть выражают намерение, цель и придают высказыванию экспрессивную окраску: пъл-ъш ройи мекардъм, посилка-ш мекардъм, махсад, азов накаша, бъхона гъфта (г-к. Хеловар) -деньги ему переводил, посылки посылал, пусть, думаю, не будет в затруднении учиться.

Модальные слова қайта/қайтанам/ қайтара-вот, -то, именно; как раз(-то);наоборот, напротив, служащее для выделения, противопоставления, сообщает высказыванию также усилительно эмоциональный оттенок: ай бача-ра, қайта, дъхта хуб ай, гап-а намегардона (г-к. Зулфи) -дочь, наоборот, лучше, чем сын, не дерзит; камиссия қайтарам а и чен-да замистон бъсйор меоя (з-к. Зогнул) -окмиссия-то чаще приезжает зимой, а не в это время; қайтара, патинкаҳо-ра напушидъм, хоро похом-а хурдан (с-к.Ховалинг)-ботинки вот не надела, колючки все ноги мне и искололи: аз дайро об бървардан, қайта ичоо кабут шид, дарахт шид (кр.) -от реки отвели воду, эти места-то вот и зазеленели, появились деревья.

Модальные слова алқисса/алқиста, умуман, хуллас ки/ хуллас, гара-короче говоря, итак, в конце концов, одним словом, в общем, в результате выражают итог, вывод, результат, содержащийся в высказывании: алқисса, пошо хаами дъхтар-ъш-а ба хаму бача-ра туй кард дод-ъш (в-кр. Хаит) -в конце концов, царь устроил свадьбу и отдал свою замуж за того юношу; хуллас, дар даври мири-да зиндаги ука хуб набъд (кр. Фаррух)-одним словом, во времена миров жизнь была не так уж хороша; гара, ба хестан, сангоw-а хамидан омадан (кр. Фаррух)-итак, потом они встали, стали спускаться к каменистому руслу реки; гара, маҷмур кардан-ъш-а? (з-к. Дехбул)- разве что принудили его?

Для южных говоров характерно использование в функции модальных таких слов, как угам. ақуи/акъ- затем, (ну) так, таким образом, теперь; бъйо бъши, чой бъхъ угам (в-кр. Сарикенджа)-так садись, пей чай; пага, акъ, мо лойкори мекънем (с-к. Муминабад)-итаг, завтра мы будем мечь глину (для постройки). Слово шъгър в модальной функции выражает удовлетворенность: шъгър, гудако-м бъзбала-ҳак-ан (кр. Гофилобод)-к счастью (слава богу), детки мои подросли.

Междоиметия

Междометия, то есть слова и сочетания слов, служащие для выражения различных эмоций, чувств и волеизъявлений, указывают на отношение говорящего к тому или иному предмету или явлению действительности. Междометия как грамматическая категория в таджикском языке изучена слабо, в диалектологических исследованиях о них имеются лишь отдельные замечания.

Междометия южных говоров подразделяются на две основные группы: общетаджикские и диалектные, т.е. свойственные говорам.

К первой группе относятся: а) междометия, полностью совпадающие по внешнему виду и значениям с общеупотребительными в таджикском языке: **е!** **еҳе!** **аха!** **еҳхе!** **ха!** **оббо!** **-ого!**, **вой!** **вох!** **ачаб/ачабо-** удивительно! **дарег-увы!** **баракалло-браво!**, **рахмат-спасибо!**, **уф-ох!**, а также возгласы по отношению к животным: **бош-бош** (призыв коров), **ту-ту!** **-цып-цып**, **чиги-чиги** (призыв козы), **хеш-хеш** (призыв коровы), **ниш** понукание осла), **чу!** **-но!**; б) междометия, отличающиеся своим фонетическим обликом: **файрот-караул!** (от **фарйод**), **еҳей**, **ейҳа**, **еҳҳа!** **ай/а** (при удивлении), **тоуба /товба-** о боже!, **аббо/хаббо/або/оббо-** ого!, **къша/кша/киш/кыш!**, **баш/бош** (призыв коров).

Ко второй группе относятся междометия: **ай**, **вай-бой**, **хе ху**, **у**, **хей/хий/хи**; **вобарам-** о дитя!, **намърди** - стыдись!, как можно! (**намърди ба ҳамин гап-ат!** (кр. **Фатхабад**)-и как ты можешь так говорить!); **еҳа/еҳай**; **геч-геч-геч**, **ош-ош-ош**, **жиг-жиг-жиг**, **кег-кег-кег**, **шок-шок** и **шога-шога** (по отношению к телятам), **саг/асаг/сага-**лежать! место! (о собаке). Все эти междометия в говорах широко употребительны повсеместно, лишь некоторые из них носят локальный характер. Так, междометия **вобарам**, **айху** отмечены в каратегинских говорах, **вай-бой** - в вахинско каратегинских, **ха** - в рогских, **геч-геч-геч**, **жиг-жиг-жиг**, **кег-кег-кег**, **ки-ки-ки** распространены преимущественно в бадахшанских говорах.

Разряды междометий

С точки зрения эмоциональных оттенков, выражаемых междометиями, в южных говорах, как и в литературном языке, они составляют две основные группы: междометия, обозначающие чувства человека, и междометия, обозначающие различные формы и оттенки волеизъявления. На фоне этого сходства выделяются некоторые диалектные черты, свойственные междоме-

тиям южных говоров. Так, ряд междометий в говорах по своим эмоциональным оттенкам весьма многозначны, например, междометие е! в зависимости от содержания высказывания может выражать ряд оттенков. Пример: е гов, гуфгум, сатқа-т шавъм, гусала-т нестай! (с-к. Ховалинг) -эх, коровушка, да стану я жертвой за тебя,- подумала я, -нет твоего теленка! Е бачам-а мъргаки натен! (з-к. Зогнуль)-эй, не давайте моему сыну искорёженную лепешку!

В южных говорах чрезвычайно развита также синонимия междометий, так как одни и те же эмоции могут быть выражены несколькими междометиями.

При употреблении междометий в речи она сопровождается характерной интонацией и мимикой.

Междометия, выражающие эмоции, подразделяются на подгруппы в соответствии с тем, какие чувства они передают:

1) радость, восхищение, удовлетворение (ох, ха, е, або, ай, ах): ох! бачам, ку бийо (з-к. кангурт) ой, дитя мое! Подойди же; бъйо, бачам, мехмон ба чонам-е! (г-к. Шуриён)- подойди, сынок мой, ох, что за гость дорогой! або! и чураи чони мъ, бъдай (г-к. Зулфи) -ого, это оказывается, мой самый близкий друг!;

2) опасение, страх: ай, дъхтар, оста бъгаз, ки дандуно-т мегалта (с-к. Ховалинг)-ой, девушка, осторожно кусай, а то зубы твои надломятся;

3)взволнованность: ехха, чор сол чанг кардем кати немисо, фахмиди? Чор сол? (в-кр. Яхакпаст) -э- хе! Четыре года мы воевали с немцами, понимаешь?! Четыре года!;

4) удивление, сомнение: еха, минаи шухо-нда-ни рафте?... (в-кр. Нушор)-ого, вы и среди скал побывали!?!; вах, ма ай кадима чи медонам?! (г-к. Геши) -Ой, да что я знаю о старине?!;

5) печаль, сожаление; е вой! и мардак пърармон мърд (кр. казнок)-эх, жаль! В расцвете сил умер этот человек;

6) боль: вой-вой! -ой-ёй!; уф!-ох!;

7) гнев, возмущение, упрек: вай-вой! нахо, одам хамита беадаби къна (в-кр. Лахш) - ой-ой! Неужели человек может так некрасиво поступать?! ай, бачам, ть кофир шиди! (кр. Маргзори Сир)-эй, сын мой, да ты нечестивцем стал!

Императивные междометия, выражающие побуждение к действию, призыв, просьбу, приказ, употребительны:

1) при обращении: ха, Мардон, шиштай? (в-кр. Ярхоб)- а Мардон, все еще сидишь? оча-е ов-ъм бъти (в-кр. Нушор)-ой, мама, дай-ка мне воды. В фольклоре употребительно междоме-

тие ало, не отмеченное при обращении в повседневной речи: ало, дъхтар, ей мохпари дъхтар! (Фолькл.) -о девушка, эй луноликая фея!;

2) при запрете, предостережении: ей. чой дур нара (в-кр.Хичборак) эй, далеко не ходи; дод нагу, мегум-е хап-хап (кр.Енахш) -не ори говорю, э-э, тихо, тихо;

3) при побуждении к действию: и, хез, мошин мерава (кр.Шархо)-эй, поднимайся, машина отправляется!;

4) как возглас, которым отгоняют животных, птиц: саг! аса-га! сага! (собаку), хай! тпру-тпру! (барана), шог-шог! (теленка), кег-кег-кег! (козлят), бош-бош! (коров), къша! (кур), чу! (погоня лошадь), парч-парч! (погоня волов на похоте);

5) как возглас, которым подзывают животных, птиц: хеш-хеш! (корову); мах-мах! бах-бах! (лошадь, осла): бах-бах! (собаку), ту-ту-ту (кур и цыплят), чиги-чиги-чиги, гди-гди, жиг-жиг (козлят), ки-ки-ки (ягнят и козлят).

Лексика

Общие замечания

Лексика южных таджикских говоров, как и вообще таджикская диалектная лексика, до последнего времени была изучена слабо, «разнообразный и обширный лексический материал, содержащийся в опубликованных диалектологических записях текстов, ещё ждет своей систематизации» (Расторгуева 1964, 149).

Большая работа, проводившаяся в последние годы в отделе диалектологии и истории таджикского языка ИЯЛ АН Таджикской ССР по сбору, систематизации и дальнейшему исследованию и анализу полевых материалов, дала возможность впервые относительно полно характеризовать лексику южных говоров таджикского языка. Все материалы отдела, а также содержащиеся в публикациях как диалектологического, так и этнографического характера, послужили основой для исследования лексики южных таджикских говоров как некоей системы в различных ее аспектах: территориально-географическом, семантическом и структурном.

Южные таджикские говоры составляют, как известно, особую диалектную группу таджикского языка, противопоставляющуюся другим его диалектным группам (северной, центральной, частично юго-восточной) единством фонетической и грамматической систем, а также определенной общностью лексики. Эта общность проявляется прежде всего в том, что основной фонд лексики составляют здесь как слова общетаджикские, или общенародные, так и диалектизмы, свойственные в основной массе всем южным говорам, но неупотребительные в других группах говоров, особенно северных, и в литературном таджикском языке, например, *гажд* -грязный; *ръжд* -ровный; *хевар/евар* -деверь, *бъвък* -соломенное чучело теленка.

Однако общность лексики на территории распространения южных говоров не означает сплошной однородности ее состава. В основе выделения внутри данной группы отдельных говоров наряду с различительными фонетическими и грамматическими чертами имеют место и различительные признаки лексического порядка. Например, слово *беза* -плетенка на саях волокушах для соломы известно преимущественно в кулябских говорах; в каратегинских этот предмет называется *чавра/чавара*. «Кладовая» в кулябских и каратегинских говорах называется *ганчурхона*, реже *хичра*, в бадахшанских -*ганчина*; «мать» в кулябских (с-

к., з-к., г-к.) и каратегинских *оча/ача*, в южнокулябских *ача*, *ма*, в вахинско-каратегинских *-ви/ави*, *оча/ача*, в бдахшанских *чийа*, *нья/наиа*, в рогских *чийа*, *ма нья*.

Другие однозначные слова параллельное распространение в одном и том же говоре. Например, женщину-родственницу жениха (невесты), - сопровождающую жениха (невесту) в дом невесты (жениха), каратегинцы называют *мурова* (с. Джафр), *мурова* или *йанга* (с. Каланак и ряд др. селений). Слово *угам* -потом, затем, после употребительно в каратегинских говорах повсеместно, в кулябских -лишь в некоторых (с-к. Ёхсу, Муминабад, Даштиджум). Чем дальше отстоят друг от друга различные южные говоры на территории их бытования, тем заметнее в них различия в лексике. Таково, например, соотношение бадахшанских говоров с остальными говорами южной группы или, например, отношения вахинско-каратегинских говоров с говорами кулябского типа в Гиссаре.

Словарный состав литературного таджикского языка и словарный состав южных говоров не идентичны. Между словами единого содержания и одинакового использования в литературном языке и, в частности, в южных говорах также наблюдаются иногда существенные расхождения в том или ином отношении, и прежде всего в материальной оболочке слова, то есть в его звуковом составе. Сравним, например, литературные слова и их южнодиалектные эквиваленты: лит. *ман*, юж.-*мь/мън* - я; лит. -*даст*, юж.-*дъст* - рука; лит.- *эхтиёт*, юж. -*атйот* - осторожность. Подобные расхождения имеются и в грамматических функциях и в оформлении общетаджикских слов в диалектах.

Состав лексики южных говоров подразделяется на две основные группы: слова диалектные, или диалектизмы, характерные для южных говоров и общетаджикские. Первая группа ограничена в отношении географического распространения; диалектизмы в основном употребляются на территории бытования южных говоров (и неупотребительны в литературном таджикском языке). Вторая группа территориально не ограничена; общетаджикская лексика генетически объединяет южные говоры с остальными таджикскими говорами и общенародным литературным языком и представляет собой слова повсеместного употребления.

Состав лексики южных говоров

Общетаджикская лексика

Большая часть словарного состава южных таджикских говоров представлена общенародной (общетаджикской) лексикой, единой с литературным языком. Как известно, основной частью общенародной лексики диалектов любого языка являются корневые, или первообразные слова; именно они составляют важный источник обогащения словарного фонда всякого диалекта. Пути образования слов в диалектах, в том числе и в южных говорах, те же, что и в литературном языке, однако здесь имеют место диалектные особенности, характерные для данных говоров. Об этом свидетельствует различная степень употребительности и продуктивности тех или иных словообразующих суффиксов, формантов и компонентов, свойственных как литературному языку, так и диалектам. Представляют также интерес особенности сочетаемости компонентов (как частей сложного слова), которые характерны для литературного языка и для диалектов. Так, с общетаджикским словом *хуш* в южных говорах засвидетельствовано свыше 30 композит, по своей семантике свойственных южным говорам, например: *хышбайд-выдающийся*, *хышвохурд-обшительный*, *хышжельателъный: хышъмин-прекрасная*, *плодородная земля: хышнон-щедрый*, *радушный*, *гостеприимный; хышпоиш-прочный*, *отличного качества* и др. Как и в литературном языке, в южных говорах весьма продуктивны в функции компонента словосложений такие слова, как *даст-рука*, *сар-голова: начало*, *хона-дом* и др.

«Основу словарного состава всех таджикских говоров, утверждает В. С. Расторгуева, составляет общий лексический фонд, включающий в основном слова исконно иранские по происхождению, а также общепринятые заимствования из арабского, узбекского и русского языков (Расторгуева 1964, 149). В южных говорах активно используется значительное количество заимствованных слов как в качестве корневых морфем, так и компонентов сложных имен и составных глаголов.

Общетаджикские слова в лексике южных говоров по соотношению их с литературным языком подразделяются на две основные группы:

1. Слова общеупотребительные, в равной степени свойственные и литературному языку, в том числе общеразговорному, и

южным таджикским говорам. Слова этой группы составляют большую часть лексического фонда говоров.

2. Слова, свойственные книжному литературному языку и засвидетельствованные в незначительном количестве в южных говорах. Степень распространения и употребительности слов этой группы в разных южных говорах неодинакова, что связано, во-первых, с индивидуальным характером их использования отдельными носителями говоров, обычно людьми старшего поколения, особенно прежними воспитанниками духовных школ: во-вторых, с узкоколлальным и эпизодическим характером их употребления. Так, например, слово *хасмийат* (кр.) (хасм-враг)-вражда засвидетельствовано в с. Самсолик, в других селениях Каратегина оно отмечено не было. Слово *пазир* как именной компонент глагола *пазир кардан*-принимать, отмеченное в бадахшанских говорах (Розенфельд 1971, 122), в остальных южных говорах неупотребительно.

Обшетаджикские слова в южных говорах подвергаются фонетическим и семантическим изменениям и подразделяются с этой точки зрения на несколько групп:

1. Общеупотребительные слова, сохраняющие в южных говорах повсеместно литературную форму и семантику, например, *сар-голова*: начало; *по-нога*; *дар-дверь*, *хар-осел*, *санг-камень*, *пахта-вата*, *хлопок* и др.

2. Общеупотребительные слова, подвергающиеся в южных говорах существенным фонетическим изменениям. Эта значительная в количественном отношении группа слов с точки зрения территориального распространения делится на подгруппы: а) слова с единым фонетическим обликом для большинства южных говоров, например: *хақов-укоб-ястреб* *есйо(w)* — *осиёб-мельница*; *дъхтар-духтар-дочь*: девочка; *кърта-курта-платье*, *рубаха*; *руз-руз-день*; б) слова с измененным фонетическим обликом в одних говорах и с сохранившимся в других, либо имеющие параллельные произносительные варианты в третьих. Так, например, в северокулябских говорах, вахинско-каратегинских (Верхний Каратегин) и частично в рогских проносят *дъст-даст-рука*: *мын-мъ-ман-я*: *нъмад-намад-войлок* и пр; в каратегинских и кулябских говорят: *хуна-хона-дом*: *думод-домод-зять*: *мун-мон-оставь* и пр; в западнокулябских, гиссарско-кулябских, и каратегинских (Нижний Каратегин) говорах в

этих словах сохраняется «а»: даст, ма-ман, намад; возможны также и произносительные варианты типа ма-мь, даст-дъст.

3. Слова, производные от общетаджикских слов посредством диалектных суффиксов, например: сърхлем-красноватый, ба-чавара-многодетный.

4. Общетаджикские слова южных говоров с дополнительными значениями, отсутствующими в литературном языке. Группа этих так называемых «южных семантических диалектизмов» значительна по количеству. Примеры: навохтан (кр.) 1). (как и лит.) играть на музыкальном инструменте; 2) ругать: наво кардан (бд.) – ругать: ошнои кардан (к.) – здороваясь, целоваться при встрече (о женщинах); сарһад (повсеместно в южных говорах) – высокогорная местность, ср. лит. сарһад-граница.

Некоторые общенародные слова приобретают новое значение не во всех, а лишь в отдельных говорах. Например, слово ганч-сокровише в каратегинских и кулябских говорах употребляется в значении «молоко»: слово пахлавон-богатырь в бадахшанских и каратегинских говорах приобрело значение «охотник». Процесс расширения значения в подобных случаях происходит на диалектной почве в результате переосмысления первоначального значения слова на основе метафоры, аналогии или иных видов семантических преобразований.

Многие общетаджикские слова употребительны в южных говорах только в этих новых диалектных значениях (например, приведенные выше сарһад, ошнои).

Наряду с этим имеется большая прослойка общетаджикских слов, употребляемых в южных говорах, как в общепринятых значениях, так и в специфических диалектных. Однако степень их распространенности в тех или иных значениях неравномерна. Так, например, слово рафик в значении общепринятого обращения к лицу «товариш» в говорах употребляется ограниченно, как правило, в условиях официального, служебного общения: в бытовой речи в отдельных селениях это слово широко употребительно в специфически диалектном значении «любовник»: «возлюбленный».

Лексические диалектизмы

Для тех или иных говоров южной группы характерны особые местные слова, отсутствующие в литературном языке и определяющие межговорные различия на лексическом уровне. Это так называемые лексические диалектизмы. Основной при-

знак лексического диалектизма, по определению Ф.П. Филина, — употребление его на ограниченной территории, обязательное «наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык» (Филин, 1961, 20.). При этом следует иметь в виду, что многие диалектизмы свойственны в равной мере нескольким говорам или целой говорной группе. Например, диалектизмы *бъна-семья*, *хозяйство*; *гажд-грязный*; *чъхт-прямой*: вертикальный и некоторые другие характерны как для южных, так и для юговосточных таджикских говоров. Диалектизмы же *далда-пшеничная каша*: *бармол-поросший травой горный склон*; *дангал* (*дангал кардан-бросать*), кроме южных и юговосточных, распространены также в таджикских говорах центральной группы, в частности в верхнезаравшанских и рамитских.

Иными словами, изоглоссы определяют территории распространения лексических диалектизмов. Слово, равно употребительное на всей территории, занимаемой языком, является общенародным, а не диалектизмом.

Лексические диалектизмы южных говоров по локальному признаку подразделяются на три группы:

1. Диалектизмы, распространенные во всех говорах южной группы либо в большинстве ее говоров. Именно они определяют южный тип таджикской лексики, противостоящий северному и центральному (диалектная лексика южных и юговосточных говоров, как упоминалось выше, характеризуется значительной общностью). К диалектизмам, распространенным в южных говорах повсеместно, относятся, например: *чъхт-прямой*, *прямостоящий*; *аргъшт-танец*, *хуй-открытый*, *развязанный*; *бъна-семья*, *хозяйство*: *ръжд-гладкий*, *ровный*; *гажд-грязный*: *гавчидан-мять*, *давить*; *хелидан-месить (тесто)*; *йана-золовка*; *евар-хевар-деверь* и др.

2. Диалектизмы, распространенные в одном из говоров южной группы, а в остальных встречающихся эпизодически или вовсе неупотребительные. Именно эти диалектизмы служат одним из признаков межговорных различий внутри южной группы. Так, например, говорам каратегинского диалекта (каратегинским говорам) свойственны лексические диалектизмы *варав*, *варави-младший*: *лъмб-большой*; *пайка-место награждения победителей скачек*. Диалектизмы *хова-утвердительная частица «да»*, *вредиан-сохнуть*, *увядать*, *беза-плетенка на санях-волокушах для соломы*, *зуф-подорожник*, *бувак-чучело телен-*

ка, ката-большой, взрослый и др. свойственны северно-и западнокулябским говорам. Диалектизм зика-красивой. нарядный засвидетельствован в кулябском и бадахшонском диалектах. Показательны в этом отношении термины родства. Так, «отец» в южнокулябских и рогских говорах передается термином да, в севернокулябских, западнокулябских и гиссарско-кулябских-ота-ата, «мать» в южнокулябских и рогских говорах-ма, в остальных кулябских-оча-ача: «младший брат, братишка» в южнокулябских говорах-балък, в рогских-ник, в остальных южных говорах употребляется общетаджикское додар-додарак.

2. Диалектизмы, употребительные лишь в отдельных селениях или в группе селений, расположенных недалеко друг от друга. Например: ли-сноп (ю-к, Ёл), гърънд-месть (кр. Хилмонй), йом-маслобойка (г-к. некоторые селения Гиссара, Явана).

В южных говорах, как и в других говорах таджикского языка, лексические изоглоссы в пределах группы близких говоров, как правило, либо обрываются на определенной территории их бытования, либо выходят за ее пределы, вторгаясь в другую группу. В связи с этим четкое определение изоглоссы того или иного лексического диалектизма при нынешнем состоянии изученности вопроса представляется затруднительным.

Тематические группы лексики

Лексика южных таджикских говоров, как и любых народных говоров, богата словами, отражающими своеобразие ландшафта, природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной деятельности, быта и уклада жизни населения. Лексика южных говоров состоит как из предметной, так и не предметной лексики. Первая называет предметы, реалии, явления, относящиеся к различным областям материальной культуры (жилищу, пище и т.д.), занятиям (земледелию, расмеслам и др.), семейному быту. Сюда же относятся названия животных, растений, природных явлений, термины родства, названия животных, растений, природных явлений, термины родства, названия болезней и средств лечения, обрядов и обычаев, бытующих среди населения, и многое другое. Именно в предметной лексике наиболее многочисленны лексические диалектизмы. Не предметную лексику составляют слова, называющие признаки предметов, явлений, действий, а также глагольная лексика и служебные слова. Описание семантических пластов южноговорной лексики

относительно полно дано в таджикском варианте монографии (Шеваи чанубии...1980, 100-204).

В настоящем издании характеризуются всего несколько лексико-тематических групп южных таджикских говоров.

Термины и названия, связанные с жилищем

Лексика, связанная с жилищем, отражает хозяйственный уклад жизни населения рассматриваемых районов, что обусловлено причинами социально-этнического и природно-географического характера.

Одним из основных терминов, который обозначает дом как совокупность жилища, надворных (хозяйственных) построек, двора и примыкающих к дому земельных угодий, является слово **бъна-буна**, имеющее в южных говорах значения «дом» (в приведенном выше смысле) и «хозяйство» (сельскохозяйственная производственная единица, в дореволюционный период-податная единица). Ареал распространения термина **бъна** широк: он бытует не только в южных, но и в юговосточных таджикских говорах: известен в памирских языках. В диалектной речи употребляется в значении, идентичном словам **хонавода**, **хонавор-семейство**; нередко **бъна**, **хонавода** и **хочаги** используются как синонимы: **йагун хочаги бъйойа къшлок-да**, **бъна меган** (с-к. Даштижум)-какое-либо хозяйство появится в кишлаке,-его называют «бъна»; **мо дъсад хонавор хамичо-да-йем** (с-к. Сарихасор)-нас здесь двести семей (семейств); **пай сол токахучаги кардем** (кр. Кадучи)-мы пять лет жили единоличным хозяйством; **ийо тахчойи-ан, се-та бъна хастан** (в-кр. Тавильдара)-они местные, их три семьи (хозяйства); **йа бъна, ай дъмби замбър оворайсм**; и **къшлок-ънда шаш бъна бьд** (в-кр. Хичборак) -одна семья,-мы занимаемся пчелами, (а) в этом кишлаке шесть хозяйств было: **колхози мо сад бъна дора** (с-к. Ховлинг)-в нашем колхозе сто дворов.

Слово основного словарного фонда **хона-хупа-дом**, жилой дом, комната распространено в южных говорах повсеместно. В названиях помещений специального назначения оно, как правило, продуктивно выступает в качестве второго компонента сложных наименований: **гапчурхона**-кладовая, **хезумхона**-сарай для дров; **лалхуна**-сарай для кизяков (топлива); **руганхона**-кладовая для хранения масла и других продуктов.

В южных говорах встречаются следующие наименования дворовых построек и помещений различного назначения, количество которых в личных хозяйствах Каратегина (Таджики... 1970, 52), как и Куляба, Гиссара, колеблется от трех до двенадцати: хона-жилое помещение: долон-долун-крытая веранда при входе в сени: **һичра-һьчра**(кр., к.), **ичра** (рог.), **учра** (бд.²² Кухилал, Цордж)-комната для гостей (в самом доме, либо отдельно в некотором отделении от него). Обычно в такой комнате для гостей принимаются мужчины, и в этом смысле название ее **һичра** соответствует ныне устаревшему в литературном языке термину **хонйберун**-мужская половина дома, где принимали гостей (Таджикисо-русский словарь 1954, 64).

В каратегинских и кулябских говорах **һичра-һьчра** служит также для называния небольших кладовых в доме, обычно смежных с жилым помещением. В гиссарско-кулябских говорах **һичра-һичра** в значении «кладовая» неизвестно, употребительно оно в них только в первом упомянутом значении «(убранная) комната для гостей»: одам бьсьор омад, гьчо-да-чо-ш карди?-һьчра-да чо кардум (г-к. Файзобад)-много людей пришло. Где ты их разместила? –в комнате для гостей разместила. Термин **һьчра** в данном значении стал использоваться в южных говорах приблизительно с конца 30-х годов текущего столетия, поскольку, как свидетельствуют этнографы, комната для гостей с таким названием является в Горном Таджикистане относительно новшеством: строить их стали незадолго до Великой Отечественной войны, а широкое распространение они получили (следовательно, и наименование их) в послевоенные 40-е и последующие годы (Таджики...1970, 56).

Вместе с тем, употребляется в южных говорах и общетаджикское слово **мехмонхона**-гостиница в различных фонетических вариантах: **мимунхуна**, **мемушхуна**, **мимхуна**. Однако в отличие от слова **һьчра**, обозначающего комнату для гостей в собственном доме-усадебке, **мехмонхона** служит обозначением городской или районной гостиницы.

В бадахшанских и частично в вахинско-каратегинских, южнокулябских говорах бытует термин **кушхона** - комната для гостей. Как правило, это было некогда единственное в кишлаке общественное помещение (обычно при мечети), где размещали

²² Материал бадахшанской лексики почерпнут из работы Розенфельд А. З. Бадахшанские говоры... (Розенфельд 1971), а также добыт автором раздела опросным путем.

приезжих гостей (Таджики...1970, 40). В значении общественной комнаты для гостей слово **кушхона** было зафиксировано Р. Л. Неменовой в бассейне р. Варзоб в кишлаке Роги Боло, заселенном каратегинцами.²³

Одним из терминов, обозначающих общественные помещения, является слово **аловхона-аловхона-общественный** «дом огня», где зимними вечерами собиралось на трапезу вокруг очага, усаживаясь на места согласно возрасту, мужское население кишлака, поочередно принося топливо и домашнюю еду: здесь находили также приют путники и приезжие (Таджики...1970, 111-113: 1976, 207-209). Последнее обстоятельство дало основание некоторым исследователям усмотреть в слове **аловхона** значение «странноприемный дом», синонимичное распространенному в прежние времена слову **мусофирхона** (Суфиев 1958, 238).

Названия хозяйственных построек одного и того же назначения иногда различаются по говорам. Так, сарай для кизяков (в форме кирпича или лепешки) в кулябских говорах носит название **лалхона** (с-к.), **лархона** (з-к., ю-к., рог), в каратегинских-**таххона**, **тапакхона**. Наименования кладовой **ганчур** и **ганчурхона** также различаются по говорам: первое распространено в каратегинских, вахинско-каратегинских говорах и в селениях Даштиджум и Ёхсуи Боло (с-к.); второе-в севернокулябском и гиссарско-кулябском ареале, особенно в группе файзабадских кишлаков. В бадахшанских говорах в этом значении употребительно слово **ганчина**.

В ряде южных говоров **ганчур** и **ганчурхона** обозначают помещение (кладовая) для хранения продуктов про запас или различной утвари. В этом случае **ганчур** и **ганчурхона** выступают как синонимы общетаджикского **анборхона-амбор**, склад, хранилище: **гандъма таф медодан ганчури калон-да медохтан-у санг мёмундан** (в-кр. Лангар)- пшеницу клали, ссыпали в большой амбар (кладовую) и закладывали камнем: **пештар хар чиз гурчер мёмунданд ганчурънда** (в-кр. Сарикендджа)- в прежние времена всякое тряпье складывали в кладовой. В памятниках классической литературы **ганчур-казначей**; владетель казны, сокровиш: хранитель казны (Фарханг, 1969, 253). Переосмысление этого слова в таджикской диалектной речи привело к необходи-

²³Полевые материалы Неменовой Р. Л., собранные в 1962 году во время Варзобской этнографической экспедиции.

мости прибавлять уточняющий его новую семантику компонент-хона.

Прочие слова-термины данной тематической группы представляют собой названия частей жилища, а также внутренних его деталей и предметов.

Традиционная, обычно односкатная земляная крыша имеет наименование **бонг-бънг** (лит.бом). Его фонетические варианты **бънг-бунг** более широко распространены в кулябских и каратегинских говорах. В гиссарско-кулябских используются варианты **бунг-бонг**, в бадахшанских-**бом-бум-бонг**.

В Гиссаре и Кулябе, особенно в западной его части, двускатный навес над земляной кровлей дома или хозяйственной постройки, крытый камышом и предохраняющий кровлю от размыва дождями (Андреев 1927, 21-22; Писарчик, Кармышева 1953, 93-94; Таджики...1970, 35-36), имеет несколько вариантов наименования: **чъптора /чувтора/-чаптара/чавтара/чубтора**. Варианты **чъптора -чувтора** распространены в кулябских говорах, особенно в западнокулябских; реже эти названия встречаются в севернокулябских говорах: варианты **чаптара-чавтра** отмечены в западнокулябских и гиссарско-кулябских говорах (среднее течение р. Вахш) (Мухиддинов 1982, 215).

Промежуток между двускатной камышовой крышей-навесом «чъптора» и плоской земляной кровлей «бонг», используемый обычно как склад для сена, повсеместно в южных говорах называют **болохона**, а двускатные навесики над светодымовым отверстием в потолке жилого помещения-**харрузан**, **харпуштук-харпушта** (кр. Кадара, Закиробод (Таджики...1970,33; с-к. Ховалинг и др.). Компонент **хар-**здесь, по-видимому, указывает на форму двускатного навесика, напоминающего спину осла. Вариант **харпушта** отмечен в яванских селениях: **харпушта бакуватарай ай шифир-а** (Чалолов, 1976 67)- двускатный камышовый навес прочнее шифера.

Засвидетельствован также термин **харипуш** (кр. Кадара)-дом с одной главной потолочной балкой перекрытия, называемой **харий** (Таджики...1970, 33).²⁴

²⁴Харий как самостоятельный термин-«главная балка», «прогон потолка (кровли)», так и в составе сложных -**яккахари**, **кушхари**-распространен в строительной лексике севернее Каратегина-в Фергане (Писарчик, 1954, 270, 297) и в верховьях Зеравшана: **хонаи мпёнахари** (Ягноб), **хонаибохари** (Матча)-жилая комната с одной продольной балкой перекрытия (Давыдов 1973, 79).

Распространенным повсеместно термином **рузан** обозначается светодымовое отверстие в потолке, обычно над очагом (именуемым в южных говорах чахлак) или над водостоком (ташноу).

Повсеместно в кулябских и каратегинских говорах бытует термин **кос-потолок**: засвидетельствовано также слово **сархона** (с-к. Геш) в этом же значении: парвоштырък ба дъли хъдшу да сархонай хона елча мекъна (с-к. Геш) - ласточка по своему желанию въѣт под потолком свое гнездо. В бадахшанских говорах в значении «потолок» употребляется слово **чъхт-чихт**. Обычно слово **кос** в значении «потолок» (в южных говорах оно обозначает еще «небо») выступаст в сочетании **тори кос** (тор-верх, верхушка): чъшмо-щ да тори кос-ай (с-к. Ховалинг)-он (установился) в потолок.

Преставляют интерес диалектные названия деталей кровли и перекрытия дома. Например, **нигаса-нъгаса** (с-к., ю-к.), **нигас-нъгас** (г-к.) - края крыши, застрехи, концы балок потолка, выступающие над стенами на 30-40 см в виде карниза, предохраняющего стены от размыва дождями: нъгасай хона-м чукидай (г-к.) (Махмудов 1964, 78) - застрехи в моем доме погнулись. Аналогичными по значению являются распространенные в Каратегине и Кулябе слова **пориса-пореса** (к., кр.), **полиса** (кр. Навде), **сарпореса** (в-кр. Сарикенджа), **сарипоса** (ю-к. Догистон), **полисагузор**.

Круг значений терминов **нигаса**, **полиса** постепенно расширился. Например, **нигаса** означает также промежуток между жилым помещением и хозяйственными постройками (хлевом и др.) (Неменова 1956, 160). Повидимому, более поздними образованиями являются и слова типа **сарпореса-карниз** (крыши).

Деревянные детали жилища (комнат, веранды) также носят диалектные названия, указывающие на назначение этих деталей: **пъл-пул** (букв. «мост») - большая наружная балка на верху стены дома или веранды, куда упираются концы открытых балочек потолка: **пъли акиб** (букв. «задний мост») - балка задней стены; **пъли мина** (букв. «крайний мост») - крайняя балка наружного края веранды. Прочие названия балок: **равчуу** (в-кр. Сарикенджа), **зейрав-заррав-зирау** (кр. к.) - балка; **марза** (бд. Нижгор) - поперечная потолочная балка; **порса** (бд. Цордж) - потолочные балки: **овашик** (кр., к.) - деревянные подбалки с отверстием посредине, накладываемые на колонны; **дъстак** (к. повсеместно) - потолочная балка, см., например: хунаи мо-хунаи дъвоздадъстакай (с-к. Ховалинг) - наш дом с потолком на двенадцать балок: **дъстака ай дърахти еар еар, чормаг мебъран** (с-к. Муминабад) -

потолочные балки вытёсывают из тополя, орешины; **къландък** (кр., к.)- горбыльки, жердочки между потолочными балками, укладываемые ровной стороной кверху; **кумок-промежутки** между балками «дъстак». Термин **къландък** в ряде селений (ю-к. Догистон; с-к. Дороби, Баланди Даштиджум) имеет дополнительное значение «застреха» (то же, что и пореса).

Дифференцированы названия деревянных опор глинобитных построек, особенно жилищ: **сътъмб-сътъм** (кр., к., рог), **стън** (бд.) (лит. сугун)- столб; **токастън-токасутун** (бд. Ямг)- два передних столба в доме. Столбы, стоящие вплотную к стене или вмазанные в нее с внутренней стороны помещения, поддерживающие стены и подпирающие потолочные балки, называются **сътъмби танаи девол** (кр., к., рог), **сътъмби кадди девол** (кр. Бедак), **часпук** (бд.).

Центральный главный столб в жилище, почитаемый обитателями дома и всеми входящими в дом, имеет в южных говорах также несколько наименований-(сътъмби) **саломга**, **шасътъмб** (кр., к., рог), **сутунисартакйа**, **шасътък** (бд.), например: йаке саломга баста бьдъм (с-к. Муллокони)-одну (веревку) я привязал к главному столбу.

Для южных говоров характерны также особые диалектные названия для обозначения углов дома –**кигач** (к., кр.), **бърч** (бд., частично в-кр.)-внутренний угол дома: да кигачи хуна шиштай (с-к. Ховалинг) – он, оказывается, сидит в углу комнаты; у кигачи хуна-ра шикоф каа гърехт (кр. Навдонак)-она (мышь), продырявив щель в углу дома, убежала. Слово **кигач** может употребляться в функции адверба: газвор-а ита кигач бьбър (г-к. Анатурушаки таджик)- отрежь ткань наискоско (углом).

Слово **бълинг** (к.) «угол» в разных значениях, например, **бълинги лата** (с-к. Ховалинг)-угол платка, широко употребляется также и в значении «угол дома комнаты»: хаи гърифта фърндум-ш-а, ай и бълинги хона у бълинг-ъш-да рафта задак (г-к. Туда)-так я его швырнул, из этого угла комнаты в тот угол покотился.

Особые названия имеют отдельные элементы планировки внутреннего пространства жилого помещения: **пога** (повсеместно), **погандар**, **таи пога**-нечто вроде прихожей, углубление в полу у входной двери, где входящие обычно оставляют обувь: **декуп-декън-дукоп** (повсеместно) имеет несколько значений, связанных с жилищем: а) возвышенная часть пола (начиная от при-

кожей): б) возвышенная глинобитная площадка пола (соотв. лит. суфа), где сидят, спят: в) пол (вся площадь пола в доме): харчи шава, руйи дукони хъд-ъш шава (г-к. Анатурушаки таджик)- все, что случается, пусть случается в собственных стенах (букв. на своем полу) (погов.): г) глинобитные нары (отдельные части которых характеризуются различным устройством и расположением их по отношению к входной двери, очагу и друг другу) (Таджики...1970, 63, 70, 76, 77).

Отдельные части нар имеет различные названия. В 50х годах текущего столетия в отдельных селениях Каратегина они еще входили в активный словарный запас их жителей, поскольку дома старинной планировки были там не редкостью. В Кулябе, где старинные дома уже в конце-40-х годов оставались лишь в высокогорных селениях (Сарихасор, верховья Ёхсу, Даштиджум), названия частей нар употребляются редко. Думается, что приводимые ниже наименования частей глинобитных нар в каратегинских и кулябских говорах носят реликтовый характер: дукони пеш, (руи) дукони боло –дукони бологи (кр. Кадара, Яхч, Шулхоб)- более высокая часть площадки «дукон»; дукони та (х)- нижняя часть площадки; дукони сари дегдон-нары с очагом, дукони пасидар-нары за дверью, по одну сторону от входа.

Наименования очагов в южных таджикских говорах связаны с их традиционными разновидностями, встречающимися в селениях Горного Таджикистана.

1. Повсеместно распранен термин дегдон (дег «котел»-дон-суфф. места)-очаг (для приготовления пищи и выпечки хлеба, с широкой топкой спереди и открытый сверху); употребительны также его варианты дегдуи (кр., к.), дейдон (с-к. Шугноу), декдон (рог).

В верхнем Каратегине, в северной высокогорной части Куляба, где до 40-50-х гг. сохранялись дома старинной постройки, очаг-дегдон служил и для обогрева.

В южных говорах имеется также ряд составных наименований очага: дегдони калон-дегдони льмб (в-кр.)- большой очаг; дегдуни поибанди-очаг для хлебопечения; по видам хлебных изделий различились также дегдони гирдачабанди-очаг для выпечки толстых лепешек, дегдони чапотибанди-очаг для лепешек из тонко раскатанного теста и др.

Распространен также термин дегдунча-очаг меньших размеров для варки пищи и выпечки небольших лепешек.

Наименования очагов различаются также в соответствии с их устройством: **почькй** (с-к.) и **келигй** (в-кр. Каракенджа)- временные очаги из камней во дворе; **дегдончаи гардонак**, **учоки гардонак** (кр.Хакими, Казнок, Яхч и др. сел. Среднего и Нижнего Каратегина)- переносный очаг.

Отдельные части большого очага-дегдона имеют свои названия: **пичаи** ²⁵ **дегдун** (с-к.) – боковая площадка очага: **гугирд пичаи дегдонча мондагй бьд** (з-к. Дарай Мургон)- спички были положены сбоку у очага (на боковую сторону): **рафаг** (в-кр.); **айри** (бд. Мулодж, Нуд)- чуланза очагом для посуды. Варзобские каратегинцы сел. Зидди глинобитное возвышение для очага называют **поян дегдун**, а часть нар, примыкающих к очагу-**сари дегдон**. В гиссарско-кулябских говорах-«кулоби» также распространен термин **пичаи дегдон**.

В бадахшанских говорах имеются специальные названия, связанные с очагом «дегдон»: **лангар-лангархона**-священная часть очага для ритуального окуривания; **лангари пир**-место у очага для духовного наставника и почетного гостя; **пузики** (бд. Муловодж. Нуд. Яхшволь)- священная часть очага: перемычка в верхней части очага (Розенфельд 1971, 109, 125).

2. Слово **чахлак** (кр., к.)-**чалък** (рог)- очаг-яма в полу жилого помещения или веранды для выпечки лепешек и обогрева (термин распространен достаточно широко). В бадахшанских говорах подобный очаг-яма называется **чалък** –**чалук**, **чагардй** – яма справа от очага для кипячения чая (Розенфельд 1971, 86, 87).

Слово **чагдун**-очаг в земле для выпечки хлеба распространен во всех кулябских, рогских говорах. В селениях Нижнего Каратегина и гиссарско-кулябских говорах такой очаг называют также общезвестным **танур**: крышка для такого очага называется **това** (с-к. Зираки), **шилък** (ю-к.).

Разнообразны в южных говорах названия деталей двери: **палдарй** (в-кр. Оксой), **бардарй** (с-к. Даштиджум), **пахликдарй** (в-кр. Тавилдара), **бозикй** (бд. Андароб), **пахлударй** (бд. Ямг), **палударй** (бд. Удит, Яхшволь)- косяк двери; **погадарй** (кр., г-к. Гули Сурх), **тадарй** (кр. Тегерми, к., бд.), **санчикдарй** (в-кр, Тавилдара)- нижняя часть дверной рамы; **порог**; **пыландарй** (бд. Яхшволь), **тордарй** (кр., к.)- верхняя часть дверной рамы: **притолока**.

²⁵Пича-косички в женской прическе спереди по обеим сторонам от пробора до уха; возможно, по аналогии название пича применено и к боковым площадкам очага.

Названия стен дома и их частей: **девол** (кр., к.)- **дебол** (в-кр. Хаит)- **дивол** (г-к. Окбури)- стена; **лойдевол** (кр., к.)-глинобитная стена; наряду с **лойдевол** в вахинско-каратегинских говорах в том же значении употребителен аналогичный литературному термин **похсадевол**. О стене особой кладки говорят **шашдевола** (кр.)-в шесть рядов (слоев) глины (о способе кладки). Тонкую прослойку между массивными слоями глинобитной стены называют **мойра** (кр., к.), **локй** (кр. Навде), **кърчов** (в-кр. Джиргаталь), а о глинобитных стенах с такими прослойками, характерных для жилищ Верхнего Каратегина, говорят **мойрадор** (в-кр., частино с-к. и з-к.). Стены из сухих комьев глины-похсадевол (в-кр., с-к.), **кесакдевол** (кр., к.), **кълухдевол** (повсеместно); стена из осколков камня- **къръмбдевол** (кр.); стена из сырцового кирпича- **хиш(т)девол** (повсеместно); стена из камня- **сангдевол** (кр., к.) (в высокогорных кишлаках в качестве строительного материала использовался обычно камень).

Особые наименования отмечены в южных говорах для обозначения оград, заборов, а также настилов, предохраняющих их от размыва: **сафил-сафел** (кр., к.)-дувал вокруг двора, усадьбы: **гирд-ъш сафил**, **пеш-ъш агарот** (с-к. Дарай Мири)- вокруг негодувал, перед ним огород (Неменова 1956, 162); **сарпъчала-сарпачала** (в-кр., кр., с-к., з-к.): **лумбуз -лумбаз** (в-кр. Нушор)-настил из ветвей и хвороста, покрытых слоем земли и обмазанных глиной с мякиной.

Плетень, ограда из ветвей кустарников повсеместно в южных говорах именуется **шьг-шиг**. Отсюда **шьг гирифтан** (г-к.)-обнести оградой: **шьг гърифтум гирди вото-ра** (г-к. Яван)- я обнес оградой огород (Чалолов 1967, 69); **шьг бастап-плести** плетень: **шьгбанди** -плетение горады: **дъсто-шун намереса ба шъгбандна** (с-к. Муллокони)-у них руки не доходят до плетения оград (Неменова 1956, 120, 166.). В отдельных кулябских и каратегинских селениях плетневые ограды имеют особые названия: **чавра**, **гаг** (кр. Навде): в бадахшанских говорах они называются **тафора** (сел. Мулводж, Шамбеде, Яхшволь (Розенфельд 1971, 140)).

Названия предметов домашнего обихода

Слова и термины, обозначающие домашнюю утварь, в южных говорах связаны с особенностями устройства жилища горных таджиков, типа, или уклала, их домашнего хозяйства. Терминология, относящаяся к домашней утвари таджиков Куляба, Каратегина и Гиссара, специальному изучению не подвер-

галась. Однако эта область южной диалектной лексики, как и другие, получила некоторое освещение в лингвистической и этнографической литературе. Слова и термины предметов домашней утвари по назначению, способу их выделки, особенностям применения в быту составляют несколько групп.

Наименования сосудов различной формы и назначения (для кипячения чая, стирки, приготовления теста и т. п.) разнообразны. Для южных (как и юговосточных) говоров общим наименованием сосуда является слово **чога** (х)- посуда, посудина, сосуд: йак чога калунтар-да ика оу бийор (г-к.Файзобод)-принеси воды в какой-нибудь посудине побольше: чогахи хокистаргири надорй? (с-к. Ховалинг)- нет ли у тебя посуды для золь?. В южных говорах, как и в других таджикских говорах и литературном языке, данное слово употребляется также в значении «постель»: шьмо гъчо-да чогах бьдозен? (с-к. Муминабад)-где вы постелите постель?

Термины, обозначающие сосуды,-это в основном слова, известные во всех южных говорах. К ним относятся общетаджикские слова типа **куза-кувшин**, **чойчуш**-сосуд для кипячения чая, **афгоба**-кувшин для омовения, **хърма**-глиняная крынка (для молока, масла), а также диалектные слова **карсон-карсун**-большое деревянное блюдо, **мангича**-сосуд для воды, **мургобича**-сосуд для питья и др. В некоторых случаях наблюдаются одинаковые наименования по говорам для сосудов разного назначения. Например, вид гончарной посуды **гъдора-гудора-гидора**-глиняная чашка. Среди южных говоров термин распространен в кулябских (за исключением гиссарско-кулябских), каратегинских, рогских и бадахшанских. В целом ареал бытования данного слова в Горном Таджикистане обширен, оно распространено также в Дарвазе, Ванче, известно и в памирских языках в значении «глиняная миска, блюдо» (Зарубин 1960, 150; Соколова 1959, 183; Пахалина 1959, 202). Форма и назначение сосуда **гъдора** несколько различаются по регионам южных говоров, при этом повсеместно сохраняется основное значение данного термина-«чашка, миска», хотя словом **гъдора** обозначают предметы различного назначения; глиняная чашка, миска для пищи (с-к.); глиняная лохань для стирки белья (с-к.); миска для пищи (кр.): небольшие керамические чашки для чая (кр.) (в последствии были заменены фарфоровыми пиалиами- пийола (Таджик...1970, 244)). Глиняные миски небольшого размера в Каратегине носят

название калгъдора, миски размером побольше-гъдора: майда-таръш-а калгъдора, лъмбтар-ъш-а гъдора меган (кр. Кадара)- (сосуд) поменьше называют «калгъдора», побольше- «гъдора». Компонент кал, в диалектах имеющий значение «обрубленный, укороченный» (ср. кал кардан – обрубать ветки), указывает на малый размер сосуда. Возможно и другое толкование: с «обрубленными» руками, т. к. именно сосуд меньшего размера обычно бывает без ручек. По материалам Е.М.Пешеревой, в сел. Сари Шухон (в-кр.) для еды и питья изготовлялись чашки двух видов: гъдора, или қадах, в виде полушария на ножке, и еще калкдора для маленьких детей (Пешерсва 1959, 58). Сосуды на ножке в прошлом, повидимому, были распространены в Верхнем и Среднем Каратегине, но в селениях Среднего Каратегина они назывались копаккоса, халқакоса (Таджики Каратегина и Дарваза 1966, 248-249).

К словам, известным во всех южных говорах, относится слово карсон с его вариантами корсон (г-к. Шуриён): корсон-корсун-кисун (с-к., кр., в-кр.) – большое деревянное блюдо для пищи; квашня: корсон-да оw бийор (г-к. Шуриён)-принеси воды в деревянном блюде; дъ зан йа чо шава, тавак ба корсун мезана (с-к. Ховалинг)-две женщины сойдутся-квашня с тарелкой подерутся. Блюдо для теста, квашня называется также карсуни хампр.

Встречаются также разные наименования для предметов одного и того же назначения, что, по-видимому, объясняется различием внешнего вида предметов или материала, из которого они сделаны. Например, имеются такие наименования чайника (алюминиевого, медного, эмалированного) – қарабойй (ю-к.), қура (в-кр., кр. Хумдон); больших фарфоровых мисок (лит. коса)- пийолан дуговй –духовй (кр. Нимич, в-кр. Сарикенджа; ю-к.). Название коса в южных говорах применяется только к глиняным мискам. Алюминиевая миска в бадахшанских говорах применяется алабй, небольшие глиняные кружкообразные сосуды для питья называются кавльк²⁶ (в-кр., Фатхабад), кальк (ю-к.), якдаста и калакча (кр. Кочони Боло), оwхърек (рог.бд.).

В южных говорах, ареалы которых совпадают с ареалами так называемого женского гончарства, широко распространены наименования кувшинов различного вида и назначения: йакда-

²⁶ По свидетельству уроженца Таджикибада (в-кр.) К. Хисомова это название ныне встречается редко, поскольку в быт вошли фабричные кружки вместе с их русским названием.

ста-йакдастача (в-кр. Сари Пулак)- кувшин с одной ручкой для ношения воды; лабқачак (в-кр. Пилдон)-кувшинчик с ручкой и со сливом (букв. «с изогнутым краем»); мангича (кр., к., рог.)-широкогорлый кувшин для воды; афтоба (повсеместно)- узкогорлый кувшин с носиком для омовения. Специфичны для Каратегина и Куляба названия сосудов преимущественно для питья воды, носящие, по-видимому, звукоподражательный характер (Пешерева 1959, 53); кулкулак-қълқълї (з-к. Кули Суфиён, Бальджуан; г-к. Файзабад, Гумбулак; с-к. Даштижум; кр. Казнок, Самсолик, Кочон, Тегерми), қилқилї-қълқълї- қилқилак (в-кр. Сари Шухон)- шарообразный кувшин с одной ручкой и суженным горлышком, прикрываемым крышечкой с отверстием. Названия сосудов для питья воды, соответствующие их зоморфной уткообразной форме, распространены в Кулябе и Каратегине повсеместно: мурғоби (букв. «утка»), с двумя горлышками- мурғобин дудахана (кр. Миёнадара).

В отдельных селениях Каратегина для подобных сосудов отмечены названия неясного происхождения: мошинг (в-кр. Сари Шухон), мошинга (кр. Кочон). Встречается также для них название гургак, букв. «волгчонок» (с-к. Амроу, Сарихасор, Ховалинг, Муминабад, (Писарчик, Широкова 1952, 123); з-к.лб. Вахш). Названия кувшинчиков для питья (обычно для детей) различаются по говорам: с длинным прямым носиком почти у дна-пастиълук, букв. «низкий носик», (в-кр. Сари Шухон) (Пешерева 1959, 57) или обхурак (з-к. Кули Суфиён).

Наименования утваритакже входят в число названий предметов домашнего обихода. В лексике южных говоров содержится значительное количество терминов, связанных с молочным хозяйством, занимающим важное место в быту горных таджиков. Таковы названия крынок (хурма) различных размеров: хърмай нармибар (кр. Тегерми)- крынка с двумя ручками для ношения жидкой пищи, хурмай ширбари (в-кр. Сари Шухон)- крынка для ношения молока, хърмай говдуш- крынка- подойник (для доения коров); хърмай бъздуш-подойник для доения коз. Глиняный плоскодонный сосуд с ручкой и носиком для слива, служащий для процеживания молока повсеместно в южных говорах называется ширполо-цедилка (шир «молоко»-поло наст. осн. гл. полидан «цедить»); ба ширполо шир меполоян (кр. Самсолик)-цедилкой процеживают молоко. Все, что связано с молоком и молочными продуктами, особенно почитается а Горном

название калгъдора, миски размером побольше-гъдора: майда-таръш-а калгъдора, лъмбтар-ыш-а гъдора меган (кр. Кадара)-(сосуд) поменьше называют «калгъдора», побольше- «гъдора». Компонент кал, в диалектах имеющий значение «обрубленный, укороченный» (ср. кал кардан – обрубать ветки), указывает на малый размер сосуда. Возможно и другое толкование: с «обрубленными» руками, т. к. именно сосуд меньшего размера обычно бывает без ручек. По материалам Е.М.Пешеревой, в сел. Сари Шухон (в-кр.) для еды и питья изготовлялись чашки двух видов: гъдора, или кадах, в виде полушария на ножке, и еще каликдора для маленьких детей (Пешерева 1959, 58). Сосуды на ножке в прошлом, повидимому, были распространены в Верхнем и Среднем Каратегине, но в селениях Среднего Каратегина они назывались копаккоса, халкакоса (Таджики Каратегина и Дарваза 1966, 248-249).

К словам, известным во всех южных говорах, относится слово карсон с его вариантами корсон (г-к. Шуриён): корсон-корсун-консун (с-к., кр., в-кр.) – большое деревянное блюдо для пищи; квашня: корсон-да оу бийор (г-к. Шуриён)-принеси воды в деревянном блюде; дъ зан йа чо шава, тавак ба корсун мезана (с-к. Ховалинг)–две женщины сойдутся-квашня с тарелкой подерутся. Блюдо для теста, квашня называется также карсуни хамир.

Встречаются также разные наименования для предметов одного и того же назначения, что, по-видимому, объясняется различием внешнего вида предметов или материала, из которого они сделаны. Например, имеются такие наименования чайника (алюминиевого, медного, эмалированного) – қарабойй (ю-к.), кура (в-кр., кр. Хумдон); больших фарфоровых мисок (шт. коса)- пийолаи дуговй –духовй (кр. Нимич, в-кр.Сарикенджа; ю-к.). Название коса в южных говорах применяется только к глиняным мискам. Алюминиевая миска в бадахшанских говорах применяется алабй, небольшие глиняные кружкообразные сосуды для питья называются кавльк²⁶ (в-кр., Фатхабад), кальк (ю-к.), якдаста и калакча (кр. Кочони Боло), оухърек (рог.бд.).

В южных говорах, ареалы которых совпадают с ареалами так называемого женского гончарства, широко распространены наименования кувшинов различного вида и назначения: йакда-

²⁶ По свидетельству уроженца Таджикибада (в-кр.) К. Хисомова это название ныне встречается редко, поскольку в быт вошли фабричные кружки вместе с их русским названием.

ста-йакдастача (в-кр. Сари Пулак)- кувшин с одной ручкой для ношения воды; **лабқачак** (в-кр. Пилдон)-кувшинчик с ручкой и со сливом (букв. «с изогнутым краем»); **мангича** (кр., к., роғ.)- широкогорлый кувшин для воды; **афтоба** (повсеместно)- узкогорлый кувшин с носиком для омовения. Специфичны для Каратегина и Куляба названия сосудов преимущественно для питья воды, носящие, по-видимому, звукоподражательный характер (Пещерева 1959, 53); **кулқулак-қылқалй** (з-к. Кули Суфиён, Бальджуан; г-к. Файзабад, Гумбулак; с-к. Даштижум; кр. Казнок, Самсолик, Кочон, Тегерми), **қилқилй-қылқылй- қилқилак** (в-кр. Сари Шухон)- шарообразный кувшин с одной ручкой и суженным горлышком, прикрываемым крышечкой с отверстием. Названия сосудов для питья воды, соответствующие их зоморфной уткообразной форме, распространены в Кулябе и Каратегине повсеместно: **мурғобй** (букв. «утка»), с двумя горлышками- **мурғобии дудахана** (кр. Миёнадара).

В отдельных селениях Каратегина для подобных сосудов отмечены названия неясного происхождения: **мошинг** (в-кр. Сари Шухон), **мошинга** (кр. Кочон). Встречается также для них название **гургак**, букв. «волгчонок» (с-к. Амроу, Сарихасор, Ховалинг, Муминабад, (Писарчик, Широкова 1952, 123); з-к. лб. Вахш). Названия кувшинчиков для питья (обычно для детей) различаются по говорам: с длинным прямым носиком почти у **дна-пастьлук**, букв. «низкий носик», (в-кр. Сари Шухон) (Пещерева 1959, 57) или **обхурак** (з-к. Кули Суфиён).

Наименования утваритакже входят в число названий предметов домашнего обихода. В лексике южных говоров содержится значительное количество терминов, связанных с молочным хозяйством, занимающим важное место в быту горных таджиков. Таковы названия **крынок** (хурма) различных размеров: **хърмай нармибар** (кр. Тегерми)- крынка с двумя ручками для ношения жидкой пищи, **хурмай ширбари** (в-кр. Сари Шухон)- крынка для ношения молока, **хърмай говдуш-** крынка- подойник (для доения коров); **хърмай бьздуш-** подойник для доения коз. Глиняный плоскодонный сосуд с ручкой и носиком для слива, служивший для процеживания молока повсеместно в южных говорах называется **ширполо-цедилка** (шир «молоко»-поло наст. осн. гл. **полидан** «цедить»); **ба ширполо шир меполойан** (кр. Самсолик)-цедилкой процеживают молоко. Все, что связано с молоком и молочными продуктами, особенно почитается а Горном

Таджикистане. Молоко здесь иносказательно называли «ганч»-сокровище.

К наименованиям сосудов для сбивания масла из заквашенного молока (чърғот-чурғот), используемых в домашнем хозяйстве таджиков Куляба и Каратегина, относятся чархдег-чагдег-чарахдег-маслобойки керамические и куппи-маслобойки деревянные.

Термином чархчув (диал. чархчув —чарахчуw чарахчуw) называется деревянная мутовка в глиняной маслобойке с лопастями на конце: чахник деревянные кольца, крепленные ремнями или шерстяными веревками (цахникбанд) к столбу и надеваемые на мутовку при сбивании масла. Название маслобойки имеет в ареале южных говоров несколько фонетических вариантов, из которых наиболее распространены чахдег-чагдег-чахдег. Вариант чарахдег отмечен в сел. Гирдхам (в-кр. пб. р. Хингоу), там же мутовка соответственно называется чарахъw.

Рассмотренные названия представляют собой сложные и производные слова, второй компонент которых обозначает предмет (чув-чуw —чуб-палка, дег-котел, банд-веревка, привязной ремень) либо выражен суффиксом-нок. Первые компоненты этих слов, восходя, по-видимому, к одному корню, свидетельствуют о единстве их происхождения, несмотря на фонетические различия (чарх-чаг-чах-чалах). Можно предположить, что компоненты чах-чаг-чараг-чалах являются в данном случае фонетическими вариантами компонента чарх, основная семантика которого вращение, круг, колесо-выражает сушность самого процесса сбивания масла. Фонетические изменения в них соответствуют свойственным для южных таджикских говоров явлениям-выпадение согласного «р», переход одиноковых по месту артикуляции заднеязычных согласных х-г.²⁷

Отличается терминология молочного хозяйства в рогских и южно-кулябских говорах, особенно в отдельных селениях: маслобойка-хъмчък (рог. Ходжагалтон; ю-к. Ёл, Учкуль), сосуды для сбивания масла-бух (рог. Бадринг), лемок (глиняный кувшинообразный) (ю-к. Тагноу): мутовка-парчуw (рог. Ходжагалтон, Анджиркон; ю-к. Хирманджоу, Учкуль, Тагноу), парък (рог. Хирманджоу; рог. Ходжагалтон), мъвчила (рог. Анджиркон). Иные термины бытуют в кишлаке Балуч (рог.), где известен спо-

²⁷Подобные явления имеют место и в некоторых северных говорах: кучахойа йак чаг (чарх) зада омадам (Ленинабад)-я прошелся (прогулялся) по улицам.

соб обивания масла в бурдюке. В частности, **машик-бурдюк**: **маскачуу** — поперечная палка, куда подвешается бурдюк; **треножник-сепойа**. В бадахшанских говорах для мутовки засвидетельствовано название **бутък** (сел. Горон).

Назначение различных керамических сосудов, размеры и форма часто определяют их названия, например, **чармиштун** (ю-к., рог.)- кувшинчик для хранения топленого масла, которым женщины смазывают волосы после мытья; **ньмьковдун**-сосуд для хранения соляного раствора, **пемокча** (ю-к.)-небольшой кувшин для хранения пшеницы, сушеных ягод тута. Иногда названия отражают какой-либо характерный признак предмета: **нульк/нулик** (в-кр. Дехаи калон-кувшин для омовения сручкой) (дъста) с одной стороны и с «носиком» (нул),- с другой. Повсеместно в южных говорах распространено название **афтоба**-кувшин для омовения.

Небольшие кувшины для хранения сливочного масла имели различные названия: **латифа** (кр. Лугур); **руганрез** (ю-к. Порвор); **руганчома** (кр. Шуле); **певна** (кр. Халкарф)- кувшин для заквашенного молока, подготовленного для сбивания масла. Основное значение слова **певна** сосуд-мерка для молока, приносимого женщинами, объединенными в молочные артели (певоз) для заготовки молочных продуктов впрок, истари известные в Горном Таджикистане (Таджик...1966, 170). В таджикских говорах Бадахшана бытует термин **кашкул** (бд. Андароб, Ямг)- деревянный продолговатой формы сосуд для хранения масла (Розенфельд 1971, 106).²⁸

Глиняные корыта, тазы для стирки в южных говорах, как правило, называются **тагора-тъгора**, **гъдора**. Наряду с этими названиями, в отельных говорах и селениях засвидетельствованы также **тавагъдора** (с-к. Даштиджум), **таштак** (в-кр. Саридашт),²⁹**лагантавак** (в-кр. Сарикенджа). Особняком стоит наименование **дамкал** (кр.)- корыто. Ареал его распространения, не выяснен до конца, по-видимому, Нижний Каратегин. По расспросным данным и сопоставлениям, выявляется, что в вахинско-каратегинских говорах (Таджикабад) и в гиссарско-кулябских под словом **дамкал** понимают сосуды-«афтова» для омовения и «чойчуш»- для кипячения воды.

²⁸Лит. **кашкул** — продолговатой формы сосуд, служивший деревням для сбора подаяний.

²⁹ Ср. **ташт** книжн. 1) большой медный таз; 2) кубок (Таджикско-русский словарь 1954, 387).

Ряд названий отдельных деталей и частей предметов домашнего обихода имеют диалектный характер: **капкок** (в-кр. Сарикенджа)-крышка чайника; **калпуш//кълпуша** (ю-к. Порвор)-крышка чайника, в рогских говорах (с. Анджиркон) это слово означает «крышка крынки»: **ручалък**(рог. Ходжагалтон)-крышка из обожженной глины для очага; **бъники** (рог. Афтобзамин)-крышка для очага; **кълевак** (рог. Ходжагалтон)-верхнее отверстие в маслобойке (**хъмчък**); **чулик** (с-к.) и **нульк/нълък** (в-кр.; ю-к.)-носик чайника; **нълъки қарбой қати ови ангур хърдум** (ю-к. Ёл) - я выпил виноградного сока из носика (эмалированного) чайника. Повсеместно на территории бытования каратегинских и кулябских говоров распространено слово **тоба/това**-крышка из обожженной глины с ручкой посередине или с прихваткой.

Из наименований лопаты с дореволюционной поры известно в южных говорах общетаджикское слово **бел-железная лопата**-редкость по тем временам. Применялись в основном (и применяются поныне наряду с железными) лопаты деревянные, называемые **курчак-кърчак** и **фи**. Термин **бел**, по-видному, следует считать более поздним для южных говоров. Слово **курчак** распространено повсеместно в кулябских, каратегинских, вахинско- каратегинских и рогских говорах, например: **курчака бѣг** (и)рен, **бърувен барфо-ра** (с-к. Ховалинг)-возьмите лопату и очистите снег. Термин **фи/фийак** в том же значении «деревянная лопата» отмечен частично в вахинско-каратегинских и рогских, а также в бадахшанских говорах.

В зависимости от назначения деревянной лопаты слово **кърчак/ курчак** в диалектной речи образует терминологические устойчивые сочетания: **кърчаки ордгири** (з-к. Чавроги Боло)-лопатка для зачерпывания муки из закрома или сосуда; **кърчаки бодкуни** (повесместно)- лапота для веяния зерна.

Слово **фи**-это реликт, свидетельствующий о генетических связях южных говоров с юговосточными таджикскими говорами и восточноиранскими памирскими языками, в которых, как известно, слово **фи-фай** распространено повсеместно в значении «деревянная лопата».

В каратегинском говоре слово **фи** зарегистрировано в составе фразеологизма **фи дар фи** (кр. Кадара)- непрерывно, безостановочно, букв. «лопата за лопатой».

Для обозначения понятия «молот», «колотушка» в южных говорах употребителен ряд терминов, означающих ручные ору-

дия труда: соф (с-к. Ховалинг), кълисоф (г-к. Навобод)- деревянная колотушка, пест больших размеров; келй-кълй-стуга, колода с выдолбленной серединой для обмолачиваемого зерна, риса; кътък (с-к. Наврухо)- деревянная колотушка (от гл. кътидан-молотить; толочь); нъгълкътък/нъгълкътък, нъгълкувак (с-к.), нъгълчък (кр., г-к.)-деревянная колотушка небольших размеров, которой толкут огородную зелень-лук, мяту и пр. обычно с красным перцем; кувак (кр. Хумдон)-колотушка, деревянный молоток: базок (рог.)-и пътк (с-к. Даштиджум)-молот; бнкув/бунгкув (кр., к., рог.)-колотушка для трамбовки земляных крыш.

Многие такие наименования или их составные элементы соотносятся с глаголом куфтан, а также с диалектными глаголами кътидан, чъкидан молотить, колотить, толочь. Некоторые из перечисленных слов многозначны, так как обозначают разновидности отдельных орудий труда, различающихся до некоторой степени применением, например, кълй- 1) деревянная колотушка, деревянный молоток; 2) деревянная стуга водяной крупорушки (толчеи), очищающей рис. Отдельные предметы этого цикла орудий с ударной поверхностью в диалектной речи часто обозначаются описательно, например, молоток для подковывания лошадей называют асп тақа мекардагй (в-кр. Сарикенджа), букв. «подковывающий лошадь». Наряду с этим в ряде селений для обозначения молотка употребляют термины путк, куба, а также специальный термин болика (кр. Шуле)- легкий молоток для подковывания лошадей с длинной рукоятью (Таджики...1966, 203).

Среди наименований орудий ручного труда, применяемых в домашнем быту, имеются и такие распространенные в южных говорах, как къланд/каланд-мотыга, кълоч/каноч-кирка, этим же словом называют особый топор с двусторонним лезвием: а, бача, каноч ку? (рог.)- эй, парень, где же кирка? хамича йа-дъ каноч бъд, хамура кофтанй умаем (с-к. Ховалинг)- здесь была пара кирок, мы пришли их поискать: йа кълоч овард-у тило-ра канд-у бурд (кр. Хаками)- принес кирки, откопал золото и унес.

Как и среди других тематических групп терминов южных таджикских говоров, наименования домашней утвари в структурном отношении могут быть представлены как простыми словами, так и сложными (а также, как было показано, терминологическими устойчивыми словосочетаниями). Так, в севернокулябских говорах распространены для самостоятельных термина

(простые слова) **кыли-кели-стула**, колода с углублением для зерна и **соф-колотушка**; в гиссарско-кулябских эти слова выступают как компоненты одного сложного наименования **кылисоф** (г-к. Навобод)- колотушка. Примерами разного рода сложных слов в функции терминов могут служить также наименования предметов домашнего обихода со вторым компонентом **санг** «камень»; **далдасанг** (ю-к., с-к. Даштиджум)- каменная зерно-тёрка с камнем, растирающим зерно: **товасанг** (с-к. Даштиджум, кр. Кадара)- плоский камень, на котором выпекают хлебные лепешки; **карксанг** (бд.)- каменная ступка для размола ячменя.

Образование терминов с компонентом «санг» весьма продуктивно в южных говорах, см., например, терминологическое словосочетание **сангишакък -санги шакак** 1) камень-лопатка для штуркатурки; 2) точильный брусок (лит. **кайроксанг**).

Особую группу составляют наименования режущих предметов: **чапку** (повсеместно)- карманный нож; **килоб**-(в-кр. Даран Мазор)-нож; **чоъър**-(с-к. Даштиджум)-кухонный нож; **качкорд** (с-к. Ховалинг)-вид изогнутого ножа, используемого в работе ремесленниками; **кавқушак** (г-к. Анатурушкаи таджик)- маленький ножичек; **ошъър/ошпур** (повсеместно)-нож для нарезания лапши с длинным лезвием, загнутым на конце;³⁰**корд** (повсеместно)-обыкновенный хозяйственный нож для мяса: **бърънда**, **чармбур**-сапожный нож; **кыдалакй**- тупой ржавый нож.

Вместо общетаджикского слова **кайчй**-ножницы, известного и носителям южных говоров, ими обычно употребляется слово **нькроз**. В бадахшанском диалекте известен также термин **ба-сгик**-ножницы для стиржки шерсти овец: в кулябском и каратегинском диалектах стригальные ножницы носят название **дыкорд** **дукорд**: **дыкорд-а бъйор** ин **бара-ра бьърошем** (з-к. Кангурт)-неси стригальные ножницы, острижем этого ягненка.

Термин **кор(д)часангзан**-точильный камень для ножниц (лит. **кайроксанг**) распространен в южных говорах повсеместно, за исключением бадахшанских, где в этом значении употребляется слово **афсон**.³¹ Структура и состав первого, сложного слова ясны: все три его компонента общетаджикские.

³⁰В. Канибадаме подобный нож (ошбур) с загнутым на конце лезвием служит для измельчения мяса на фарш.

³¹В значении «точильный камень» это слово отмечается словарями (Ягелло 1910, 117; Гаффаров 1976, 608; Фарханг...1969, 425).

Слова и термины, обозначающие предметы, связанные с процессом выпечки хлеба и приготовления мучных блюд, также занимают заметное место среди наименований утвари в южных говорах. Значительную часть их, наряду с общетаджикскими словами, представляют диалектизмы: сьфра (ю-к. Догистон)-сурфа, на которой обычно занимаются приготовлением мучных изделий: сьрфа (повсеместно)-баранья, козя или коровья шкура без шерсти, расстилаемая вверх мездрой для разделявания теста на лепешки.

Имеется ряд разных по структуре, компонентному составу и распространению по говорам наименований скалок. Наиболее распространен термин гьлтък-галтак (к., кр., рог., бд.)-скалка для раскатывания куска теста для одной лепешки. Известны также наименования гелонак, ухлоқ-ухлоқчуу (г-к. Файзабад), употребляющиеся параллельно же и означающие такие по назначению и форме скалки, что и «галтак». Ухлоқ слово тюркского происхождения (ср. узб. ўқлог-длинная скалка (Узбекско-русский словарь 1959, 505) галтък и гелонак-производные имена(с суф.-ак) от глаголов галтидан-падать, валиться и гелондан-валиться, вертеться. В слове гелонак наиболее ясно выражена функциональная связь с производящей основой.

В севернокулябских говорах распространен термин оштънь(к)кънак-оштъньккъ(и)-длинная тонкая скалка для раскатывания теста на лапшу (из ош-в южных говорах «тесто для лапши», «лапша из пшеничной муки»³²-тъньккъи-осн. наст.вр. сложноименного глагола тъньк кардан-тонко раскатывать-именной суф.-ак). Название оштъньккънак прямо раскрывает назначение предмета. В соответствии с применением именуемых предметов различаются названия скалок для раскатывания кислого и пресного теста на лепешки (галтак, гелонак, ухлоқ, чувак), для раскатывания теста на лапшу (оштъньккънак, тирак, тираки ош), а в каратегинских говорах-для раскатывания больших тонких лепешек «чапоти», называемых в Кулябе иногда нони тунук/нони тъньк (чубаки чапотиросткун). Имеется и ряд других терминов, обозначающих предметы для изготовления мучных блюд, хлеба и изделий из теста: нуирос(т)кънак (с-к.) и тахтаи нуиристкъи (кр.)-круглая доска для разделявания лепешек; оштахта-прямоугольная доска на ножках для раскатывания лапши (с-к.): мъхпар/мухпар/мурғпар

³²Ср. лит. ош «пища, кушанье», «плов». В памирских языках ош-«лапша».

(повсеместно) и ньхпар (в-кр. Джиргаталя)-пучок связанных крупных перьев хвоста или крыльев куропатки для накалывания лепешек перед выпечкой.

К наименованиям предметов домашнего обихода относятся также следующие. Банд (повсеместно)-веревка (любая): волосаная, шерстяная верёвка: банд надори? (с-к. Ховалинг)-у тебя нет веревки? Банди кайи -кайи-кайи-веревка из соломы, лыка: ба гардани хари Андали бьд йак банди лулай кайи (с-к. Дашти Шуро)-на шее осла Андали была толстая верёвка из лыка.

Бандьк (к., бд.)-веревка: гьн къ бандько-ра (з-к. Зогнуль)-собери эти веревки. В каратегинских и бадахшанских говорах словом бандьк называют подвески к косам из разноцветных шерстяных ниток и бус. Известны сложные наименования завязок, тесьмы, в которых бандьк выступает в качестве второго компонента: дьстбандьк-тканая широкая тесьма, которой связывают младенца по рукам вместе с колыбелью; побандьк-тесьма для связывания младенца по ногам вместе с колыбелью.

Шохбанд (кр., к.)-веревка, которой на ночь привязывают рогатый скот; шабнок (с-к. Даштиджум)-веревки, которыми к привязи на ночь привязывают скот.

Мелок/мольк/молук/милок (к., кр.), мавльк (кр. Хумдон)-деревянный крюк для подвешивания крынки с молоком: мелокда шир кашол мекьнем (с-к. Сарихасор, Муминабад)-на крюк подвешиваем молоко.

Чурби (с-к. Муминабад, ю-к.)-веник, кьдак (с-к. Ховалинг)-веник из стеблей полыни.

Название гьрсават означает большую круглую корзину (Неменова 1956, 156): йак гьрсават-а ангур чинда бьдастам (з-к. Зогнуль)-я собрала большую корзину винограда; кьрч (кр., в-кр.)-корзина для переноски соломы.

Гьроньк (с-к. Шугноу)-матерчатый мягкий ободок, накладываемый на голову под ношу при ношении груза (напр., сосуда с водой) на голове.

Слова кули (к., кр. пб) и хамба (в-кр., бд) употребляются как названия глинобитного закрома, ларя на ножках для хранения муки, зерн.

Названия блюд и пищевых продуктов

Слова и термины, связанные с пищей, продуктами питания и пищевым режимом, занимают в лексике южных говоров значительное место.

Названия ряда блюд, принятых у таджиков Горного Таджикистана, упоминаются в трудах А. А. Семенова (Семенов 1903, 52, 54, 81), Г. А. Арандаренко (Арандаренко 1889, 467, 468), Е. М. Пещеревой (о молочных блюдах) (Пещерева 1927, 42-59), наиболее полно наименования пищи представлены в этнографическом исследовании «Таджики Каратегина и Дарваза» (Таджики...1970, 225-257).

Материалы и непосредственные наблюдения свидетельствуют об общности названий блюд и пищевых продуктов таджиков Каратегина, Куляба и Гиссарской долины. Основные продукты питания, как правило, обозначаются общетаджикскими словами, например, **нон-нун-хлеб** (как общее понятие), **гушт-мясо**, **руған-жиры**, **орд-мука**, **бъринч-рис**, **хамир-хъмир-тесто** и др., названия же различных кушаний, разновидностей хлеба, мучных изделий, ритуальных блюд, свойственных изучаемым регионам, - диалектными словами.

Широко используется термин **хамирмо-хамирмон-закваска** (дрожжи), кусок кислого теста для закваски. Возможно, **хамирмон**-дальнейшее переосмысление ныне редко употребляемого литературного слова «хамирмоя»-остаток теста. При этом обращает на себя внимание семантическая связь элемента-**мо-мон** и **мойя** со словами южных говоров **мойни/мони** (с-к., з-к.), **моник** (г-к.), **монук** (бд. Нуд) в значениях: а) подкладыш под курицу: **мойни** **набоша мърг тъхм намекъна** (с-к.)-не будет подкладыша-курица нестись не станет; б) закваски в молоке: **чъргоги мойни-ра бсьйо кади** (з-к. Дехбул)-много ты закваски в молоко положила.

Оставшиеся комочки теста **дъстмолик** (с-к. Зелолак), **новарьдък** (ю-к. Тангоу), соскабливаемые со стенок деревянной квашни железной лопаточкой «качик» (кр.) или «тавақърошак» (г-к.) и скатываемые в один комок, и есть закваска «хамирмо».

Хлеб, выпекаемый в виде лепешек, в зависимости от способа приготовления теста и выпечки имеет различные по говорам наименования: **фатир**, **нони фатир** (повсеместно)-лепешка из пресного теста; **хасфатир** (кр.)-большая наколотая пресная лепешка (служашая для приготовления других блюд из горячего хлеба). В зависимости от добавок в пресное тесто лепешки из него называются по-разному, например, **фатири чазаги**-лепешка со шкварками; **фатири пийоздор**-лепешка с жареным луком; **гирда/гирдача/гирдакча**-толстые большие (диаметром до 50 см) лепешки из кислого теста для повседневного употребления. Вари-

ант гърдача (в-кр.) отмечен в Верхнем Каратегине, гирдакча (кр.)-в Нижнем Каратегине, Обигарме: эпизодически гирдача встречается и в севернокулябских говорах: по свидетельству одного из местных жителей прежде в сел. Зираки (с-к.) этот вид хлеба назывался **бараки**, но в последующие (60-е) годы это название было вытеснено термином **гирдача**.

По имеющимся данным, **гирдача** (и его варианты) употребительно не только в вахинско-каратегинских и каратегинских говорах, но в известной степени и в кулябских, особенно в гиссарско-кулябских, где оно воспринимается как сравнительно новое явление, поскольку проникновение его в эти говоры объясняется тем, что их носители, т.н. «кулябй»,

-выходцы не только из Куляба, но и из Нижнего Каратегина (Неменова 1969, 38). Лепешки, также выпекаемые для повседневного употребления, имеют названия **гафсак-гафсакй** (к.); **хамифатир** (кр.,к), **хамфатир**; **хъмифътир** (ю-к.) (несколько толще, чем **гирдача** и **гафсакй**).

Большие лепешки из тонко раскатанного теста, широко распространенные во многих регионах Горного Таджикистана, бывают различны по наименованиям: **нони лапа** (Дарваз, Курговад), **чапоти** (кр., к.); **тъньки-тунукй**. Различные наименования лепешек из тонко раскатанного теста распространены также в бадахшанских говорах: **нони това** (бд. Муяводж)-тонкие лепешки, выпекаемые к свадьбе: **тарахтов** (бд. Ямг)-тонкие лепешки; **ришок** (бд. Ямг)-тонкие лепешки, выпекаемые на раскаленном камне (Розенфельд 1971, 130, 141, 142).

Сдобные небольшие лепешки к праздникам и семейным торжествам повсеместно называются **кулча**; **сустак** (с-к. Даштиджум)-сдобные лепешки на топленном масле; **кълчай холхолак** и **кълчай зарус** (кр.)-сдобные лепешки для угошения невесты (наколотые пучком перьев).

Из кислого теста на раскаленных камнях выпекают лепешки **товъсангй** (кр.); **кумоч** (к., кр., бд.)-большая толстая лепешка на молоке и масле (пекут на поду очага, на горячих углях, покрывая перевернутым котлом) или из пресного теста (пекут на летовках на круглом раскаленном камне): испеченный в котле «кумоч» имеет и соответствующее наименование-**кумочказон** (в-кр. Оксой).

Хлеб из ячменной муки, ныне выпекаемый редко, называют **нони чавин**, из кукурузной-**нони загора(зъгора)** (к.); лепешку из

кукурзной или просяной муки, выпекаемую на поду очага, называют сатри (кр.).

Ритуальные хлебные лепешки для праздников и семейных торжеств (свадеб и т. п.), по случаю определенных трудовых процессов (начало пахоты, жатвы; прокладка первой борозды и т. д.) во многих местах и поныне сохранили специальные наименования: кулчай арус (кр. Обигарм)-большая (весом до 2-3-х кг.) свадебная лепешка; кулчай холхолак — маленькие лепешки, сплюшь исколотые пучком перьев «мухпаром», для угощения гостей и новобрачной в первый день ее приезда в дом мужа.

Новогоднюю пресную лепешку к празднику весеннего равноденствия «шогуи» называют шогуикумоч (бд.); гънди (к., кр.)-лепешка из отрубей для домошнего скота, собаки.

Праздничное печенье-ромбообразные комочки кислого теста, жаренные в масле, имеет следующие названия: озук, орзук (кр., к); орзък (рог., ю-к); озък (в-кр. Кул); бурсок (в-кр. Джиргалль); оладьи из кислого теста, жаренные в масле, называют чагалдак (г-к.), чакалдак//чагалдак (кр.).

У давних выходцев из Каратегина, так называемых «каратегини», населяющих сел. Зидди в верховьях р. Варзоб, лепешки весом до 3-4-х кг — фатири гирда, фатири лула-служат для повседневного употребления, а наколотая «мухпаром» лепешка таких же размеров с названием фатиримухпари-для свадьбы. В Верхнем Варзобе (Варзоби Боло) для ритуальных целей используются лепешки типа зиддинских, именуемые нони гирдаи аруси, приносимые родственницами новобрачной в первый день ее приезда в дом родителей мужа.

Различны наименования излюбленных питательных блюд из молочных продуктов и горячего хлеба: фатирмаска (кр., к., рог.)-кушанье из горячих лепешек, размятых со сливочным маслом: курутов (кр., к, рог.), къругоб/крутоб/крутов (бд.)-кушанье из сушеного сыра «курут», разведенного в теплой воде или разогретом пахтанье, и накрошенных в него горячих сдобных (на топленом или сливочном масле) пресных лепешек «тахмол» или «фатири руганин» (кр., к.): руганчуши (кр., к.)-кушанье из разогретого в котле пахтанья и накрошенных лепешек, политое при подаче топленным маслом: ширчуш (кр., к., бд.)-такое же кушанье на молоке вместо пахтанья; ширруган (кр., к.)-кушанье из горячего молока с маслом и накрошенных лепешек.

В южных таджикских говорах известно также большое количество наименований молочных мучнистых и прочих киселеобразных блюд: **ширбат** (бд. Андароб, Ямг)-мучной кисель на молоке с маслом: в кулябских говорах и каратегинских (Гарм) так называют молочный суп: **турушак** (букв. «кисленький»), **хурук-суп**, приготовленный на пахтанье.

В говорах рассматриваемого региона мучнистые киселеобразные похлебки объединены родовым названием **атола-отала**. В зависимости от состава продуктов и способов приготовления различаются и их видовые обозначения (обычно составные наименования): **атолаи башир/вашир** (повместно)-похлебка из затерой муки на молоке; **атолаи ордбирйон** (повсеместно)-похлебка из поджаренной пшеничной муки на воде; **атолаи кочй**-густая похлебка из пшеничной муки, заправленная горячим молоком или разогретым топленным маслом. Атола с овощами и зеленью, заправленными кислым молоком, имеют свои названия: **атолай дастшикан** (к.), **атолаи пира** (к. Джиргаталь) и др; до 50-ти рецептов атола с их названиями (в южных говорах) записал в свое время Н. Н. Ершов (Таджики...1970, 233).

Некоторые наименования кушаний из дробленых зерен пшеницы, гороха, фасоли, чечевицы с добавлением зелени и овощей известны практически повсеместно: **дангича-жидкое кашеобразное кушанье**; **далда/далида-жидкое кашеобразное блюдо** весенней поры; **нъшоиста/нашоиста/нишоиста/нашаста**-пшеничный кисель с молоком из крахмала от толчеых вымоченных в воде и высушенных зерен пшеницы. Широкоизвестны также названия супов с лапшой, заправляемых пахтаньем и зеленью: **оши борик**, **оши бурида**, **реже-атолаиош**. Компоненты **борик** «тонкий» и **бурида** «нарезанный» указывают на способ приготовления лапши для супа.

Наименования блюд по своей структуре могут быть простыми и часто-сложными словами (выше говорилось также о терминологических словосочетаниях). Конкретное содержание терминов обычно выражает сам лексемный (корневой) состав его: он либо обозначает пищевые продукты того или иного блюда, например, **нахудпийова-гороховый суп** (**пийова** лит. **пиёзоба-суп**, заправленный жареным луком); **тхмнийова-суп**, заправленный сбитыми яйцами; **ордова-мучная похлебка**; также **фатирмаска**, **курутов** и др., либо указывает на способ приготовления, например, **тхми тагналоби-яйца**, испеченные в горячей

воле (букв. «подогнутые»), тѣхми овпаз-вареные яйца; танури (в-кр., кр. Обигарм)- тушеное в очаге в глиняном сосуде мясо с добавлением жира, красного перца и закрытое сверху тестом. Наличие компонентов (х) алво «халва» шакар «сахар» в названиях кушаний указывает на особо приятные вкусовые их качества: халвокайла-кушанье из мяса и теста; алвошир (бд.)- мучной молочный кисель, шакаров (кр., к., рог.)-накрошенные в деревянном блюде свежеспеченные горячие лепешки, заправленные толчеными с солью зеленым луком, кинчей, красным перцем.

В составе названия ньгылова (в-кр., к.)-вид закуски, салатньгыл обозначает истолченную деревянной колотушкой смесь огородной зелени-мяты, зеленого лука, красного перца.

Названия мясных блюд менее разнообразны, но и среди их имеются термины диалектного характера: чьргънди (в-кр. Сарикенджа)- сало и мяса как продукты; йолма (кр. Обигарм)-выпотрошенная баранья туша, очищенная от шерсти и целиком запеченная на поду очага, плотно закрываемого крышками и чем-либо из старой одежды.

Обшетаджикскими словами обозначаются в южных говорах весьма распространенные кушанья: гуштбирной-жареное мясо; шула/шъла-лит. шулла, шавла-густая рисовая каша с кусочками мяса.

Лексика, связанная с занятиями сельским хозяйством

С этнографической точки зрения основные отрасли сельского хозяйства таджиков Каратегина получили в литературе сравнительно широкое освещение (Таджик...1966, 108-194, 321-325; Таджик...1976, 197-227).

В этнографических и диалектологических исследованиях представлена также лексика и терминология, отражающая названия сельскохозяйственных орудий, трудовых процессов, традиций и обрядов, связанных с сельским хозяйством. Одна из статей посвящена сельскохозяйственной терминологии (Кисляков 1969, 118-126). Однако до настоящего времени лексика сельского хозяйства земледелия, садоводства и т. д., названий дикорастущих и культивируемых растений-злаков, корнеплодов, деревьев, плодов и т. д. у таджиков вообще, и в частности у носителей южных говоров, не подвергалась специальному лингвогеографическому изучению. Лингвистический анализ терминологии сельского хозяйства одного из древнейших занятий та-

джиков-приобретает особое значение, изучение ее должно занимать значительное место как в исторической, так и в современной лексикологии таджикского языка.

В составе сельскохозяйственной лексики южных говоров значительную часть составляют общенародные слова и термины, обозначающие названия основных сельскохозяйственных культур, растений, трав, земельных угодий и участков, орудий и основных трудовых процессов и т. п. Немалое место занимает также местная диалектная лексика, в которой отчетливо выделяются две группы: а) слова, общие для всех южных говоров, часть которых характерна и для юго-восточных говоров, например испор/ сипор- плуг; гигина- саниволоку для перевозки снопов, дарза-сноп; б) слова, свойственные определенным говорам или распространенные в отдельных селениях: беза (с-к.)- плетенка, устанавливаемая на саях-волокушах при перевозке соломы; чавра (с-к.), чапар (прочие к., кр.)- борона; стерженек для соединения дышла с ярмом плуга повсеместно в каратегинских и кулябских говорах именуется термином пешкалид, тогда как в сел. Подже (кр.) его называют къба, в сел. Яхч (кр.)-козийак; поперечные брусья, укладываемые на полозья саней волокуш, повсеместно в каратегинских и кулябских говорах называются болиштак, но в сел. Дуоба (кр.) для них засвидетельствовано название пылак.

Расхождения в сельскохозяйственной лексике служат одним из критериев междиалектных различий внутри южных группы таджикских говоров. Сфера сельскохозяйственной лексики южных говоров весьма широка и отражает многообразие наименований.

Названия сельскохозяйственных орудий

В южных таджикских говорах часть лексики, охватывающей наименования сельскохозяйственных орудий, представлена общетаджикскими словами (типа каланд-мотыга). Наиболее древний пласт лексики-это термины, связанные с исконными видами занятий издавна земледельческого народа, каким являются таджики. В этой группе терминов представляют интерес диалектные слова.

Основным пахотным орудием являлся примитивный плуг, соха-сипор-испор; это слово распространено повсеместно не только южных, но и в юго-восточных таджикских говорах и за пределами их бытования в Бадахшане в памирских языках. М. С. Андреев, собиравший материалы по земледелию в 20-30-ые

годы истекшего XX столетия в горных районах Таджикистана, указывая основные пункты распространения данного термина в его различных фонетических вариантах, пишет: «Мы видим очень большой, сравнительно, район, захваченный распространением данного наименования сохи, тянувшийся без перерыва по всей территории Южного Таджикистана, начиная на севере с долины Зарафшана (Ягноб) и включая оба берега верхней части Аму-Дарьи, по-видимому, вплоть до Гиндукуша. Далее на юг (а Южном Афганистане) оно встречается в отдельных оазисах, где сохранились восточноиранские языки (например, ормури)» (Андреев 1958, 36).

К этому можно добавить, что наименование **сипор-испор** зафиксировано в северных районах Таджикистана, смежных с районами Узбекистана, преимущественно у давних выходцев из Каратегина и Дарваза, а также в языке дари (фарси-кабули) северной и центральной областей Афганистана. В значениях «пахота»: «упряжка пары пахотных волов» в южнокулябских отмечено слово **кулба-кулбай**: ай хърди ма кулбай хай мекардем (ю-к. Саричашма)-с малых лет мы погоняли упряжку волов. Слово **кулба** в значении «пахота, паханье» распространено в хуфском языке на Памире (Андреев 1958, 36); слово это известно в языке дари в значениях «соха, плуг»; «рыхлитель»; «воловьё упряжка» (Дари-русский словарь 1976, 565). Южнокулябское **кулбай**, надо полагать, имеет с данным словом в рассматриваемых значениях непосредственную связь. Известно, что южнокулябские говоры характеризуются наличием черт, сходных с рогскими, носители которых являются выходцами из долины Рог на территории Афганистана (Богорад 1953, 1-133).

Общими для всех южных говоров являются названия основных частей плуга: **мышга** (реже общетаджикское **дыста/даста**)-рукоятка плуга; **охани чуфт** (общетаджикское сошник, демех; **отанг-тяж**, веревка, свитая из молодых побегов ивы или иргая (вид кустарника с гибкими ветвями), которая соединяет плуг с ярмом; **йуг-ярмо** для пары волов. Наименование пахотных волов по говорам южной группы-в основном повсеместно общетаджикское **чуфтигов**. В каратегинском говоре (сел. Тегерми) употребителен также термин **чурагов**, уже по значению, чем **чуфти гов**.

Повсеместное распространение в южных говорах имеет диалектное слово **чапар-борона**. Это орудие в Южном Таджикистане бывает двух видов: плетенка-волокуша для разравнивания

земли после вспашки или посева (чапари чуфт) и плетенка, используемая при молотье злаков: ин ча гандьм-а чапар кати мекуван (с-к. Муминабад)-здесь пшеницу молотят чапаром (боронной). Называют ее чапари хирманкуби, а в Нижнем Каратегине (сел. Хаками)-также чапари хирманкьти. В южных говорах чапар и производные от него слова чапарак, чапардари обладают и другими значениями: чапар, чапарак-плетенный из ветвей, хвороста шит; плетнёвая изгородь, чапардари-плетнёвая загорока, дверца.

Значения лексем чапар, чапарак связаны с указанием на единый способ изготовления (плетение) основной рабочей части данных предметов из одинокового материала (гибкие ветви деревьев, кустарников, лоза) и на различное назначение их в быту. Этим обусловлен путь семантического развития слов чапар, чапарак. В южных говорах, как и в юго-восточных, имеется несколько омонимов: чапар-борона, плетенка-волокуша а) для боронования; б) для молотбы на гумне;³³ чапарII (также чапарак)-плетень, загородка: плетёный шит; чапарIII (также чапарак)- круглые лыжи, состоящие из двух кругов плетенок из прутьев, которые надевают при ходьбе по глубокому снегу. В Северном Таджикистане чапар означает только плетенку-волокушу для молотьбы.

Ареал распространения сельскохозяйственного термина чапар «плетенка-волокуша» довольно широк: он известен в языке дари сопредельного Афганистана (Дари-русский словарь 1978, 276), имеется в талышском языке (1.борона, волочильная доска: 2.забор) (Пирейко 1976, 246).

Старинные сельскохозяйственные орудия сипор из чапар, изготавливаемые вручную, состоят из нескольких частей, каждая из которых в южных таджикских говорах имеет свое наименование.

Повсеместно распространено здесь, как и в юго-восточных говорах, слово чигиня, обозначающее сани-волокуши для перевозки снопов с поля на гумно, используемые главным образом в Южном Таджикистане. В зависимости от своего назначения, это сельскохозяйственное орудие имеет различные локальные наименования. Сани, предназначенные для перевозки мелкой соломы обычно окружают плетенкой, в севернокулябских говорах их называют беца, в каратегинских-чавра. Отдельные части саней-волокуш также имеют специальные названия (кышқорак, равоник), которые в диалектной речи обычно употребляются в со-

³³Слово чапар в этом значении в хуфском языке (на Памире) появилось всего полвека назад в 1935 г. (Андреев 1958, 297-298).

ставе изафетных терминологических сочетаний с определением: кьшқораки чигина, равоники чигина и т. п.

Ряд сельскохозяйственных орудий называются в южных говорах также, как в литературном и общеразговорном таджикском языке, например, дос/дост (лит. дос)-серп, кьлан (д) (лит. каланд)-мотыга, кетмень.

Орудия различного размера, формы или предназначения в говорах обозначаются специальными терминами или терминологическими словосочетаниями: доси льмб, доси ката-большой серп для зерновых культур и трав; досча-небольшой серп для работ в огороде, арадос (лит. аррадос)-клеверорезка, солморезка: доси галадрави-серп для зерновых, доси кахдрави — серп для травы.

Названия деревьев (плодовых и декоративных)

Лексику таджикских диалектов характеризует значительное количество названий и терминов садоводства-одного из традиционных сельскохозяйственных занятий таджиков. Южные говоры в отношении названий основных видов плодовых деревьев не имеют заметных отличий от других таджикских говоров. К названиям плодовых деревьев (они же обычно и названия их плодов) и растений, культивируемых и широко распространенных в большинстве районов Средней Азии, относятся: зардолу-абрикосовые деревья, себ-яблоки, олу/оли-слива: биҳи-айва: ангур-виноград и др.

Помимо названий плодов и пород деревьев, в лексике садоводства южных говоров можно выделить особую группу диалектных слов. Например, дъстинһол-саженец, молодое деревце, посаженное собственными руками: вахти қадим ҳами дъсниһволой хъд-м-а ай Норақ пышт карда овардъм (в-кр. Лангар)- когда-то давно вот эти свои скаженцы я на спине принес из Нурека; гура/гърък-незрелые фрукты и плоды: лош/лошак-остатки ягод и плодов на ветвях, арбузы и дыни, оставшиеся на бахчах после сбора урожая. В говорах отмечено производное от лошак сложное слово лошакчини-сбор остатков плодов, овощей: севои калхоз-а лош карестийан, мо лошакчини мерем(з-к. Кангурт)-яблоки в колхозе остаются на ветвях, мы идем на сбор остатков.

Степень распространения этой группы слов по говорам неравномерна. Так, слово дъстинһол характерно для вахиинско-каратегинских говоров, лош/лоша более широко распростране-

но в гиссарско-кулябских и западнокулябских говорах.³⁴ Слово **гурук/гурьк-гурк** (последний вариант зафиксирован в бадахшанских говорах в Гороне) распространено в южных говорах повсеместно (тути гурук-неспелый, недозревший тутвоник, севи гурук-незрелое яблоко). Оно употребительно и в литературном таджикском языке в форме **гура-гура** «незрелый, кислый виноград и другие неспелые фрукты» (Фарханг...1969, 659-660).

К этой же группе можно отнести слова, более широко распространенные в говорах кулябского диалекта: **хадра-ветвь, сук**; и **хадрай тут-а ай чо заан?** (с-к, Муллокони)-эти ветви тутовника где они нарубили?; **чолак-ветка хвои**; **бахрома**; **чолакои арча-гирлянда** из ветвей арчи; **пърсева-ствол дерева, засохшего на корню**: **пърсева коқ-ай бeбарг пойма-вори** (з-к. Зогнуль)-«пърсева»-сухой ствол без листьев, как столб: **гърм-сук** в бревне, доска; **гърмъни-суковатый**; **тахтаи гърмъни** (з-к. Кангури)-суковатая доска.

Определенные виды плодоносящих деревьев, имеющие важное хозяйственное значение в шире других культивируемые, дают большое разнообразие сортов плодов. Соответственно этому разнообразна и многочисленна та часть терминологии садоводства, которая связана с названиями плодов и ягод. Много названий, например, характерно для культуры тутовника, ягоды которого в дореволюционном прошлом занимали большое место в рационе питания горных таджиков. В южных говорах зарегистрированы следующие названия разновидностей тутовых ягод: **бедуна/бедона, шатут, сафедак-съфетут, хасак-хастут, тути музафари**, которые распространены повсеместно в пределах всего ареала южных и юго-восточных говоров и в говорах таджиков Афганистана. Помимо этого, имеют место локальные названия сортов тутовых ягод: **калактут(с-к. Дороби), туткалун (с-к. Даштиджум)**. В кулябских и каратегинских говорах известно также название сорта **тути льхи (лихй)** (ю-к. Саричашма, с-к. Муминабад, в-кр. Лангар)- белый тут с продолговатыми сладкими ягодами, которые в сушеном виде называли мавиз: **тути льхй бъсийор дору-ай** (в-кр. Лангар)- ягоды тута «лихи» очень целебны. Слово **льхи//лихй** в кулябских говорах, помимо названия сорта тутовника, обозначает также недозрелые, безвкусные

³⁴ В северно-кулябских говорах в селениях Ёхос слово **лоша** употребляется в значении «дурной, плохой»: **йак макри зани лоша чил хачира бор боша-и одна улвка дурной женщины составит груз сорока мулов** (Рахматуллоев 1970, 184).

ягоды тута: туто пьхта бошан-ам тути лихи оли бемаза-ай (з-к. Бальджуан)- хотя тутовые ягоды как будто поспели, но сейчас они еще безвкусные. В севернокулябских говорах слово *лъхи//лихи//лухи* распространено в значении «паданец, опавший плод тутовника»: тути лихи-ра сагироо мехъран кади куча-да (с-к. Муминабад)-опавшие плоды тута ребятишки на улице собирают и едят. Ягоды тута «лъхи», зрелые, но засохшие на ветвях деревьев, называют обычно *бурпуштак* (букв. с коричневой корочкой): ай лъхи шърини мекънан, ай бурпуштак мавиз (з-к. Дехбуль, кр. Хакими)-из спелых ягод тутовника «лъхи» делают патоку, из засохших- «мавиз».

Различают также породы тутовых деревьев повнешнему виду листьев, например, тути *барги чокак* (кр. Халкарф)-тутовник с резными листьями.

Помимо названий сортов тута, употребительных повсеместно, в южных говорах зафиксированы также названия таких сортов: тутти балхй тутовник с крупными белыми ягодами; тутти *басли-тутовник* с крупными розовыми ягодами; тутти *марвори-дак// марвори* (кр. Самсолик); тутти *рахшак*, тутти *ревичи* (с-к. Даштиджум)-сорта сладких тутовых ягод без зернышек. Привити сорта тута носят название *тутти пайванди* (из пайванд-привидка), а скрещенные сорта-*тутти дъбахра*.

Различные названия сортов винограда широко распространены на территории возделывания этой культуры в Кулябе, Каратегине, а также в долинной части Гиссара, где расселяются таджики группы «кулоби» -носители гиссарско-кулябских говоров. Названия большинства сортов винограда в южном ареале совпадают с названиями общенародного таджикского языка: *ангури чавз*-сорт белого круглого сладкого винограда, *ангури тойфи*-сорт позднего осеннего розового винограда, *ангури хи-сейни* (хусайни)-виноград «дамские пальчики».

Диалектные названия сортов винограда следующие: *говангур* (з-к.)- крупный белый виноград: *чочи уштур* (г-к.)-виноград «верблюжье вымя» *ангури лали* (г-к.)-«виноград-рубин». Как видим, названия многих сортов винограда связаны с внешним видом виноградин, их величиной, формой, цветом. Так, *гов* (букв. Бык; корова)- первый компонент термина *говангур*-олицетворяет крупные размеры (ср. этот же компонент) в некоторых названиях насекомых: *говзамбур*-шмель. Сорт сладкого черного винограда называется *ангури зьлфи* (с-к. Дахана); *ангу-*

ри хамирак (кр. Хакими)- это сорт винограда с нежной тонкой кожицей (ср. хамир-тесто); **ангури мили гов** (с-к.)-виноград с крупными продолговатыми ягодами розового цвета (ср. мили гов-соски коровьего вымейи), **ангури овак** (с-к.), букв. водянистый виноград-сорт очень сочного малосладкого винограда. Славящийся по всей Средней Азии сладкий золотистого цвета виноград «хусайни»-«дамские пальчики» в южных говорах имеет свои диалектные названия: **ангури фахри** (с-к. Даштиджум) и **ангури чилги** (чългй) (в-кр. Нушор).

К южнотаджикским диалектизмам относятся также некоторые термины виноградарства, например, **равоник/равник**- продольная жердь, перекладина виноградника.

С культурой грецкого ореха-чормагз, обильно произрастающего в горах Южного Таджикистана, также связан ряд диалектных слов. Например, **паргеч** (с-к. Сангдара)-недозревшее ядро ореха; **лаг** (ю-к. Порвор) и **курак/кърък/кърк** (с-к. Даштиджум, з-к. Кангурт)-толстокорый орех, из которого трудно извлечь ядро; незрелый орех: **калила/калела** (кр., в-кр., к.)-зеления кожура, оболочка скорлупы грецкого ореха; незрелый грецкий орех в зеленой оболочке: **се-чорта калила хърдъм, дъстом съп-сийа шида монд** (з-к. Халесон)- несколько (незрелых) орехов съела, руки у меня (от кожуры) почернели.

Для названия дерева грецкого ореха-орешины, кроме литературной формы (дараhti) чормагз, в южных говорах отмечены варианты **чормаг**: **ай чормаг гърифтай?** (з-к. Дарай Мургон)-ты на орешине поймал (голубя)? Этим же словом обозначается и сам плод орехового дерева-орех: **Савлатби, и чормаго-ра ки додакът?** (з-к. Зогнуль)-Савлатби, кто дал тебе это орехи?

Для южных говоров характерна группа слов, обозначающих незрелые плоды: **гура/гарък/гурук-о** винограде и некоторых других фруктах: **курак/кърък/кърк/об** орехах, яблоках, урюке: **баш ку, кърко-ш мереза, охи!** (с-к. Заргарон)- перестань ее (трясти), ведь осыпаются незрелые (яблоки)! Более дифференцированно используются слова того же значения: **лъхи-лихи**-только о тутовых ягодах, **паргеч**-только об орехах.

Интересно, что, по сравнению с другими говорами, в южнотаджикской диалектной лексике садоводства немного терминов и названий, связанных с абрикосом (зардоли-зандоли-о дереве и плоде). Объясняется это, по-видимому, тем фактом, что в Южном Таджикистане это порода фруктового дерева культивирует-

ся далеко не везде. В вахинско-каратегинских говорах распространено название **лафказардоли** (в-кр. Нушор, Калаи Лаби Об)- сорт крупных абрикосов. Слова **дъмагза** (с-к. Даштиджум) и **дъпах** (кр. Кадара)-абрикосовая косточка с двумя ядрышками, приобретая характер терминов, как правило, употребляются в качестве определения к **зардоли**-абрикос: **зардолидъмагза**-сорт абрикоса с двойным ядрышком. По своему строению эти термины представляют собой сложные слова: **лафказардоли**-трехчленное образование: **лафка** -диал. комок, ломоть: **зард-желтый**, **оли**-лит. олу -косточковый плод: **дъмагза**, **дъпах**-тадвучленные образования с одинаковым первым компонентом: **дъ** лит.ду-два-суф.-а: **магз** -ядро; значение компонента **пах** неясно. В некоторых селениях (в них, как правило, много абрикосовых насаждений) употребительны слова **зардолуб**-компот из залитых на ночь кипятком сушеных абрикосов, **тунук**-пастила из протёртых сквозь сито перезрелых абрикосов (Таджики...1970, 241).

Определенная часть диалектной лексики связана с плодами других фруктовых деревьев. Разнообразны, например, названия сортов яблок. Имеются названия, связанные с именем человека, который вывел то или иной сорт: **севи авчалили** (кр. Самсолик)-яблоки Абдуджалила, **севи малики** (ю-к. Ёл)-яблоки Малика, **севи шафисй** -яблоки Шафи; названия, связанные со вкусовыми свойствами плодов: **севи талхак**-горьковатые яблоки, **севи търъшак**-кислое яблоко: названия, связанные со временем созревания яблок: **севи чавшазак** (повсеместно)-сорт ранних скоро-спелых яблок, поспевающих к периоду созревания ячменя; **севи пешпазак**-скороспелые яблоки; **севи сурхи тирамохи** (кр. Ляхш)-осенние красные яблоки; **севи чинчила** (кр. Лахш)-яблоки поспевающие в начале лета к периоду трехлистной стадии всходов пшеницы, округлые, по форме, белые «с румянцем» по цвету; названия, связанные о местом произрастения; **севи пыштаги** (кр. Лахш)- плоды яблонь, растущих на склонах предгорий; **севи чангали**-лесные яблоки; **севи боғй** (с-к. Ховалинг)-садовые яблоки; **севи худруй**-дички, плоды дикорастущих яблонь: названия, связанные с внешним видом плодов (формой, цветом и т. д.) и особенностями их мякоти; **себи хубонй** (букв. яблоки красавицы)-полосатые красноватые яблоки; **загорасеб** (с-к. Ховалинг)-желтые округлые яблоки цвета кукурузной лепешки; **себи ордак**-мучнистые яблоки; **себи чарсак**-сочные яблоки; **карсаксеб**-

хрустящие яблоки. Характерна для южных говоров лексика, относящаяся к способам сбора урожая, которые определяют качество собранных яблок, груш, абрикосов: **торчин** (с-к.)- плоды, собранные руками с ветвей (**тор**-верх, **верхушка**); **чин**-осн. глагола **чиндан**-(собирать): **ходашан** (с-к.)-плоды, сбитые палкой (**ход**-жердь, палка; **шан**-осн. глагола **шанидан**-сбивать, **сшибать**).

Представляет интерес лексика, связанная с неплодовыми дикорастущими деревьями и кустарниками. Некоторые их названия являются южноговорными диалектизмами: **гылох/тилох**-вид высокогорного кустарника, лакомой пищи горных коз: **бъз дърахт бьсьор мехъра, номъш гылох-ай, боло хастай, бъланд-ай** (с-к. Дарай Мири)-козы много шиплют кустарник, называется он «тилох», наверху бывает, высоко. **Бъруч/бърч/бурч** разновидность березы высокогорных районов Каратегина и Куляба: **бъруч съни дара-да астай** (с-к. Муминабад)-береза в горных ущельях есть.

В лексике южных говоров имеются названия некоторых видов тополя, используемого, помимо тутовника и орешины, считающихся лучшими древесными породами, как строительный лес или материал для изготовления деревянных деталей жилища, некоторых сельскохозяйственных орудий. Например, **ареар**-тополь пирамидальный (**дъстак-а ай дърахти ареар, чормах меъран** (с-к. Муминабад)-(потолочные балки рубят из тополя, орехового дерева); **девдор**-пирамидальный тополь. Диалектными являются названия некоторых видов дикорастущей ивы: **катбед-ива** с гибкими ветвями: **зардбед, сийахбед**- разновидности ив, выращиваемых на свободных от посевов участках земли.

Названия зерновых культур, трав и кустарников

В южных говорах большинство названий хлебных знаков и бобовых культур то же, что и в литературном языке, отличия проявляются лишь в фонетическом облике этих слов: **гандъм** (лит. гандум)-пшеница, **луби** (лит. лубиё)-фасоль, **чавдол** (лит. чавдор)-рожь и др. Отдельные названия различаются по говорам фонетически. Например: **чугори** (г-к.), **чахвари** (в-кр.), **чъгори** (с-к.), по значению они соответствуют лит. **чуворимакка**-кукуруза. Все эти диалектные варианты используются в значениях: а) кукурузные стебли и листья: **чъгорихои майда-майда бьдозъш** (с-к. Ховалинг)-дай ему (теленку) мелко нарубленных кукурузных стеблей; б) кукурузные початки: **чор чъгорийаки**

расидаш ба и занак бърйон накарди? (с-к. Муллокони)-несколько спелых початков кукурузы ты не испекла для этой женщины?; в) зерно; зерна кукурузы: чъгорийо бист сум шид, ругани карасин гърифтъм (с-к. Шайдон)-кукурузы (зерна) вышло на двадцать рублей, я купила керосин.

Литературное **чувори**, внешне сходное с кулябско-каратегинскими вариантами, обозначает не кукурузу, а растение из семейства сорго-дзугару (Таджикско-русский словарь 1954, 519). Пересомысление слова **чувори** в говорах произошло, по-видимому, в тот период, когда культура дзугары была вытеснена более полезной зерновой культурой-кукурузой. Встречается в южных говорах и соответствующее литературному названию кукурузы слово **чуворимакка**. В южнокулябских говорах засвидетельствовано Ю. И. Богорад слово **макайи**-кукуруза, семантически идентичное литературному «чуворимакка».

В южных таджикских говорах в большом количестве содержатся различные наименования бобовых — очень распространенной в Южном Таджикистане культуры зерновых нескольких местных разновидностей, в том числе дикорастущих. Названия огородных бобовых растений: **бокило/бокло/бокъла**-бобы; **наск**-чечевица; **луби**-фасоль, **нахъд**-горох; **мулкак**-чина; **мъшьнг/мушунг**-горошек. Последнее название (**мъшьнг**) известно в южных говорах повсеместно, но, как свидетельствуют материалы, для дикорастущих разновидностей этого горошка имеются локальные названия по говорам: **мынч** (кр. Навдонак), **лавкашак** (ю-к. Порвор), **мушунги говак** (г-к. букв. «коровкин горошек») и др. В большинстве своем приведенные названия бобовых-слова диалектные, поскольку обозначают растения, произрастающие лишь в определенных местах, а не повсюду. Некоторые из этих слов (**мушунг**, **наск**), попадая на страницы периодической печати, приобретают характер общенародных таджикских слов.

Термины родства и свойства

Терминология родства и свойства в южных говорах таджикского языка по сравнению с терминами родства, принятыми в таджикском литературном языке, лексически характеризуется существенными отличиями. Семантически при определенном единстве содержания эта лексика также имеет некоторые особенности, связанные с пережитками родового строя таджиков

населяющих древние историко-культурные регионы Таджикистана: Вахио, Каратегин, Куляб.

Впервые терминология родства и свойства горных таджиков была представлена известным исследователем-этнографом Н. А. Кисляковым в его работе, посвященной изучению патриархальной семейной общины и семья таджиков, населяющих Вахио Боло-горную страну, расположенную в верховьях р. Хингоу (Кисляков 1936). В разделе «Семья» его книги приводится таблица наименований родства, которой предшествует анализ терминологии родства кровного и родства по браку (Кисляков 1936, 151-156). Данная терминология, представляя собой сводку записей автора в кишлаках Вахио Боло, проверена им за пределами Вахио Боло. Одной из работ, посвященных терминам родства таджикского и некоторых памирских языков, является статья А. К. Писарчик, где содержатся сравнительные данные по терминам родства различных районов Таджикистана и Узбекистана (Писарчик 1953, 177-185). Интересны наблюдения и выводы автора в отношении дифференцированных терминов, обозначающих дядей и теток по отцу и по матери.

В исследованиях по южным говорам таджикского языка (в разделах лексики и в диалектных словарях) приведены некоторые термины родства по отдельным говорам.

Терминология родства, в отличие от других тематических групп диалектной лексики, не столь обширна по своему объему, однако именно эти термины позволяют наиболее наглядно выявить черты сходства и расхождений между основными группами таджикских говоров, а также внутри этих групп. Наименования кровных родственников, а также родственников по браку образуют определенную систему, отражающую строй и формы семьи на длительном пути ее исторического развития.

В силу этого основное направление будущих исследований терминологии родства таджикского языка и его диалектов должно носить этнолингвистический характер.

В данном издании представлена лингвистическая характеристика основных групп терминов родства и свойства, сведения об их распространении и использовании на территории бытования южных говоров.

Существующая ныне терминология родства в южных говорах по типу своему одина с другими таджикскими говорами и литературным языком. В ней четко выделяются линии разграниче-

ния старших братьев и сестер от младших. Различия наблюдаются лишь в словах, обозначающих младших братьев. Разграничиваются также обозначения дядей и теток-братьев и сестер отца и матери, для которых существуют, как и в литературном языке, соответствующие термины: амак-брат отца, амма-сестра отца, таго (йи)-брат матери, хола-сестра матери.

Термины родства в южных говорах по признаку обозначения родственных связей подразделяются на две основные группы: термины кровного родства и термины свойства, или родства по браку.

К терминам кровного родства относятся слова со значениями: «отец»- ота, аво; «мать»-оча, ави, ма; «дед»-боби-бови, бово; «бабка»-мума, бьби-бьви; «младшая сестра»-хъвар-хувар, «старшая сестра»-апа; «брат»-бьйор, бийор «старший брат»-ака, «младший брат»-додар; «дядя (брат матери)»-тагои и др.

К терминам свойства, т. е. родства по браку, относятся слова: зан-жена; шу-муж; арус-невестка; думод/дъмод-зять (муж дочери); хъшдоман- хъшдуман свекровь; теца; хъсьр-свёкор; тесть; йана-золовка; кайсьнгъл-свояченица; евар-деверь; йазна-муж сестры и др. наименования родственников некровных, т. е. по браку, более многочисленны в южных говорах, чем термины кровного родства (см. табл.). Термины родства по браку, отличаясь от терминов кровного родства, все же составляют с последними единую систему, обозначая членов семей, которые в дальнейшем, как правило, путем браков по прямой линии фактически становятся кровными родственниками.

Термины, обозначающие неродных членов семей, в южных говорах, в отличие от северных и литературного языка, представлены исконно иранскими словами: пийандар>падарандар-отчим, моандар/мойиндар<модарандар-мачеха, писандар/пасандар<писарандар-посынок, дъхтандар<духтарандар-падчерица. В северных говорах и в современном литературном таджикском языке для аналогичных наименований родства приняты описательные таджикско-узбекские термины падари угай, модари угай, писари угай, духтари угай (узб. угай-неродной, сводный).

Употребительные в южных говорах слова для обозначения неродных родственников широко были распространены в языке

памятников классической таджикской литературы,³⁵ употребительны они также в современном персидском³⁶ и в языке дари.³⁷

С точки зрения территориального распространения термины родства южных говоров подразделяются на три группы: повсеместно распространенные; термины, известные в одном или нескольких определенных южных диалектах; термины, известные в одном или нескольких определенных южных диалектах; термины узлокального характера, отмеченные лишь в некоторых селениях.

Терминами, распространенными в южных говорах повсеместно, могут быть как общетаджикские слова, так и диалектные, свойственные всем южным говорам: зан-жена, хевар-деверь, хьсьр-тесть; свекор; хьшдоман-свекровь; теща, моиндар/моандар-мачеха, амак-дядя (брат отца), таго-дядя (брат матери) и др. Состав терминов родства в южных говорах имеет тенденцию к расширению за счет появления синонимичных рядов. Таким образом в этих говорах образуют синонимичными термины зан-жена, духтар-дочь, бобо-дед и др. Так, наряду со словом зан в повседневной диалектной речи употребительны и слова арабского происхождения айол, аврат, которые в южных таджикских говорах приобрели значения «женщина», «жена», на свойственные им в арабском языке. Основой для развития у арабизма аврат названных значений в таджикском языке послужила, по-видимому, семантика самого арабского слова «слабость», «незащищенное место», «недостаток» (Баранов 1957, 703). Представление с «слабом поле» извечно вызывали ассоциации с чем-либо слабым, незащищенным. Известно, что в таджикском языке классического периода одним из значений слова аврат было «женщина: жена» (Фарханг...1969). В южных говорах слова аврат//аврат)-авратина распространено повсеместно в значениях «женщина», «замужняя женщина», «вдова». В значении «жена» это слово, по сравнению с более официальным зан, звучит несколько фамильярно. Примеры употребления аврат//аврат: аврат ни мегуйан-у зан ни (кр. Кахдара)-говорят и

³⁵См. духтадар, духтарандар (Фарханг...1969, ч-1 401, 407), модарандар (Фарханг...1969, ч-1 697), падарандар (Фарханг...1969-ч-2, 6), писарандар (Фарханг...1969, ч-2, 66).

³⁶ См. модарандар, духтарандар, писарандар (Русско-персидский словарь 1965, 387, 565, 570).

³⁷ См. слова со значениями «мачеха», «пасынок», «падчерица», (Дари-русский словарь 1978, 625, 164, 349).

«аврат», и «зав»: сад офарин ба ɛаврат ки ɛаврат вахти кампанииа шав-ъ-руз йакзайл медърава (з-к. Дехбуль)-браво женщине, потому как женщина в период кампании (по сбору урожая) жнет без усталости и день и ночь. Засвидетельствованный в южных говорах вариант с суффиксом-ина (авратина), образовался, надо полагать, по аналогии со словом мардина-мужчина; муж, супруг.

Слово айол относится к разряду заимствований из арабского языка,³⁸ которые в таджикском языке и его диалектах обрели иное значение: шъмо ɛамуча мешине, намере пеши айоло? (г-к. Сумбула)- вы здесь посидите, не пойдете к женщинам (сидящим отдельно)? Как общетаджикское, слово айол означает «жена», «женщина»: «семья (жена и дети)» (Таджикско-русский словарь 1954, 18). Наличие этого слова как термина свойства в южных диалектах объясняется, очевидно, влиянием литературного языка; в северных говорах оно употребляется обычно с суффиксом-манд(айолманд) означает «семейный». В значении «жена: женщина» слово айол засвидетельствовано и в памятниках классической литературы (Фарҳанг...1969, ч-1, 43).

В южных говорах для обозначения жены, супруги используется ряд слов, например, общеразговорные оила/ойла/ойила-реже ɛамсар: бай ɛҳди ойилаи мън тенг ай (в-кр. Кушагба)- она ростом с мою жену: қайсӑнгъл ақъ ойлаи ма-ра апа-ш йо хоҳар-ъш (г-к. Сари Мазор)-так вот, свояченица (қайсӑнгъл)-это старшая или младшая сестра жены.

Пожилые мужчины, обращаясь к жене, обычно называют ее кампир -старуха, что характерно и для общеразговорного таджикского языка.

В южных говорах повсеместно распространено слово қингол//қингола в значении «девушка на выданные; невеста». В гиссарско-кулябских говорах слово қингол приобрело дополнительное значение «новобрачная», «молодуха, молодая замужняя женщина»: қингол-ът дъхтари ки ай? (г-к. Кончи)-твоя молодая жена-чья дочь? Иногда молодую невестку, сноху называют қингол.

В южных говорах имеется ряд слов со значением «женщина; жена», ассоциативно связанным с положением женщины в условиях старого быта: пойшикаста (букв. со слоамной ногой),

³⁸В арабском-«дитя, ребенок» (Баранов 1957, 553).

паршикаста (букв. с перебитым крылом) и слово арабского происхождения **заџиф** (букв. слабый, немощный): гоие заџифо дарзабанди мекънан (кр. Яхч)-иногда женщины вяжут снопы. Слова **пошикаста**, **паршикаста** в указанном значении весьма употребительны в литературных памятниках прошлого, в настоящее же время а южных говорах, как и в современном общеразговорном языке, они постепенно выходят из употребления.

Как и в общеразговорном таджикском языке, в южных говорах встречаются слова **хонаги/хонанги**-домашняя, находящаяся дома, или **бачо**, гулако-детики-так иносказательно мужчины называют своих жен, упоминая о них в разговоре с кем-либо. В отличие от северных говоров, в южных встречается иногда в речи женщин слово **бачо**, которым они называют сами себя: мо хар дъ-мон бачойи бъйорем (в-кр. Сасикбулок)-мы обе жены (двух) братьев.

К терминам родства, характерным для определенных диалектов подгрупп южных говоров, относятся следующие. В кулябских говорах распространено слово тюркского происхождения **ота/ата**-отец. Это обусловлено причинами историко-этнического характера, поскольку на значительной части территории бывших бекств (Кулябского, Бальджуанского и особенно Гиссарского), где издавна проживали ираноязычные и тюркоязычные народы-таджики, карлуки и локайцы-преобладал смешанный состав населения.

В зоне распространения северно-кулябских говоров-сарихасорского и шуробдарачинского-распространены термины **бобо/бowo/бowa**-отец. Изоглосса слова **ота ата** в пределах распространения южных говоров выходит за рамки Куляба и отмечена в каратегинском диалекте (в-кр. Ходжа Тавоф, Сарикенджа, Тугои Поён, Язганд; кр.-Нижний Каратегин).

В рогских говорах «отец» обозначается словом **да**: «младший братик или сестренка (до пяти лет)»-**ник**, **нъник**, «мать» в горонском говоре (бд.) называют **чййа**, в южно-кулябском **ма**, в таджикско-ишкашимском, таджикско-ваханском-**наи** (а), **нан** (и), **наник**, в таджикско-мунджанском (Розенфальд 1971, 37, 70)-**момо**: «отец»-в горонском **адо**, **дода**, таджикско-ишкашимском и таджикско-ваханском-**дад**, **дади**, в таджикско-мунджанском-**тат** (а).

Бадахшанский диалект в отношении основных терминов родства сближается с рогскими говорами. С последними имеют сходство и отдельные термины родства южнокулябских говоров

По говорам наблюдаются расхождения в отношении названия невестки, снохи. Так, в кулябских говорах распространен термин *зарус/арус*, в каратегинских (вахинско-категинском, частично каратегинском-правобережном), в рогских и бадахшанских говорах употребителен *съхор/сьнор*.

Интирес представляют диалектные слова, которыми называют родственников и друзей жениха и невесты, сопровождающих их во время свадебных обрядов, при бракосочетании (туийников), во время приезда жениха за невесткой, чтоб увести её из родительского дома в дом жениха. В клябских говорах родственницу, сопровождающую невесту в дом жениха, называют *йанга*, в каратегинских *муров/мърова*. В соответствии с толькованием представителей старшего поколения слово *мурова/мърова*—это стяжонная форма от «муродовар»—приводящий к исполнению желания, приносящий исполнение желаний. Родственницу, сопровождающую жениха в дом невесты для совершения обряда бракосочетания, называют *шахмърова/шамърова* (кр.). В гиссарско-кулябских говорах дружок, сопровождающих жениха в дом невесты называют *ша(х)мард/шамард*, в южно-кулябских— *варан ша*, что буквально означает «спутник жениха».

Примечательно соотношение термина родства *бародар*—«брат», соответствующего литературному и диалектного *бийор*. Первое в южных таджикских говорах употребляется как обобщенное понятие «брат», тогда второе обычно означает «старший брат» и именно противопоставляется слово *додар* в значении «младший брат».

Термины родства, употребительные в отдельных селениях

Например в рогских говорах и частично в южно-кулябских употребительны слова со значениями «мать»: *ньяна* (рог. Ходжагалтон), *ма* (рог. Афтобзамин; ю-к. Тагноу), *мъма* (рог. Анджиркон), *чийа* (рог. Балуч). В речи «кулобичителю селения Юмс Орджоникидзебадского (ныне Вахдатского) района отмечено слово арабского происхождения *сойиба Фарханг*... 1969, 177)—жестина бывшая замужем; вдова.

Семантические разряды лексики

Синонимы

В таджикском языкознании проблемам синонимии литературного таджикского языка уделено определенное внимание (Мухаммадиев 1962; Атаханова 1974, 21-23; Гаффоров 1971, 38-43). Что касается диалектной речи, то по существу, не считая отдельных заметок (Чураев 1970, 131-138), синонимы таджикских говоров почти не подвергались изучению. Между тем эта важная часть словарного богатства занимает значительное место в составе диалектной лексики, в том числе и южных таджикских говоров.

Возникновение и развитие диалектной синонимии имеет свою специфику, выражающуюся в том, что диалекты, по сравнению с литературным языком, не имеют строго установленных норм, в них наблюдается, как отмечают диалектологи, «большая свобода выбора средств для выражения различных смысловых, ... эмоциональных оттенков речи» (Русская диалектология 1072, 273).

Соответственно восприятию, пониманию и отношению человека к предметам и явлениям действительности, а также к их свойствам и признакам он тем или иным образом именуется, что служит поводом к возникновению синонимических единиц в пределах определенной группы говоров, диалекта или языка. Так, например, на территории левобережных селений Среднего Каратегина среди женщин и девушек существовал обряд обрызгивания друга водой (в период засухи), называемый по-разному: **обчилак, ошношак, обчошак, пешимазори** (Таджики... 1966, 126). Эти слова этнографического содержания составляют группу синонимов, объединяемых одним магическим наполнением. Три первые слова этого ряда с одинаковым первым компонентом «вода» построены по модели сложных слов с подчинительной связью частей оформленных суффиксом -ак. Различия между ними невелики и выявляются в дополнительных смысловых оттенках, привносимых отглагольными диалектными элементами **чил-** основа глагола **чилидан** - обливать, брызгать; **шап-** основа глагола **шапидан** - обливать; **чош-** основа глагола **чошидан** брызгать. Такие сложные слова - синонимы широко распространены в южных говорах. Слово **пешимазори/пешимазори** иной структурной модели по смыслу объединяется с первыми тремя в один синонимический ряд, выражая, помимо назначения обряда и локального значения (для обряда вызывания дождя собирались обычно у мазара - «пещи мазор»), ещё и ритуально- религиозный

оттенки. Слово **пешмазори** вместе с остальными синонимами данной группы обозначает одно понятие-обряд обрызгивания.

Как и в литературном языке, в южных говорах образованию синонимических групп способствует развитие системы словообразования. Такова, например, группа синонимов **девнаранг**, **девнафель**, **девнафельчоп** с одинаковыми первыми компонентами и различающимися вторыми (**-ранг**- вид, образ; **-фель**- характер) при участии в одном из них диалектного суффикса сходства и степени признака **-чоп**. Семантическая близость этих слов проявляется в одинаковости их значений: «безрассудный», «сумасбродный», «со странностями». Примером синонимов с совпадающими первыми и различающимися вторыми компонентами могут также служить слова южных говоров **дослеса** и **досрънда** -рубанок. В южных таджикских говорах значительную часть синонимических пар и рядов представляют собой слова, полностью различающиеся элементами их лексико-грамматического состава (**дъравгар** и **доскаш** -жнец).

Совершенствованию лексики, в том числе синонимии, способствует, как известно, «механизм развития значений» (Ожегов 1974, 53). В части ности, в результате переосмысления отдельных слов в южных говорах возникали такие синонимические пары: **манзил/манзилгах** (букв. место остановки) и **қавристон** -кладбище; **пахлавон** (букв. богатырь) и **шикорчи** -охотник; **ганч**(букв. сокровище) и **шир** -молоко.

Взаимодействие литературного языка и диалекта, все более расширяющееся в наше время, а также диалектов между собой способствует образованию синонимических пар, например, **хочаги** и **бъна** -дом, двор, хозяйство; **бад** (лит. баъд и угам -потом, затем; **калон** и **лъмб** -большой крупный; **майдахак** и **варав** -младший. Одно из слов в таких парах употребительно в литературном языке или, хотя и характерно для отдельных южных говоров, однако известно во всем ареале их распространения (**калон**, **майдахак**, **бад**).; другое слов- его диалектный эквивалент (в данном случае каратегинских в севернокулябских говорах).

Синонимические ряды говоров отражает взаимодействие последних как с прочими таджикскими говорами, так и с другими языками. В частности, в ряду синонимов **бефара**, **партов**, **халок**, **шалпар** со значением «очень усталый, изможденный» последний из них в этом значении широко употребителен в северных говорах, особенно в самаркандско бухарских и частично в

ферганских, а также в общеразговорном таджикском языке.³⁹ В настоящее время он отмечен и в говорах, например, повсеместно в кулябских. Ср.: хами дъсти дъхтар-а газид, ай гиристан-а халок шъд (с-к. Ховалинг) - вот эта (оса) ужасила девочке руку, она изнемогла от плача; хов мерай? бефара шъдай (с-к. Заргарон) - будешь спать? Устала?

По видимому, как результат взаимодействия таджикского и узбекского или киргизского языков следует рассматривать употребительную в кулябских и каратегинских говорах синонимическую пару пушт и арқан, в которой последнее слово - тюркизм. В настоящее время в южных говорах встречаются также синонимические пары, носящие следы языковых контактов с русскими, например, искирд-а <рус. скирда и гарам - большой стог сена. Следует заметить, что в южных говорах слово искирд в более узком значении - при заготовке травы, сена используется в речи даже чаще, чем гарам.

Как и в литературном языке, значительная часть синонимов в диалектах представляет собой именные части речи. В литературном таджикском языке насчитывается более десятка тематических групп синонимов (Мухаммадиев 1962). Не менее того имеется их в южных говорах, о чем свидетельствуют некоторые из приведенных в предыдущем разделе книги тематических групп южно-таджикской лексики.

Наибольшее число синонимов наблюдается среди имен существительных, обозначающих одушевленные и неодушевленные предметы, явления, абстрактные понятия (пика, лочак, пьрева/пълева - пустослов; кулол/куллолгар, кузаростку(н) - гончар; мастерица по гончарному делу; хурмача, лабдаста (кр. Нушор) - треногий глиняный кувшинчик; чура - приятель и ошно - знакомый; хълк, лозър-ледник; һин/һен, гот - время, пора и др.), а также среди прилагательных, обозначающих признаки и свойства предметов и явлений (ифлос, гажд - грязный; мънеък, лус, веҳстанг-скупой, жадный и др.).

Глагольная лексика южных говоров также характеризуется богатством синонимов (хамбидан, фаромадан - спускаться, сходить вниз; гърамбидан, чигаридан - обрушиваться; кътидан, чъкидан - молотить и др.)

³⁹ В литературном (книжном) языке халок означает «гибель», «смерть» (Таджикско-русский словарь 1954, 497)..

Синонимические ряды образуют не только простые, но и сложные глаголы с одинаковыми глагольными компонентами или с полностью различающимся компонентным составом: тийор шидан, соф шидан, дур шидан-кончатся, иссякать; аркан кардан, пыш кардан - взваливать на спину; тавила/тевала кардан, лангар кардан - ставить на прикол; ширин кардан, дог кардан - калить масло или жир; қарор йофтан, тинч шудан - успокаиваться, утихать; стабилизироваться (панчсати дига-ш ва Гирдхам рафт-у мо қарор йофтем, һъкъмат тинч шид (в-кр. Лангар) - остальные пятьсот басмачей ушли в Гирдхам, мы обрели покой, (Советская) власть стабилизировалась.

Диалектная синонимика местоимений, наречий и служебных слов также представляет интерес, что нашло отражение в соответствующих разделах морфологии.

Набор слов в синонимических парах или рядах может быть тройким: только общедатджикские синонимы, употребительные как в литературном языке, так и в южных диалектах (и иных) (хуб/хув, соз, нағз, дъръст-хороший, славный). только диалектные (фи. кърчак -деревянная лопата; һин. гот-пора, время; былинг, кигач-угол; фър кардан //додан, даггал додан (/кардан) - бросать, кидать) и смешанные, т.е. общедатджикские и диалектные синонимы (калон, калга, льмб, лула- большой, крупный, огромный; хурд, майда; варав-младший).

Использование этих групп синонимов по говорам происходит неравномерно. В каратегинских говорах используется, например, наиболее полный набор синонимического ряда кенчаги/кенчък, майдахак, варав младший (из детей); из синонимического ряда хуб, соз нағз, дъръст-хороший наиболее распространены во всех южных говорах синонимы соз и хуб, в вахинско-каратегинских говорах при этом реже, чем в других южных, используется слово нағз.

При рассмотрении лексики южных говоров в целом как единой системы могут быть выявлены такие синонимические пары, как: ба, мачак-поцелуй; фи, кърчак -деревянная лопата; върськ, бувак -чучело теленка, набитое сломой; тафора, шъг - ограда из сплетенных ветвей и др. В них один из синонимов употребителен в каком-либо из южных диалектов (например, бд.-ба, фи, тафора), а другой бытует во всех диалектах южной группы (например, кр., к., роғ. -мачак, шъг, кърчак; в бадахшан-

ских они известны, но по-видимому, не являются элементами исконного словарного фонда).

В каждом из диалектов южной группы синонимы различны по характеру употребления их в речи. Они могут быть адекватными, равносильными в использовании (чалак, сатил -ведро; сармо, хънък -холод; мороз). Любопытно, что в сел. Хилмони (Средний Каратегин) на вопрос об употребляемости в речи синонимов гушак, кълак -силки для ловли птиц последовал ответ: «Кадом-аш рост ояд»- т.е. (все равно) какой придется.

В других случаях имеет место избирательность в использовании синонимов пары или ряда, связанная, в частности, с традицией наименования или многозначностью слов, входящих в ряд. Так, из терминов родства со значением «отец» наиболее характерными для южных диалектов и различающимися по говорам являются ота (к.), бова, аво/во (кр.); слово падар, собственное общедиалектной речи, отмечено в фольклоре и используется как обращение к пожилому мужчине.

В группе синонимов бьсьюр, арасот, пър/пур, мул со значением «много», «в избытке» наиболее многозначны бьсьюр и арасот⁴⁰. Из них наиболее употребительно повсеместно распространенное бьсьюр; слово арасот вовсе не засвидетельствовано в бадахшанских говорах. Синоним мул используется редко, обычно в речи пожилых мужчин, побывавших на заработках в Фергане, Самарканде.

Неравномерно распространены и используются синонимы чура, дохунда, ошно-друг, прятель: первый распространен в южных говорах повсеместно, второй в каратегинских и севернокулябских говорах, третий обычно встречается в речи при беседе с неносителями южных говоров, приехавшими из города, а также в фольклоре (дъ кафтар) кати йак самбака ошно шидас (с-к. Ховалинг, из сказки) - два голубя подружились с черепахой). Часто в одной фразе употребляются общетаджикское и диалектное слова-синонимы, за чего повышается экспрессивность высказывания: и къх бьсьюр загал шидаги, вайрун ай (кр. Хилмони) - эта гора очень выветрившаяся, (сна) разрушена; имруз чангът шид, курак, хар руз Саталмуш дорги-ай, имруз наметова (з-к. Дехбуль) -сегодня поднялся афганец, пыльная мгла, постоянно Саталмуш бывает виден, сегодня его не видно.

⁴⁰ Данное диалектное значение, по-видимому, возникло в результате переосмысления, ср. объяснение этого слова как мн.ч. от арса «площадь» (Фарханг... 1969, 80).

В южных говорах весьма распространены парные сочетания синонимов, состоявшие из общетаджикского и диалектного слов, часто соединенных изафетом и как бы усиливающих передаваемое ими значение, например, олаки бад - очень плохой, кълети вайрон -(совсем) разрушенный, хоми кърк -сырой, незрелый и др. такие парные сочетания синонимов придают высказыванию выразительность и эмоционально-экспрессивную окраску: охи, соз-ем, ука олаки бад несем (в-кр. Лангар) -ну, ведь у нас все ладно, не так уж мы совсем и плохи; ана, гуфтаи хъд-ш, йак кышлоки кълети вайрон (кр. Дашти Хирсон) вот, как он сам сказал, какой-то сильно разрушенный кишлак; чормагз хоми кърк-ай (кр.) - орехи совсем еще незрелые; қышлоқ калони лъмб-ай (в-кр. Ярхаб) - кишлак очень большой (густо населенный).

Отдельные парные сочетание синонимов с течением времени могут становиться сложными словами при наличии определенных условий (в частности, в потоке беглой речи они получают одно ударение). Примером такого преобразования является распространено в каратегинских и частично в северно-кулябских говорах слово угамбад- затем, после, причем при перестановке компонентов происходит перенос основного ударения на последний слог - бадугам. Примеры: угамбад пагайи бъйо (в-кр. Тавильдара)- затем приходи завтра утром; бадугам ийо умадан (в-кр. Лангар) -затем они пришли; бадугам коқ шид (с-к. Муминабад)- а потом (корова) перестала доиться.

Что касается функционирования в южно-таджикской диалектной речи синонимичных наречий бад и угам, то здесь, возможно, происходит процесс постепенного вытеснения общетаджикским словом диалектного угам.

Синонимы выявляют богатство лексики диалектов. Разнообразие экспрессивно смысловых оттенков синонимов свидетельствует о многозначности слова. В диалектной речи в различных ситуациях далеко не всегда возможно равное использование слов, связанных синонимическими отношениями. В южных говорах, как и в литературном языке, полного тождества синонимов не наблюдается (ср. камун/камон и милтиқ синонимичны в значении «охотничье ружьё»; первое же слово в южных говорах обозначает также лук (оружие), трепалку для шерсти, хлопка, название солнечного месяца «Стрелец»).

Омонимы

Омонимы как слова, сходные по звуковому составу, но различные по содержанию, в лексическом фонде южных говоров занимают значительное место, однако в исследованиях диалектологов им фактически не уделено внимания.

Особые фонетические явления, свойственные южным таджикским говорам (он, раздел «Фонетика»), способствовали развитию очень характерного для этих говоров пути появления омонимов на фонетической почве в результате совпадения в одной звуковой форме слов разного происхождения и значения. Например: **кор-I** - дело, работа, но **кор-II** < корд - нож; **кавгир-I** - назв. момента игры в «чижик» (в-кр. Лангари Шо), но **кавгир-II** < кабкгир - охотник за куропатками (с-к. Зелолак); **комI** < кадом - местоимение «который»; «какой-то»; «кто-то», но **ком-II** (редко; чаще **кос**) - существительное «небо»; **баI** < баъд - наречие «потом», «затем», но **ба-II** - предлог направления, адресата (ба шъмо гуфтъм-ку (в-кр. Кул) - я ведь вам сказал), а также совместности, орудийности (ийо ба йак куза оу сер намеънан (з-к. Саталмуш) - они не напьются одним кувшином воды); **ба-III** - существительное «поцелуй» и др. Степень распространенности каждого из слов-омонимов неравномерна по говорам. В частности, местоимение **ком** распространено во всех южных говорах, тогда как его омоним **ком -небо** имеет ограниченное распространение. Нами оно было засвидетельствовано в Муминабад (с-к.). Причиной этому, возможно, является наличие широко распространенного в каратегинских и частично севернокулябских говорах диалектного **кос/коси дахов - небо**. Примеры на употребление в речи: Карим-ай, Зариф-ай, бъгу, **ком-ъш боша** (с-к. Кулмахмеди) - Карим ли, Зариф ли, скажи кому бы то ни было из них; **ком-ъм қати йакта-ш-а фучидам** (с-к. Муминабад) - один (гранат) я высосал небом. Также предлог **ба** и наречие **ба** имеют широкое распространение, в то время как **ба «поцелуй»** употребителен в бадахшанском диалекте.

В тех случаях, когда подробно рассмотренным, соответствующим фонетическим преобразованиями не подвержены, омонимические пары или группы невозникают. Так, в гиссарско-кулябских говорах, например, слова **корд -нож** и местоимение **кадом/кадум/кадъм** бытуют, как правило, в относительно полной форме и не составляют омонимов со словами **кор** и **ком**. В этой связи следует заметить, что для установления или наруше-

ния омонимических отношений важны возникшие в результате фонетических изменений сходство или различие звуковых оболочек разнозначных слов. Так, например, личное местоимение I л. ед. ч., представляемое в южных говорах вариантами *мън/мъ/ма* - я, не составляет омонима со словом *ман* (мера веса), в противоположность литературному языку, где эти слова находятся в омонимических отношениях (лит.: *ман-I* -я; *ман-II* -мера веса) (Русско-таджикский словарь 1954, 214).

Для южных таджикских говоров характерен также и такой источник возникновения омонимов, как полисемия, когда с течением времени одно или несколько значений слова настолько отдаляются от основного, что связь между ними обрывается, порождая слова-омонимы. Таким путем образовались в южных говорах следующие группы омонимов: *гъл-I*-цветок и *гъл-II* - корь; *кат-I*- большая деревянная кровать, *кат-II* -подпорки для виноградных лоз (лит. хавоза) (в-кр. Фатхобод, Калан Лаби Об) и *кат-III* - погребальные носилки (з-к. Сангтуда).

В южных говорах отмечены также целый группы омонимов, возникших в результате случайного совпадения внешнего облика слов в процессе словообразования, особенно при участии суффикса *-ък/-ак*. Например: *бувак/бъвак-I* -чучело теленка, помещаемое рядом с коровой во время доения (в-кр., к), *бувак/бъвак-II* - оса;⁴¹ *чакалак-I* - мелкий рогатый скот (козлята, ягнята) (кр., к.), *чакалак-II* -заросли деревьев и кустарников (с-к. Даштиджум); *рахдавак-I* -вид вьющегося травянистого растения по обочинам дороги, *рахдавак-II*-пернатые, обычно промышляющие у дороги (в-кр. Кичикзи); *думбък-I*-сосуд для воды или масла (кр.), *думбък-II*-стрелки зеленого лука, *думбък-III* - плодоножка (кр.)

Чаще всего в южных говорах наблюдается омонимия имен существительных: *луби-I*- фасоль (повсеместно), *луби-III*-головешка (кр.); *лош-I*-остатки урожая фруктов, овощей, *лош-III*-подарок (с-к. Хонако); об этом свидетельствуют также многие из приведенных выше омонимических пар и групп. Кроме того, в южных говорах отмечены группы омонимов, состоявшие из слов, относящихся к различным частям речи: *ланг-I*-эпидемия, заразная болезнь (повсеместно), *ланг-II*- пнящий напиток, *ланг-III*- хромой (повсеместно); *шух-I* -бесстрашный; резвый (повсеместно), *шух-II* --скала, утес (в-кр.).

⁴¹ В отдельных селениях гиссарско-кулябских говоров *оса-бушгак/бъвак*.

Как показывает приведенный материал, некоторые омонимические пары употребительны в большинстве или во всех южных говорах; в других случаях наблюдается неравномерное использование по говорам слов, составлявших группу омонимов, вплоть до узколокального их употребления в отдельных говорах и даже селениях.

В южных говорах отмечены группы омонимов, представленных в единственном фонетическом варианте. Нередко наблюдаются также случаи, когда слова, составляющие омонимическую пару или группу, имеют фонетические варианты, например: (кьньс-I (в отделенных селениях также мьгьск/чьньск) - скупой, жадный, скраяга, кьньск-II - прогорклый осадок от топленого масла. Каковы семантические отношения дополнительных фонетических вариантов с основными омонимическими - это вопрос, составляющий специфику диалектной омонимии по сравнению с литературным языком и пока не нашедший окончательного решения.

В южных говорах, как и в литературном языке, слова могут противостоять друг другу как омонимы, с другой стороны, они способны развивать синонимические отношения с иными, близкими по значению, словами. Так, например, различны по смысловому содержанию омонимы хавоборонак - улитка (в-кр., кр. пб. селения; г-л., частично с-к. и з-к.) и хавоборонак - вид тонкостебельчатой травы с клейкими листочками (г-к. Файзабад). В то же время первое из этих слов является синонимом момоборонак - улитка (в-кр. лб. селения; частично с-к.).

Установление изоглосс омонимов на относительно обширной территории бытования южных таджикских говоров представляется затруднительным.

Омонимические группы южных говоров могут состоять из общетаджикских слов (навохтан - играть на музыкальном инструменте и навохтан - ругать, бранить: ть-ра ба ин кори кардаги-т наменавозан-ът (кр. Каланак) - тебя за это дело не поругают), из слов диалектных (лос-ость злаков (с-к. Даштиджум) и лос- падаль (з-к. Шулушту): пеши капкон-да ика лос-а бар мон, рубах ба бун ха ми омада мезана - положи у капкана немного мякоти палали, лиса на этот запах прибежит, схватит; бьвак (в-кр. Кичикзи) - оса, шмель и бьвак (в-кр., с-к.) - чучело теленка, а также из тех и других (луби <лит. лубиё) - фасоль и луби (кр.) - головешка. В последнее время в южных говорах засвидетельствованы омонимы, возникшие на основе заимствований из русского языка (завхос <рус. совхоз и завхос <рус. завхоз).

Антонимы

В лексическом фонде южных таджикских говоров значительную часть составляют также антонимы - слова с противоположными значениями. Наиболее характерны антонимы - прилагательные, обозначающие противоположные признаки предмета: **варав** - младший, но **калун** - старший; **кьнда** - медлительный, но **давъид** - резвый, быстрый; **танг** - узкий, но **лоп** - широкий, **ката** - крупный, но **майда** - мелкий и др. Примеры: **аспи ть кьндатар-ай**, **ай Насръдин давъид-ай** (в-кр. Хичборак) - твой конь помедлительней, **у Насреддина** - порезвей; **чумай занак-а дахан-гш лоп мийойа**, **ай мардаки танг** (кр. Ниёзбегиён) - у женского халата ворот широкий, у мужского - узкий; **пила-ш йагрез-ай ката-въ йакта майда не** (с-к. Муллокони) - коконы у нее ровные (одинаковые), не то чтобы одни крупные, другие мелкие.

Антонимы южных говоров противопоставляются по признаку положительного и отрицательного явления, например, **олак** - плохой, **хуб** - хороший; **рост** - правдивый; **правда**, **дъруг** - ложный; **ложь** по величине, объему, протяженности: **бълан** - высокий, **наст** - низкий; **дъроз** - длинный, **кутах** - короткий; **ката** - большой; **крупный**, **майда** - маленький; **мелкий**; **калон/калун** - старший, **варав** - младший; **лъмб** - крупный, **хурд** - мелкий; по противоположным свойствам или особенностям и пр.: **кафербе** - непривередливый в еде (кафарбе, букв. «жирный от соломы»), **чимхур/чимхър** - разборчивый, капризный в еде: **мо кафербе**, **шъмо чимхър** (с-к. Ховалинг) - я (букв. мы) не привередлив в еде, **(а) вы разборчивы** (плохо едите); **тагов/тагов** - низина, **сарнад** - высокогорье: **Фарм тагов-ай**, **Халкарф сарнад-ай** (кр. Халкарф) - **Фарм** - в низине, **Халкарф** - на высокогорье; **ньшра** - теневая сторона ущелья, **питгов** - солонечная сторона (в-кр., кр.), повсеместно с такими же значениями употребляются омонимы **сойару** - **афтовру**.

Антонимические отношения могут складываться между целыми синонимическими рядами, противоположными по значению, ср. **ката** - **калун** - **лъмб** с общим значением «большой», но **майда** - **хурд** - **варав** с общим значением «маленький» или **хъшрхувру** в значении «красивый» противопоставляются синонимам **бадру** - **хънъкру** в значении «безобразный» «непривлекательный».

В диалектной речи в качестве антонимов часто оказываются общетаджикское слово и диалектизм, нередко характеризующийся ограниченными территориальным распространением в ре-

гионе бытования южных говоров. Так, антоним -слова хуб-нагз -хороший диалектной слово олак -плохой, дурной наиболее распространен в кулябских, рогских, вахинско -каратегинских говорах, антоним- слов майда-хурд -маленький, диалектизм льмб- большой распространен в каратегинских говорах, антоним-слова хуб -хороший, йахво- плохой известен в бадахшанских говорах.

В целом, богатство и относительное своеобразие рассмотренных лексико семантических разрядов синонимов, омонимов, антонимов, свидетельствует о развитой лексической системе южных таджикских говоров.

Южноговорная лексика по происхождению Исконно иранская основа южноговорной лексики

Основу лексики южных говоров, как и таджикского языка в целом, составляют слова исконно иранского происхождения. Особенностью южных таджикских говоров является то, что в них современный литературный язык не вошедших. Количество таких слов невелико, тем не менее они составляют характерную особенность лексики южной группы говоров.

Иная часть исторической лексики южных говоров-это слова, сходные с засвидетельствованными в памятниках таджикской классической литературы (в поэзии и прозе) и мало или совсем неупотребительные в современном литературном языке. Известно, что язык периода классической литературы был распространен на обширной территории Мавераннахра, Хорасана, Балха. Однако, поскольку язык литературных произведений раннеклассического и познеклассического периодов с достаточной полнотой не исследован, установить, элементы лексики какого именно региона участвовали в формировании лексического состава южных говоров, затруднительно. Наблюдения свидетельствуют, что в составе лексики современных южных таджикских говоров имеют место слова, свойственные различным регионам распространения языка классической литературы. Трудно также определить отношение южных говоров к языку классического периода, поскольку нет достаточно четкого представления о диалектной основе этого языка.

Примерами слов рассматриваемой группы, распространенных в южных говорах, являются: кола-веши, имущество; тангт - медный таз; дел-вох/ девлох -летовка; бора -возвышенность; ту-

та-свирель, пастушья дудка; хинг-серый: анбу-кожаный мешок; пугк-молот; кувалда; катхудо- хозяин; пича-завиток, косичка; полидан-цедить; ханг-сила, мочь; пийандар-отчим, мойиндар-мачеха; зьре(х)-металлические пластинки ювелирных изделий; каманд-веревка; карсон/карсун-большое деревянное блюдо; килк-перо, калам; кьрочидан-квохтать и др.

Сравнение слов южных говоров с языком классических произведений выявляет следующие разновидности такой лексики:

1. Слова совпадающие по форме, значению и употреблению с лексикой классического периода. Например, кола-имущество, утварь (Фарханг...1969, 558), ханг-сила, мочь (Фарханг...1962, 730(ханг 1-4-ое значение)): У намечько кааст, ки кола-ш фалокат шидаст (в-кр.Хичборак)-уж неизвестно, что он сделал, что все его имуществопогибло; акаи муғалим, ханг надорьм, агане мехостам, мерафтам (г-к.Файзабад)-учитель, у меня нет сил, а то бы встал и пошел. В кулябских и каратегинских говорах кола обозначает также часть приданого невесты-платья, отрезы, одеяла и т.п. а также скот как имущество и часть выкупа за невесту: амакой дьхтар мо-да кола андохт, йата асп, дьта гow (г-к. Гулзор) -дяди и девушки назначили нам выкуп- одного коня, двух коров.

Слово ханг в этих говорах, по-видимому, вытесняется его синонимом фара; наблюдается их параллельное употребление: ханг надорьм/фара надорьм-у меня сил нет (мочи нет). Ханг в составе глагола ханг задан-реветь, кричать (об осле), как и в литературном и общеразговорном языке, сближается, по видимому, с классическим ханг,оханг- звук, звучание (Фарханг... 1969, 730 (ханг 2)).

Слово туридан в южных говорах (к., кр. (Рахматуллоев 1970, 180) как и в языке классической литературы, означает «пугаться»: гово турида, чигина-ра гардондан (г-к. Яван)-быки, испугавшись, опрокинули сани-волокуши; одам ай чьшм-ыш метура (с-к. Яхсу)-человек пугается его взгляда. А.З.Розенфельд отмечает производную каузативную форму от глагола туридан- турондан (кр.). (Розенфельд 1960, 84) в значении «прогнать» т.е. «спугнуть».

Слдово бора-глинобитное возвышение во дворе, саду; суфа; край суфы (Неменова 1956, 112, 126) в южных говорах восходит, по-видимому, к одному из омонимов, характерных для языка классической литературы (бора 1- крепостная, городская стена, земляной вал (Фарханг...1969, 203), частично, а в фольклоре и полностью совпадая по значению: дьхтари лаби бора, дар кокьлот ситора (с-к. Яхсу) (Рахматуллоев 1970, 179)- девушка у

края крепостной стены, в косах твоих звезда. В современных южных говорах слова это обозначает также небольшой холм (Суфиев 1958, 239) и обрыв, отвесный склон холма: сари бора-край, обрыва (Розенфельд 1960, 75). В кулябских и каратегинских говорах бора обозначает также холм, естественную возвышенность: кашкалдок да хаму бора чакочак дора, сър-ыш кайем (в-кр. Хичборак) - на том холме лысуха копошится, мы её спугнули; известно также его значение «приподнятый, выступающий край чего-л». (бораи нун-приподнятые края лепешки).

Материал исторической лексики южных говоров показывает, что отдельные слова подверглись некоторым изменениям семантического и морфологического характера по сравнению со своим классическим эквивалентом. Происходит, например, расширение значения (кола. бора), сужение значения (ханг); унобребление с суффиксами и другими форматами (ташт-медный таз, ныне неупотребительное в литературном языке, в южных говорах известно с суффиксом -ак в значении «металлический или глиняный тазик для мытья, стирки»: се-чорта кърта-ра дъруни таштак дохтем (в-кр. саридашт) несколько платьев кинули в таз для стирки).

2. Слова, унаследованные от классического периода, но претерпевшие значительные фонетические изменения в соответствии с закономерностями южных таджикских говоров. При этом прежняя их семантика может видоизменяться или сохраняться. Так, в слове анбу -кожаный дорожный мешок, котомка (/классич. анбон) «о» перед носовым перешло в «у», исходное «н» отпало: саг донад-ъ кавшдуз, ки дар анбу чи буд (в-кр. Хичборак; погов.) - собака знает да сапожник. что было в кожаном мешке. Слово это, воспринимаемое как устаревшее, используется ограниченно: пеш вах анбу мегъфтан, акъ занбила (кр. Джафр) - раньше котомку называли «анбу», а теперь - «занбила».

Различные фонетические варианты в южных говорах известны для слова тандър/тъндър /классич. тандар/ тундур)-гром: йак тъндъре дид, ки хамара ай хоб-ыш бедор кард (кр. Халкарф) - вдруг раздался такой гром что разбудил всех. См. также тандър-у чарогак/чахмокак (к) и тъндъру чарогак (в-кр.) соответствующие сочетанию раед-у барк (из лит.)-гроза.

Слов языка классического периода падарандар-отчим, модарандар-мачеха, карсон-деревянное блюдо, карочидан - кудахтать изменили свой облик в соответствии с особенностями

южной диалектной фонетической системы: пийандар, мойиндар, карсун, кърочидан. В южных говорах в слове зъре -тонкие металлические пластинки женских ювелирных украшений (классич. зирех-кольчуга, кольца кольчуги) произошел переход «и» в редуцирующуюся фонему «ъ», отпал исходный нижнефарингальный «х».

Те или иные фонетические и семантические изменения по сравнению с языком классического периода произошли и в других словах южных тджикских говоров. Например, слово катхудо/катхъдо/ (к., кр.), кадхудо/катхудо (бд.) /классич. катхудо)- «хозяин дома, глава семьи» в южных говорах совпадает именно с этим старым значением из пяти других (Фарханг... 1969, 526). В настоящее время известны иные дополнительные значения этого слова: «семейный, женатый» (бд.); а также ка(д)худо (Таджики... 1966, 299)- «охотник, щедро угомающий односельчан едой из мяса добычи» иногда о женщине «гостеприимная хозяйка» или о мужчине -«щедрый, добрый, гостеприимный»: мо одами сахи-ра катхудо мегем (з-к. Пушэни Боло) -человек щедрого мы называем «катхудо». Отсюда катхъдойи (в-кр. Ярхаб)-гостеприимство, катхудозода (бд. Андароб) и его стяженная форма кахза (ю-к. Ёл)- гостеприимный, щедрый, хлебосольный, а также кадхудо шудан- жениться, кадхудо кардан -женить.

В большинстве южных говоров отмечено слово кадбону/кайбону/ кайвону (Розенфельд 1960, 78; Чалолов 1967, 60) -гостеприимная хозяйка; распорядительница; искусная повариха классич. кадбону «госпожа, хозяйка дома»; «домоправительница»; «искусная повариха» (Фарханг... 1969, 525), встречающиеся во многих других таджикских диалектах.

Слова тутък классич. тутак (Фарханг... 1969, 380)- пастушья дудка из камыша: ку йа тутък-а бъги, бькаш (с-к.) -возьми-ка дудочку, поиграй. К нему примыкает тута, обозначающее ряд предметов в форме трубки железная труба для печки (хама-ш шида дъсат-та тута бъд (г-к. Файзабад) (Мурувватов 1967, 124)-всево этих труб было двести штук; трубочки из полых стеблей курума (борщевика) для раздувания пламени в очаге; ружейное дуло и др.

Некоторые слова современных южных таджикских говоров, по-видимому, еще в XI веке могли быть в числе «диалектизмов», как полагает исследователь словаря Асади Туси «Лугати Фурс» В.А. Капранов (Капранов 1964, 148-150), поскольку не использованы в произведениях литераторов того времени. К ним относятся: капук/капък (с-к.)- назв. птицы с голубым оперением; вид

куропатки; **ғалибоч/алибоч** (бд.)- назв. птицы; **ястреб**; **пука/пъка** (повсеместно) **мякина**, **солома льна-кудряша**; **фоча** (повсеместно) **-зевота**; **сьмч** (с-к.) **-пещера**; **золотые копи**; **хуч/кардан** (повсеместно) **-схватывать, поднимать**; **пъшк/пушк** (повсеместно) **-овечий помёт**.

Слова, общие с памирскими языками

Известно родство таджикского и памирских языков, относящихся соответственно к западноиранской и восточноиранской группам иранских языков. Поэтому в памирских и таджикском языках немало, восходящих к одним и тем же историческим корням, и потому представляющих важнейший источник для историко-сравнительных исследований.

Общность определенной части лексики этих языков особенно наглядна в южных говорах, обнаруживающих наибольшие, по сравнению с остальными таджикскими говорами, генетические связи с памирскими языками. Наличие общих лексических элементов способствует также территориальная близость расселения таджиков регионов Таджикистана и памирских народностей. Во многих случаях бывает трудно разграничить исконную лексику говоров и заимствованную, тем более что на территории распространения южных (и юговосточных) говоров таджикского языка бытовали памирские языки и здесь возможны следы субстрата (Соколова 1954, 33; Махадов 1975, 151). Южная и юго-восточная (Дарваз, Вандж) группы таджикских говоров служат не только местом смычки памирских и таджикского языков, но и оказывают заметное влияние на памирские языки, способствуя проникновению в них общетаджикских слов и оборотов в разные исторические периоды возможно и проникновение в таджикскую говорную лексику и отдельных памирских элементов.

Общность лексики южных говоров и памирских языков нельзя представлять как абсолютное тождество лексических единиц. Следует учитывать сходство и расхождение слов по форме смысловому содержанию.

Если отвлечься от некоторых особенностей памирских языков, например, наличия среднеязычных &S, противопоставления гласных по долготе и краткости и др., то относительно сходные с памирскими языками звуковой облик и семантику обнаруживают, например, такие слова южных таджикских говоров: **гажд- грязный**; **теф-плечо, предплечье**; **крыто**; **мак-шея**; **ба-**

поцелуй; фи-деревянный лопата; ли-стог; гиз-гримаса; марза-межа; сафора -малофлородная земля, засеваемая через год и др. Немалое количество одинаковых или близких по значению слов отличаются друг от друга лишь характерными для памирских и таджикского языков фонетическими особенностями, составляющими закономерные соответствия звуков данных языков, например, памирск. х- тадж. «ш»; ср. в южных говорах- овшин, но в шугнано-рушанской группе памирских языков- обхин «водосток»; овашк (в-кр.)- в памирских овахк. (Хуф, Рушан)-строит, «подбалка» и т.п.

В некоторых случаях существенным оказывается учет фонетических особенностей именно южных таджикских говоров, например, в словах бат/батак (шугн.) и батък (ю-к., рог)- мучная похлебка, мучной кисель-имеет место соответствие шугнано - рушанского краткого «а» фонеме «ъ» южных таджикских говоров.

В южных говорах имеются также слова, относительно сходные с памирскими по звучанию, но отличающиеся от них, иногда значительно по значению. Так, сафора (бд.)- означает: «стерня»; «неурожайная земля» «остатки еды» (Розенфельд 1971, 131). По свидетельству М.С. Андреева, в долине Хуф это слово означает «многолетняя залежь» (Андреев 1958, 23)⁴².

Интересны также следующие соответствия: йарч/арч/йорч (кр.)- «осыпь, обвал» и йорч в ваханском языке-пол в помещении; традиционное углубление в полу у входа (Пахалина 1975, 302; Андреев 1958, 452); къръм/къръмб (к.кр.) «комок сухой глины» и кирумб в рушанском и шугнано-рушанском языках «груда, насыпа из камней» (Андреев 1953, 18)⁴³.

Лексические элементы памирских языков, общие с южными таджикскими говорами, в пределах бытования последних распространены неравномерно. Наибольшее их количество отмечено в соседствующих с территорией распространения памирских языков бадахшанских таджикских говорах (Розенфельд 1971, 31), носители которых издавна имеют экономические, культурные, бытовые и прочие контакты с памирскими народностями. В остальных таджикских диалектах южной группы ко-

⁴² По свидетельству рушанцев, шугнанцев, бартангцев и представителей других памирских народностей, это слово в их языках также означает землю, периодически оставляемую на некоторое время невспаханной.

⁴³ Учтены также свидетельства носителей рушанского и шугнано-рушанского языков сотрудников отдела памироведения, находившегося ранее в составе ИЯЛ Академии наук Таджикистана.

личество слов, общих с памирскими языками, наблюдается в меньшей степени (по убывающей в направлении с востока на запад).

Общность лексики южных говоров и памирских языков проявляется двояко. Имеются слова, распространенные в большей части южных говоров и в одном или нескольких памирских языках: **гажд**- грязный (то же шугн-руш.); **мак-шея** (то же шугн-руш.); **теф**- крыло; **плечо** (шугн.-рушн. **таф**); **чъхт**- прямой, вертикальный (ишкашимск. «потолок»); **гурьк** неспелый (ишкашимск. **гурьк**) и т.п. Имеются и такие слова, которые широко употребительны лишь в тех южных говорах, что характеризуются наибольшими контактами с памирскими, - в бадахшанских, рогских и южно-кулябских непосредственно соприкасающихся с рогскими: **фи** - деревянная лопата (шугн-руш., ишкашимск. - **фай**); **ли** -(рог., ю-к.) - копна (то же ишкашимск.); **ба** (бд.)- поцелуй (то же шугн.-руш., ишкашимск.).

Словарный состав современных южных говоров таджикского языка, формировавшийся на протяжении веков и сохраняющий лексику различных исторических эпох, с точки зрения происхождения и исторического развития подразделяется, стало быть, на слова иранского происхождения (основная масса таджикских слов представлена в предыдущих разделах («Лексика»), в том числе и круг слов, общих с памирскими языками, и слова, так сказать, «неиранского» «происхождения, т.е. заимствованные из иных языковых групп и семей.

Заимствованные слова

Заимствованные слова, как правило, составляют определенную часть лексического фонда в говорах, как и в литературном языке. Количество заимствований из тех или иных языков бывает не одинаково во всех говорах. В частности, в южных таджикских говорах, сравнительно с северными, встречается меньше тюркизмов. Значительно представлены в лексике южных говоров слова арабского происхождения, ошутим приток русско-интернациональных слов.

В отдельных южных говорах засвидетельствованы слова, заимствованные из афганского (пушту) и индийских языков, а также через их посредство - из английского, например, **чапалок**- пощечина; **чиламчи** сосуд, над которым моют руки; **манги** - глиняный кувшин для масла; **хълбут**- разбитый, раздавленный; **васкат**- безрукавка (женская, детская) из англ. *westcoat* «ожилет».

Фонетическое освоение заимствованных слов происходит, как правило, в соответствии с особенностями фонетической системы южных говоров. В большей степени изменениям подвергаются русские и интернациональные слова; заимствования из тюркских языков, особенно из узбекского, подвергаются фонетическим изменениям в меньшей степени, что объясняется сходством звуковых систем таджикского и узбекского языков. Но в южных говорах узбекская фонема «у», соответствующая таджикской «у» (исторически краткому «ӯ»), передается фонемой «ъ», характерной для южнотаджикского вокализма: қъшқор (узб. қўшқор) - баран, производитель; тьқъз (узб. туқуз) - выкуп за невесту, состоящий из материи, платков, одежды и пр. В южных говорах в некоторых лексемах из арабского языка наблюдаются метатезы гласных и согласных звуков: һавлю из араб. халво-халва; авһол из араб. ахвол положение и др. В заимствованиях из русского и узбекского языков явления метатезы не отмечены. Ударение в заимствованных словах южных говоров, как и в литературном таджикском языке, падает как правило, на последний слог (бошпърт из рус. паспорт, испирафка из рус. справка). Однако некоторые заимствованные наречия и частицы сохраняют место ударения, свойственное им в языке оригинале, например: опшим из рус. в общем (ударение падает на первый слог), ниучили из рус. неужели (ударение падает на третий слог), тулка из рус. только (ударение падает на первый слог). Это явление, по-видимому поддерживается существующей в таджикском языке и его говорах закономерностью, когда ударение в наречиях и частицах может быть на первом или на втором слоге.

Грамматические форманты и показатели при заимствовании, как правило, опускаются или утрачивают свою грамматическую сущность. Например, арабизмы с показателем множественного числа «-от» воспринимаются как слова в форме единственного числа и при обозначении множественности оформляются таджикским показателем множественного числа: хърочот-о (с-к. Кулдара) расходы. Или слово банот (форма арабского мн. числа «девушки»), воспринимаемое в южных говорах как прилагательное со значением «новый», «красивый»: ба по-т кавши банот-е, ачаб раҳ рафтанот-е! (фольклор) - на тебе красивые кауши, удивительна твоя походка!

Как и в литературном языке, в южных говорах заимствования наравне с исконными словами участвуют в словообразова-

тельных процессах. Так, от *шайтон* (араб.)-сатана образовано *шайтунгари*- хитрость, лукавство; с использованием компонента *камсамол* (из рус.) образовано сложное слово *камсамолтуй*- современная свадьба. *комсомольская свадьба* (в отличие от традиционной «туй аруси»).

Арабские заимствования

Процесс усвоения слов арабского происхождения таджикским языком и его диалектами имеет длительную историю. «Наиболее древний слой заимствованной лексики составляют слова арабского происхождения. Они имеются во всех таджикских говорах, многие из них вошли в общетаджикский лексический фонд», -отмечает В.С. Расторгуева (Расторгуева 1964, 151), Примечательно, что помимо значительного количества арабских слов, вошедших в общенародный таджикский язык, в южных говорах имеются отдельные арабские заимствования, широко употребительные в говорах и неупотребительные или ограниченно используемые в литературном таджикском языке. Например: *нькроз/микроз*- ножницы (преимущественно стригальные), *нин-время*, *пора*, *тавила/тевала*- лошадь на приколе в говорах (Андароб, Ямг) сочетание этого слова с глаголом *кардан* означает «оставлять на чьё-л. попечение».

Изучение арабских заимствований по материалам говоров представляет значительный интерес, поскольку говоры в этом отношении имеют определенные расхождения с литературным таджикским языком. Однако до сих пор диалектологи-таджиковеды мало касались этого вопроса. В отдельных исследованиях имеются лишь некоторые сведения относительно семантической характеристики арабских слов (Джураев Г. 1969; Максудов 1972).

Арабские заимствования в южных говорах, довольно значительные в количественном отношении, по составу и семантике не имеют особых от своих аналогов в литературном таджикском языке, расхождения наблюдаются лишь в их звуков облике.

В южных говорах имеются слова арабского происхождения, которые подверглись фонетическим изменениям в соответствии с особенностями южнотаджикского вокализма и консонантизма, например, спирантизуется исходный «б» (*талав/талаб*-требование, *мактав/w/ мактаб*-школа). исторически краткие «у, й» переходят в «ъ» (*късм/късм*-часть, *ньхс/нукс*-недостаток, изъ-

ян), глухой «ф» перед звонким согласным озвончается (лавз/лафз-слово; говор); в результате возможного параллельного произношения «к»/ «г» арабизмы могут иметь произносительные варианты (фикр/фигр-мысль, хукумат/льгумат-правительство).

В словах арабского происхождения бадахшанских, рогских и частично южно-кулябских говоров фарингальных х, һ, ҕ не имеется (авли-двор, мѣалим/маалим-учитель), тогда как в каратегинских и кулябских говорах в арабизмах наличествуют эти звуки (һавли, мѣҕлим).

Вместе с тем, в южных говорах отмечены слова неарабского происхождения, произносимые с этим фонемами (ҕасп из лит. асп-лошадь; раҕ йон/раһайон из рус. район).

По своей семантики слова арабского происхождения в южных говорах бывают сходны с исконно арабскими словами (мактав) или настолько далеки, что обретают совершенно иной смысл латифа (кр. Лугур)-сосуд, воронка-но арабское слово означает «нежный»; «остроумная шутка»; «подарок» (Баранов 1962, 796); манзил (повсеместно)-могила, но в арабском «место остановки караванов»; «жилище»; гараз/гара-возможно неужели, но в арабском «намерение. умысел». Видоизменение семантики арабизмов происходит в южных говорах и в настоящее время, о чем, в частности, свидетельствует факт относительно недавней регистрации в сел. Кул (в-кр.) значения «чайханщик» у слова муазин (традиционно означающего «духовное лицо, служитель при мечети, призывающий к молитве»); муазин, ба мехмун-а чой бѣйор, ки шалпар шидас- муазин (обращение к чайханщику), принеси гостю чай, а то он очень устал.

По степени употребительности арабизмы южных говоров подразделяются на повсеместно распространенные (һин/һен-время. пора; маһшар и ҕарасот-множество; лоһас - нездоровый и др.) и распространенные в некоторых селениях или используемые в речи отдельных носителей говоров (чабал-горы; мафлук-истощенный; фарас -лошадь: фарас йа хел асп-ай, ки не мепара, не оста мерава (с-к. Дахана) -«фарас»-такая порода лошадь, что и быстро не скачут, и медленно не идут).

В южных говорах в качестве именного компонента сложных глаголов часто выступает арабизм: лат кардан-бить, колотить; фър гаштан-вращаться крутиться; карор истодан-останавливаться; манҕ кардан запрещать; приостанавливать.

удерживать; **чахт кардан** -приглашать; **чар шидан**-скатываться, сваливаться; **сур кардан-гнать** и др. По степени распространения такие глаголы в южных говорах могут быть употребительными повсеместно, в частности с компонентами **лат**, **маџ**, **чар**, **сур** или ограниченно, например, **ами кардан** (в-кр. Кушагба)-приручать, **касрат шудан** (кр. Обигарм) -увеличиваться.

Наиболее распространены в южных таджикских говорах в именной функции арабизмы, восходящие к арабским глаголам 1 породы (см., например, именную часть приведенных выше сложных глаголов), реже -2, 3 породы (**танџин кардан** (с-к. Муминабад)-назначать; **таџиб шъдан** (с-к. Ховалинг)- удивляться). В качестве именных компонентов сложных глаголов употребляются также слова, восходящие к формам арабских причастий глаголов 1, 2, 3 породы, например, **маџиб шъдан** (в-кр. Лангар) -повреждаться, **мълочир кардан** (в-кр. Сасикбулак) -переселять.

Займствования из тюркских языков

В южных таджикских говорах слова тюркского происхождения, заимствованные в основном из узбекского и киргизского языков, в количественном отношении уступают арабским заимствованиям. Но история их проникновения в эти (и другие) говоры, как и в литературный язык, тоже насчитывает немало столетий и связана с многовековой историей таджикского и тюркских народов (Гафуров 1972, 3 и сл.). Степень распространенности тюркизмов в южных говорах не одинакова. Наиболее распространены они в каратегинском диалекте, особенно в Верхнем и Среднем Каратегине (в частности, богата ими речь каратегинских таджиков района Джиргаталь со смешанным таджикско-киргизским населением), и менее распространены в кудябском и ограниченно в рогском и бадахшанском, что объясняется различными причинами исторического, экономического, географического характера. В частности, напомним, что отходничество у горных таджиков в Фергану, Ташкент, Самарканд было весьма развито еще до присоединения Средней Азии к России. В результате в отдельных регионах ферганской долины выходцами из Горного Таджикистана «каратегиний» издавна было основано немало поселений, отдельных кварталов (Таджики... 1966, 52, 317 -примеч, 31-34). До настоящего времени по языку они отличаются от исконных ферганских таджиков, сохраняя особенности южных говоров (Чураев 1965, 73; Мурва-

тов 1974, 7-9). Кроме того, на территории распространения южных таджикских говоров с давних времен совместно с таджиками проживают узбеки, киргизы и различные национальности.

Переосмыслению в разной степени подверглись, например, слова: сал (по-видимому, от узб. сол «плот»; «деревянный помост» (Узбекско-русский словарь 1959, 376; Будагов 1869, 689; Радлов 1911, 343) в южных говорах употребляется повсеместно, кроме селений среднего течения р. Вахш, и обозначает широко использовавшийся в прошлом для переправы через горные реки Таджикистана плот из нескольких надутых бурдюков с настилом из жердей поверх них (Таджики...1966, 31-33); **овсақол/оқсақол** (из узб. «белобородный старик»; «старейшина, староста») (кр.,к.)- свет, посредник и др.

Тюркизм в южных говорах особенно характерны для скотоводческой лексики. К ним относятся слова **той** -жеребенок; **дунан/дънан**- двух/трехгодовалая лошадь; **гъночин**-телка двух-трех лет; **гъночинбайтал** (з-к. Дангара) -кобыла трех-четырёх лет; **айгър** (ю-к. Догистон) жеребец (племенной); **къръг** (кр. Ниёзбегиён) (из узб. **кўрук**)-лассо, аркан; **кътан** (из узб. **кутан**)- загон для овец; **къшок** (кр. Ниёзбегиён) (из узб. **кушок**)- овцы или козы, связанные особым способом одной веревкой и пр.

В вахиинско-каратегинских говорах имеют место непосредственные заимствования из киргизского языка в связи с освоением предметов быта, например, **отчал** (в-кр. Кошок) -попона из лоскутов для лошади при переезде новобрачной в дом мужа (ср. общетаджикское **ёлпуш**); **тик** (в-кр. Кошок) -подушка в наволочке из лоскутов, **чук** из киргиз. **жук** (в-кр. Карчин) -одеяла и курпачи, сложенный стопкой; **чигат** и **челек** (в-кр. Кошок)-гнутое деревянное ведро для доения коз; **къръчов** (в-кр.)- узор на станах юрты; **кумочқазон** (в-кр.)- лепешка, испеченная в котле на раскаленных углях; **тейноч** (в-кр. Джиргаталь)- металлическая брошь, нагрудное женское украшение.

Займствования из русского языка

Займствования из русского языка и через его посредство. Проникновение русских и русско-интернациональ них слов в таджикских язык и его народные говоры, в том числе южные, стало происходит в значительно более поздний период, чем займствование из арабского и тюрских языков. Тем не менее част

слов, заимствованных из русского языка и через русский, входит в общетаджикский лексический фонд (Расторгуева 1964, 150).

Проникновенные русских и русского - интернациональных слов в таджикский язык началось ещё до Октябрьской революции, но наиболее активным этот процесс становится в послереволюционные годы. Благоприятные социальные перимены в Таджикистане, все возрастающее развитие науки и техники ускорили процесс заимствование слов из русского языка в таджикский.

Степень употребительности заимствований из русского языка в южных говорах не одинакова. В речи старшего поколения они встечаются реже, чем в речи молодежи; люди рабочих профессий, связанные с техникой, чаще используют в своей речи слова и термины, заимствованные из русского языка, чем колхозники; жители городов и рабочих поселков чаще употребляют русские заимствования, чем сельские жители, особенно отдаленных районов.

Различия по говорам в отношении русских заимствований выявляются в фонетической облике их, например: **раһайон** (с-к. Муминабад), **рағайун** (в - кр), **райун** (кр. Тегерми). В речи старшего поколения измененный облик слов наблюдается чаще.

Лексические заимствования из русского языка в южных говорах составляют различные семантические группы: политические слова и термины (партия, камунизм, социализм, камунист, балшивик, камсамол, пионер); технические термины и названия транспортных средств: **мошин**<машина, **лижковой/лухкабой**<лёгковой, **комбай**<комбайн, **тэрактэр**<трактор, **савет/сивет**< свет (электрический), **кьлопан**<клапан, **самалут**<самолёт, **маласапед**<велосипед; наименования утвари, одежды: **патинка/питинка**< ботинки, **палтун/ палтун**< пальто, **кьфайка**< фуфайка, **адийол**< одеяло, **кастун**< костюм, **крепчарчй**< креп - жоржет, **лапатка**<лопата, **чутка**< щетка, **устал**< стол, **стул**, **ешик/ йасчик**< ящик, **каравут/ каравот**< кровать, **тарилка**<тарелка, **панор**< фонарь; слова, относящиеся к науке, культуре, просвещению (**газет/ газит**<газета, **кулуб**<клуб, **селхоз**<сельхоз(сокращенно от сельскохозяйственный институт), **инистгут**<институт, **перун** (рог)<перо (стальное), **пьирирьф**<перерыв, **чернил**< чернила, **чут**< счеты, **тиатир**< театр, **кансерт**< концерт; сельскохозяйственная лексика: **калхос**< колхоз, **сафхос**<совхоз, **фурма/фърма**<ферма, **пьлуг**<плуг, **култиватир**<культуротир, **агарот**<огород, **бьргат**<бригада, **звьина**< зве-

но; медицинская лексика: **балинса**<больница, **апыра-сийа**<операция (хирургическая), **рангин**< рентген; названия пищевых продуктов: **хилев/ хълеп/ хълеф**<хлеб, **катышка/ тушка/ тышка**<картошка, **капыст(т)**< капуста, **памадур**< помидор, **макарон**<макароны; наименования документов, официальных бумаг: **белат**< билет, **кънишка**< пенсионная книшка; **сбергкнишка**, **испирэфка**<справка, **бошьпрт/бошпуот**< паспорт, **путофка**<путёвка; административные названия: **облас**<область, **район/райун/ райайун/раэайун**<район, **сентир / сентър** (в - кр. Сасикбулок) < центр; меры веса, площади, длины: **кило**<килограмм, **гиром**< грамм, **сентир**< центнер, **гиктар**<гектар, **метър**<метр; наименования торговых учреждений: **ларок**<ларёк, **райну**<райпо, **хозмат**<хозмаг, **исталоф**< столовая, **искалот**<склад; военная лексика: **камандир**<командир, **полка** <полк, **фрон/ фирун /фиронт**<фронт, **хармийа(бд)**<армия, **абарон / оборон**<оборона и пр.

В ряде случаев в результате фонетических изменений на базе русских заимствований, как показывает материал южных говоров, в диалектной речи возникают омонимы, например, **сентир I** - центнер: а йа гихтар зьмин сад сентир катышка гьрифтем (кр. Халкарф) - с одного гектара земли мы получили сто центнеров картофеля; **сентир II** - центр: ай сентир-ьнда ича салкинай (в - кр. Сасикбулок) - здесь прохладнее, чем в (рай) - центре. Известны также случаи развития многозначности на основе метонимии, например, **бьргат** - 1) бригада; 2) бригадир; **атрат** - 1) красноармейский отряд; 2) красноармеец, боец: йаке акам атрат шид (з - к, Балджуан) - старший мой брат стал красноармейцем.

Иногда слова, заимствованные из русского языка, в изафетных сочетаниях совместно с таджикским словом участвуют в обозначении новых понятий, например, **калами чернил** - химический карандаш: йак калами чернил доръм, оча - м лата - ш - а ранг кардай (с-к. Муллокони) - у меня есть химический карандаш, мама выкрасила им свой платок. Встречаются также фразеологические обороты с компонентом - русизмом, например, **дъ чут наомадан** - не подошло; не пришлось по нраву; не соответствовало: **Абдурахим у навли-ра гирум бьд, неки дъ чут - ьш наомад** (кр. Тегерми) - Абдурахим хотел было купить тот дом, но он ему не подошел.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ

барт. - бартагский

бд. - бадахшанские говоры

в-кр. - вахтинско- кулябские говоры

г-к-гиссарско-кулябские говоры

гор. - горонский

з-к. - западно-кулябские говоры

к. - кулябские говоры

кр. - каратегинские говоры

лб. - левобережный

пб. - правобережный

рог. - рогские говоры

руш. - рушанский

с-к. - северно-кулябские говоры

хуф. - хуфский

шуги. - шугнанский

шугн. - руш. - шугнано-рушанская группа памирских языков

ю-к. - южно-кулябские говоры

ЛИТЕРАТУРА

AL-MOQADDASI 1906-BIBLIOTHECA YEOGHORUM ARABICORUM. PARS. DESCRIPTION IMPERII MOSLEMICI, AUCTORE...AL-MOQADDASI. EDIDIT M.J. YAEJE. LEIDEN, 1904

А м о н о в Р. Эчодиёти даҳанакии аҳолии Кулоб. Душанбе, 1963

Андреев М.С. Краткий отчет об экспедиции в Таджикистан в 1925г.-В кн.: По Таджикистану. Вып. I, Ташкент, 1927

Андреев М.С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Материалы). Сталинабад-Ташкент, 1930

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. I, Сталинабад, 1953

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. 2, Примечания и приложения сост. Писарчик А.К. Сталин-абад, 1958

Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк)-"Военный сборник", 1883, №II, .140-159; №12, с.303-319

Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, с. 437-479

Атаханова А.М. Сравнительное и тематическое изучение лексики фархангов (На материале "Фархангнома" Хусейна Вафои). АКД., Душанбе, 1974

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1957

Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Изд. третье. М., 1962.

Бердиев Б. Рамитские говоры таджикского языка. АКД. Душанбе, 1979

Б о г о р а д Ю.И. Рогские говоры таджикского языка. Диссертация на соискание учен. степ. канд. филолог. наук. Л., 1953 (Рукопись)

Б о г о р а д Ю.И. Рогские говоры таджикского языка. АКД. Л., 1953

Б о г о р а д Ю.И. Рогские говоры таджикского языка. - Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т. У1, М., 1956, С.133-195.

Богорад Ю.И. Горонский говор таджикского языка - В кн.: «Иранский сборник». М., 1963, С.44-59

Б о г о р а д Ю.И. Южно-кулябские говоры /Грамматический очерк/. - "Изв. АН Тадж.ССР. Отд. Общественных наук". 1965, 4/42/, С. 65-75.

Б о г о р а д Ю.И. Южно-кулябские диалектизмы. - В кн.: Масъалаҳои шевашиносии тоҷик. ҷ.1. Душанбе: «Дониш», 1970, с.245-257

Болдырев А.Н. Перфект 2 в новоперсидском литературном языке. "Изв. АН СССР ОЛЯ", 1946, т.5, вып.6, С.490-496

Болдырев А.Н. Бадахшанский фольклор. - "Советское востоковедение". т.У, М.-Л., 1948

Будагов А.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т.1

Buzurgzoda L. Fonetikaji zaboni adabiji tojik. Stalinobod, 1940

Бузургзода Л., Чалилов Р. Инъикоси шӯриши Восеъ дар фольклор. Сталинобод, 1941

Виноградов В. В. Русский язык /грамматическое учение о слове/. Издание второе. М., 1972

Гафуров Б.Г. Таджики. М.: «Наука», 1972

Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь, т.2, М., 1976

Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древне-иранских языках. Л.: «Наука», 1972

Давидов А.С. Жилище. - В кн.: Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973

Дари-русский словарь, под редакцией Л. Н. Киселёвой. М., 1978

Джалолов О. Отношение чувствого диалекта к таджикскому литературному языку. Сталинабад, 1949

Джуроев Г. Говоры таджикоязычных арабов. АКД, Тбилиси, 1969

Джуроев Р. Посессивная функция послелого -ро в таджикском языке раннего периода. - В кн.: Масъалаҳои забони тоҷикӣ. Душанбе, 1967, С. 127-130

Дорофеева Л.Н. Язык фарси-кабули. М.: , 1960

Ефимов В.А. Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. М.: «Наука», 1965.

Ефимов В.А. Язык афганских хазара. АКД, М., 1966

Забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе, 1973

Залеман К.Г. и Жуковский В., А. Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии. СПб, 1890

Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960

Исмаилов И. Зарф дар забони ҳозираи тоҷик. Душанбе, 1971

Кабиров Ш. Калимҳои гуфтугуии халқӣ дар "Таърихи Бадахшон". - В кн.: «Мақолаҳои доир ба забон ва адабиёти тоҷик». Душанбе, 1972

Капранов В.А. "Луғати Фурс" Асади Туси и его место в истории таджикской /фарси/ лексикографии. Душанбе: «Дониш», 1964

КЕРИМОВА А.А. Говор таджиков Бухары. М.: ИВЛ, 1959

КЕРИМОВА А.А. ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА КИШЛАКА РАРЗА. - В кн.: ИРАНСКИЙ СБОРНИК. М., 1963, С. 22-43

КЕРИМОВА А.А. ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК. - В кн.: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ. М., 1969

КИСЛЯКОВ Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. - Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии. Этнографическая серия. №2, т.10, М.-Л. 1936

КИСЛЯКОВ Н.А. НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕР

МИНОЛОГИИ У ТАДЖИКОВ. - "СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ", 1969, №3, С.118-126

LAZARD Y. LA LANGUE DES PLUS ANCIENS MONUMENTS DE LA PROSE PERSANE. PARIS, 1963

LAZARD Y. CARACTERES DISTINCTIFS DE LA LANGUE TAJIK, "BULLETIN DE LA SOCIETE DE LINGUISTIQUE DE". PARIS, T. 52, 1956, P. 117-186

ЛАЗАРД Ж. ОБЩИЙ ЯЗЫК ИРАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ И ЕГО ДИАЛЕКТЫ ПО ТЕКСТАМ 10-12 ВВ. Н.Э. - "НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ", №4, 1961

ЛОГОФЕТ Д.Н. БУХАРСКОЕ ХАНСТВО ПОД РУССКИМ ПРОТЕКТОРАТОМ. М., 1911.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА. ДУШАНБЕ: «ДОНИШ», 1973

МАКСУДОВ Т. ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ ИСФАРИНСКИХ ГОВОРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА. АКД, ДУШАНБЕ, 1972

МАХАДОВ М. ПРИПЯНДЖСКИЕ ГОВОРЫ ТАДЖИКОВ ДАРВАЗА. АКД. ДУШАНБЕ, 1972

МАХАДОВ М. О ФОНЕМЕ "Ъ" В ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ. - В кн.: «МАСЪАЛАҲОИ ЗАБОНШИНОСӢ», ДУШАНБЕ: «ДОНИШ», 1975, С. 141-151

МАХМУДОВ М. БАЪЗЕ НАМУНАҲО АЗ ЛЕКСИКАИ ШЕВАИ ТОЧИКОНИ РАЙОНИ ҲИСОР. - "АХБОРОТИ АФ РСС ТОЧИКИСТОН. ШУЪБАИ ФАНҲОИ ЧАМЪИЯТИ". 1964, 2/37/, С. 74-84

МАХМУДОВ М. ФЕХРИСТИ АДАБИЪТИ ШЕВАШИНОСӢ ДАР ЗАРФИДАҲ СОЛ/1959-1969/. - ДАР КИТ.: МАСЪАЛАҲОИ ШЕВАШИНОСИИ ТОЧИК. ҷ.1, ДУШАНБЕ: «ДОНИШ», 1970, С.275-289

МАХМУДОВ М. ҲИССАЧАҲО ДАР ГУРҲИ ШЕВАҲОИ КИТОБ. - ДАР КИТ.: «МАСЪАЛАҲОИ ШЕВАШИНОСИИ ТОЧИК», ДУШАНБЕ: «ДОНИШ», 1970, С. 116-120

МАХМУДОВ М. ГОВОРЫ ТАДЖИКОВ КИТАБСКОГО РАЙОНА. АКД. ДУШАНБЕ, 1971

Махмудов М. Лахчаҳои тоҷикони райони Китоб. Душанбе: «Дониш», 1978

Мурватов Ҷ. Шеваҳои тоҷикони атрофи Андиҷон. Душанбе: «Дониш», 1974

Мурватов Ҷ., Ҳайдаров Ш. Библиографияи лахчашиносии тоҷик /1861-1981/. - Дар кит.: «Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ», ҷ. 5. Душанбе: «Дониш», 1982, С.294-331

Мурувватов Ҷ. Маълумоти мухтасар дар бораи шеваи тоҷикони Файзобод. - Дар кит.: «Масъалаҳои забони тоҷикӣ». Душанбе «Ирфон», 1967, С. 107-126

Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления к нурекским водохранилищем. - В кн.: «Жилище народов Средней Азии и Казахстана». М., 1982

Мухаммадиев М. Синонимҳо дар забони адабии тоҷик (Ҳиссаҳои номи нутқ), Душанбе, 1962

Неменова Р. Л. Некоторые особенности бальджуанских говоров таджикского языка. - "Изв. АН Тадж ССР. Отд. общ. наук". Вып. 5, 1954, С. 137-146

Неменова Р. Л. Изучение юго-восточных таджикских говоров. - Уч. зап. ТГУ, т. 2, Серия гуманитарных наук, Сталинабад, 1954, С. 181-193

Неменова Р. Л. Краткий очерк грамматики таджикского языка. - В кн.: «Краткий таджикско-русский словарь». М., 1955

Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956

Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). АКД., Л., 1960

Неменова Р. Л. Сложение таджикского населения Варзоба. «Советская этнография», 1969, №5, С.356-391

Обидов У. Говор таджиков Джабаль-ус-Сираджа. /Северный Афганистан/. АКД, Душанбе, 1974

Овчинникова И. К. функции послелого -ра в современном литературном персидском языке. - Тр. Ин-та языкознания АН СССР, М., 1956, С.356-391

Овчинникова И. К. Использование послелого -ра в произведениях таджикских и персидских классических авторов (11-15 вв.) - Тр. Института языкознания АН СССР. М., 1956, С.392-408

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.; «Высшая школа», 1974

Оранский И. М. О формах 2-го лица множественного числа на -EN//-IN в персидско-таджикских говорах. - В кн.: «Исто-

рия, культура, языки народов Востока». М.: «Наука», 1970, С. 201-208

ОСНОВЫ ИРАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. СРЕДНЕИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ. М., 1981

ОСНОВЫ ИРАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. НОВОИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ЗАПАДНАЯ ГРУППА, ПРИКАСПИЙСКИЕ ЯЗЫКИ. М.: «Наука», 1982

ПАХАЛИНА Т.Н. ИШКАШИМСКИЙ ЯЗЫК. М., 1959

ПАХАЛ И НА Т.Н. ВАХАНСКИЙ ЯЗЫК. М.: «Наука», 1975

ПЕЙСИКОВ Л.С. ТЕГЕРАНСКИЙ ДИАЛЕКТ. М., 1960

ПЕРСИДСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ. М., 1965

ПЕРСИДСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ. Под ред. Ю.А. Рубинчика. т.1., М.: Советская энциклопедия, 1970

ПЕЩЕРЕВА Е.М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. - В кн.: По Таджикистану. Ташкент, 1927, С. 42-59

ПЕЩЕРЕВА Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959

ПИРЕЙКО Л.А. Тальшско-русский словарь. М., 1976

ПИСАРЧИК А.К. О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ РОДСТВА ТАДЖИКОВ. - В кн.: «Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвящ. 80-летию со дня рождения А.А.Семенова». Тр. АН Тадж.ССР, т.17, Сталинабад, 1953, С.117-185

ПИСАРЧИК А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX - начале XX в.- Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Среднеазиатский этнографический сборник. т.1, М., 1954, С. 216-298

ПИСАРЧИК А.К., КАРМЫШЕВА Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. - "Изв.АН Тадж.ССР. Отд.обществ.наук. Вып.2, 1952, С. 73-97

ПИСАРЧИК А.К. И КАРМЫШЕВА Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. - "Изв.АН Тадж.ССР. Отд. обществ, наук. Выш.3. Сталинабад, 1953

ПИСАРЧИК А.К., ШИРОКОВА З.А. Музей археологии и этнографии им. М.С. Андреева. - "Изв. АН Тадж ССР. Отд. обществ, наук. Вып. 2, 1952

РАВАН ФАРХАДИ. Разговорный фарси в Афганистане. - М., 1974

РАДЛОВ В.В. Опыт словаря тюркских наречий Т.3, ч.1, СПб, 1905

РАДЛОВ В.В. Опыт словаря тюркских наречий Т.4, ч.2, М., 1911

РАСТОРГУЕВА В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып.1. Варзобский говор таджикского языка. Отв.ред проф. В.В.Миллер. М.: Изд. АН СССР, 1952

РАСТОРГУЕВА В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып.2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай. Отв. ред. проф. Б.В. Миллер. М.: Изд. АН СССР, 1952

РАСТОРГУЕВА В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. - В кн.: Таджикско-русский словарь. М., 1954

РАСТОРГУЕВА В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып.3. Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров. Отв. ред. проф. Б.В. Миллер, М.: Изд-во АН СССР, 1956

РАСТОРГУЕВА В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 4. Южноферганские говоры /Риштан, Сох/ и говоры уратюбинской группы. Отв. ред. - Л.И., Жирков. М.: Изд-во. АН СССР, 1961

РАСТОРГУЕВА В.С. Изучение таджикского языка в СССР. - В кн.: Очерки по истории изучения иранских языков, М., 1962, С. 33-66

РАСТОРГУЕВА В.С. КЕРИМОВА А. А. Система таджикского глагола. М., 1964

РАСТОРГУЕВА В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М.: «Наука», 1964

РАСТОРГУЕВА В.С. Среднеперсидский язык. М.: Наука, 1966.

РАСТОРГУЕВА В. С. О роли диалектных данных при изучении процессов развития языка. - В кн.: Совецание по общим вопросам диалектологии и истории языка (Тез. докл.), М., 1969

РАХМАТУЛЛОВ Ч. НАМУНАХО АЗ ЛЕКСИКАИ ШЕВАИ ЁХСУ - ДАР КИТ.: «Масъалаҳои шевагаиносии тоҷик», Душанбе: «Дониш», 1970, С.178-183

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Каратегинские говоры. - В кн.: Иранские языки. Т. I. М.-Л., 1950, С. 145-168

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Материалы к исследованию сложно

составных глаголов в современном таджикском литературном языке. Сталинабад, 1953

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Топонимика Нижнего Каратегина в связи с не которыми вопросами его истории - "Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук". Вып. 10-11, 1956, С. 83-93

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Дарвазские говоры таджикского языка. - Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Вып. 6. 1956, с. 196-272

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Говоры Каратегина. Сталинабад, 1960

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Ванджские говоры таджикского языка, Л.; Издво ЛГУ, 1964.

РОЗЕНФЕЛЬД А.З. Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка. АДД. Л., 1966

Розенфельд А.З. Глагольная форма перфекта 2 в юго-восточных говорах таджикского языка. - "Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература". 1967, №2, вып.1, С.133-135

Розенфельд А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ /учебное пособие/. М.: «Высшая школа», 1972

Русско-персидский словарь. М., 1965.

Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке. АДД, Душанбе, 1972

Рустамов Ш. Калимасозии исм. Душанбе: «Дониш», 1972

С а и д о в Р. Говоры Вахио—Боло. АКД, Душанбе, 1971

Садуллоев Б. Говоры таджиков Шахрисябза. АКД. Душанбе, 1972

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Вып.1, М., 1900

Семенов А.А. Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903

Семенов А.А. Краткий грамматический очерк таджикского языка. Ташкент, 1927

Сиёев Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. Душанбе, 1968

С и ё е в Б. Таърихи ҷонишинҳои забони тоҷикӣ. Душанбе: «Дониш», 1972

Смирнова Л.П. «Язык "Таърихи Систан". Сталинабад, 1959

Снесарева Е. Восточная Бухара, 1906

Соколова В.С. Фонетика таджикского языка. Л., 1949

Соколова В.С. Итоги Кулябской диалектологической экспедиции. Тр. ТФАН СССР. История, археология, этнография литературы, т.19, С.121-125

Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков. П., М.-Л., 1953

Соколова В.С. Исследования по фонетике иранских языков. АДД, Л., 1954

Соколова В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.-Л., 1959

Соколова В.С. Бартагские тексты и словарь. М.-Л., 1960

Соколова В.С., Н е м е н о в А.Р.Л., Б о г о р а д Ю.И. Новые сведения по фонетике иранских языков. I. Юго-восточные говоры таджикского языка. - Тр.Ин-та языкознания АН СССР, Т.1.М., 1952, с.154-172

Сӯфиев А. Лексикаи шеваи Кангурт ва баъзе хусусиятҳои он, Уч. зап. Кулябского госпединститута. Вып. 4. Куляб, 1958, С.225-255

- Т а г и р о в а К.Т. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР. Сталинабад, 1959
- Т а д ж и е в Д.Т. Слово об "вода" в современном таджикском языке из материалов по таджикской лексикологии. - Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т.1, 1952, с.120-153
- Т а д ж и к и Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: «Дониш», 1966
- Т а д ж и к и Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: «Дониш», 1970
- Т а д ж и к и Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Под ред. Н.А. Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: «Дониш», 1976
- Таджикско - русский словарь. М. 1954
- Т о ч и е в Д. Пайвандакҳои тобеъкунанда дар ҷумлаҳои мураккаби тобеъ. - "Изв. АН Тадж ССР. Отд. обществ. наук". №4 (58), 1959
- Узбекско - русский словарь. М., 1959
- Успенская Л.В. Каратаский говор таджикского языка. Сталинабад, 1956
- Успенская Л.В. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, 1962
- Ф а з ы л о в М.Ф. Изобразительные слова в таджикском языке. Сталинабад, 1958
- Ф а й з о в М. К. К вопросу о количественной характеристике гласных в современном таджикском литературном языке. - "Вопросы языкознания", 1983, №5, С.66-68
- Ф а й з о в М. Современное таджикское литературное произношение (экспериментальное фонетическое исследование). АДД. - М., 1990
- Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане. М.: «Наука», 1974
- Ф а р х а н г и забони тоҷикӣ. Ҷ.1, М., 1969
- Ф а р х а н г и забони тоҷикӣ. Ҷ.2, М., 1969
- Филин Ф.П. Проект "Словаря русских народных говоров", М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961
- Х р о м о в А.Л. Об одном таджикском предлоге. - "Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук", 1957, №12, С.73-75
- Хромов А.Л. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962
- Хромов А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшана. АДД. Душанбе, 1970
- Чхеидзе Т.Д. Именное словообразование в персидском языке. Тбилиси. 1959
- Шеваиҷ а н у б и и забони тоҷикӣ, Ҷ.1 /Фонетика ва лексика/. Душанбе: «Дониш», 1980

Ш м е л ё в Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977

Э г а м б е р д и е в Р. МЕХВАРИ СЕМАНТИКАИ ВОХИДХОИ ФРАЗЕОЛОГИЯ (ДАР АСОСИ ВОХИДХОИ ФРАЗЕОЛОГИИ ДИАЛЕКТИ ТОЧИКОНИ САМАРҚАНД). - ДАР КИТ.: МАСЪАЛАХОИ ФИЛОЛОГИЯ ВА РОБИТАИ АДАБИ. САМАРҚАНД, 1979, С.. 100-108

Э д е л ь м а н Д.И. Язгулямский язык. М., 1966

Э д е л ь м а н Д.И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М.: «Наука», 1968

Э ш н и ё з о в М. Шеваи ҳардурӣ. Душанбе: «Ирфон», 1967

Ю с у п о в К. Ўзбек ва тожик тилларининг ўзаро алоқаси (тожик тилинг фарғона шеvasи материаллари асосида). Уч.записки Ферганского госпединститута. Вып.№4. Филологическая серия. Ташкент, 1957

Я б л о н с к а я В. В. Особенности даштиджумского говора таджикского языка. -Уч. зап. Сталинабадского пед. ин-та. Серия филологическая. Т. 4, Сталинабад, 1954

Я г е л л о И. Д. Полный персидско-арабский словарь. Ташкент, 1919

Ғ а ф ф о р о в Р. Синонимҳо ва вазифаи услубии онҳо. «Мактаби советӣ», 1971, №9, С. 38-43

Ғ а ф ф о р о в Р. Ташкили аъзоҳои ҷумла бо пасоянди -ро-. «Мактаби советӣ», №8, 1973

Ҳ а л и м о в С. Бо гузашти рӯзгор, -«Маориф ва маданият», 1972, 5 авг.

Ҳ а м р о қ у л о в Х. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун. - Душанбе, 1963

Ҷ а л о л о в О. Ҷ. Гуруҳи шеваҳои тоҷикони райони Ёвон. Душанбе: «Дониш», 1967

Ҷ у р а е в Ғ. Баъзе қайдҳо доир ба шеваи Ворух. «Ахбороти Аф РСС Тоҷикистон. Шӯъбаи фанҳои ҷамъиятӣ». №1(39), Душанбе, 1965, С. 96-106

Ҷ у р а е в Ғ. Доир ба ҷамъбасти экспедицияи шевашиносии водии Фарғона. - «Ахбороти Аф РСС Тоҷикистон. Шӯъбаи фанҳои ҷамъиятӣ». №4/42/, Душанбе, 1965, С. 76-84

Ҷ у р а е в Ғ. Баъзе хусусиятҳои луғавии лаҳҷаҳои арабҳои тоҷикзабон. --Дар кит.: Масъалаҳои шевашиносии тоҷик. Ҷ.1. Душанбе, 1970, С. 121-144

Ҷ у р а е в Ғ. Лаҳҷаҳои арабҳои тоҷикзабон. Дар зери таҳрири аъзо корреспонденти Аф РСС Тоҷикистон Н. А. Маъсумӣ. Душанбе: «Дониш», 1975

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию	3
Введение	5
ФОНЕТИКА	16
Вокализм	16
Качественная характеристика гласных	19
Количественная характеристика гласных	29
Консонантизм	37
Особенности употребления фонем по говорам	38
Фонетические явления	50
Ассимиляция и диссимиляция согласных	56
Метатеза	57
Сокращение слов и словосочетаний	57
Оглушение и озвончение согласных	59
Соответствие у литературному о перед носовыми м, н	60
МОРФОЛОГИЯ	63
Имя существительные и прилагательные	63
Категория числа	63
Выражение неопределенности, определенности и единичности	67
Имя прилагательное	69
Степени сравнения прилагательных	69
Выражение меньшей степени качества	71
Выражение интенсивности качества	72
Словообразование существительных и прилагательных	74
Суффиксальное и префиксально-суффиксальное словообразование существительных и прилагательных	76
Суффиксы, образующие существительные и прилагательные	77
Префиксы, образующие прилагательные	92
Словосложение	93
Числительные	103
Количественные числительные	104
Порядковые числительные	108
Местоимения	108
Личные местоимения	109
Энклитические местоимения	116
Определительное и притяжательно-возвратное местоимение ...	119

Указательные местоимения.....	120
Вопросительные местоимения.....	122
Определительные местоимения.....	127
Неопределенные местоимения.....	129
Отрицательные местоимения.....	131
Глагол.....	133
Глагольные основы.....	133
Первичные глагольные личные окончания.....	135
Глагольная связка.....	138
Глагольная связка и вторичные глагольные окончания.....	139
Префиксы.....	140
Суффикс-ак при формах Зл.ед.ч прошедших времен.....	145
Структура глагольных форм.....	146
Личные (спрягаемые) формы глагола.....	147
Изъявительное наклонение.....	149
Формы перфекта.....	165
Сослагательное наклонение.....	174
Повелительное наклонение.....	179
Предположительное наклонение.....	180
Неличные формы глагола.....	182
Структура глаголов.....	192
Простые глаголы.....	192
Сложные глаголы.....	193
Сложноименные глаголы.....	193
Сложнодепричастные глаголы.....	198
Наречие.....	203
Конверсия.....	209
Разряды наречий.....	210
Наречия образа действия.....	210
Наречия меры и степени.....	211
Наречия времени.....	213
Наречия места.....	215
Степени сравнения.....	216
Предлоги и послелоги.....	217
Первичные предлоги.....	220
Послелоги.....	232
Предложно- послеложные конструкции.....	236
Вторичные (изафетные) отыменные предлоги.....	239
Значение и употребление отыменных предлогов, общих с	

литературным языком.....	242
Изафетные предлоги узкодиалектного характера.....	247
Союзы	255
Частицы	264
Модальные слова.....	280
Междометия	284
Лексика	287
Общие замечания.....	287
Состав лексики южных говоров.....	289
Общетаджикская лексика.....	289
Лексические диалектизмы.....	291
Тематические группы лексики.....	293
Термины и названия, связанные с жилищем.....	294
Названия предметов домашнего обихода.....	302
Названия блюд и пищевых продуктов.....	312
Лексика, связанная с занятиями сельским хозяйством.....	317
Названия сельскохозяйственных орудий.....	318
Названия деревьев (плодовых и декоративных).....	321
Названия зерновых культур, трав и кустарников.....	326
Термины родства и свойства.....	327
Семантические разряды лексики.....	334
Синонимы.....	334
Омонимы.....	340
Антонимы.....	343
Южноговорная лексика по происхождению Исконно иранская основа южноговорной лексики.....	344
Слова, общие с памирскими языками.....	348
Заемствованные слова.....	350
Арабские заимствования.....	352
Заимствования из тюркских языков.....	354
Заимствования из русского языка	355
Условные сокращения для обозначения диалектов.....	358
Литература.....	359

Сдано в печать 19.02.2013. Разрешено к печати 28.02.2013.

Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Заказ № 16. Тираж 200 экз.

*Издательство "Дониш" №734029,
г. Душанбе, ул. С.Айни, 121, корп. 2*

